

Казакевич Максим

Двое из будущего.

1904-...

Четвертая книга из цикла "Двое из будущего"

Казакевич Максим Валерьевич

Двое из будущего. 1904-...

Глава 1

— Василь Иваныч, вас просят..., - прозвучал вкрадчивый голос незнакомого флотского офицера. Вид его был серьезен и даже угрюм, брови сведены к переносице, а воспаленные от долгой бессонницы глаза смотрели на меня с сильным укором.

Я находился в морском госпитале. В широком холле возле запыленного высокого окна я сидел на жестком стуле и ждал приглашения. Меня сюда вызвали..., или даже нет — попросили прийти, и я, бросив все свои дела, немедленно примчался. И вот после часового ожидания был приглашен.

— Как он? — спросил я офицера, поднимаясь со стула. Вместе со мной тут находился и мой помощник Мурзин и знаменитый художник Верещагин. Они тоже поднялись со своих мест, вопросительно посмотрели на офицера.

— Не стану скрывать — плохо, — с тяжелым выдохом признался тот, — распорядился, чтобы после вас я позвал священника.

Верещагин охнул, перекрестился. Рванул было в палату, но его остановили:

— Извините, Василий Васильевич, но вам нельзя. Сожалею.

И художник сдулся, вернулся на свое место и повесил голову. И, кажется, беззвучно заплакал.

— Пройдемте, Василий Иванович, пройдемте, — поторопил меня офицер.

И я с тяжелым сердцем вошел в больничную палату.

Макаров, если не считать пары медсестер, в палате находился один. Он был бледен, или даже, скорее, сер лицом — последствия обильной кровопотери. Чудо что он выжил, чудо, что он принял мой подарок и надел на себя мой спасательный жилет и чудо, что его быстро вытащили из ледяной воды. Но что теперь от этого чуда, когда адмирал получил тяжелейшее ранение обеих ног и одну из них врачам пришлось отнять? Какой он теперь после этого адмирал?

— Вы... — слабо прошептал Степан Осипович, повернув голову, — вы.... Все знали....

Не было нужды отвечать на этот вопрос, потому я и не ответил. Присел рядом с ним на табурет, всмотрелся в осунувшееся лицо. Адмирал был слаб и едва дышал. Простая речь давалась ему с трудом, и он то и дело закатывал глаза, грозя уйти в бессознательное состояние, из которого уже мог и не выйти. Медсестры рядом ловили такие моменты, вовремя подсовывали нюхательную соль.

Вот и сейчас, после фразы силы снова покинули его, и он стал падать в забытье, но сестрички подсустились и вернули адмирала на этот свет. Он судорожно вздохнул и пришел в себя.

— Вы..., - снова сказал он, вперив в меня свой взгляд. — Откуда?

Я вздохнул:

— Разве это имеет сейчас какое-либо значение? Главное вы живы.

Он попытался улыбнуться.

— Я послал за священником..., чтобы он причастил... меня перед смертью. Разница невелика.... Лучше было бы утонуть... вместе с кораблем, нежели так... мучиться.

Эта фраза далась ему тяжело и говорил он ее долго. Но я не торопил и он, произнеся ее, снова замолчал и прикрыл глаза. И тут же руки медсестры поднесли вонючий коробок. Адмирал дернулся и застонал он потревоженных ран.

Два дня назад, тридцать первого марта корабль, на котором находился адмирал Макаров, подорвался, как ему и было предназначено, на mine. Самым ранним утром он, едва получив доклад об обнаруженных вблизи Артура кораблях японцев, распорядился немедленно выводить эскадру и сам взошел на борт броненосца «Петропавловск». И выстроив свои корабли в карусель, принялся обстреливать неприятеля из всех стволов. А отстрелявшись, повел корабли в гавань. И в этот момент броненосец напоролся на мину, сдетонировал боезапас и развороченный корабль стремительно затонул. Стальной осколок разбил адмиралу левую ногу чуть ниже колена, так что икроножная мышца развалилась на части, и сильно повредил правую. Чудом тяжелораненый адмирал выполз на палубу сквозь обломки обшивки и полыхающий огонь и смог удержаться на воде только благодаря моему жилету. Подоспевшая команда спасателей вытащила его одним из первых и, перетянув разбитые конечности ремнями, спешно отправила своего командира на берег. Кстати, Великий Князь Кирилл Владимирович, что в момент взрыва находился рядом с Макаровым получил этим же самым осколком сильный удар по ногам и глубокую царапину на ляжке под самым что ни на есть царским «кончиком». Счастливое ранение, ничего не скажешь. И теперь этот потомок царских кровей, чьи подвиги до этого момента измерялись лишь количеством опустошенных бутылок с вином, являл собою гордость двора Романовых. Сегодня он получил телеграмму из Питера, где ему предписывалось немедленно вернуться в столицу. Там сильно испугались за его жизнь. И Князь сейчас степенно собирался, всем вокруг в красках рассказывая пережитый ужас. Надо полагать по приезду в Питер его наградят, облобызают и наденут венец героя, не иначе.

Макаров отдышался от стрельнувшей в культе боли и снова сказал:

— Японцы, думаю, меня поймали.... Ловушка....

— Как же так, Степан Осипович?

— Моя вина, поторопился.... Протралить не удосужился. Хотел....

Он снова замолчал. Да и что было говорить? Его судьба давно была предсказана и не будь меня в Артуре, лежал бы сейчас адмирал не на больничной кровати с ампутированной ногой, а на дне морском. Да и он это понимал, да только не спешил благодарить меня, а как раз наоборот — осуждал. Макаров предпочел бы уйти вместе с «Петропавловском». В наступившей тишине вдруг стали слышны далекие выстрелы и почти сразу же жуткий вой снарядов, что пролетали, казалось, прямо над крышей госпиталя. Макаров вслушался:

— Осмелел японец, перекидной огонь ведет. Радуются, собаки.

Раздались далекие взрывы и приглушенная волна содрогнула окна.

— Наши корабли хотят уничтожить....

— Да, через Ляотешань стреляют, — подтвердил я.

А следом за этим и наши корабли дали залп в ответ, да и спешно возведенная батарея на сопках Ляотешаня уже не молчала, а ожесточенно била в ответ. И японцы, узрев новую угрозу, перевела огонь на новую цель. Теперь звуки взрывов приходили совсем уж приглушенные и почти не тревожили.

— Алексеев сегодня у меня был, — вдруг признался адмирал с кривой усмешкой, — уговаривал не умирать...

— Он сегодня ранним утром приехал и сразу к вам, — кивнул я и вздохнул. — Говорят, что был весьма взволнован.

Макарова снова стали покидать силы и медсестры вовремя заметив это, снова привели его в чувство. Он открыл глаза, отстранился от резкого запаха и, посмотрев на женщин, устало попросил:

— Оставьте нас.

Те покорно вышли, лишь наказали мне следить за самочувствием адмирала. И когда мы остались одни, Макаров вдруг без запинки сказал:

— Если бы я знал, я бы все равно вышел в море. Понимаете? Вы бы все равно ничего не сделали. Ничего, Василий Иванович. Не вините себя.

— Да, знаю, — согласно склонил я голову, — я сделал все, что было в моих силах. Хорошо, что вы надели мой спасательный жилет.

Он вяло усмехнулся:

— Я в нем выглядел глупо. Великий Князь за моей спиной потешался.

— Да и хрен на Великого Князя, — жестко ответил я. — Тот и без жилета выплыл. Говно не тонет.

Мы были одни в палате, никто нас не слышал, и потому фраза нашла живой отклик в моем собеседнике, и он даже улыбнулся. Но спустя секунду адмирал погасил свою вымученную улыбку и попросил:

— Не стоит бросать такие слова, могут услышать.

Я пожал плечами. Да, бросаться такими словами, действительно, не стоит, даже если ты находишься один в комнате. Но «подвиги» Великого Князя за тот месяц, что он провел в Артуре, не добавляли тому авторитета. Пить с утра до вечера и кутить в ресторанах большого мужества не требовало. Князь, находясь в непосредственном подчинении у Макарова, относился к своим обязанностям спустя рукава. И адмирал ничего не мог поделаться с родовитым отпрыском. Мог лишь писать жалобы в Питер, да самому наместнику, но до такого адмирал опускаться не стал и потому терпел носителя благородной фамилии.

Мы помолчали с минуту, думая каждый о своем. Макаров отдыхал от разговора, набирался сил. В обмороки падать он не собирался. Наконец, он сказал:

— Вы меня спасли, но чувствую, что я все-таки скоро умру..., - он замолчал надолго, отдышался, а затем продолжил: — Врачи дают мне мало шансов на выздоровление.

Я глубоко вздохнул. Нынешние эскулапы мало что могли сделать для адмирала. Операция, конечно, была проведена со всеми стараниями, но вот от воспалительных процессов в ранах никто гарантии дать не мог. Что я мог сказать Макарову? Ничего! Мне сейчас оставалось лишь ждать и наблюдать.

— Плохо, что врачи не могут вам сделать переливание крови, это бы вам помогло.

— Мне предлагали..., - неожиданно признался Макаров, — но я отказался.

— Почему же?

— Результат непредсказуем..., я читал. Многие умирают.

— Вы же все равно умирать собрались, — удивился я, а потом вдруг меня осенило. Да, это правда, что переливание крови сейчас сродни лотереи «повезет-не повезет», угадают врачи с донором или нет. Но ведь я-то универсальный донор с первой группой крови и с отрицательным резус фактором и кровь мою можно переливать кому угодно. Это я знал еще с армии и даже хотел набить татуировку на груди, но передумал. Так что я мог со стопроцентной вероятностью помочь Макарову.

— Степан Осипович, а вы знаете, я могу вам помочь.

— Как же? Чем вы можете мне помочь? Да и стоит ли, дайте мне спокойно умереть.

— Нет, Степан Осипович, не дам. Я вам не позволю просто так уйти из этого мира. Вам еще предстоит побороться, — твердо ответил я и решительно встал. Вышел из палаты и гаркнул ожидавшим медсестрам: — Врача ко мне! Быстро!

И женщины сорвались с места. Одна убежала искать лечащего врача, а другая ворвалась в палату с твердой решимостью вытаскивать адмирала с того света. Но ее услуги не понадобились. Макаров взирал на влетевшую женщину в полном сознании и с неким удивлением.

Верещагин тоже подумал самое плохое. Соскочил со своего места и просочился-таки в палату. Бухнулся на колени рядом с кроватью, ухватил друга за руки и что-то горячо, но не разборчиво зашептал.

— Да что ты убиваешься, жив я еще, жив! — тихо, но с досадой в голосе ответил Макаров. — Рано убиваешься, священник еще не приходил.

Буквально в ту же секунду в палату влетел врач с красными от усталости глазами, а за ней и позвавшая медсестра.

— Что случилось, что произошло? — резко спросил он, подходя к кровати. — Почему звали?

Я этого врача помнил. Именно он тогда лечил Лизку, спасал ее от страшных ожогов. Но тогда он был в другой больнице, теперь же вдруг оказался в морском госпитале. Он заметил мою персону, коротко кивнул и снова спросил?

— Что случилось, Степан Осипович?

— Не знаю, — простодушно, но уже с какой-то маленькой долей интереса ответил адмирал. И показал взглядом на меня: — А вы у него спросите, он панику поднял.

Что ж, пришлось брать врача под локоток и в сторонке объяснять свою идею. Тот ее выслушал, даже согласно кивнул, но все же спросил:

— Позвольте, но откуда у вас такая уверенность? Переливание крови процесс весьма непредсказуемый.

— Доктор, у меня первая группа крови, если вам это о чем-то говорит. Ее можно переливать кому угодно.

— Откуда вы это знаете?

— Не суть важно откуда, главное, что знаю. Давайте не будем чесать языками, а просто сделаем свое дело, а?

Он нахмурился, обернулся на серого от потери крови адмирала и согласился:

— Ладно, я согласен. Риск, конечно, есть и немалый, но это лучше, чем просто наблюдать. Только надо бы еще согласие Степана Осиповича получить.

— За этим дело не станет. Только оставьте нас на несколько минут, пожалуйста.

Они все снова вышли. И даже Верещагин нехотя ушел. А я, снова присев на табурет напротив кровати, заглянув в настороженные глаза адмирала, поинтересовался:

— Скажите, Степан Осипович, что бы могло вас убедить пойти на переливание крови?

Он устало вздохнул, посмотрел на меня и тихо с запинкой сказал:

— Какой же вы... неугомонный. Дайте мне уже спокойно уйти.

— Нет, не дам. Не дождетесь. Вы у меня еще помучаетесь. Скажу честно — это я дам вам свою кровь, и я вам гарантирую, что она вам подойдет.

— Брехня, никто этого гарантировать не может. Даже сам Боткин.

— Я могу, — заверил я. — Послушайте, Степан Осипович, я хочу вас спасти. Любым способом. Жаль, конечно, что я был не в силах предотвратить трагедию, но я все же кое-чего

добился — вы живы. Не спешите спорить, вы еще не умерли. Близки к этому, но все-таки еще живы. И поверьте мне как должны были поверить ранее — переливание вас поставит на ноги..., - я запнулся, поняв, что сказал неуместное, но видя, что Макаров, горько усмехнувшись, меня не поправил, продолжил: — Я могу поклясться вам чем угодно, я могу ответить перед судом, но я утверждаю, что моя кровь вас точно не убьет. Вас может убить инфекция, что возможно попала в рану, но я вас точно не убью. Поэтому, Степан Осипович, будьте добры, не противьтесь и дайте свое разрешение.

Он молчал. Прикрыл глаза, снова устав и, казалось, на некоторое время заснул. Но затем, очнувшись и тихо стал мне выговаривать:

— Знаете, Василий Иванович, вы очень странный человек, — он облизал сухие губы, попробовал сглотнуть. Я поднес ему чашку с водой и он, с усилием сделав несколько глотков, благодарно повел головой. — М-да.... Вы необычный. Не такой как все. Выскочили как черт из табакерки и принялись изобретать. В кратчайшие сроки заработали состояние, но и не подумали остановиться на достигнутом, а пошли далее. Радио вот ваше сделали..., - он усмехнулся и признался, — а знаете, когда Попов о нем узнал, то сильно запил. Ругал вас сильно, да.... А потом палки вам в колеса пихал, но вы все равно пролезли. Я уже тогда обратил на вас внимание. Потом еще был бал у Императора, где вы со своей синемой поставили британский двор на уши, — Макаров снова устав и замолчал. Опять отпил из чашки и полежал мирно, прикрыв глаза. Соваться к нему с нюхательной солью я не спешил, видел, что тот просто отдыхает. — М-да.... Такие дела. А потом вы приехали в Артур и развернули свою деятельность. Агитировали военных, кричали на каждом углу о войне с японцами, предсказывали. Оружие ваше изобрели..., снова изобрели. Чайку опять же вашу.... Ах да, забыл про Куропаткина. Это же вы ему хотели нос свернуть, да? А за что? Уж не за то ли, что он еще даже ничего не сделал? А еще это ваше предвидение о моей несостоявшейся кончине..., - и он жгуче на меня посмотрел, так, словно и не был он прикован к постели тяжелейшим ранением, а стоял на палубе своего броненосца и отчитывал меня как рядового матроса. — Признавайтесь, кто вы такой? Откуда вы взялись?

Как я мог ему признаться? Что я ему должен был сказать? Да и не поверил бы он мне, принял бы мою отповедь за насмешку и, обидевшись, уж наверняка отказался бы от переливания. Но с другой стороны Макаров сам по себе человек непростой и весьма неординарный. Если уж кто и мог поверить в мой провал во времени, то только подобная ему личность. Я смотрел на него, слегка растерянно, не зная, что ответить, а он требовал от меня отчета, сверлил своим жгучим взглядом. И уйти от этого взгляда было просто нельзя.

— Правда сложна, — наконец выдавил я из себя, — и по правде сказать — утопична.

— Скажите мне ее.

— Да, собственно, говорить-то и нечего. Просто у меня есть небольшое понимание будущего. Вот скажите, вы знакомы с произведениями Герберта Уэльса? — стал я аккуратно подводить его к мысли. Я все же решил рискнуть и рассказать правду насколько это получится.

— С некоторыми.

— «Машина времени» читали?

Он не ответил, поняв куда я клоню. Лишь еще больше всверлил в меня своим взглядом, пытаюсь найти во мне хоть толику насмешки. Но я был серьезен.

— Вы должно быть шутите?

— Шучу, — охотно согласился я. — Но давайте пофантазируем, так, как будто бы это

правда. Допустим, я и мой друг провалились в этот мир из будущего. Как думаете, это могло бы объяснить все те странности, что вы находите во мне?

— Гм, с такой точки зрения, пожалуй, что да, — подумав, принял он подобный вариант. — Тогда бы стала понятна ваша настойчивость.

Он снова закрыл глаза и замер. Потом отвернул от меня голову и пролежал так некоторое время без движения. Я уж подумал, что он опять потерял сознание, но нет, спустя минуту он поднял к лицу руку и, как мне показалось, утер увлажнившееся веко.

— Степан Осипович, — позвал я его, — вы в порядке?

— У меня отрезали ногу, как вы думаете, я в порядке? — измученно ответил он, снова поворачиваясь ко мне. — А скоро возможно и вторую отрежут. Зачем мне жить дальше? Скажите мне, зачем вы меня спасли? Зачем я вам вот такой?! Безногий калека!

— Может, прекратим этот разговор? Я вас утруждаю. И просто позвольте перелить вам кровь?

— Нет, продолжим, — упрямо ответил он, заглядывая мне прямо в глаза. — Мне интересна ваша мысль. Так значит вы из будущего?

— Это всего лишь фантазия, — аккуратно напомнил я.

— Фантазия, которая много чего объясняет.

— Да, она неплохо ложится на все те странности, что вы увидели. И вот предположим, что я из будущего, и я знаю, как будет развиваться история, и я знал(!), — я намеренно выделил это слово, — что вы погибнете, то вам должны стать понятны все мои уговоры относительно вашей персоны. Вот если бы сразу послушались меня, то не лежали бы сейчас на этой кровати, а руководили бы эскадрой и били японца. Но, что произошло, то произошло. Степан Осипович, я должен сказать еще раз. Предположим, что я из будущего и я знаю наверняка, что моя кровь для переливания абсолютно безопасна. И, Степан Осипович, прошу вас довериться, тем более что и выбора у вас на самом деле-то и нет. Вы и так помирать собрались, так чего же вы боитесь? Ну а после процедуры, если вы захотите, мы с вами обстоятельно и поговорим о нашей теории путешествии во времени. Сейчас же прошу вас дать ответ.

Он молчал долго. Прикрыл глаза, отвернулся. Кажется, снова провалился в забытье, и я поспешно зашуршал коробком с нюхательной солью. Но адмирал успел придти в себя и, облизав сухие губы, сказал:

— Хорошо, я согласен.

— Прекрасно, — ответил я довольно и, хлопнув себя по колени, встал с табурета. Заново позвал врача и сообщил ему: — Готовьтесь, пожалуйста, к процедуре. Адмирал дал свое согласие.

Само переливание прошло как-то буднично. К адмиралу подтащили соседнюю кровать и мне приказали на нее лечь, прежде сняв с себя лишнюю одежду. Медсестры принесли стерильные инструменты и врач, сильно переживая за результат, «соединил» нас резиновыми трубками, проходящими через стеклянный сосуд. Своеобразным насосом он стал медленно отбирать у меня кровь, а затем, через десяток-другой качков, впускать ее собранную адмиралу. Затем, повторил еще раз. Вскоре процедура была закончена.

— Как вы себя чувствуете? — спросил меня врач.

— Нормально.

— Голова кружится?

— Нет.

— Хорошо, — он вытащил из моей руки иглу, приложил смоченную спиртом вату.

Я, освободившись от пут, сел на край кровати.

— Все хорошо? — еще раз спросил он меня, наблюдая за моей реакцией.

— Да.

— Замечательно. Вы, Василий Иванович, лучше не вставайте резко. А еще лучше лягте и отдохните.

— Как адмирал?

— Лучше, чем был, — ответил он, — вы оказались правы.

А Макаров значительно порозовел. И даже нос его, нависающий над пышными усами серой горой, приобрел естественный цвет. Да и сам адмирал значительно повеселел, если так можно сказать в его ситуации. Стал более живым. Ну а я заметил, что, попытавшись встать, меня слегка повело в сторону и только руки медсестры удержали мое тело в вертикальном положении. И врач настоятельно рекомендовал мне никуда не торопиться, а отлежаться на кровати с полчаса и набраться сил. Я согласился, попросил лишь сестричек принести мне очень крепкого и сладкого чая и плитку шоколада. Это меня должно было поддержать.

Когда все было исполнено и я, сидя на кровати и подберя под себя ноги, хлебал горячий чай, опять попросил оставить нас с адмиралом наедине. Нам было о чем поговорить.

Когда все ушли, я спросил его:

— Вы как?

— Немного лучше. Но болит все так, что хоть плачь.

— Вам морфий кололи?

— Не раз. Помогает, но ненадолго. А часто его применять нельзя.

— Хорошо, — кивнул я удовлетворенно, отгрызая от плитки шоколада здоровый кусок. Что мне нравится в этом времени безо всяких скидок, так это шоколад. Настоящий, безо всяких добавок. За такой шоколад можно душу продать.

— Вы мне должны кое-что объяснить, — Макаров дождался, когда я схомячу половину плитки.

— Конечно, как же иначе. Давайте фантазировать дальше. Что вы хотите знать? Из какого конкретно я года?

— Мне нужны доказательства!

Я хмыкнул. Посмотрел внимательно на глубокие глаза Макарова и понял, что он наш разговор воспринимает не за фантазию, а за настоящую теорию, которая все объясняет. И потому поудобнее устроившись на кровати, я продолжил:

— Ладно, будем говорить серьезно, как будто все это на самом деле. Но прошу вас, Степан Осипович, держать в голове то, что я буду вам сейчас говорить, не более чем фантастика. Утопия. Хорошо? Итак, доказательства.... Боюсь, что ничем вещественным я вам доказать свой приход из другого времени не смогу. Есть лишь одна штучка у моего друга в Питере, которую он принес из нашего мира, но вряд ли вы ее воспримите как доказательство. Там ничего фантастического нет.

— Что же это такое?

— Обычные часы. Наручные, сделанные в Швейцарии. Безумно дорогие и тончайшего механизма. Таких здесь не могут сделать, но все одно — это не будет являться прямым доказательством. Остальные вещи, что мы сюда могли принести не сохранились.

— Почему же?

— За не надобностью. Были у нас рюкзаки с молниями, но мы их пустили в дело. А одежда... В ней ничего кроме материала едва отличной от местных тканей и не было. Честно признаться, мы с другом в этом мире оказались..., гм, как бы это сказать..., из-за неучтенного фактора. Пришли, чтобы заработать состояние, а уйти обратно не смогли.

— Почему же?

— Проход закрылся. И видимо это случилось из-за того, что своими действиями мы слегка изменили историю, и то будущее, из которого мы пришли, перестало существовать. Ну или пошло параллельно нынешней истории, которую мы с вами пишем. Как-то так.

Он больше не стал меня спрашивать, замолчал, обдумывая услышанное. Верил ли он в мои слова? Не думаю. Макаров сильно сомневался в таком фантастическом варианте, но та уверенность и та стройность мысли, что я ему показывал, заставляла его сильно призадуматься. И вот он лежал, смотрел в потолок невидящим взглядом и размышлял, а я, ожидая его слов, дожирал оставшийся шоколад, прихлебывая его подстывшим чаем.

Неожиданно в дверь постучали. Я разрешил войти и в палату настороженно заглянул Верещагин. Он все так и сидел в коридоре, ожидая встречи со своим другом.

— Заходите, заходите, — бодро сказал я, — наш адмирал чувствует себя уже намного лучше. И, я думаю, помирать уже отказался.

Знаменитый художник просочился в палату, затворил за собой дверь.

— Там священник пришел, — сообщил он.

— Гоните его в шею, он нам без надобности. Мы еще поживем.

— Правда? Вот здорово. Степан, ты как?

— Лучше, Василий, намного лучше, — ответил адмирал, изобразив вымученную улыбку. А затем попросил, — мы тут с Василием Ивановичем беседу ведем, не мог бы ты нас оставить наедине? Мы еще не договорили. Потом, как закончим, мы тебя пригласим.

— Хорошо, не буду вам мешать, — ответил Верещагин и вышел из палаты, осторожно притворив дверь.

Макаров снова повернул голову ко мне. Посмотрел на меня с испытанием и потребовал вдруг признания:

— Мы проиграем войну?

Я пожал плечами.

— В свете моей фантазии и моей истории — да. Сейчас же — не знаю. Мы с другом тут уже много наворотили, так что — не знаю. Вас вот спасли от неминуемой гибели, и теперь только Бог знает, как развернутся дела на море.

Он не ответил мне сразу, подумал. Потом снова спросил:

— А как мы ее проиграли в вашем мире?

— Просто. Просрали оборону Порт-Артур, вы погибли, погибла и эскадра, Куропаткин просрал все свои наземные сражения, а та эскадра, что двинулась к нам на помощь из Петербурга, просрала бой под Цусимой. Это в общих чертах. Мы, кажется, уже говорили об этом при нашей первой встрече.

— А поконкретнее?

— К сожалению, Степан Осипович, я должен признаться к своему стыду — я очень плохо учил историю в школе. Что-то более конкретно сказать я не могу. Лишь какие-то детали.

Он снова задумался. И через минуту спросил:

— В узких кругах ходят слухи, что вы готовили какое-то покушение на господина Куропаткина. Это правда?

Я кивнул.

— Зачем же?

— Хотел заставить его относиться к японцам более уважительно, что ли.... Не пренебрегать их силой. А то это неуместное шапкозакидательство в их сторону очень дорого нам обошлось в моей истории. Японцы по итогам войны получили не только Артур и полуостров, но еще и добрую половину Сахалина. И вроде бы Манчжурию целиком, но это не точно — я не помню. Ах да, КВЖД мы потеряли полностью.

— Значит и Манчжурию потеряли, — резюмировал адмирал.

— Значит — да, — легко согласился я.

— А вы не боитесь?

— Того, что о том, что мы тут с вами нафантазировали узнают другие? — догадался я и, на секунду задумавшись, ответил: — Нет, не особо. Эта версия настолько фантастическая, что в нее не поверит никто, а я буду все отрицать и поднимать говорящего на смех. Правда — я, да и мой друг в этом мире несколько отличаюсь от основной массы людей, этого не скрывать, но тут уж ничего не поделаешь. А с другой стороны — мы удивительные изобретатели, а все изобретатели не от мира сего. Так что нам простительно быть чуть-чуть непохожими на других людей.

— А ваши изобретения?

Я хитро улыбнулся.

— Как вам сказать....

— Столько изобретений и столько новшеств трудно придумать самому.

— Вы правы, это чрезвычайно сложно. Даже гений тут бы сильно попотел, а мы с другом не гении, — подтвердил я догадку Макарова. — Та же самая чайка не плод нашего гения, а, допустим, простое копирование идеи дельтаплана. В будущем мы двинем эту идею дальше и построим самолет, снова опередим мир. Оружие новое сделаем, новую технику. Да много чего. Вот хотите я вам навскидку дам какую-либо идею, которая при умелых руках принесет миллионы рублей золотом?

— Извольте....

— Гм, — я на пару мгновений задумался, а потом выдал: — Например, как вам производство полимерной пленки для вакуумной упаковки? — и с улыбкой видя его непонимание, пояснил: — В недалеком будущем мы или кто-то другой изобретает, например, или полиэтилен или целлофан. Это такой полимер, способный очень сильно вытягиваться и оставаться при этом и прочным и гибким. Он не пропускает ни воду, ни воздух. Его не растворяют никакие растворители. Так вот, используя эту пленку, спаянную со всех сторон словно мешок и откачав из нее воздух, в ней можно будет хранить продукты очень продолжительное время, да и при транспортировке продукты перестанут портиться. Как вы считаете, это способно озолотить?

Много из того что я сейчас сказал, было ему непонятно. Но идею он осмыслил и пришел к тому же выводу.

— И много у вас таких идей?

— Тьма и еще немного. Даже вот из нашего с вами сегодняшнего переливания крови можно взять несколько таких. Например — разделение крови на плазму и на остальные тела. Плазма, кстати, насколько я помню, применяется при переливании, и она абсолютна

нейтральна к группе крови. Но тут я могу соврать, я этого не знаю наверняка, потому как не врач и медицинских институтов не кончал. Но ее можно замораживать и спокойно хранить в тех же самых полимерных пакетах. Чем вам не идея на еще один миллион рублей золотом? И таких идей я могу рассказать вам на вагон и на маленькую тележку. А, кстати, хотите идею, как можно будет в будущем бороться с подводными лодками?

— Ну?

— Да с помощью наших же моточаек! С воздуха прекрасно видны буруны, что оставляют шноркели лодок, да и вблизи поверхности их силуэты будут хорошо заметны, — улыбнулся я и добавил: — А можно искать их с помощью гидроакустики. Конкретно как это сделать я вам не скажу — деталей не знаю, но сама идея такова — вы сможете искать шумы подлодки и по направлению исходящих от нее шумов, определять место где она может быть. Кстати, вот вам еще одна идея — эхолот. С помощью того же звука можно будет определять глубину. Действие тоже довольно просто — скорость распространения звука в воде известна, так что, издав щелчок, вы просто засечете время, через какое он вернется, отразившись от дна. Ну а дальше простая математика. Но тут есть сложность — необходимо развивать электронику..., гм, электрику. Сомневаюсь, что человеческие уши будут способны услышать подводное эхо.

Макаров посмотрел на меня долго и внимательно. Видимо искал в моем виде что-то такое, что разоблачит меня. Но нет, я, высказавшись, с легкой улыбкой сидел на кровати и неспешно тянул остывший сладкий чай. Наконец он, сделав над собою невероятное усилие, приподнялся, оперся на локоть и строго спросил:

— Из какого вы года?

Все, шутки в сторону. Весь наш разговор, якобы фантазийный, приобрел настоящую серьезность. Он поверил.

— Из две тысячи тринадцатого.

— Вы не врете, — утвердительно ответил он. — Вы на самом деле другой человек, не отсюда. Но зачем вы мне это рассказали?!

Вот тут и я стер с лица легкомысленную улыбку и грустно ответил:

— Не знаю, захотелось вдруг поделиться. Знаете, мне очень сильно не хватает моего мира, и по многим вещам оттуда я скучаю. Многого оттуда мне здесь не хватает. Господи, если бы вы знали, с какой легкостью в моем времени я бы мог сейчас поговорить со своей женой, что сейчас находится в Питере, вы бы меня поняли. Вас я спас, Верещагина тоже и надеюсь, что хоть в вашем лице я найду человека, перед которым я не должен буду скрывать свое прошлое.

— А если я расскажу?

— Да кто же вам поверит? Даже Василий Васильевич будет очень сильно сомневаться такой правде, а он ваш друг. Нет, Степан Осипович, я ведь не зря с самого начала стал говорить, что это фантазия, пускай она такой и остается для остальных людей. А вообще, хорошо, что вы мне поверили — вы не представляете насколько мне будет проще.

— Проще что?

— Проще общаться с вами. Война с японцами у нас будет тяжелая и после нее вера в нашего царя у народа сильно пошатнется. Примерно через год царь расстреляет людей, что придут к нему жаловаться на невыносимые условия и вот после этого момента по стране прокатится пожар революции. Власти его будут гасить очень долго и очень много крови прольется....

Я посмотрел на адмирала очень внимательно. Тот меня слушал, запоминал сказанное. Не смотря на проведенное переливание крови, он все же был еще очень слаб и боли в конечностях его донимали. Но он терпел и держался лишь на одной силе воли. Я с ним в палате уже около часа и изрядно его измучил. Поэтому я решил прекратить с ним беседу:

— Ладно, Степан Осипович, предлагаю на сегодня закончить. Я вам много чего рассказал и у вас будет информация к размышлению. Вам и так сейчас нелегко.

— Ничего, я потерплю, — попытался он меня осадить.

— Нет, нет, — я встал с кровати. Не смотря на пришедшую вялость после переливания, голова вроде не кружилась. — Я к вам еще приду, и мы продолжим разговор. А пока вам следует набираться сил. Да и Верещагин там ждет долго, переживает. Вам еще с ним надо бы поговорить....

Он согласно качнул головой — у него появилась новая тема для беседы со своим старым другом.

Через несколько дней после моего визита к Макарову ко мне пришли мои архары и, довольно потирая руки, сообщили:

— Все, Василь Иваныч, ваша запасная дача готова! Можно заселяться.

— Давно пора, — ответил я и на мотоцикле поехал принимать работу. Последние две недели я там не был и не знал, что они там натворили. Сруб был давно поставлен, крыша возведена, кое-какая внутренняя отделка тоже проведена и только печь, самая главная вещь в любом доме тормозила наш переезд. То погода сначала не позволяла класть перемерзшую глину вместо раствора, то сам кирпич по каким-то неведомым причинам вдруг стало трудно приобрести, то еще какая-то ерунда. Но потом все нормализовалось и Петро с Данилом завершили постройку и теперь можно было организовывать переезд в безопасное место. А там и вправду было безопасно. С западной стороны от дачи на холме находилась батарея номер восемнадцать, с северной нависал Драконовый хребет, упирающийся прямо в море, с запада была дорога, идущая в Старый город меж этих двух возвышенностей, а с юга, собственно само море, куда имелся превосходный спуск с неплохим галечным пляжем. И именно поэтому, из-за этого спуска к морю и всегда свежему воздуху, офицеры и приобрели здесь участки под свои летние дачи. Сейчас здесь пусто, домики закрыты, а ставни заколочены. И наш домик здесь будет единственным обитаемым. И даже вездесущие собаки здесь не бегали.

Мои парни сделали даже кое-какой забор и ворота с калиткой. Хозяйственных построек пока что во дворе не было, лишь один сортир, словно восковая свечка торчал на всеобщее обозрение. Дом был небольшой, гораздо меньше того, в котором мы сейчас проживаем. Две комнатки, одна, значит, моя, другая для парней. Лизе комнаты не оставалось и, похоже, ей придется ночевать на лавке возле печи. Или же с парнями в одной комнате, но вряд ли она на это согласится.

— Ну, что ж, хоть и тесно, зато безопасно, — резюмировал я, расстегивая пальто. В доме уже было натоплено, а печь, испуская в трубу последние дымки, источала прямо-таки адское пекло. Я прикоснулся ладонью к неоштукатуренному кирпичу и, обжегшись, одернул руку.

— Не бойтесь, Василь Иваныч, не сгорим. Это мы так проверяли, — заверили меня парни. — Потом когда на улице теплее станет, мы ее оштукатурим и побелим.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул я. — Значит можно переезжать.

Парни переглянулись и довольно хлопнули в ладоши. Им тоже до чертиков надоело слышать, как над головой летают снаряды и каждую секунду гадать, куда прилетит шальной подарок — соседу ли, или же нам. В тот день, когда я беседовал в госпитале с Макаровым, один такой упал к какой-то сотне метров от нашего дома, чем до смерти напугал Лизку.

В тот же день они организовали переезд. Лизка же, получив разрешение, сбежала на новую хату, прихватив с собою лишь сковороду и кое-какие продукты. Ну а я пока вернулся на старое место, собирать свои вещички. И вот за этим занятием, когда я раскладывал по папкам различные бумаги, меня и застал Андрей Прохорович, тот самый переводчик, что катался со мною в Америку. Зашел в дом со стуком, встал в дверном проеме и, разглядев мою согбенную спину, сказал:

— Здравствуй, Василь Иваныч. Что, тоже сбегаешь?

Я разогнулся.

— О-о, а я уж думал ты не придешь. Как по приезду в Дальний мы неожиданно расстались, так больше и не встречались! Куда исчез-то?!

— Да, дела тут сворачивал, — ответил он, проходя в комнату.

Мы пожали руки.

— Куда пропал-то? — повторил я вопрос. — У меня ящик твоих сигар так до сих пор и стоит. Уж думал, что самому скуривать придется.

— Да, за ним я и пришел. А еще оплату за работу получить.

— Конечно.

Прохорыч выглядел несколько уставшим. Как сказал потом, он приехал в Артур на поезде и первым же делом пошел ко мне. Я с ним честно расплатился, отдал ему ящик сигар и, пригласив в ресторан, потребовал разговора.

— Ну, говори, куда сбегал?

— Да, понимаешь, какое дело, — начал он объяснять, дожидаясь заказа. — Опять вот переезжаю. Как война началась, так и пропала торговля.

— Куда на этот раз?

— Теперь в столицу. Опять торговать буду, английские колониальные товары возить. Связи в Лондоне есть, так что это дело я легко освою. Эх, Василь Иваныч, не вовремя эта заварушка с японцем приключилась, на месяцок бы попозже. Я бы тогда и дом продать бы смог и вообще. А сейчас бросаю все, только лишь вещи, да непроданный товар вывожу.

— Сразу в Питер перевозишь?

— Нет, переваливаюсь через Верхнеудинск. Там меня жена с детьми дожидаются, там же и вещи все. Как к ним вернусь, так и выдвинемся. Эх, натворил делов японец, не разгрести. В Харбине говорят, на Куропаткина шпион японский напал. Да только его остановили вовремя.

— Гм, не слышал тут ничего такого. А что и вправду напал или так — враки?

— Говорят вправду, да только сам знаешь, как люди любят языком чесать. Там может и не это японец был, а маньчжур, и не напал, а пьяный рядом упал, да не рядом с Куропаткиным, а с каким-нибудь занюханым офицеришкой. Да и вообще, — он недовольно отмахнулся, — не хочу об этом говорить. Тут в народе слухи ходят, что он всю войну японцам проиграет, и никто ему не доверяет. А он с этого злится.

— Отчего же так?

Он неопределенно пожал плечами:

— Слухи....

А я внутренне усмехнулся. Неужели моя болтовня пошла в народ?

— А ты что думаешь?

— А мне некогда думать. Мне надобно свое забрать, да в Верхнеудинск снова бежать. Некогда мне. Поезд у меня завтра, а вот переночевать здесь негде.

— Что ж, тогда оставайся у меня. Все равно я в другой дом переезжаю, а этот, стало быть, пустым оставляю.

— Славно, — ободрился Прохорыч.

— Слушай, а что насчет, чтобы поработать в Питере на меня? — спросил я его. — Что ты надумал по этому поводу?

Он как-то неопределенно склонил голову, скривил рот. Но не ответил. И я расшифровал его пантомиму по-своему:

— Не хочешь?

— Не в том дело, Иваныч. Я ж купец, не фабрикант. Что и где подешевше купить, а потом это же продать да за дорого, это я понимаю. А вот как производство наладить, да потом придумывать что-то новое — вот этого я не понимаю. Чайки твои — в газетах пишут, что энтузиазмы с охотой принялись строить их по твоим картинкам, да в небо сигать с каждой крыши. Что ж, дело это нехитрое и совсем не сложное. Тут я бы справился. Но вот сделаю я таких дюжину, продам, получу прибыль, часть отдам тебе. А дальше? Что дальше делать? Я же в этой ерунде ни в зуб ногой! И меня на первом же повороте и обскачут и сделают лучше, чем я. Вот тут-то я в лужу и сяду и стану терпеть убытки. Нет, Иваныч, не для меня это, не мое. Я купец, не фабрикант.

Он был в какой-то степени прав. Действительно, люди увлеченные очень быстро сделают копию нашей чайки, а в скором времени и значительно ее улучшат. Энтузиазмы всегда славились своей неумемной энергией. Но мне на это дело смотрелось по-другому, и потому я ему сказал:

— У нас очень сильная юридическая служба, и очень сильно налажено патентование изобретений. Моя чайка в Питере сейчас уже наверняка получила документы на привилегии, а следом за Питером патентование пройдет и в остальном мире. Энтузиасты — шут с ними. Ну, сделают пару планеров для себя, да продадут еще парочку — они погоды нам не сделают и на них внимания можно не обращать. Тех, кто понаглее и надумает серьезно нажиться на нашем изобретении — моментом осадят мои юристы. А они у меня словно волки, вцепятся в глотку — не отпустят. Да и тебе в основном я предлагаю не строить, а торговать, то есть продвигать наш продукт, — я многозначительно поднял палец, а затем с хитрецей продолжил: — Хотя помнится, ты мне ранее говорил, что просто за торговлю отвечать не хочешь. А хочешь быть генеральным директором.

— Я тоже это помню. И еще я тогда тебе сказал, что не желаю заниматься воздухоплавательными аппаратами.

— А автомобилями? Например, наладить производство и продажу наших машин в Штатах?

— В Америке? — удивился он. — А почему там?

— Там рынок больше и возможностей тоже. Денег мы на производство выделим, дадим толковых людей, инженеров, будем давать проекты, предоставлять комплектующие. Есть интересная задумка, как сделать так, чтобы и производство выдавать на гора и себестоимость сделать низкую. Ты, нам в Америке пригодился бы как нельзя кстати, с твоим-то знанием языка и деловой хваткой. Жалование положим хорошее.

— И сколько же? — прищутив глаз посмотрел на меня он.

— Хорошее, — уклончиво ответил я. — Не будешь жаловаться. Но должен сказать тебе, что и требования к тебе как к директору будут высокие. Понятно, что ты не привык подчиняться и делаешь все сам, но не торопись отказываться, есть еще кое-что.

— Так-так, — догадался он, — неужели мои капиталы тебе захотелось к себе прибрать?

— Нет, не к себе, — мотнул я несогласно головой, — а предлагаю тебе приобрести паи. То бишь стать совладельцем автомобильного производства. Сам понимаешь, какие это перспективы, не чета твоим нынешним сбережениям. Кстати, если ты не знал.... Мы тут в Америке на самом взлете приобрели кое-какой пакет акций у господина Жиллета. Приобрели за не очень большие деньги, тот в них сильно нуждался и вот теперь, спустя почти два года он «вдруг» поднялся и разбогател. А все почему? А все потому, что станки

его бритвенные неожиданно оказались очень многим нужны. Не скрою, мы своей рекламой очень сильно ему помогли, не без этого. Но результат-то каков!

— Каков?

— Жиллет разбогател до такой степени, что хоромы себе трехэтажные стал возводить, а под фабрику строит новые корпуса. Ну а так как и мы владеем в его фирме почти пятьюдесятью процентами акций, то у и нас доходы, соответственно, не меньше. Можно сказать — озолотились мы на нем. Америка до безумия богатый рынок и дальше ее богатство будет только нарастать. Так что если и строить автомобили, то только в Америке. Она все проглотит.

Нам в ресторане подносили кушанье. Мы его лениво ковыряли и беседовали. Андрей Прохорович замолчал, обдумывая услышанное, откинулся на мягкую спинку стула. Я его не торопил, а вонзив в кусок мяса вилку, терзал его ножом. Говядина что-то оказалась слишком жесткой, совсем не по-ресторанному. Война, что тут скажешь, с продовольствием стало происходить что-то непонятное. Вроде бы нас еще не отрезали по суше, а цены на рынке уже выросли на треть и качество сильно упало. Мне-то с моими капиталами на это наплевать, а вот людям простым было уже сложновато.

В тот день мы ни к какому соглашению не пришли. Прохорыч попросил время на обдумывание, я согласился. Лишь убедительно просил по приезду в столицу встретиться с Козинцевым. Уж тот-то ценный кадр не должен был упустить и если уж не уговорит стать директором автозавода, то, по крайней мере, попробует наложить лапу на его капиталы. Уговорит его вложиться в наши проекты.

На улице мы извозчика брать не стали, а пошли до дома пошли пешком. Путь не такой уж чтобы далекий, а погода располагала, так что, почему бы и нет? Ну и поговорили заодно про жизнь, про его убытки в связи с войной. Да, приехав в Дальний после нашей поездки в Америку, он так и не смог продать свои помещения и потому ему пришлось их бросать. Товар весь вывез, но кое-что, чтобы не тащить с собою на другой конец страны пришлось продавать с большой скидкой. Так за месяц он завершил свою торговлю в Желтороссии и организовал переезд семьи и всего скарба до Верхнеудинска. А временно устроив их там, сам рванул сюда. Сказал, что из-за всей это передраги он потерпел убытков почти на пятнадцать тысяч, что не добавляло ему удовольствия.

Пока шли по набережной и болтали, грея спины под высоким солнцем, слышали как со стороны Ляотешаня что-то сильно бахнуло. Прохорыч обеспокоенно завертел головой, стал прислушиваться к вою снарядов. Но в небе было тихо.

— Это не похоже на японцев, — сказал я, подумав.

— А что же тогда?

— Не знаю. Может с батареи пристрелочный сделали или еще что. Но точно не японцы, так что можно не бояться.

И он успокоился, и мы пошли дальше. Как я и обещал, на ночевку устроил его в опустевшем дома, положив в комнату, где ранее обитали Петро с Данилом. Да и сам там же заночевал. Переться на новый дом у меня уже не было никакого желания.

А на следующий день, после того как проводил своего бывшего переводчика, я узнал, что же это был за бабах вчерашним днем. Оказывается, один из катеров, что ставил напротив Ляотешаня минные заграждения, по какой-то причине подорвался на собственной мине. Лейтенант, командир катера и одиннадцать членов экипажа погибли. Никого спасти не удалось. И опять сухопутные офицеры заговорили, что во всем этом виновата лишь низкая

выучка морских, привыкших за эти года лишь одному — протирать штаны в кабаках.

А через три дня опять новость — еще один корабль наткнулся на собственную мину и затонул. На этот раз это было совершенно гражданское судно, перевозивших наших моряков. Но сам факт! Блин, в такие моменты я понимал резкость Сталина и у меня, как и у него возникало жгучее желание всех расстрелять! Четыре корабля за неполные два месяца войны уничтожены лишь благодаря банальной халатности и неумению! Ну вот как в подобных условиях можно выиграть войну? Порою у меня складывалось впечатление, что японцам особо и стараться-то не придется, наши вояки сделают все сами.

В тот же день, когда я с явным раздражением выслушивал очередную новость, ко мне на склад заявился сам генерал Белый. В сопровождении нескольких офицеров он, прошел внутрь, нашел меня подле своих химиков и, пожав в приветствии руку, сообщил:

— Ну что ж, Василий Иванович, вот и настало ваше время. Пора бы вам обучить нас стрелять из ваших минометов, да продемонстрировать вашу умелую стрельбу.

— Это просто здорово, — сказал я, гася в себе отчаяние, возникшее в связи с трагическими известиями о гибели коммерческого судна. — Честно признаться, я уже устал вас ждать.

После начала войны, после того как я продал военным часть своих запасов, и после того как Белый в отрывую сказал, что приобретет мои минометы и боеприпасы к ним, я не раз ходил в штаб и предлагал генералу свои услуги. Говорил, что для минометных расчетов необходимо хотя бы минимальное обучение. Генерал со мною соглашался, но раз за разом просил обождать — он в те дни решал более насущные вопросы. И вот, похоже, у него выдался свободный денек.

— Хочу вам представить человека, который будет ответствен за новую минометную артиллерию. Подполковник Бржозовский, Николай Александрович. Познакомьтесь.

Из его свиты выделился человек чуть старше сорока лет со слегка полноватым лицом и растительностью на лице на отращенной на манер Атоса, графа де Ла Фер из старого советского фильма. Он протянул мне руку:

— Бржозовский, Николай Александрович, подполковник новой крепостной минометной артиллерии.

Этот человек мне не был ранее знаком, да и лицо его я до этого не встречал. Даже в штабе крепости, куда я иногда заходил, я его ни разу не видел. Но он меня заочно знал, это было несомненно. То, с каким чванством и чувством собственного превосходства он мне протянул руку, говорило о том, что он не считал меня своей ровней. Но мне было «пофиг», дело важнее.

Мы пожали ладони.

— И вот что, Василий Иванович, — продолжил Белый после нашего знакомства, — дело ваше весьма важное. Вы должны будете рассказать подполковнику всю теорию стрельбы из ваших орудий, рассказать о вашем видении тактики применения и обучить персонал безопасной и грамотной стрельбе. Понимаю, что ваше оружие новое и как с ним обращаться, пока нет никакого понимания. Но это не страшно, нам сейчас главное взяться за это дело, а там разберемся. Николай Александрович в артиллерийском деле человек грамотный, так что он быстро поймет что к чему.

И спустя какое-то время генерал Белый ушел, оставив мне подполковника. И мне пришлось с ним знакомиться более основательно. Выяснилось, что Бржозовский до этого

момента заведовал хозяйством крепостной артиллерии и был что-то вроде главного каптенармуса по пушкам, снарядам и прочей атрибутике. Но в связи с тем, что возникла необходимость освоить новое оружие, генерал Белый и выдвинул подполковника на новую еще официально не утвержденную должность. Не знаю, как к подобным переменам отнесся сам Бржозовский, но, если судить по его недовольному виду и бросаемым репликам он был не особо в восторге. Но надо отдать ему должное, в теорию навесной стрельбы он вник со всем своим прилежанием и стал активно развивать новую идею, на карте определяя, откуда можно будет вести безопасную стрельбу по врагу.

Следующим днем он выстроил передо мною три десятка солдат при нескольких офицерах низших чинов. И с того момента я на неделю погрузился в обучение. Сначала теория и наглядная демонстрация и самого оружия с боеприпасами и нового взрывчатого вещества. Для наглядности того, о чем говорю, мне пришлось скрутить с одной мины заглушку, стаявшую на месте взрывателя, и выковырять пару прессованных таблеток тротила. Потом эти таблетки к ужасу Бржозовского я прихлопнул массивным валуном, а затем поднес спичку. Тротил жарко закоптил, поплыл по камню, но не взорвался.

Ну а после теории мы приступили непосредственно к стрельбе. Ушли от крепости на значительное расстояние и, протянув в сторону телефон и отправив туда же наблюдателя с биноклем и картой, приступили к набиванию навыков. Стрельба из миномета, как по мне, дело простое. Есть таблица, есть карта с расстоянием. Выставляй миномет и закидывай по одной, стараясь не воткнуть одну мину в другую. Так я считал и подобным образом я доносил до ушей слушателей. Но Бржозовский, надо опять отдать ему должное, так не думал. Он подошел к этому делу основательно, прописал инструкции, то, как все он это видел и заставил своих подчиненных вызубрить их на зубок. Каждому распределил роли в расчете. И только лишь после этого разрешил приступить к практическим стрельбам.

А самый первый выстрел сделал он сам. Осторожно опустил мину в жерло ствола и та, с шелестом скользнув вниз, выстрелила. Подполковник задрал голову, пытаясь ее рассмотреть, но, не увидев, стал ждать разрыва. Спустя какое-то время его дождался, понял, что сделан недолет, но прежде чем исправлять наводку, дождался отчета наблюдателя.

— Недолет сорок, право десять!

И подполковник, склонившись, ввел поправки. Вторая мина легла почти в цель.

— Недолет десять! Лево десять!

Ну а третью Бржозовский запустил точнехонько в подготовленную мишень и, получив отчет наблюдателя, остался доволен. И после этого отошел от орудия, уступив место подчиненным.

За время обучения первой партии мы потратили около пятидесяти мин и что-то около двух сотен весовых болванок, у которых вместо тротила была насыпка из обычного песка с опилками. Так прошло обучение первой партии минометчиков, следом за ней последовала вторая. Но следующих людей обучал уже не я, а сам подполковник. Он, поблагодарив меня за науку, за новое оружие, вежливо, но вполне настойчиво отстранил меня от этого дела. А я с легкостью отошел в сторону, Бржозовский на самом деле оказался грамотным специалистом и, приняв от меня новые знания, смог с легкостью организовать обучение. Ну а что, разве это было плохо, разве не к этому я стремился? Вот потому-то для порядку понаблюдав за второй партией обучаемых, я спустя какое-то время навсегда оставил подполковника и более в процесс обучения не влезал.

Как-то очередной глубокой ночью во второй половине апреля японцы предприняли массированную атаку на наши корабли и батареи. Первые выстрелы прозвучали около часу ночи. Лизка, напуганная хорошо слышными залпами, соскочила с лавки и спешно натянула на себя платье. Проснулся и я и, поняв, что ночка будет беспокойной, поднялся с кровати.

— Слышали, вы тоже слышали? — встревожено спросила она, когда я зашел хлебнуть воды.

Снова бахнуло одиночным со стороны Электрического утеса. Затем прогремело еще несколько залпов. Снаряды улетели в сторону открытого моря, а оттуда, словно в приступе отчаянной злости, безостановочно ответом забили японские орудия.

Я неспешно оделся и вышел из дома. На небе светила яркая луна и море, слегка беспокойное, накатывало пенным прибоем. Японские корабли хорошо были заметны при такой погоде, несколько десятков их кружило в нескольких километрах от крепости, а залпы их орудий, словно магниевые вспышки, фотографировали море, вырывали из мрака их грозные силуэты.

Отвечали и наши корабли. Со стороны пролива в японцев били орудия нескольких канонерок. Не маневрирую, стоя на якоре, они лупили по врагу со всей возможной яростью. И какой-то крейсер непрерывно ухал пушками, озаряя внешний рейд шарами дымных вспышек. На нашей стороне где-то упали снаряды, взорвались, подняв высокие брызги и волну, но и японцам прилетело. Даже с моего места было видно, как рядом с их кораблями вспухали высокие сталагмиты.

От моего дома японцы были видны как на ладони. Вот они — в прямой видимости. Курсируют туда-сюда в кильватере флагмана, разворачиваются в след, словно послушные утята. И бьют из всех орудий, да так, что после каждого залпа вой летящих снарядов наполнял пространство, заставлял людей искать укрытия. А затем мощные взрывы, содрагающие землю. Даже возле нашего дома каменистая почва заметно вибрировала, что уж говорить от тех, кому эти снаряды предназначались.

Мне сама Золотая гора и Электрический утес видны не были. Лишь вспышки орудий их батарей фотографировали редкие облака, да взрывы японских снарядов поднимали в воздух облака пыли, которые, впрочем, сносились несильным ветром в сторону. Восемнадцатая батарея, что стояла совсем недалеко от нас, тоже была в море, но, в отличие от батарей на Золотой горе, никакого ответа от японца не получала. Для врага эта батарея была менее опасным противником.

Я спустился к самому берегу. Вышли мои архары, молчаливо уставились на беснующиеся вдали корабли. Там уже в кого-то попали и тот, вывалившись из общего строя, уходил в сторону, обильно паря. Видимо снаряды ему повредили или сами котлы, или же паропроводы.

— Сюда стрелять не будут? — с опаской спросил Петро.

— Не должны, — ответил я. — Если только случайно....

На том мои парни и успокоились. Петро через некоторое время убежал домой, но вскоре вернулся, принесся мне бинокль. И я его принял и стал созерцать далекую японскую эскадру. С удовлетворением отметил, что наши снаряды ложатся очень неплохо, фонтаны воды вздымались от их бортов в опасной близости.

Примерно через час бой завершился. Японец отошел на расстояние и его стало плохо видно. Наши батареи замолчали и над морем установилась прямо-таки оглушающая тишина.

— Все? Закончили? — спросил меня Петро.

— Похоже, — пожал я плечами. — Отбили врага.

Мы постояли еще несколько минут, и уже собрались было уходить, как наши батареи вдруг снова ударили и японцы, которые за время затишья подошли ближе, ответили слитным залпом. Похоже, бой разгорался с новой силой.

— Вот что, ребята, — почесав в затылке, сказал я, — а тащите-ка сюда мою киноаппаратуру и монтируйте ее. Чем черт не шутит, может что-нибудь интересное снимем.

И они убежали. Через двадцать минут на самом краю прибоя поставили камеру, зарядили в нее пленку, прокинули кабель до принесенного генератора. Мне операторский стульчик поставить не забыли и я, воссев на него и припав глазом к объективу, стал искать виды. Снимать пока ничего не собирался — японец был слишком далеко от нас, да и света для хорошей съемки было откровенно мало.

Бой шел долго. Я сидел перед камерой еще часа два и уже устал глазеть на стрельбу. И ловить виды в камеру тоже перестал — надоело. Японец так и бил по нам с расстояния, не рискуя подходить. Но тут случилось что-то странное — среди грохота орудий вдруг послышалась пулеметная стрельба и частые ружейные залпы. Казалось, что противник был совсем уж рядом.

Я насторожился. Парни мои тоже встrepенулись и без команды дернули магнето у генератора. Тот утробно затрещал, вырабатывая ток.

И вот буквально в ту же минуту мимо нас, в каких-то двух-трех сотнях метрах пролетел вражеский миноносец. А за ним следом еще один и еще. Шли они быстро, разрезая волну, словно огромные ножи, и палили изо всех орудий. Даже матросы, что находились на палубе и те стреляли из личного оружия. А следом за ними показалось четыре гражданских судна. Они шли заметно тише, отставая от миноносцев, но и с этих судов шла активная ружейная пальба. Похоже, японцы снова предприняли попытку заткнуть внутренний рейд, затопив в фарватере брандеры.

Я включил камеру и мгновенно поймал в объектив подсвеченные прожекторами суда. Наши их тоже заметили, поняли опасность, что они представляют и открыли по ним шквальный огонь. Суда слабо маневрировали, принимали на грудь килограммы горячего свинца пуль и целые пуды снарядов, но и не думали останавливаться, а перли к проходу и перли. Но что-то было не в порядке в их курсе, брандеры промахивались и в свете луны и фейерверках разрывов они слишком поздно это поняли и не смогли отвернуть в сторону. Один из судов наскочил на мель прямо под самым Электрическим утесом, но идущие следом корабли, спешно заложив вправо, избежали подобной участи. Но и им не повезло. Пройдя совсем немного, они врезались в уже притопленные нашими флотскими ребятами корабли, где и нашли свою смерть под свинцом. Японцы на судах, поняв, что их затея провалилась, попрыгали в воду. Кто-то попытался спустить шлюпку и ему это даже удалось, да только ее тут же расстреляли, разметав утлое суденышко в щепки.

— Смотрите, Василь Иваныч, плывет кто-то! — воскликнул Данил, показывая пальцем на пенящийся берег. Я перевел камеру и точно — человек неуверенно греб к земле. Он был совсем близко. Взмахивал руками, едва держась на волне, и с каждой секундой приближался к нам. Наконец совсем скоро он ощутил под собою твердую почву и, выбравшись на берег, обессилено упал. Это был японец и, скорее всего, если судить по мундиру, офицер.

— Еще один, Василь Иваныч, — снова крикнул Данил и показал пальцем в сторону. Там, в море, метрах в тридцати от берега болталось еще одно тело. Живое или нет, пока было непонятно.

А тот офицер, который уже выбрался на землю и лежал обессиленный, от крика Данила вдруг встрепенулся, поднялся на колени и, что-то злобно затараторив, принялся расстегивать что-то у себя на животе. Но замерзшие пальцы не слушались хозяина, и японец все никак не мог совладать с неведомой застежкой. Отчего еще больше ругался, злился и бросал на нас бешенные взгляды. Отсюда мы не могли разглядеть, что же он там расстегивает.

— Да он же пьяный, сука! — понял вдруг Петро, что стоял рядом со мною.

А я все снимал и снимал. Этот японец целиком захватил объектив и поглотил мое внимание. Я припал к глазу камеры и сохранял для истории этого неизвестного офицера.

— А что он там делает, Василь Иваныч?

— Черт его знает, — ответил я, не отрываясь от камеры, — не видно. Может харакири хочет сделать?

— Чего хочет сделать?

— Живот себе распороть. Совершить ритуальное самоубийство.

— Зачем это ему? — удивились мои парни.

— Чтобы в позоре не жить, — пояснил я. — Таковы японские понятия о чести.

— А-а-а, — протянули парни и уже по-новому взглянули на копошащегося офицера. Казалось им даже стало жалко этого человека.

— Данька, — вдруг обратился Петро к своему другу, — ты бы его оттащил от воды подальше. Пьяный же, скотина, ни черта же не чувствует. Заболеет еще, да помрет. Да и ножик у него отбери, не стоит до греха доводить.

И Данил послушно кивнув, двинулся к щуплому японцу. И, наверное, огромный, бандитского вида Данил, с легкостью бы отобрал у копошащегося человека его холодное оружие, да только это человек все-таки совладал с невидимой нам застежкой, что-то вытащил и, громко выругавшись на своем языке, протянул в нашу сторону руку и... выстрелил.

Пуля просвистела где-то в стороне от нас. Петро и Данил среагировали мгновенно — упали на землю и откатились в разные стороны, ища укрытия за камнями. А вот я не сообразил. Какое-то наваждение на меня напало. Через объектив реальность чувствовалась чуть-чуть по-другому и на какую-то секунду я словно бы выпал в другой мир. А картинка в мозгу сложилась так, как будто бы я сейчас смотрел телевизор. Потому и остался сидеть за камерой и в некой эмоциональной прострации продолжал наводить объектив на японского офицера.

Прозвучал второй выстрел, за ним третий. Еще одна пуля пролетела где-то совсем уж высоко и неопасно, а вот третья пуля... Та, да..., просвистела рядом со мною, и именно ее свист и вернул меня в реальность.

И я упал на гальку и, как учили в армии, отполз в сторону, туда, где лежали невысокие камни.

Японец выстрелил еще раз, целя в меня, и промахнулся.

У меня был пистолет, и я имел обыкновение всегда таскать его с собою. Но, как это обычно и бывает, только не в этот раз. Именно в эту ночь я по какой-то причине оставил висеть кожаную кобуру на спинке кровати. Поленился надевать и сейчас, хлопая себя по пустому боку, проклинал свое родное «авось».

У японца, похоже, был безотказный револьвер. Он, сделав еще пару выстрелов, и вхолостую щелкнув курком по стрелянному капсюлю, совершившему круг, вдруг отбросил оружие в сторону и поднялся на ноги. Схватил попавшийся под руки булыжник и с пьяным

воплем кинулся на нас. Да только не смог сделать и десятка шагов, как оказался свален могучим ударом в челюсть. Это Данил постарался, поняв, что противника можно не опасаться, кинулся ему наперерез. И ударил щуплого офицера в скулу, да так, что тот мгновенно ушел в бессознательное состояние.

Я поднялся из-за камней. Данил нависал горой над обездвиженным телом, потирал ушибленный кулак и всматривался в бледное лицо лежащего. Гадал, надо ли нервному японцу добавить.

— Убил? — спросил я его.

— Нет, вроде дышит, холера.

Я подошел. Это был совсем молоденький и щуплый офицер. Из низших чинов, в японском флоте почти такое же бесправное существо, как и простой матрос. Лицо вытянутое, бледное, волосы коротким черным ежиком. На подбородке у него быстро наливалась огромная шишка.

— У тебя же пистолет есть, почему не стрелял? — спросил я Данила. Тот пожал плечами:

— Да как-то все быстро произошло, не успел достать. А потом он весь барабан отстрелял. Ну а когда он на вас с камнем побежал, я уж не думал. Вскочил и как вмазал ему. Честно, думал, что убил. Но нет, живуч оказался, японский гаденыш, — он носком сапога толкнул тело. А потом вдруг вспомнил: — Пойдите, Василь Иваныч, а у вас же у самого есть пистолет. Вы-то почему не стреляли?

Я отмахнулся — не говорить же правду. А потом сказал:

— Ладно, вяжите ему руки, да домой к нам тащите. Завтра флотским отдадим. И поаккуратнее вы там с ним, не ровен час помрет от вашего усердия. А он, как-никак первый пленный у нас получается.

И мои парни аккуратно упаковали этого субчика. Перевернули на живот, заложили руки за спину и его же ремнем, выдернутым из брюк, скрутили. А потом Данил, слегка поднатужившись, взвалил бесчувственное тело на плечо и без особых усилий понес в тепло, туда, где свеженький военнопленный не мог окочуриться от холода.

Ранним утром, едва рассвело, я потребовал от моих парней, чтобы они подготовили мне мотоцикл с коляской. И пока они приводили технику в рабочее состояние, пока Лизка делала мне крепкий бодрящий кофе, я подошел к японцу, что до сих пор так и не пришел в сознание. Он лежал на полу, в углу дома, со связанными за спиной руками. Голова была повернута набок и из уголка рта сочилась тугая, смешанная с кровью слюна. А скула, в которую пришелся сокрушающий удар, опухла и приобрела синий оттенок.

Японец, похоже, просто уже спал. Храпел себе тихонько, иногда постанывал. И не смотря на неудобства, все-таки не просыпался. Да, и он до сих пор лежал в своем промокшем до нитки мундире. Мои парни с ним особо не церемонились — когда бросили его в угол, кинули лишь сверху овечью доху, да подсунули под голову какие-то тряпки.

Со двора зашел Петро:

— Готово, Василь Иваныч. Этого в коляску грузить?

— Сейчас, подожди. Дай кофе попить. А этого разбуди хотя бы для начала.

И Петро приняв команду, подошел к пленному, склонился и легонько ладошкой щелкнул по набухшей скуле. И в ту же секунду японец проснулся и завыл от боли. Присел на задницу, дернул руками, желая прикоснуться к полыхающей огнем челюсти и не смог. И только тогда он заозирался и в глазах появилось ужасающее понимание своего положения. Отчаянно дернулся еще раз, пытаясь освободиться от пут, но не смог. И тогда он просто сел, подобрал под себя ноги, а доху гордым движением плеча скинул со спины. И сверкнул на меня презрительным взглядом.

— Охае годзаимас! — с усмешкой поздоровался я с ним.

Он не ответил. Лишь кончиком языка облизал кристаллики морской соли на губах.

— Лиза, дай ему попить, — попросил я служанку. Японец сейчас очень сильно страдал от жажды. Тут его мучило и жесткое похмелье, и последствия от купания в морской воде.

Лизка послушно налила в железную кружку холодной воды и поднесла ее к губам пленного. Японец сначала не хотел пить, крутил головой, но звонкая затрещина от моей служанки и ее окрик, подействовали на него положительно. И он припал к кружке. Выдул ее за один присест, склонил голову перед Лизкой и отвернулся, показывая всем своим видом, что с презрением относится и ко мне, и ко всей этой ситуации. Японец оказался гордым сыном своих предков.

— Ладно, Петро, грузи его, — разрешил я и мой архар без особых церемоний поднял за шкуру шуплого пленника и потащил на выход. Ну а я не торопясь допил ароматный кофе и прикрыл на секунду глаза. Ночка выдалась насыщенной и поспать мне ни капли не удалось. Впрочем, как и всем остальным. Вон и Лизка вроде бы крутится на кухне и уже принялась за какую-то стряпню, а тоже рот не закрывает, зеваает не переставая, да глаза натирает кулаками.

Повез я своего пленника до самого ближайшего мне места — в штаб крепости, туда, где всегда заседал Стессель со своими подчиненными. Я на мотоцикле подъехал ко входу, остановился. Петро за моей спиной ловко соскочил с места и стал помогать японцу выбираться из низкой коляски. Офицеры, что оказалась поблизости и с явным удовольствием смолили папиросы, с удивлением и шутками спросили:

— Как? И вы тоже сегодня ночью отражали нападение? И сколько же кораблей противника вы уничтожили?

— К сожалению, пока ни одного, — с довольной улыбкой ответил я. — Но вот одного засранца таки поймал. Не смотрите, что вид он имеет жалкий, сегодня ночью он меня чуть не убил.

— Да вы что? Ай-ай-ай, как же так? Он же почти на голову ниже вас, Василий Иванович, как же вы так?

— Не смотрите, что ростом не велик. Зато этот боец весьма шустер и храбрость имеет немалую. Вы бы видели, как он на меня сегодня смотрел — не иначе сожрать хотел.

И офицеры засмеялись. Настроение у всех было хорошее, видимо ночное нападение было успешно отбито, да и мы не понесли серьезных потерь.

Петро потащил плененного врага мимо офицеров и те всласть позубоскалили над мокрым и щуплым мужичком. Тот проходил мимо них с поникшей головой и как-то ссутулившись. На ступеньке крыльца споткнулся, чем вызвал взрыв смеха за спиной. И от этого еще больше поник. Утренний боевой запал у японца испарился.

Мне повезло, Стесселя я поймал в самый последний момент. Тот уже выходил из своего кабинета вместе с Белым и отдавал последние распоряжения своему адъютанту. Увидев представленного пред ним японца, он взмахнул руками:

— Боже мой, и вы тоже! Это у нас уже двенадцатый получается!

— Да? Я уж надеялся, что я буду первым в крепости, кто взял противника в плен. Зря, выходит, надеялся, — искренне удивился я, и только затем поздоровался: — Здравствуйте, Ваше Превосходительство. И вам здравствуйте, Ваше Превосходительство, — обратился я к Белому.

Ночка у них тоже выдалась беспокойная, и весь их внешний вид говорил о том, что они очень устали. Глаза у обоих были красные, натертые и генерал Белый с трудом давил в себе глубокие зевки, деликатно прикрываясь ладонью.

— Здравствуйте, здравствуйте. Где же вы его взяли, если не секрет?

— Не секрет, — ответил я. — На пляже выловил возле восемнадцатой батареи. Чуть не убил меня.

— М-да? А на вид — щенок щенком. А что же вы делали там в такое время?

— Живу я теперь там. Решил вот перебраться подальше от бомбардировок.

Генерал Белый покивал с пониманием. Как-никак его дом находился не так чтобы далеко от моего и шанс быть погребенным под случайным снарядом и у него был очень высок. Впрочем, как и у Стесселя, который также проживал на местном аналоге Рублевки.

— Что ж, ваша правда, там должно быть безопасно. Вы, должно быть видели всю заваруху от начала и до конца? Не так ли?

— Да, видел. И кое-что снял на пленку для истории и императора.

— Во как! Да вы у нас, Василий Иванович, повсюду успеваете. И повоевать и поторговать и в плен врага взять, — с усмешкой сказал Стессель и обратил свое внимание на пленного. Тот стоял ссутулившись, понуро повесив голову, ожидая своей участи. Мокрая одежда, которая так и висела на нем, студила тело и японец мелко дрожал, едва ли не выстукивая зубами трещетку: — Так-так, суб-лейтенант первого класса вам попался, Василий Иванович. Невелика птица, но ничего, нам и она сгодится. Значит вот что, — это он обратился уже к своему адъютанту, — пленного переодеть в сухое, накормить, напоить и определить к остальным. Понятно? И водки дайте ему полстакана что ли, а то помрет еще.

Вишь как трясет!

— Будет сделано, Ваше Превосходительство, — отчеканил тот и принял пленного.

Ну а мы втроем вышли на улицу. Здесь господа, со мною попрощавшись, с явным наслаждением закурили. Я так понял — они оба собирались ехать домой, чтобы отоспаться.

В тот же день я узнал, что японцы ночью и вправду пытались завалить фарватер внутреннего рейда брандерами. Отправили десять гражданских судов, но ни один из них, благодаря и бдительности наших вояк, и простой удаче, стоявшей на нашей стороне, своей цели не достиг. Какие-то суда оказались подорваны на минах, какие-то сбились с курса и сели на мель, а какие-то расстреляны. Сам Стессель и Белый во время этих атак находились на Электрическом утесе и помогали нашим морякам отбиваться — с азартом стреляли из мосинок по кораблям. И даже наместник Алексеев под самый конец заварушки поднялся на борт одной из канонерок и одарил нескольких героев наградами.

А когда я вернулся в новый дом, то с удивлением встретил там Мурзина, что прикатил сюда на извозчике со всем своим скарбом. Не дожидаясь меня, он самовольно сгрузился и присел на лавочку. Заложил нога на ногу и нервно, в глубокую затыжку закурил. И странное дело, Данил, что не очень-то любил моего управляющего, недовольных взглядов в его сторону не бросал, а совсем наоборот, присел с ним рядом и так же затынулся.

— Что случилось, Егорыч? Ты чего с вещами?

Он поднялся, поздоровался, протянув жесткую ладонь.

— К черту этот Новый город, — с неудовольствием ответил он и достал из кармана пиджака какую-то тяжелую железку. — Вот, смотри, что мне в окно ночью залетело. Едва не убило.

Это был осколок от снаряда. Увесистая округлая пластина сантиметровой толщины с рваными и острыми краями. Он начал объяснять:

— Лежу я, значит, на кровати, сплю. Слышу, стрельба началась. Вроде как наши бьют, а затем японцы начали. Снаряды на батарею ложились и вроде бы как не страшно. Да только не все они на гору упали, какие-то мимо пролетели, да напрямик в залив и на набережную. Один такой взорвался, а вот эта дура мне в окно. Стекло вдребезги, и он в книжную полку врезался. А она как раз над моею головой была. Потом там еще один снаряд взорвался, сосед сдуру высунулся, а такая же штука ему прямо в грудь и врезалась. Разворотила все в фарш, только ребра торчали. Жена его в слезы. Ну, я ее и ее детишек в охапку, да на задние дворы, да в подвалы. До утра там просидели, а как бомбардировка прекратилась, так я вещички все свои забрал и сюда примчался. Здесь теперь буду жить.

— Понятно, — сочувственно покивал я головой. Конечно же страшно жить под снарядами, сам это прекрасно понимаю. — С парнями поселишься. Сможешь с ними ужиться?

Вместо Мурзина ответил Данил:

— Раз такое дело, Василь Иваныч, то пускай живет. Морду, чай, не начистим, но только если губы красить не будет и педерастов своих водить не станет.

Мой управляющий грустно усмехнулся и резюмировал:

— Как-нибудь уживемся.

— Петро?

А второй мой солдат лишь махнул рукой.

— Что ж, Егорыч, тогда заселяйся. А вы, — я обратился уже к моим архарам, — давайте-ка возводите рядом второй домик и баньку ставьте.

— Для него домик? — кивнул в сторону Мурзина Петро.

— Нет, для себя и Лизки.

Так и зажили мы впятером в небольшой избе. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Я ночевал в собственной небольшой комнате, никого в нее не пускал, парни и Мурзин в другой, а Лизка как и ранее на лавке возле печки. Временные трудности никого не смущали, все прекрасно всё понимали. А архары мои в тот же день взялись за возведение второго небольшого домика и Егорыч им охотно помогал. И хоть до сих пор неприязнь парней к неправильной ориентации моего помощника у парней осталась, но вот наружу явно вырываться уже перестала. И на этой стройке, что шла пару недель, они немного пообтесались, пообтерлись и, как это ни странно звучало, даже как-то сдружились. Не в том плане, что мои архары полностью приняли Егорыча, а в том, что стали вполне терпимо относиться к его присутствию. И видя его честную, безо всяких скидок тяжелую работу, когда он и топором махал и тяжелой пилой распускал бревна, они чуть-чуть его уважали. Самую малость.

На следующие сутки после случившегося обстрела я опять навестил Макарова. Тот в палате лежал по-прежнему один и откровенно страдал от безделья. И потому он моему приходу откровенно обрадовался:

— Ну, наконец-то, Василий Иванович, сколько вас можно ждать! Честное слово, с вашей стороны это было нечестно, так поступить со мною.

— Здравствуйте, Степан Осипович, — приветствовал я адмирала, присаживаясь на жесткий табурет и показывая ему сумку полную угощений — А я вам апельсинов принес и еще всякого разного. Как ваше самочувствие?

— Неплохо, гораздо лучше, чем было. Воспаления доктора сняли, заживление идет хорошо. Нога вот только новая никак отрастать не хочет, а как без нее мне жить я даже не представляю.

— Что ж, понимаю, без ноги не очень комфортно. Но и без нее можно прекрасно жить. Люди без ног в будущем даже бегать будут.

Он усмехнулся и откинул одеяло.

— Смотрите, что у меня осталось — ничего. Мне уже не ходить, а до вашего будущего я, увы, не доживу.

Адмиралу, можно сказать, с ранением «повезло». Оторванная осколком нога, оказалась ампутирована ниже колена, что давало ему вполне неплохо зажить с протезом. Да, он будет сильно хромать, и культя будет болеть до тех пор, пока не огрубеет и не натрется мозоль, но все одно — ходить-то будет можно! А это уже неплохо. Вторая же покалеченная нога хоть и выглядела из-за своих шрамов ужасающе, но вполне работоспособной. Макаров даже стопой весело пошевелил, демонстрируя мне ее состояние.

— Ладно, Степан Осипович, специально для вас «изобрету» какой-нибудь протез, если не хотите с нынешними деревяшками ходить.

— Изобретите уж, будьте так любезны, — ответил он то ли шутя, то ли серьезно. — На кораблях мне уже не ходить, да и эскадрой не командовать, так хоть так.... Кстати, говорят, что на мое место Витгефта пророчат. Вы об этом что-нибудь знаете?

— К сожалению — нет, ничего не знаю. Но тоже слышал подобные слухи.

— Жаль. Витгефт, конечно, человек честный и неутомимый, но какой-то несуразный. Не самый лучший кандидат на должность.

— А кто лучший?

Он пожал плечами и мне не ответил. Вместо этого сказал:

— Вчера ночью я слышал нашу стрельбу. Наместник после этого меня днем навещал и все рассказывал. Говорит, что и вы в этой битве отличились. Вы японца пленили?

— Да, было такое случайное недоразумение.

— Стрелял в вас?

— Да, слава богу, не попал.

— Слава богу..., м-да. Глупо было бы погибнуть вот так, почти на самом вдохе.

— То есть? — не понял я его.

— Вы мне говорили, что стремитесь поменять свою историю. Обидно было бы, попав сюда, так ничего и не сделать, — пояснил он, пристально смотря мне в глаза. И по его взгляду я понял, что Макаров хочет продолжения того разговора, что мы с ним вели в прошлый раз. Он очень уж хотел новых откровений и доказательств.

— Да, обидно. Но на мне свет клином не сошелся. Я не заговоренный и могу погибнуть так же как другие люди.

— К черту, Василий Иванович, давайте не будем ходить вокруг да около. Мы с вами в прошлый раз не до конца поговорили. Давайте-ка продолжим.

— Давайте, — охотно согласился я и, поелозив задницей по не очень удобному табурету, спросил: — Что вас интересует?

А интересовало Макарова многое. У него за время моего отсутствия накопилось много вопросов относительно моей части истории. То, что война будет проиграна, он уже это понял и скрепя сердце принял.... Хотя нет, не принял. То, что я ему рассказывал относительно военных событий, его злило, раздражало, но он, как человек разумный, так же, как и я приходил ко мнению, что сделать тут что-либо ни он ни я не сможем почти ничего. И хоть я подкинул военным свое оружие, подарил им укрепление на Высокой горе, с воздушной разведкой помог, а все равно это была капля в море. И даже Макаров с его положением, с его связями не мог так быстро повернуть колесо истории. Все его усилия просто будут тонуть в болоте уже написанного, но еще не исполненного сценария.

Ладно, поражение в войне он принял.... Но революция пятого года, ее кровавые события и в особенности расстрел рабочих, пришедших требовать от царя справедливости, его сильно поразила. Я не знаю каких именно взглядов придерживался сам Макаров, монархист ли он был, либо склонялся к какой-либо партии, но сам факт того, что Николай, Император, защитник своего народа, свой же народ и будет расстреливать?! Вот это его больше всего поразило.

— Да как так можно? Да зачем он так сделает? Неужто нельзя будет просто поговорить с рабочими? — восклицал он возмущенно.

Я же ему отвечал:

— Я не знаю истинных причин расстрела демонстрации. В моем будущем, когда я учился в школе, было написано, что царь проявил себя малодушно, самоустранился от этой проблемы, возложив ее решение на командующих ротами. Но те учебники, что я читал, были написаны большевиками.... Ах, да, я же вам не сказал.... В семнадцатом году будет вторая революция, а затем еще один переворот, который возглавит Ленин. И Ленин победит и семьдесят лет страной будут править большевики. Так вот, после того как империя большевиков рухнула, про эту историю стали говорить, что в толпе демонстрантов имелись провокаторы и именно они первыми открыли огонь по военным. А те просто им ответили,

таким образом разогнав толпу. Что здесь правда, а что нет, я на самом деле не знаю. Скорее всего, правда здесь обоюдная. Ну а после расстрела по стране прокатилась буза, стали вспыхивать повсеместные стачки и люди стали выходить на улицы. Были вооруженные столкновения. Из того, что я помню, могу лишь сказать, что в Москве будут возводить баррикады на Красной Пресне, а рабочие возьмутся за оружие. И если мне не изменяет память, то ситуация там накалится до такой степени, что военные будут вынуждены применить против рабочих артиллерию.

— А после?

— Революция прокатится по всей стране, и царь будет гасить ее два-три года. Но трон Романовых удержится, если вас это интересует.

— Ну а дальше?

— А дальше царь будет вынужден пойти на уступки. Он создаст государственную думу, куда будут избираться депутаты из народа. Первые две думы царь распустит, третья и четвертая, вроде бы, приживутся. Потом страну будут ждать несколько спокойных лет и люди успокоятся. Ну, и в четырнадцатом году у нас случится война с Германией и с ее союзниками.

— Боже мой? С Германией? С ней-то мы чего не поделим?

— В Сараево какой-то террорист убьет эрцгерцога Франца Фердинанда и после этого закрутится такой клубок событий, что наша страна будет вынуждена выполнить свои союзнические обязательства и вступить в войну. И по злой иронии Британцы будут нашими союзниками.

— Тьфу, в гробу я видел таких союзников! — слишком уж эмоционально воскликнул адмирал и кулаком ударил по краю кровати.

— Да уж, из британцев союзники спорные, они сами себе на уме. Это наш Николай совестливый, а с той стороны будут твари беспринципные. Для них союзники, все равно что временные попутчики, которых и обокрасть не грех. Ведь когда Ленин придет к власти, а Германия падет, то будет подписан Версальский договор, в котором Россия в качестве победителя значиться не будет. Хотя..., знаете, Ленин та еще коврижка гнилая, он сам подпишет с Германией сепаратный мир и отдаст ей почти всю Малороссию. Польша по условиям договора получит независимость, а Финляндия будет Лениным отпущена восвояси. Да и Прибалтика, вроде бы, тоже. После будет гражданская война, в которой погибнут миллионы простых людей, а страна превратится в руины. Люди будут умирать от голода.

— Боже, вы говорите ужасные вещи....

— Это еще не все.... Ленин в двадцать четвертом году подохнет от сифилиса, а после него придет Сталин. Может, слышали о таком? Он же Джугашвили. Нет? Ну, так вот, этот будет похлеще Ленина. Он хоть и восстановит страну из руин, но сделает это на крови народа. Он практически уничтожит крестьянские хозяйства, посадит по тюрьмам да лагерям миллионы людей. Расстреляет тысячи людей, под различными выдуманными предлогами, устроит кровавые репрессии. Потом в сорок первом будет еще одна война с Германией и вот тогда нас практически уничтожат. М-да..., - я замолчал на минуту, задумавшись. Макаров тоже молчал, переваривая информацию. Наконец, я продолжил: — А потом мы в сорок пятом победим немцев, выбьем с континента японцев, американцы сбросят на Японию две атомные бомбы, которые с землей сравняют Хиросиму и Нагасаки, и война закончится. И вроде бы все должно было наладиться, да только в мире начнется холодная война между нами и Америкой. И продлится она почти сорок лет. Не пугайтесь, «холодная война» это

всего лишь термин. На самом деле это было не так страшно — простое противостояние с американцами по всему миру, постоянная гонка вооружений, да войны в других странах, куда обе стороны будут поставлять свое оружие и насаждать идеологию. Но вот эта-то война и подкосит большевиков и в девяносто первом страна опять развалится. В это время я уже жил и прекрасно помню ту деградацию, что постигла страну. И опять люди станут умирать от голода. Ну а потом вроде бы мы как-то выкарабкаемся и более-менее заживем. Ну а в тринадцатом году будущего века я с другом провалился сюда.

— Боже мой, у вас была ужасная история. Такого просто не может быть!

— М-да, — грустно кивнул я, — сейчас, когда я вам это все сказал, я и сам понял, что это был на самом деле настоящий ужас. За две мировые войны, за две революции в семнадцатом году, за время гражданской войны, за два развала страны и за все то, что выпало на долю простого населения, наша страна потеряла около пятидесяти миллионов человек. Это без учета тех людей, что вышли из страны в составе республик и просто эмигрировали. Вы можете себе это представить? Теперь вы меня понимаете, почему я кинулся в Артур помогать нашим военным и почему я так старался вас спасти?

— Понимаю, да только напрасно вы это со мною сделали. От меня теперь все равно нет никакого толка. С должности меня вот-вот сместят, а на мое место поставят Витгефта. Вам теперь с ним работать.

— Напрасно вы так. Согласен, было бы лучше, если б вы остались при своей должности и как следует наподдали японцам на море. Но, что сделано, того не воротишь. Сейчас, когда вы узнали мою историю и, надеюсь, поверили в нее, я хотел бы видеть в вашем лице союзника, который поможет мне избежать грядущих трагедий.

Он рассмеялся, словно от смешной шутки. Затряс всклокоченной бородой в мелком припадке, смахнул с уголка глаза проступившую слезу:

— Господи, Василий Иванович, — спустя минуту проговорил он, широко улыбаясь, — вы сильно преувеличиваете мои возможности в качестве вашего союзника. Я вряд ли смогу вам чем-нибудь помочь, особенно теперь, когда я стал калекой.

— Я так не думаю, Степан Осипович. Вы же сможете повлиять на то, чтобы наши радиостанции стали поголовно устанавливаться на военные корабли? Предполагаю, что сможете, а это значит, что даже этой малостью вы поможете стране в следующей войне. К тому же после революции в следующем году царь пойдет на серьезные уступки и разрешит создавать партии.

— Вы хотите создать партию?

— Да, нам надо будет ее создать. И нам надо будет получить места в думе третьего и четвертого созывов. И ваше лицо в качестве одного из депутатов нашей партии очень бы нам пригодилось. Я говорю сейчас серьезно, и я не шучу. Что вы на это скажете?

Он не ответил сразу, задумался. Подтянулся потом на руках и сел на краю кровати, свесив замотанные покалеченные ноги. Пятерней провел по неухоженной бороде, приглаживая седые волосы, потом хмыкнул:

— М-да, предложение ваше весьма необычно, — он глянул мимо меня, уставился в одну точку. Потом вдруг попросил: — Откройте, пожалуйста, окно. Погода разгулялась, солнышко выглянуло, а я тут сижу взаперти.

Я исполнил его просьбу, подошел к противоположному от его кровати окну и после некоторой борьбы с покрашенными петлями, распахнул его настежь. В палату ворвался чистый и свежий воздух, наполненный соленым ароматом моря. Макаров с блаженством

потянул ноздрями, прикрыл глаза и только после этого, сказал:

— А лозунги у этой вашей партии какие? Что вы будете декларировать? Царя свергать?

— Знаете, если говорить по-честному, то мне все равно кто будет у власти — Николай ли, брат ли его или же сын Алексей, или же Керенский, который возглавит временное правительство после революции в семнадцатом. Мне это на самом деле безразлично. Главная моя цель в том, чтобы как можно скорее завершить предстоящую войну с германцем, не допустить развала страны и предотвратить гражданскую войну. И большевиков ко власти не пустить ни под каким предлогом.

— Вы так не любите большевиков?

— Дело не в любви. Просто при них прольются реки крови, а гражданская война окончательно разрушит страну.

— Тогда почему бы вам сейчас, пока это все не случилось, не разобраться с Лениным? При ваших-то капиталах это будет не сложно сделать.

— Да, это будет не очень сложно. Но, Степан Осипович, не все так просто. Их сейчас трогать нельзя, потому как в этом случае мы настолько изменим историю, что в дальнейшем мы не сможем понять куда разовьется ситуация и все наши прогнозы полетят к черту. Нет, уж лучше убрать их в самый последний момент, когда их приход вдруг станет неизбежным. Да и убью я Ленина, а на его место встанет Троцкий, про которого я почти ничего не знаю. А этот тип настоящий фанатик, он мечтает разжечь революцию по всему миру и не гнушается для достижения своей цели любых, даже самых мерзких методов. Недаром у нас даже во времена Союза ходила присказка — «врет как Троцкий».

Конечно же, я сказал эту присказку не этими литературным словом, а самыми что ни на есть жаргонным матерным. Адмирала это не шокировало — у них во флоте офицеры и не такое себе позволяли. К тому же и он сам, поднявшись с юнги, позволял себе крепкое выражение. Так что моя фраза его не покорила, а как раз наоборот — послужила неким доказательством моей правдивости. И он эту фразу усвоил, сохранил себе в память, и спросил:

— Что такое Союз? Вы только что сказали....

Пришлось мне устраивать тотальный ликбез по моей истории. Краткие определения, вехи, направления, личности и характеры. Макаров оказался благодарным слушателем, не перебивал, в паузах вставлял наводящие вопросы и все тщательно фиксировал на подкорку. То, что я ему наговорил, невозможно было выдумать, это можно было только знать. И эти кирпичики еще более утверждали адмирала в мысли, что я говорил правду. И он, ужасаясь, слушал. Слушал про Первую Мировую, про появление танков и самолетов, про химические атаки и окопные войны. Про миллионы смертей и про спонсирование немцами Ленинской подрывной деятельности. Слушал про революции, про гражданскую войну. Про репрессии и про Вторую Мировую, с ее блицкригами, жертвенной отчаянностью, с концлагерями, с газовыми печами и холокостом. С возмущением слушал про атомные бомбы, что уничтожали целые города. Про полеты в космос, про высадку на Луну, про атомные электростанции.

Говорили мы долго. Солнце ушло с зенита и склонилось к сопкам, желая накрыть город ночью. Несколько раз нас осторожно прерывали, принося адмиралу еду, пару раз я возил его до туалета. И никто к нам не пытался зайти. Стучали иногда, спрашивали, просовывая голову в дверной проем, все ли в порядке и получив утвердительный ответ, скрывались.

Макаров от моих слов чернел лицом, возмущался и злился. То радужное будущее, что

часто рисовали в газетах журналисты, восхваляя научный гений, все больше и больше таяло в его глазах, превращалось в смрадное болото, которое неумолимо тащило страну в самую погибель. И это болото надо было обойти во что бы то ни стало! Любой ценой! И он, слушая меня, слушая мои ужасики, все более и более склонялся к моему видению ситуации, все более и более мне верил. Да и как тут не поверить, когда я так стремился его спасти, пророчил о его подрыве на mine и вот, сказанное мною случилось. Рассказанное мною невозможно выдумать и потому Макаров безоговорочно верил.

— Вы говорили мне, что плохо учились в школе и историю знаете весьма посредственно, — попытался укорить меня Макаров, болтая в воздухе култей. Он курил, пуская дым в воздух, вонял невкусным табаком.

— Да, по истории у меня слабенькая троечка. Я ее никогда не любил.

— Однако ж вы мне тут много чего рассказали. На троечку никак не тянет.

— Понимаете, Степан Осипович, то будущее, в котором я жил, оно..., как бы это правильнее сказать, оно информационно насыщеннее, что ли.... Живя в то время невозможно отстраниться от знаний. Человек там постоянно будет наткаться на них. То фильмы исторические, то заметки в газетах, то споры на телевидении, да в интернете.... Я вам позже расскажу, что это такое. Так вот, я учился на тройку, но вот после школы сидя за телевизором или за компьютером я постоянно наткался на какие-то сведения. И вот они-то у меня чуть-чуть отложились. Знаете, у меня даже документальные фильмы были по истории России в двадцатом веке и кое-какие я из них все-таки посмотрел. Жаль, что не все и не про это время. Но все же.... Так что относительно прошлого моей страны я кое-что все-таки по верхкам хватил. Кстати, хотите забавный факт?

Он кинул на меня взгляд поверх дымящей в углу рта папиросы и сказал:

— Давайте.

— В моем будущем не будет царей. Будут президенты, как сейчас в Америке. И у нашего президента в недалеком будущем в Питере в ресторане Астории будет трудиться поваром его дед. Забавно было бы на него посмотреть. Говорили, что готовит он очень вкусно. А еще он после большевистской революции будет готовить для самого Ленина и Сталина. Вот такой вот забавный факт. Как вы думаете, это можно как-то использовать?

— Простите, конечно, но такого ресторана я в столице не припомню.

Я улыбнулся и ответил:

— Наверное, просто еще не построили. Но он обязательно будет, нам надо лишь запастись терпением. И Астория это не ресторан, это ресторан при гостинице. Вот так.

Я закончил свой визит к Макарову уже после заката. Почти половину дня провел подле него, разговаривая. Когда стемнело, в палату зашел лечащий врач и с укоризной меня отчитал. Пришлось мне с адмиралом попрощаться, но он, прежде чем я ушел, взял с меня слово, что я опять к нему приду. Я обещал.

Но обещанного я не сдержал. На следующее утро пришла та новость, которую все давно ожидали — японцы высадились на Ляодуне, вблизи бухты Кинчань. И эта новость снова всполошила людей и опять, пока работала железная дорога, они побежали. Не так массово, как в прошлые разы, но тоже существенно. И снова выстроилась очередь в банк, но мало кому удалось получить свои деньги. Наличка в банке иссякла еще месяц назад.

Стессель, узнав про высадку японцев, разослал телеграмму, в которой приободрял своих подчиненных и взывал к их долгу. А через пару дней после этого наместник Алексеев

поспешно сбежал, прихватив с собою весь свой штаб и Макарова. А с адмиралом уехал и Верещагин, увозивший с собою охапку свернутых холстов.

Макарова на вокзале я поймал в последний момент. Как узнал, что наместник сбегает, так и помчался к поезду. Перехватил адмирала возле самого вагона, когда его грузную фигуру подсаживали солдатские руки, крикнул через головы:

— Степан Осипович!

Он обернулся, заметил меня. Приказал солдатам:

— Опустите меня, опустите.

И те послушно сняли адмирала со ступенек вагона и, подсунув под руки костыли, отошли на пару шагов. Я приблизился к адмиралу и выпалил:

— Еле успел.

— Да, совершенно неожиданно все случилось. Наместник решил меня с собою забрать. Сам об этом узнал не далее как час назад.

— Не страшно. Это даже хорошо, что вас отсюда увозят. Мне будет спокойнее.

— Честно, — вдруг признался Макаров, — я бы предпочел остаться здесь, а вместо себя отправил бы Витгефта. Да и наш с вами разговор я бы еще продолжил.

— Продолжим, обязательно продолжим. Но только уже после войны. Я, кстати, искал вас, чтобы попросить исполнить мою просьбу.

— Хорошо, что же вы хотите?

— Вот письмо, оно адресовано моему другу, Козинцеву Дмитрию. Если вас не затруднит, когда прибудете в Питер, найдите его и передайте это письмо ему лично в руки. Хорошо?

— Конечно передам, об этом даже не может ни быть никаких разговоров. Адрес указан?

— Да, на конверте написан. Но вы, если что, можете ехать напрямик в наше управление. Найдете его без труда, оно в Автово самое примечательное из зданий. И еще, Степан Осипович, если вас не слишком затруднит, передайте Козинцеву еще и посылку. Она объемная и тяжелая, я пойму, если вы откажитесь и в этом не будет ничего страшного. Я тогда найду другие пути.

— Нет, что вы, я ее обязательно передам. Где она?

Сама посылка лежала в коляске мотоцикла. Сколоченный из досок ящик, внутри проложенный многими слоями воценой бумаги. И грузом этого ящика были все мои отснятые на пленку материалы. Очень ценные материалы, которые Мишка сможет использовать с пользой для нашего дела.

Солдатские руки ловко переместили тяжелый ящик в вагон. Макаров, проводил его взглядом, слегка покачал головой. В окно выглянул удивленный Верещагин, но заметив меня, все понял и принял груз.

— Ну что, Степан Осипович, пора прощаться. В следующий раз увидимся едва ли через год. Вряд ли раньше.

— Да, Василий Иванович, пора. Черт возьми, какую же необычную встречу мне приготовила судьба. И как же жаль так скоро расставаться.

Он протянул мне ладонь. Я ее крепко сграбастал и пожал. Макаров мне нравился. Он был старше меня на добрых два десятка лет и выглядел куда как солиднее меня и гораздо представительнее. Но, не смотря на это, для меня он становился другом. Другом, с которым можно было говорить, не стесняясь и не оглядываясь. И потому мне было жалко его отпускать. Но, тем не менее, сделать это следовало.

Я отпустил его ладонь и он, поправив в подмышке ложе костыля, развернулся и поскакал до вагона. Там его приняли, лихо подняли и уже оттуда, сверху, Макаров махнул мне рукой и крикнул:

— Мы с вами обязательно еще встретимся! Вот увидите! Вы от меня теперь никуда не скроетесь!

Из продажи совсем попало мясо. Его не стало совсем никакого. Даже дохлую курицу стало невозможно купить. Лизка, сходявшая на рынок, вернулась с пустой корзиной и, подойдя ко мне, сказала:

— Плохо совсем стало. Мясо сильно подорожало, да и того купить нельзя. Придется мне вас консервами кормить.

— Что ж, макаронки с тушенкой разве это плохо? — меланхолично заметил я. — А что, даже костей на бульон купить нельзя?

— Нет, пусто на рынке. Все что появляется, разбирают сразу, да и то в рестораны уходят, да господа себе забирают. Как дальше жить будем?

— Проживем как-нибудь. Еды у нас полно, так что с голоду точно не помрем.

— Но ведь нельзя все время сидеть на консервах! — возмущенно воскликнула она, — Нужно ведь свежее мясо! И рыба свежая нужна. Смешно ведь, живем у моря, а рыбы не видим. Где эта рыба, куда она пропала?

М-да, это был вопрос. И если ситуация с мясом была понятна, то вот про рыбу оставалось лишь догадываться. Обычно ее ловом занимались китайцы и они же ее продавали. Они и сейчас ее ловят, но, опасаясь японцев, делают это с оглядкой и потому выходят в море через раз. И из-за этого рыба на рынке вдруг и исчезла. Сами китайцы приезжают сюда из соседних деревень, но делают это редко, чаще всего наскоком и рыбы с собою привозят немного. Так что — беда нынче с продовольствием. И если служивые пока еще вполне себе обеспечены и набивают себе брюхо сытно, то вот простым гражданским лицам такое положение вещей весьма чувствительно стало бить и по карману и по животу.

— Сутки назад военным пригнали восемь сотен голов скота, — с прищуром сказал я, на что Лизка лишь возмущенно взмахнула руками:

— И что? Нам-то от этого какой прок?

— Ну да, ну да.... Только через интендантов, получается, можно будет мясо добывать.

— Сделайте что-нибудь, Василий Иванович! Вы же можете, — вдруг отчаянно запросила Лизка.

— Что же я сделаю? Траулер что ли построю им?

— А постройте, — поддакнула она и только лишь затем спросила: — А что такое траулер?

Про это судно я лишь ляпнул, но вот моя служанка за него зацепилась. Сначала упрасивала меня, а когда я отмахнулся от ее затеи, куда-то вдруг убежала на целый день. Вернулась уже под вечер с чувством выполненного долга. Я в недоумении смотрел на нее, гадал чего же она вся такая загадочная, хитро на меня улыбается, а через пару суток вдруг все понял. Лизка стала распространять про меня слухи, мол, я, изобретатель всего самого интересного на свете, придумал такую штуку, которая сможет накормить все население Артура свежей рыбой. Оставалось дело лишь за малым — эту самую штуку построить. Да вот незадача — я, оказываясь, ленился этим заниматься. Оказавшись в городе я уже от нескольких горожан выслушал их горячие просьбы. А на следующий день еще от нескольких, а потом уж и от простых моряков я услышал обидное: «Чего ж вы кобенитесь, ваше благородие? Помочь не хотите?». Лизке в тот же вечер перепало на орехи, орал я на нее так, что она покраснела, глаза опустила долу, но все равно осталась при своем мнении. Для нее-

то все просто — раз я сказал, что подобное можно сделать, значит сделать это можно и точка. А то, что я понятия не имел как это делается ее не особо волновало. Вот и ходил я теперь по городу, выслушивая просьбы помочь с пропитанием. А когда я людям пытался объяснить, что все не так-то просто, они мне не верили и обвиняли во всех грехах. Мол, не забочусь я о народе и мне лишь бы карманы набить звонкой монетой. Блин, как же быстро люди забывают все то хорошее, что они без особых усилий получают. Ведь привез же я в Артур десятки тонн консервов и что? Кто теперь об этом помнит?

Наступил май. Погода окончательно повернула на тепло и солнце по утрам стало хорошо поджаривать каменный город. Почва прогрелась и народ, в окончательной мере осознав, что находится в полной осаде, выполз на землю. Тут и там стали разбиваться грядки, тут и там застучали по каменистой почве мотыги. Сажали везде, где это было возможно, где позволяла земля. И даже на некоторых батареях, там где начальство пошло на встречу своим солдатам, неожиданно появились небольшие поля. Сажали и капусту, и картошку, и свеклу и лук. В общем, сажали все то, к чему народ привык. И даже на Электрическом утесе, куда время от времени поднимался мой управляющий, оказался разбит небольшой огородец, куда солдаты высадили капусту.

Японец нас окончательно отрезал от материка. С момента их высадки прошла неделя и почти сразу же в городе пропала телеграфная связь. Наши подумали, что ее обрезали японцы и Стессель, желая ее восстановить, отправил людей на разведку. Она вернулась и выяснилось, что к прерванной связи японцы никак не причастны. А постарались в этом наша пограничная стража, которая испортила не только пути железной дороги, отчего поезда встали почти на двое суток, но и само телеграфное сообщение. По какой-то неведомой причине они просто-напросто вырубали на десяток верст столбы с протянутыми проводами и ушли. А китайцы, которые любят подбирать все то, что плохо лежит, растащили ценный строительный материал. И вот после всего того, что я узнал, как я мог относиться к нашим военным? Как у них была налажена связь? Они же друг с другом договориться не могут, не в состоянии скоординировать свои действия! Чувствую, прав был Сталин, наводя в стране жесткие порядки и железную иерархию, ой как прав.

И еще одна новость потрясла меня до глубины души. В город пришла новость, что Куропаткин своим приказом информировал всех, что никто не должен препятствовать высадке японцев на берег! И железную дорогу и телеграфное сообщение восстанавливать никто не должен! Я не понимаю, как так можно? Чем он руководствовался, когда отдавал этот приказ, о чем он думал?

Стессель активно готовился к обороне. Укреплял свою крепость, рубил горы руками солдат и китайцев, перетаскивал с позиции на позицию пушки. Витгефт, который занял место Макарова, выделил часть орудий с кораблей, передав их крепости. И вот наши солдатики и таскали их на своем горбу с сопки на сопку. Тяжелая эта была работа, неблагодарная. Но крайне необходимая.

Китайцы, кстати, ушлые ребята. Перед самым началом войны, получив грозное предупреждение, что всех их в Артуре японцы будут резать, значительная их часть сбежала. Кто-то бросил свои дома, кто-то просто снялся со снимаемой жилплощади. Но прошло какое-то время, народ подуспокоился и понял, что обещанные кары хоть и страшны, да только очень уж далеки. И какая-то часть китайского населения в Артур вернулась. Вернулась за длинным рублем, что здесь стали платить за работу на укреплениях. Они

работали наравне с русскими солдатами, но в отличие от них, получали свою плату наполовину живыми деньгами, наполовину расписками и стабильной площадью риса. Но при этом они четко отслеживали, где находится японец, что он делает и когда настанет необходимость убежать, спасая свою шкуру. Вот так и жила крепость, в тяжелых трудах, бесчисленных заботах и при многих лишениях. Деньги, я уже говорил, в банках закончились, какие-то из служащих уехали, кое-какие только собирались. У простого населения наличка подходила к концу и было непонятно как они в будущем станут кормиться. У военных деньги были, но расплачиваться они предпочитали теми же расписками, что людям совсем не добавляла оптимизма. У меня наличка была, в этом плане мне было намного легче и мне нужно было ее потратить с толком. И лучший вариант из всех возможных это был купить продовольствие на китайской стороне. А на китайскую сторону путь был один — по морю в Чифу, в город где находилось российское посольство. Китайские джонки порою курсировали между Артуром и Чифу, кое-что привозили. Но это была капля в море. И вот с этим предложением я и обратился к Стесселю.

Как всегда, нашел его в своем штабе, где он вместе с Тахателовым, Кондратенко и Белым корпел над картами города Дальний. Дождался, когда адъютант меня пригласит и вошел. Поздоровался со всеми.

— Что вас к нам привело? — после церемониальных обменов любезностями, спросил Стессель. — Опять у вас какие-то интересные идеи?

— На этот раз нет, интересных идей не будет. Я лишь хочу сходить в Чифу и прикупить там продовольствия.

— Продовольствие — это хорошо. Но только почему вы пришли с этим вопросом ко мне? Вам к Витгефту надо, у него лохань выпрашивать.

— К Витгефту я еще схожу, не думаю, что откажет помочь. Тут дело в другом.

— В чем же?

— В деньгах. Ваша крепость купит у меня это продовольствие или нет?

— Купит в любом количестве, — кивнул он. — По ранее установленным расценкам.

— Позвольте, но в связи с тем, что в городе наблюдается острая нехватка обычного продовольствия, а цены на рынке существенно выросли, не будет ли справедливым изменить закупочные цены? Увеличить их хотя бы на треть?

— С какой стати?

— С такой стати, что при подобных ценах мне будет выгоднее продать продовольствие не крепости, а на рынке. Служанка моя на днях жаловалась, что синяя курица сейчас на базаре продается по три рубля, а дюжина яиц по два. Простого мяса днем с огнем не сыскать.

— Ну и что? — удивился Стессель. — Хотите продавать населению, продавайте, не вижу для вас никаких препятствий. А крепость будет у вас закупать по уже установленным ценам.

Было видно, что по этому вопросу с ним не договориться. Да и чуть позже мне сказали, что Стессель на подобное действие ни за что бы не пошел, ведь это как никак растрата казенных средств. То, что людьми воруются и совершаются налево и направо подлоги, это одно, а вот то, что с какого-то непонятного перепугу крепость вдруг станет тратить лишние деньги, которые будут подтверждены документально..., так вот, за это могут и спросить. Так что, с этой стороны меня ждала неудача. Военные согласны были покупать продукты в любых количествах. Острая нехватка предвиделась у них буквально по всем позициям —

гречки было мало, скот, что не так давно пригнали, с каждым днем уменьшался на сорок голов и через месяц-другой солдаты опять подсядут на консервы, мука, что пшеничная, что ржаная, так же имелась в ограниченных количествах. В общем, ушел я от Стесселя ни с чем, но, тем не менее, мое желание прикупить на китайской стороне продукты никуда не ушло. И я, попрощавшись, собрался было уйти из штаба, да только вот почти возле самой двери меня вдруг окликнул Кондратенко.

— Василий Иванович, а скажите, вот вы на Высокой бетон заливали поверх рельс. Зачем вы это делали? С какой целью?

— Чтобы крепче было, — кратко ответил я. — Рельсы, конечно, не самый лучший материал для этого дела, здесь бы более подошел бы прут миллиметров на двенадцать. Но за неимением такового пришлось использовать списанные рельсы, которые бы просто пошли на переплавку.

— Понятно, а на сколько крепче? Откуда вы это взяли?

Я уклончиво пожал плечами и нагло соврал:

— Железобетон уже давно используется. Он прекрасно подходит для силовых конструкций, а уж для бетонированных укреплений его использовать сам Бог велел.

Кондратенко нахмурил брови, задумался. Потом отвернул голову от меня и бросил Стесселю:

— В Дальнем сложено огромное количество неиспользованных рельс. Раз уж теперь нет возможности использовать их по прямому назначению, то я бы рекомендовал их вывезти в Артур и пустить на укрепления. Я ничего не знаю про железобетон, не слышал об этом, но здравый смысл в словах господина Рыбалко присутствует. Снарядам будет гораздо сложнее расковырять подобную преграду. А как вывезем их, так и можно будет взрывать.

Что там они собирались взрывать я не понял. Но если судить по разложенной перед ними картой города Дальний и по сделанным на нем отметкам, выходило, что Стессель, готовясь к обороне, сжигал за собою мосты, с той целью, чтобы действующая инфраструктура не досталась противнику.

После этого я ушел из штаба. Договориться, конечно, мне с ними не удалось, но это ничего для меня не значило. Мне все равно надо было сходить к китайцам. А путь туда был только один — по морю. И после встречи со Стесселем дорога мне выпала к нашему порту. И вот какая удача, там я узнал, что буквально завтра в Инкоу будет прорываться «Лейтенант Бураков», наш самый быстрый миноносец. И он туда обязательно пройдет, а значит и мне следовало быть на этом корабле. Инкоу еще не был взят японцами и находился он гораздо ближе чем Чифу и морская дорожка к нему лежала вдоль западного берега Ляодунского полуострова и кораблю не было нужды пересекать открытый всем наблюдателям пролив.

Договориться о том, чтобы на этом корабле прихватили и меня не составило никакого труда и ранним утром следующего дня, взяв с собою Мурзина, Данила и всех своих химиков, у которых закончилась вся работа, я выдвинулся на китайскую сторону. И через несколько часов «Лейтенант Бураков» безо всяких происшествий пришвартовывался в грязном порту Инкоу. Сойдя на берег, я рассчитал работников, выплатил все долги и, выдав дорожные деньги, отправил до дома. Те, надо сказать, прощались со мною с явным облегчением — перспектива застрять в осажденном Артуре на долгие месяцы их совершенно не радовала.

— Ну, что, Егорыч, ты здесь уже бывал? — спросил я оглядывающегося Мурзина.

— Нет, не приходилось. Впервые здесь. Но знакомые морды уже вижу. Вон тот толстяк у нас в Дальнем приторговывает. Пойдемте-ка к нему все выпросим.

Мы стояли неподалеку от небольшого порта, на рейде которого находилось с десяток китайских суденышек. Наш «Лейтенант Бураков» над всеми этими лоханками, по-другому я их назвать не мог, возвышался могучей и неприступной скалой. У командира миноносца я узнал — он собирался возвращаться только завтрашним днем и он готов был взять кое-что из нашего груза. Так что, нам следовало поторопиться.

На китайский базар мы не пошли — делать там нечего, розница нам не подходила. Пришлось искать тех, кто готов был торговать оптом. Тот самый толстяк подсказал к кому лучше обратиться, чтобы получить опт по приемлемым ценам. И такие нашлись тут же в порту. Несколько деревянных барачков, построенных в китайском стиле, занимали как раз такие торговцы. У них было почти все. И мясо, и консервы, и крупы и овощи долгого хранения. А того, чего не было, они обещали быстро достать. Как обычно в таких делах, китайцы ломали цены. И чтобы торговаться с ними нужно быть таким же пройдохой. Мурзин таким был и торговлю он вел со знанием дела. Цену на гречку он сбил до самого минимума, и мы купили у вечно потеющего плотно сбитого китайца триста пудов. Вечером же загрузили мешки на борт «Буракова» и отправили Данила до Артура в качестве сопровождающего.

Но миноносец, уйдя ранним утром, через пару часов вернулся — японцы блокировали путь до Артура. И на следующий день он задержался в Инкоу, а смог уйти лишь третьим днем. Ну а следом и мы за ним, на тихоходной китайской шаланде, что тащила на себе с десяток тонн американских консервов и с десяток бочек с засоленным мясом. Свежее мясо взять было практически невозможно, да и бессмысленно. Единственно, что я себе позволил, так это три десятка кур, да горлопанистого петуха. Взял их не для продажи, для себя, так что свежим яйцом наша компания была обеспечена на все время осады.

Дошли до Артура без проблем, так же без проблем разгрузились. Все продукты, что мы привезли, сгрузили себе на склад, а что-то частью выкинули на рынок. Цену загибать не стал, но и от прибыли отказываться не подумал. Продавал втрое от того за что купил. И даже при этом мои отпускные цены были существенно ниже того, что предлагали на рынке. Все купленное расхватали за пять дней и снова я задумался о поездке в Инкоу. И опять спас «Лейтенант Бураков». Он, более или менее регулярно курсируя между Артуром и этим китайским городом, выполнял своего рода роль связного. Перевозил почту, полученные телеграммы, приказы. Кое-что таскал из продуктов. Его высокая скорость позволяла легко оторваться от японской эскадры или же обойти их стороной. Японцы видели подобное непотребство и заметно нервничали. Все чаще и чаще они стали курсировать вдоль западного побережья полуострова. И все чаще у них получалось отсекал «Буракова» от Инкоу. Но в тот раз ему повезло и миноносец смог прорваться с первого же раза. Но вот выбраться оттуда он не мог в течение нескольких дней, а вместе с ним и Мурзин, которого я отправил на закупку, застрял в китайском провинциальном городке. Лишь через неделю он смог вернуться, зафрахтовав китайскую шаланду. И сказал, что и эту суденышко он нанял с большим трудом, потому как китайцы теперь побаиваются бегать у японцев под носом. Те, конечно, суда под иностранными флагами не трогают и на дно не пускают, но досмотр все же учиняют. И вроде бы, установив какой на борту был груз и куда он направлялся, они ничего не делали и просто разворачивали судно обратно, но нервы трепали так знатно, что китайцы десять раз думали, прежде чем соглашаться. А когда соглашались, то цену за доставку заламывали втрое. Их понять было можно, ведь плюсом к изрядной нервотрепке у китайцев был высок шанс нарваться на подводную мину, которые обильно расставили по

морю и наши моряки и японские. Так вот и выходило, что вокруг Артура все сильнее и сильнее сжималось кольцо блокады.

В дни, когда мы в первый раз мотались за продуктами, наши военные, впервые столкнулись с противником на суше. Генерал-майор Фок, выдвинувшись к Бицзево, где как всем было известно, располагались японцы, наткнулся на марширующую колонну. В спешном порядке Фок развернул свои орудия и как на учениях открыл по ней огонь. Японцы упали штабелем, но быстро сориентировались и, развернувшись, пошли в наступление. Уже после горячки боя, те раненные солдаты, что лежали в госпиталях, говорили, что наша артиллерия выкашивала противника словно гигантская коса. Словно в былинных сказаниях про богатыря — махнул налево — улочка, направо — переулочек. Вот и сейчас так было. Японец рядами шел в атаку и так же рядами ложился, пораженный шрапнелью и пулей. Но противника все же было очень много, да и их артиллерия чуть позже подключилась и после часового боя, Фок отвел войска, потеряв что-то около тридцати человек и около полутора сотен раненных. Японцев же полегло гораздо больше. Это была первая серьезная схватка защитников Артура.

После этого случая, в момент, когда Мурзин укатил в Инкоу, я озаботился проверкой пластин для бронежилетов. Они до сих пор лежали на складе не отстрелянные и до сих пор не было понятно годны ли они на что или нет. Мишка в письме указывал, что вроде бы пулю от мосинки они держать должны, но вот будут ли держать на самом деле?

У Стесселя я выпросил несколько солдат с винтовками, да какого-нибудь офицера для контроля и на следующий день, не отходя далеко от города, мы расстреляли эти несколько пластин. Что ж, результат оказался вполне удовлетворительным. На дистанции свыше пятидесяти метров пластина вполне держала пулю от трехлинейки. В упор она пробивалась. Капитан, что наблюдал за стрельбой, тщательно задокументировал результат и забрал прострелянные листы металла с собой. Ну а я помчался к знакомой портнихе. Разработать сам жилет оказалось делом не сложным. В тот же день мы с нею на манекене прикинули что да как. Пластин у нас было мало, так что защищать они должны были только грудь, спина же должна была остаться голой. И вот когда портниха на скорую руку сметала жилетку и повесила ее на шею манекена, я, вложив пластину в нагрудный карман, с разочарованием понял, что подобный вариант не очень хорош. Пластина сильно перевешивала и стягивала жилет вниз, так, что верхняя часть груди оказывалась беззащитной. А это было не очень хорошо. Решение поставить вторую пластину на спину в качестве противовеса я отклонил — пластин очень мало, да и вес их велик. Около шести фунтов одна штука — не всякий солдат согласится таскать дополнительный вес. Так что пришлось искать решение. Полдня мы убили на эту проблему, пока вдруг портниха не догадалась привязать жилет со стороны спины к армейскому ремню. Срочно были пришиты две лямки и жилет сел на манекен как влитой. Вроде бы получилось не плохо — защита вниз не сползает и нигде ничего не давит. Но это манекен, а мне предстояло вручить эти штуки живым людям. Потому-то на следующий день, когда портниха качественно прошила жилет, я напялил его на себя, привязал лямки к ремню на поясице и вложил тяжелую пластину в карман. Походил туда-сюда, поделал различные упражнения, попрыгал.... Нет, все-таки неудобно. Ремень теперь наоборот тянет вверх и сильно врезается в тело. Теперь, чтобы все это сидело как надо, требовалось как можно плотнее затянуть сам жилет со сторон. И опять портниха переделывала, пришивая ремни и пряжки. И вот только после этого изделие получилось

более или менее. Не то, что будет в будущем, но все же близко к тому. Да, защита только с груди, но ведь большего здесь и не требуется.

Вскоре пришли новости, что японцы вплотную подошли к китайскому городку Цзинь Чжоу. Он как раз стоял на западной стороне Ляодунского полуострова на самом узком месте полуострова Квантунского. Через него проходила и железная дорога и телеграфная линия. От него было что-то около пятидесяти верст до Порт-Артура и около двадцати до Дальнего. Так что выходило, что враг стоял у самых наших ворот. Наши, получив эту информацию, выдвинули войска и первыми заняли город, заняли близлежащие высоты. А вскоре состоялась битва, злая, ожесточенная. Артиллерия что с нашей стороны, что с японской, устроили настоящий фейерверк — перекидывались снарядами почти что с пулеметной скоростью. Со стороны западного берега, воспользовавшись приливом, подошли японские корабли и так же включились в борьбу, да так удачно, что сильно придавила наших солдат, заставила их замолчать. А потом и японская пехота пошла в наступление. Драка была жесткая, беспощадная, продолжалась она почти целый день и под самый конец противник овладел городом, с большими потерями вытеснив наши войска. Их было существенно больше и артиллерия их имела численное превосходство. Наши войска так же понесли тяжелые потери, оказалось разбито несколько полков, потеряно немало имущества. Много после я узнал, что в этом бою наше командование списало в «без вести пропавших» почти полторы тысячи человек. Сколько убитых было и раненных, я так и не узнал, но, судя по той толчее на вокзале, куда на поезде привозили людей, их было много. Очень много. Госпитали оказались переполнены и над Артуром в гражданской среде в полной мере повис страх и неуверенность.

Что интересно, готовясь к отражению, занимая уже подготовленные позиции, наши в полной мере использовали колючую проволоку. Что собственную, привезенную своими силами из центральной России, что мою, сделанную во Владивостоке. Ее натягивали перед позициями и японец, идя в атаку, повисал на ней не в силах преодолеть, где наши их и расстреливали. Понятно, что это первая их встреча с подобным ограждением и впоследствии они не будут так грубо ошибаться, но все же.... Какой-то солдат потом рассказывал, что эта проволока им очень сильно помогла, и он сравнивал обе эти системы. И в восхитительных тонах отзывался именно о нашей «егозе». Та, правильно размотанная и закрепленная, мертвой хваткой вгрызалась в одежду японцев и уже не отпускала, все больше и больше заматываясь вокруг тела. И сколько бы японец не дергался, сколько бы не трепыхался, все становилось только хуже. «Егоза» цеплялась за одежду, резала тело и пускала кровь. На бедолагу попавшего в эти сети не надо было даже тратить пулю. Выбраться самостоятельно тот уже не мог. Этот эффект заметило и командование и через несколько дней мои склады оказались опустошены — они выкупили всю «егозу». И это было отрадно.

Но плохо было то, что наши войска так и не применили ни мои минометы, ни мою моточайку, ни второй воздушный шар. Лишь одни гранаты, что случайно захватил с собой какой-то радетьельный капитан, были опробованы в деле. Три ящика оказались раскиданы за какие-то полчаса боя и они принесли какой-то эффект, но за малостью их использования понять какой именно эффект они принесли было затруднительно. Положили с пару десятков японцев, прижали их на короткое время к земле, да и только. И потому командование крепостью даже не обратило на них внимания.

Ну а следом за сдачей Цзинь Чжоу нашим пришлось оставить и Талиенвань и Дальний. Все произошло слишком быстро. Народ, прознав о проигранной битве, сложил в уме два и два, и дал из обоих городов деру. И снова в Артуре стало не протолкнуться — вокруг повозки, лошади, люди, нехитрый скарб. Везде крик, гам, бабий рев, детский плач и злой мужской матер. Потрепанные войска частью снова зашли в город зализывать раны, да пополняться, а частью, из тех, кто остался цел, засели на подготовленных позициях. Защищать ни Дальний ни Талиенвань никто не собирался. Пятый полк, сильно потрепанный в боях занял Угловые горы. Там ощущался сильный недокомплект в личном составе, более тысячи человек оказались или убиты, или пропавшими без вести. Но сам полк стяжал в рядах артурцев славу и многие добровольцы, что решили встать под ружье, высказали желание служить именно в этом героическом отряде.

Потом пришли слухи, что прежде японца в эти города зашли хунхузы. Зашли с целью пограбить. Сколько они успели унести, никто не знает, говорят, что не очень много. Японцы, зашедшие следом, установили свои жесткие порядки и на корню пресекли все попытки мародерства. Тех, кого смогли поймать с чужим добром, тут же и расстреляли. А затем, чтобы оберегать чужое имущество, они поставили почти на каждом перекрестке патрули и грабежи исчезли. Как исчезли и китайцы.

Чуть позже Стессель издал приказ, требовавший немедленного формирования двенадцати дружин в которые должны были войти все свободные мужчины Артура. Недостатков в добровольцах не было, и в дружины вошли многие из тех, кто был не годен к службе по состоянию здоровья, но имел большое желание послужить на благо Родине. Пришли и ко мне, заявили в жаркий полдень на склад и потребовали разговора. Я вышел к воротам, увидел Зверева, что сопровождал усатого офицера при паре солдат и поприветствовал его.

— Чем могу быть обязан? — поинтересовался я, внимательно разглядывая капитана из инфантерии.

— День добрый, господин Рыбалко, капитан Валеев, — представился военный, не слишком-то усердно приложив ладонь к козырьку фуражки.

— Добрый, добрый. Так что вас привело ко мне, господин капитан?

— Согласно приказу штаба, мы набираем добровольческие дружины, состоящие из всех свободных мужчин в городе. Согласно нашим данным у вас в работниках находятся около десяти крепких мужчин, способных вступить в ряды этих дружин. Я настаиваю, чтобы они немедленно явились к казармам десятого полка и записались. Таково требование штаба крепости.

Я кашлянул, прочистив горло. Для меня эта новость стала неожиданной. Я посмотрел на Зверева, тот бессильно кивнул головой и пояснил:

— Все так и есть, Василий Иванович. Город на военном положении и вся власть теперь в руках Стесселя. И все обязаны подчиняться его приказам.

— А вы здесь зачем?

— На всякий случай, чтобы не возникло случайных недоразумений.

— Гм, — я нахмурился, — а какие могут возникнуть недоразумения?

— Всякие, — уклончиво ответил Зверев. — Василий Иванович, вам не стоит беспокоиться, вас никто не смеет тронуть, но....

— Но десять моих человек вы хотите у меня отобрать, — закончил я его мысль. — Отобрать, не смотря на то, что знаете каким я делом занимаюсь.

— Василий Иванович....

— Не стоит, — повел я рукой, прерывая Зверева. И снова обратился к капитану: — Однако откуда у вас такая цифра? Где вы насчитали у меня столько людей?

— Ну как же, — нисколько не удивившись, хмыкнул тот и, достав листок со списком, стал зачитывать: — Вот, слушайте. Мурзин, Даниил Григорьевич, одна тысяча восемьсот семидесятого года рождения, Васильев, Андрей Дмитриевич, одна тысяча восемьсот семьдесят третьего года рождения, Грязнов, Святослав Андреевич, одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года рождения, Агафонов, Владимир Михайлович, одна тысяча восемьсот семьдесят шестого года рождения, Цибуля, Петр Иванович....

Он продиктовал мне весь список. В него вошли все, кто у меня работал, и Петро и Данил и все мои химики, которых я не так давно отправил до дома. Капитан убрал лист и вопросительно на меня уставился.

— Откуда у вас это?

— Любезно предоставил князь Микеладзе, — охотно пояснил капитан.

— Поня-ятно.... Роман Григорьевич, отойдем в сторону? — попросил я Зверева.

Углубившись вглубь склада, туда, где нас не могли услышать, я спросил:

— Что это значит? Что за ерунда?

— М-да, неприятность, конечно, — согласился он, — но что поделывать? Приказ Стесселя!

— Приказ прямо по моим людям?

— Нет, что вы, конечно же, нет. Приказ общий, обязывающий каждого свободного мужчину явится на формирование добровольческих дружин. Ваши люди также попадают под действие этого приказа.

— Но что за глупость? Разве не известно, чем тут занимаюсь я и мои люди? Оторвать их от дела сейчас просто немыслимо, это принесет только вред крепости, нежели пользу.

— Да, я тоже так считаю, — согласился Зверев. — Но приказ есть приказ. И капитан Валеев человек подневольный, он также исполняет приказ, как и все остальные. Вам на него злиться не следует.

— Я на него не злюсь, я на него удивляюсь.... Эх, ладно, понимаю, что опять придется переться к Стесселю, улаживать это недоразумение. Обидно, что время на это придется потратить.

Я своих людей Валееву не отдал. Сказал, что их здесь нет, демонстративно закрыл склад и вместе с ним пошел до штаба крепости. Ходу туда был пять минут.

Но и в штабе Стесселя не оказалось. По расспросам выяснил, что он разъезжает с инспекцией по крепости, проверяет укрепления и поддерживает моральный дух солдат. Но обещался быть к вечеру. Что ж, понимая, что у меня в запасе почти шесть часов, я отправился до дома. Нужно было отобедать, да и просветить своих людей по поводу добровольческих дружин. И вот за обедом, когда мы все вместе хлебали наваристые щи, а я с набитым ртом рассказывал о последних новостях, Данил вдруг сказал:

— А бы пошел, Василь Иваныч.

Я поперхнулся, уставился на своего архара.

— Чего? Зачем это?

— Ну, я бы это..., хотел бы сам японца бить, своими руками.

— С дубу рухнул? Убьют ведь!

— Может убьют, а может и нет, — как-то легкомысленно ответил Данил. — Только я в эти дружины идти не хочу, со стариками и сосунками служить мне нет никакого интереса.

— Вот как? А куда же ты тогда хочешь?

— Ну, не знаю. На Высокой я бы хотел, там, где мы укрепления строили. А что, там будет вполне безопасно, стены крепкие мы с вами там поставили, ни один японский снаряд не пробьет.

Я, молча, уставился на него. Тот нисколько не смущаясь, отвечал мне взглядом, ни на секунду не прекращая медленно перемалывать челюстями жесткую корку хлеба. Все же архары мои — простодушные наглецы, иногда говорят мне то, что думают. В принципе, именно это мне в них и нравится.

— Японец до Высокой будет подходить несколько месяцев. Если ты сейчас туда пойдешь, то будешь просто просиживать там штаны. Или кайлом махать как на каторге. Тебе это надо? Подумай, ведь у меня ты сейчас более нужен, чем там. А у тебя здесь даже пристройка к дому не построена, кто ее будет заканчивать, Лизка с Петром? А помогать мне кто будет? Кто охранять от шпионов, спину кто будет защищать? Петра одного на все не хватит. Нет, решительно, не могу тебя отпустить сейчас, не к месту это и не ко времени.

— Шпионы, тоже мне, скажете! — хмыкнул он. — Если б они и были в городе, то давно всех повыгоняли. От кого вас защищать, от смазливых баб? Да вы вроде не гуляка, сами по ним не бегаєте. Или же от Егорыча? Тот знатный охотник до задниц.... Тьфу! Что б черти в аду ему прутья раскаленные совали в его место греховное.

Хорошо, что Мурзин застрял в Инкоу и не слышал слов парня. И вроде бы отношения между архарами и моим помощником более или менее устаканились и в драку по подобному поводу более не лезли, а все же зачастую не скрывали своего отношения и позволяли себе нелицеприятные высказывания. Но только высказываниями теперь все и ограничивалось. Но вот что самое интересное позорная тайна Мурзина вовне нашей ячейки не просочилась. Тайна так и осталась для всех остальных тайной.

— Данила, ну подумай, ну зачем тебе это? — вставила свое слово Лизка, что крутилась неподалеку, гремела кастрюлями. — А если в правду убьют?

— Не твое дело, — грубо осек он ее, — готовишь там, вот и готовь молча!

Я предупреждающе прочистил горло. Лизка, конечно, многого повидала на своем веку и к грубости давно привычная, а все же подобное обращение ее задело. И хоть она не показала

вида и ушла, но все поняли, что Данил хватил лишка. Он и сам это понял и потому нахмурился, и уставился в опустевшую тарелку.

Более этот разговор мы в тот день не поднимали. Данил остался у меня и, вроде бы, смирился, но позже я узнал, что желания своего он не поменял. Он действительно хотел пойти добровольцем на Высокую гору и помогать держать там оборону. По правде говоря, запретить я ему не мог. У него есть собственная воля и свобода и ими он мог распоряжаться как душе угодно. Я потом ему сказал, что если он действительно того желает, то я держать его не буду, но попросил лишь подождать еще несколько месяцев. Ведь там, на Высокой и вправду делать ему сейчас был нечего. Туда отправили солдат, что непрерывно несут службу и обустривают укрепления и его умение стрелять из винтовки сейчас там были без надобности. Данил после моих слов повеселел и пообещал от меня не удира́ть раньше времени, а дожидаться настоящих боев.

Со Стесселем я встретился тем же вечером. Поймал его на входе в штаб, попросил уделить минутку. Через час его адъютант попросил зайти и командующий, выслушав мои возмущения, сказал:

— Действительно, произошло какое-то непонятное недоразумение. Вас трогать никто не собирался, Дювернуа видимо что-то не понял или просто ошибся. Занимайтесь, Василий Иванович, своими делами и ни о чем не беспокойтесь. А подполковнику я скажу, чтобы на вас он внимания более не обращал и князя Микеладзе попрошу, чтобы он впредь воду не мутил. Знаю, у вас с ним неприязненные отношения, но эти отношения не должны вредить нашему общему делу.

Подполковник Дювернуа, как я понял, как раз и был поставлен командовать этими самыми добровольческими дружинами, а капитан, прибежавший по души моих людей, служил под его началом.

— У вас на этом все? Более никаких вопросов у вас нет?

— Есть, Анатолий Михайлович, — ответил я.

— Ну?

— Раз пошло такое дело, раз собираются добровольные дружины и вообще вы всячески приветствуете тех, кто по доброй воле вступает в ряды защитников, то может быть часть этих добровольцев вы отправите ко мне? Мне нужен человек пять-шесть, двое таких, что могут понимать в технике и способны к обучению, а четверо подобных моему Агафонову, таких же низких и щуплых.

— Гм, зачем это вам? Что вы хотите?

— Понимаете, Анатолий Михайлович, японец уже перед нашими позициями и пора бы нам задействовать нашу моточайку. Пора проводить воздушную разведку.

— Ах да..., - вроде как вспомнил Стессель, — ... ваша чайка! Но зачем же вам мои люди?

— У меня Грязнов и Агафонов достраивают вторую моточайку. Для эффективной разведки и обслуживания этих аппаратов мне нужно обучить еще несколько людей. И пусть это будут ваши люди и подчиняться они будут военным. Эту вторую моточайку я готов передать на безвозмездной основе вашей крепости и готов предоставить для нее запчасти. Но людей для нее у меня нет.

— Ага, вот теперь понятно, — пробубнил Стессель и на краткие мгновения ушел в себя. Потом неожиданно спросил: — А скажите, Василий Иванович, ваш аппарат может долететь

до Дальнего?

— Не знаю, не уверен в этом. А зачем ему летать до Дальнего?

— Разведать, что там японцы делают. Ладно, раз про Дальний вы не уверены, то, значит и до Инкоу и Чифу она точно не долетит?

— Можно даже не гадать — не долетит. Ход у аппарата малый, а топлива он берет мало. Да и погода тут нужна тихая, а над морем кто знает какие ветра на верхотуре дуют? Скинет его еще вниз.

— Значит, это выходит, что чайку можно использовать только вблизи крепости? Так получается?

— Да, только так. Только в качестве ближнего разведчика. Ну, или малого бомбардировщика.

— Ну-ка, ну-ка, поясните, что вы имеете в виду.

Я и пояснил. Хотя говорил ему это ранее, но кажется, он это подзабыл. Или слушал тогда невнимательно, а сейчас, когда жареный петух начал долбить по самому копчику, оказался весь во внимании. По мере моего объяснения, он вдруг вспомнил:

— Ах да, как же, было такое! Да. А еще ток по проволоке вы предлагали пустить. Совершенно варварский способ, но, похоже, нам деваться теперь некуда.

Ну, это уже была не моя идея, и я сказал об этом Стесселю, но его это уже не интересовало. Он снова вернулся к нашим летальным аппаратам:

— Так, значит, скоро у вас будет второй экземпляр. Хорошо, очень хорошо, — он задумался. Откинулся на спинку кресла, приложил ладонь к глазам, так, словно его донимала сильная головная боль. Через несколько секунд решил: — Что ж, видимо, придется мне пойти вам на встречу. Шесть человек..., м-да.... А вы что же, будете организовывать какие-то курсы?

— Конечно, как иначе? Все что знаю, людям расскажу, покажу, а мой Агафонов даст им практику. Потом как мы их обучим я целиком передам этих людей вам обратно вместе с моими летательными аппаратами.

— А ваш Агафонов что же?

— После курсов я бы хотел увезти его из Артура. Как и Грязнова. Здесь им более делать будет нечего.

— А если им построить еще один аппарат? Про запас, так сказать?

— Не из чего. Двигатели мы снимали с моих мотоциклов, а их осталось всего два штуки. Лучше их моторы оставить под замену.

— Хорошо, как скажете. Вам виднее. В течение трех дней вам пришлют шесть человек, которых вы будете обязаны обучить искусству полета.

Я кивнул.

— Это все? Более у вас ничего нет ко мне? Никаких предложений?

Я хотел было сказать про желание Данила пойти добровольцем на Высокую, но передумал. Не та эта просьба, чтобы озвучивать ее перед Стесселем, ее вполне могут удовлетворить другие чины.

— Это все.

— Тогда всего доброго, Василий Иванович. До свидания.

И я вышел из штаба под вечернюю прохладу. Солнце быстро скрывалось за голыми, лишенными любой растительности сопками и город погружался во тьму.

Те шесть человек, что пришли ко мне через три дня, были простыми солдатами. Все как один низенькие, щупленькие, с испуганными, затравленными взглядами. У кого-то на лице красовался фиолетовый синяк, кто-то кособочился, тихо переживая боль в боку. Они стояли передо мною, затравленно поглядывая снизу-вверх, ожидали своей участи. Складывалось впечатление, что мне сюда прислали самых негодных, тех, от кого не было никакого проку на передовой в окопах.

Чуть позади меня, за спиной стояли Грязнов Святослав и Агафонов Владимир. Те, видя какую смену им прислали, кого требовалось им обучить, недовольно ухмылялись, бросали на солдатиков уничижительные взгляды. И хоть Агафонов, мой второй пилот, был почти одного роста с этими мужичками и конституцией их почти не превосходил, но вот уверенности и наглости у него было куда как больше.

— Я, так понимаю, вы и понятия не имеете зачем вас сюда отправили? Так? — вместо приветствия сказал я, разглядывая «великолепную» шестерку.

Солдаты не сразу ответили. Кто-то мотнул головой, кто-то просто уставился под ноги. Наконец, самый старший из них, подал голос:

— Никак нет, ваше благородие, не знаем.

— А что, унтер, который вас сюда привел, разве ничего не сказал?

— Никак нет, ваше благородие.

— Как зовут?

— Мирон Аннушкин, — представился солдат, но затем, спохватившись, добавил, — рядовой пятый роты двадцать пятого Восточно-Сибирского стрелкового полка.

— Знаешь кто я, Мирон Аннушкин?

— Никак нет, ваше благородие, не знаю.

Я с неким удивлением посмотрел на него, потом на остальных. Похоже, что в среде этой компании о том, кто я такой, знал лишь один человек. Совсем молоденький солдатик незаметно кивнул головой. К нему-то я и обратился:

— Тебя как зовут?

— Звенигородцев Иван, рядовой двенадцатой роты двадцать пятого Восточно-Сибирского полка.

— Ого, так вы что, все с двадцать пятого полка?

— Так точно. Все.

— Ладно, понятно. Ты знаешь кто я такой?

— Так точно, знаю, ваше благородие.

— Ну, тогда озвучь, просвети своих коллег по несчастью.

К нему обернулось пять голов и Звенигородцев Иван их просветил. Расписал мою личность довольно красочно и точно. Солдатики раскрыли рты, удивленно воскликнули, затем вытянулись передо мною во фронт словно перед генералом. И сразу же из их взглядов стал уходить страх.

— Зачем вы здесь, знаете?

— Никак нет, ваше благородие, — повторил Мирон Аннушкин, который взял на себя роль лидера в этой компании, — не знаем.

— А вот этого хлопца знаете? — я показал на Агафопова.

— Как же, конечно же знаем. Газетку мы местную всю от корки до корки прочитали.

— Ну, так вот, товарищи бойцы, теперь вот этот товарищ будет вас учить летать.

И они ахнули. Четверо из них истово перекрестились.

— Не всех, только четверых из вас. Двое же будут обучаться ремонту и наладке. Теорию полета буду преподавать лично я, практику будет вести господин Агафонов, а обучение ремонту и обслуживанию летательных аппаратов будет вести господин Грязнов. А кто из вас, чем будет заниматься, это мы сейчас и определим. Кто из вас боится высоты?

Ответом мне было молчание. Мужички нерешительно переглядывались. Один из них отводил взгляд. На него-то я и обрушился:

— Ты! Чего молчишь? Говори, высоты боишься? На крышу боишься лазить?

— Н-нет, — проблеял солдатик.

— А слесарничать приходилось? Ключи в руках держать умеешь?

— Н-нет.

— Значит, будешь у меня летать. Ты? — обратился я к следующему.

— Ваше благородие, никак нет, не боюсь. Слесарить не обучен. Летать согласен.

— Во как?!

Этот солдат меня удивил. Выпалил мне все на едином дыхании словно скороговоркой.

— Как зовут?

— Семен Лебедев, рядовой третьей роты...

— Не надо про роту, — остановил я его. — Чем на гражданке занимался?

— Половой я.

— Откуда?

— Из Костромы, ваше благородие.

— Ого, — удивился я и сам попробовал удивить Семена Лебедева, — когда-то я начинал купечествовать в Костроме. Там же и юриста себе толкового нашел.

И солдат расплылся в довольной улыбке, а потом меня огорошил:

— А я вас вспомнил. Вспомнил, как вы на сцене на гитаре играли, да романсы свои распевали. В ресторане тогда аншлаги были. Только вы тогда без усов были и помоложе. «Горочка» — это же ваша песня?

Я присмотрелся к нему внимательно.

— Нет, лицо мне твое незнакомо, — сообщил после тщетной попытки идентифицировать лицо мужичка.

— Так и я помоложе был, ваше благородие, шестнадцать мне тогда было. Я вам на стол метал, а вы мне, помню, целый рубль дали за старания. Я вас и запомнил. Ух, как мне тогда завидовали.

— Не помню, — честно признался я.

М-да, а это было время, когда мы с другом только-только провалились в этот мир и заглушали душевную боль казенной водкой. В ресторане при гостинице я, помимо того, что ежевечернее надирался, еще и песни орал, какие помнил, чем и вызывал у публики необычайный восторг. Уж очень необычен был мой репертуар, да и манера исполнения сильно отличались от всего того, что было принято. Это сейчас, на волне популярности «Горочки», которая ушла в народные массы и пелась почти за каждым хмельным столом, песни стали напоминать что-то отдаленно похожее на то, к чему я был привычен. А тогда публике все это было внове. Особенно удивляла их «Восьмиклассница» Цоя, вот уж, действительно, был не стандарт. Но ничего, спустя какое-то время и эта песня вышла на пластинке и народ по привычке. Правда и мотив и манера исполнения были совсем уж отличны от оригинала, но тут уж ничего не поделаешь — народ переделал песню под себя, а Цой, я думаю, был бы не в обиде.

В общем, вспоминая прошлое, я приходил к мнению, что воды-то утекло ой как много. Для меня словно целая эпоха прошла. И все происходило очень уж быстро. Подумать только за год мы развернули производство, запатентовали свои «изобретения», стали получать кое-какую прибыль. Создали юридический отдел, который протянул свои паучьи лапки почти по всему цивилизованному миру, сами вырвались за границу, прикупив предприятие в Германии. Создали собственный банк, который, пускай хоть и с трудом и со многими лишениями, но все же заработал и стал самостоятельно развиваться, аккумулируя денежные средства. Купил собственную страховую компанию, создали «карманный» профсоюз, организовали контору по выбиванию долгов, где работали одни головорезы. В Новгороде поставили завод, который наконец-то заработал и стал выпускать карболит, который не успевал накапливаться на складе. Ценный продукт выхватывали прямо из-под установки и добрая его половина уходила за границу. А еще электроникой мы занялись, радио.... «Рыбалкин хрен» так и стоит в Петербурге, упершись шпилем в облака, и с редкими перерывами вещает на всю столицу, обрушивая на людей ритмы «современной» эстрады. Киношку запустили, нашли прекрасные таланты.... Сейчас, оглядываясь назад, я понимал, что сделали мы до неприличия много и у людей, кто все это видел, кто по-настоящему понимал объемы, произвольно возникал вопрос «откуда у нас такая удача, какую птицу счастья мы схватили за хвост?». Но ответ на этот вопрос знали лишь три человека в мире — я, Мишка и Макаров.

Из этих шести присланных мне людей в пилоты я определил всего троих. Остальных же поставил обучаться ремонту. Эти трое хоть и не слесарили никогда, но понимание кое-какое имели. Когда им Святослав стал объяснять, что да к чему устроено в конструкции планера и в креплении двигателей, эти трое стали задавать правильные вопросы. Чем и определили свое будущее. Как и говорил, теорию преподавал им я. На грифельной доске я нарисовал проекцию крыла, изобразил набегающие потоки и вбил в их головы принципы, по которым возникает подъемная сила. Это было не просто. Учитель из меня так себе, когда вижу, что меня не понимают, пускаюсь в подробные объяснения. Но делаю это так путано, что вместо того, чтобы разложить в мозгах учеников все по полочкам, наоборот все перемешиваю. А когда понимаю, что у меня мало что получается, то раздражаюсь и злюсь.

Практику давал Агафонов. Подвесил под потолком склада нашу безмоторную чайку, загнал мужиков в гондолу и качал из стороны в сторону, объясняя принципы управления. Конечно, все это не то и только настоящий полет даст начинающим пилотам настоящее понимание воздуха, но все же это на начальном этапе это их хоть как-то подготавливало.

Агафонов, кстати, время от времени летал над Артуром. Когда была тихая и маловетренная погода, он затаскивал с мужиками свою моточайку на гору и стартовал. Набирал высоту и парил под облаками с полчаса-час. Потом садился довольный и рассказывал военным что видел.

Японцы обустроивались. По слухам, в занятом ими с боем городе Цзинь Чжоу они провели дополнительную железнодорожную ветку и теперь подводят по ней припасы. В ту сторону мой пилот летать не решался и потому своими глазами не видел. Но зато видел железную дорогу, что шла в Дальний и военным подтвердил, что да, японцы активно ее используют. Гоняют эшелоны туда-сюда, что-то привозят, что-то увозят. Было похоже, что заняли порт, подремонтировали не до конца взорванный док и теперь там ремонтируют свои корабли. Это известие опечалило морских офицеров. А как-то раз, спустившись с неба,

Агафонов возбужденно сообщил:

— Япошки шар воздушный пробуют поднимать!

Это известие заставило нахмурить брови уже сухопутных офицеров. Все поняли, что за этим должно было последовать. Но они посмотрели на почему-то довольного пилота и раздраженно спросили:

— Чего лыбишься, дубина?

— Так сшибить же можно! — воскликнул он и офицеры приободрились.

— А ведь и вправду можно! У нас же чайка!

Но все было не так просто. До шара еще надо долететь, а долетев, сбить. А как сбивать? Чем? В том-то и дело, что нечем. Из пистолета не постреляешь — оболочка только продырявится, и шар тихонько опустится на землю. Там его подлатают и снова запустят. Стрелять простыми патронами без толку, накаченный водород не взорвется. Значит надо стрелять зажигательными или трассирующими, так, чтобы прошив насквозь, пуля воспламенила газ. И вот вопрос, а были ли в нынешнее время патроны с подобными пулями? Я спрашивал офицеров и увидел на их лицах недоумение. И потому пришлось изобретать.

По сути, трассирующую пулю сделать не так уж и сложно. Надо лишь выбрать в пуле углубление, загнать туда горючую смесь, что должна будет воспламениться во время выстрела и все. Этого для поджога взрывоопасного газа будет вполне достаточно. Вопрос был лишь в горючей смеси. Фосфор вроде бы неплохо горит, но вот где его взять? Жаль я своих химиков отпустил....

Попробовали выручить флотские. Притащили мне снаряд небольшого калибра, сказали, что здесь есть нужное мне вещество. Но я со скепсисом отнесся к их идее — разбирать снаряд я не хотел. Там не тротил, а мелинит, а он чрезвычайно взрывоопасен. Любое неосторожное движение и снаряд грозился взорваться. Нет уж, мы как-нибудь так....

В оружейном магазине для Агафонова я прикупил револьвер, а к нему патронов несколько десятков. На складе самолично пассатижами вытащил из гильз две дюжины пуль и пошел искать мастера. Нашел такого в мастерских при доке и на следующий день я забирал рассверленные с торца пули. В тот же день я загнал в них черный порох, закупорил нитями стопина, утрамбовал как следует и воссоединил целостность патронов. Первая же стрельба по подложенной куче сена, показала, что зажигательный эффект у такого изделия чрезвычайно мал. После шести выстрелов сено не то что не загорелось, а даже дымка не пустила. Но расковыряв землю и вытащив пулю, я увидел, что стопиновая набивка все-таки загорелась и истлела, а черный порох воспламенился, так что шанс того, что такая зажжет водород была велика. И следующий эксперимент с наполненными газом мочевыми пузырями забитого скота это подтвердил. Водород хоть и не с первой попытки, но все-таки загорался жарким облаком. Но что самое интересное, пуля, пройдя сквозь пузырь, вспыхивала метрах на двухстах небольшой огненной и дымной зарей — это загорался заложенный порох.

А японец, меж тем, пока я занимался экспериментами, поднял свой шар, подтянул кое какую артиллерию и занялся пристрелкой. Раскидывал снаряды по сопкам, корректировался, составлял таблицы стрельб. По всему ощущалось, что совсем скоро они пойдут на штурм Волчьих гор, что фактически опоясывали Артур с северной стороны. Солдаты нервничали, заглублялись в каменистую почву, офицеры покрикивали. Артиллеристы подтаскивали снятые с кораблей орудия и так же готовились к встрече. Меня торопили, просили как можно скорее снять с неба этот треклятый воздушный шар с корректировщиком. И вот тот

день настал.

Установилась ясная погода с небольшим ветерком. Японцы опять подняли наблюдателя и шар застыл в небе, словно злое черное солнце. Пока не стреляли, со вчерашнего дня соблюдалась обоюдная тишина. На Волчьих горы поднялся со своим штабом Стессель, здесь же находился и я. Стоял с биноклем, поглядывал на злое круг поверх камней, прикидывал до него расстояние.

— Версты три, четыре? — спросил я неизвестно кого.

— Да нет, ваше благородие, поменьше будет. Чуть больше двух, — высказался какой-то солдат за моей спиной. — Мы до него пробовали дострелить, но не получилось. Далеко, зараза.

Подошел адъютант Стесселя, сказал:

— Его Превосходительство интересуется, у вас все готово? Когда вы будете начинать?

Я оторвался от бинокля, посмотрел на стрелки карманных часов.

— Через пять минут Агафонов стартует. Потом наберет над городом высоту и минут через пятнадцать пролетит над нами. Передайте Его Превосходительству, что ждать осталось недолго.

Сам командующий обороной крепости находился гораздо глубже на наших позициях, чем я. Он предпочитал не рисковать, отсиживался в безопасных местах. Ему специально выбрали такое место, чтобы его не накрыл случайный снаряд, но и шар при этом был виден. Я же торчал рядом с солдатами, ожидал феерического зрелища. Солдаты не догадывались, что мы хотели сделать и потому также прильнули к краю окопов, из-под козырька ладони наблюдая за вражеским воздухоплавательным аппаратом.

Здесь на Волчьих горах находился один из полков, что принимал участи в боях под китайским городом. Люди были серьезны, никакого шапкозакидательства в их речах не чувствовалось. Многие добровольцы, что пополнили полк, были обучаемы обстрелянными солдатами и они также наблюдали за шаром немногословно. Рядом со мною оказался Пудовкин, журналист из местной газеты. У него на шее висел новомодный пленочный фотоаппарат, которым он время от времени снимал что-нибудь интересное.

— Слушай, Алексей Захарыч, — обратился я к нему с просьбой, — ты, когда чайка будет пролетать над нашей головой, щелкни ее, пожалуйста, ага? Для меня лично.

— Хорошо, щелкну, — просто ответил тот, задрав в небо голову. — Только если он будет высоко, то бессмысленно это. Видно на кадре не будет ничего.

— Ладно, понял, но если вдруг, то щелкни.

Я обернулся. С моей позиции Золотая гора видна не была — далеко, да и соседние сопки закрывают. Там находилась наша стартовая позиция, брошенные на склон направляющие, по которым и должна была скатиться и быстро набрать нужную скорость чайка. Посмотрел на время — вроде пора. Агафонов в данный момент должен был взлетать. Я снова обратился в сторону противника, поднес к глазам бинокль.

— Высоко подняли, японцы.

— Достанет ли твой парень его? Сможет забраться туда?

— Должен, — уверенно ответил я. — Меня больше заботит другой вопрос, сможет ли он попасть в шар из пистолета?

— Ну, как по мне, так это дело плевое. Он вон какой — не промахнешься.

— Ну, не скажи..., — покачал я головой. Кажется, я отсюда увидел фигуру субличного японца, что торчала в корзине.

Времени для пролета над нами было еще предостаточно и потому я отнял оптику от глаз, опустил за камень и припал к нему спиной. Какой-то из солдат последовал моему примеру, спрятался за бруствер. Пудовкин попросил у меня бинокль.

— Держи, — охотно передал я ему увесистую штуку. И пока он разглядывал противника, я спросил ближайшего солдата: — Тебя как зовут?

— Семеном кличут, — ответил тот, улыбаясь в усы.

— В боях за город участвовал? — догадался я.

— Да, было дело. Ох и досталось же нам, — сокрушенно покачал он головой, но тут же ухмыльнулся, — но и япошкам на орехи мы хорошо отсыпали. Славно мы их там в капусту покрошили.

— Как они в бою, японцы-то эти? Храбры?

— Да, не без этого. Прут быром, не остановишь, хоть косой коси.

— Гранаты мои ваш полк использовал?

— Нет, не наш. Если бы у нас командир догадался их взять, то может и устояли бы. Жаль. Но «егозу» вашу мы растягивали — хорошо нам помогла, славно она японцев задержала.

— А сами как защищались? Только в окопах сидели и остреливались?

— Ну да, как же еще. Пушки их сильно нас донимали, больно уж метко стреляли. Вот они нам не нравились, если б вы, ваше благородие, что-нибудь с ними придумали, то было бы полегче.

Я кивнул в небо:

— Вон, уже придумал.

Солдат поднял глаза. Там, набирая высоту, парил мой Агафонов. Медленно нарезал круги над Старым городом, подбирался к нашим позициям. В какой-то момент очень близко подлетел к нам, да так, что Пудовкин смог сфотографировать его напряженную рожу. Он прошел над самым краем Волчьих гор и, развернувшись, опять пошел к городу. Моторы, натужно стрекоча, тянули его вверх.

— Слушай, Семен, — обратился я к солдату, — чувствую, что японец скоро на ваши позиции полезет. Может завтра, может через неделю. Ждать вам осталось недолго. Как думаешь, удержите?

— Сомневаюсь, ваше благородие, слишком уж их много. Числом возьмут нас. Да и пушки ихние злые весьма, житья от них нету никакого.

— В иностранных газетах пишут, что японцы под Цзинь Чжоу четыре с половиной тысячи человек потеряли.

— Во как?! — удивился Семен и улыбнулся, — Славно мы им, однако, под жопу дали. Теперь осторожничать начнут.

— Разве плохо?

— Да нет, отчего же. Только теперь они беречься будут, а нам от этого не легче. Лучше бы как раньше....

Волчьи горы были не так далеко от Артура — километров восемь-десять если по прямой. Японец от наших позиций километрах в трех, может ближе. Но наши пушки достать их не могут — крупные калибры остались на своих позициях, сюда же подтащили легкие орудия. С десятков минометных расчетов спрятались за горами в небольших низинах, и были надежно закрыты от врага вершинами. Расчеты были связаны с командиром полка по нашему полевому телефону. Я их выдал просто так, не стал ничего требовать от штаба

Стесселя, лишь предупредил их о подобном самоуправстве. Высокоблагородие отнесся к новости спокойно и благожелательно, лишь поинтересовался, нужна ли мне какая бумага взамен. Я высказал свое согласие и вскоре у меня на руках был официальный документ за подписью Стесселя о том, что мои телефоны оказались реквизированы на нужды армии. Мне подобного оказалось достаточно.

Под нашей позицией обильно растянута колючая проволока, что простая прямая колючка, что моя навитая кольцами «егоза». Почти у каждого солдата теперь в комплекте, помимо винтовки и патронов, по три гранаты, которые они вынужденно таскали в карманах штанов. Не по уставу, да и не удобно, но командиры ничего не говорили, а солдаты терпели. Так же не далее как третьим днем я в этом полку раздал почти сотню касок. Вот с этим у меня получилось не так как ожидалось. Я думал, что солдаты, пройдя реальный бой и узнав, что такое взрывы от снарядов, охотно возьмут эти котелки. Но они, примерив их, сказали, что им неудобно и тяжело, и потому носить их отказались. Лишь несколько десятков шлемов нашли своих хозяев, да еще с полсотни я оставил на позиции, ожидая, что с началом боев, их расхватают. И опять, все это было бесплатно и, фактически, минуя вышестоящих командиров. Я уже помню высказывания Стесселя, что подобное нарушение уставного вида солдата на позиции совершенно недопустимо. Так что, это новшество прошло мимо штаба. То же касалось и бронежилетов. Те, если честно признаваться, были совсем уж неудобны и тяжелы. Потому-то та же самая сотня бронников нашла приют у командира полка, который любезно согласился взять их на хранение до конца лета за пятьдесят рублей. Вот такие вот пироги с котятами — приходится давать взятки за то, чтобы помочь сохранить хоть какие-то солдатские жизни.

Агафонов меж тем набрал нужную высоту и повел чайку на сближение. Высоко пролетел над нашими головами и зашел на вражескую территорию. Это было сделано впервые.

Семен, солдат, что сидел рядом с нами, затаил дыхание, восхищенно наблюдая за физическим воплощением гения человеческой мысли.

— Сейчас японец с ума сойдет! — с каким-то неведомым восторгом воскликнул он, — сейчас он утретя кровавыми соплями!

Я ожидал, что с территории противника раздадутся ружейные залпы, но нет — там стояла тишина. Видимо они, заметив в небе приближающееся треугольное крыло, залюбовались необычным зрелищем.

А Агафонов в полной тишине, нарушаемой только треском большого винта, подошел к воздушному шару японцев. Сделал вокруг него круг, другой, потом приблизился. Отсюда не было видно, что он делает, то ли пытается его расстрелять, то ли хочет рассмотреть поближе. Я снова поднял бинокль.

— Ну что? — напряженно спросил Пудовкин.

— Не разобрать, далеко. Кажется, стреляет.

— А почему тогда...?

— Не знаю, не видно.

Мне и вправду не было видно. Бинокль хоть и приближал, но не на столько, чтобы четко рассмотреть, что там твориться. Японца, что находился в корзине воздушного шара, я видел. Тот смотрел недвижимо на летающего вокруг Агафонова и не предпринимал никаких действий. Только, кажется, что-то возбужденно говорил в трубку телефона.

Шар вспыхнул совершенно неожиданно. Чайка сделала очередной круг, отошла на

некоторое расстояние и, когда уже казалось, что наша идея провалилась, по оболочке шара вдруг побежала огненная волна, а из места, куда угодила пуля, вырвался огненный вихрь. В несколько секунд огонь охватил черный круг, превращая его в новое жаркое солнце, и корзина, лишенная поддержки, вместе с человеком полетела вниз.

— Ура-а! — вдруг радостно закричал Семен и его подхватили другие солдаты.

— Ура-а! — поддержал клич Пудовкин, не забывая при этом отщелкивать пленку.

И только в этот момент, когда диверсия была совершена, когда противнику стал очевиден наш замысел, только тогда с той стороны раздались запоздалые ружейные залпы. Но они были бессильны уже что-либо сделать.

Агафонова в городе встречали как героя. Вся честная компания штаба крепости вызвала пилота и на радостях расцеловала. А генерал Белый так сдавил парня, что тот от неожиданности крикнул.

— Полегче, Ваше Превосходительство, поломаете, — с наглостью в голосе попросил мой парень и все в корпусе штаба засмеялись.

— Нет, ну вы только посмотрите, каков нахал! Но герой, этого не отнять, герой! — воскликнул Белый, сильно хлопнув невысокого Агафонова по плечу. Тот снова крикнул и покосился.

— Полегче, Ваше Превосходительство, — снова попросил он, морщась — генерал снова не рассчитал свою силу.

— Ладно, ладно, больше не буду. Признаюсь — переборщил слегка. Но как тут удержаться? Парень-то у нас герой! Наградить бы его надо — такую штуку с неба снял. Да как! Почти что солнце новое в небе зажег.

— К сожалению, наградить мы его не можем, — ответил Стессель, разглядывая моего храбреца. Тот ничуть не смущался высоких чинов, держался уверенно, время от времени гордо поглядывая на меня, словно хвастаясь. — Он же не служит у нас. Гражданская личность.

— Но сто рублей-то мы ему дать можем?! За такой-то подвиг не жалко!

— Это можем, — и Стессель, вытащив из пухлого бумажника сотенную купюру, торжественно вручил награду, — Вот, держи, герой, заслужил.

Купюра в ту же секунду была перехвачена цепкими пальцами моего парня, быстро сложена и спрятана в бездонном кармане брюк. Белый засмеялся:

— Ну и прохвост. Помимо того что нагл, так он еще и ловок весьма. К такому спиной не поворачивайся, вмиг карманы обчистит. А ты, парень, случайно кошельки у людей раньше не щипал?

— Не было такого, — твердо ответил Агафонов.

— Точно? А то что-то слишком быстро ты своими пальчиками денюжку спрятал.

— Могу на кресте поклясться и в рожу плюнуть тому, кто будет свидетелем против меня.

И снова Белый засмеялся, а вместе с ним и Стессель и Кондратенко и многие другие генералы, да полковники.

— Однако, Василий Иванович, однако. С вашим парнем не соскучишься, — отсмеявшись, обратился ко мне Белый. — Хорошо, что он у нас не служит — унтера бы из него всю наглость вмиг бы повыбивали. Сломали бы парня в первый же месяц.

— Да, в солдатах не забалуешь, — поддакнул Стессель. И снова он обратился к Агафонову: — А скажи-ка нам, любезный, чего ты так долго возился с этим шаром? Чего летал вокруг него и не стрелял?

— Да я стрелял, Ваше Превосходительство, — развел руками парень, — да только все мимо. Тяжело стрелять и одновременно править крылом. А потом патрон у меня в барабане заклинило, вот я и кружил вокруг шара, одной рукой выбивал плохой патрон, а другой правил.

— А японец уже знал, что ты стрелял в шар?

— Уже знал, Ваше Превосходительство.

— И не стрелял в тебя в ответ?

— Так нечем ему было! Он в корзине своей сидел без оружия. Только одна подозрительная труба у него была, да телефонный аппарат. Кричал в свою трубку, видимо, требовал, чтобы меня с земли подстрелили. Я видел, как на земле япошки забегали. Да только не попали они в меня, далеко я от них был.

— Повезло.

— Повезло. В крыле только две дырки потом нашел. И те случайные.

— Ну, что ж, любит, значит, тебя Богородица, коли из-под ружейного залпа невредимым ушел. Молодец, свечку в церкви поставь обязательно.

— Это всенепременно, Ваше Превосходительство. И за упокой тоже поставлю.

— А это по чью же душу?

— Так по японцу тому, что в корзине сидел. Разбился же, бедняга. А ему страсть как умирать не хотелось, я видел.

Стессель усмехнулся, потрепал Агафонова по плечу:

— Ну-ну....

Мы еще долго просидели в штабе. Стессель на радостях закатил небольшую вечеринку, приказал притащить шампанского, закусок и патефон. Налили Агафонову бокал шипучки, заставили выпить, а потом, расцеловав в небритые щеки, отправили отдыхать. Я же остался, как остался и Пудовкин, который своим фотоаппаратом фиксировал донельзя довольные лица. Что ни говори, а сегодня мы сделали великое дело. По сути, мы сегодня совершили первую в мире авиационную атаку. Атаку очень успешную и весьма важную. Снять с неба наблюдателя-корректировщика, это знаете ли, дорогого стоит. Мы сегодняшним своим деянием множество простых жизней сохранили.

Ну а чуть позже, когда легкий хмель ударил всем в голову, я предложил запечатлеть господ на синемаграф. Предложение было встречено бурными возгласами, аплодисментами и уже через полчаса, я, посадив на стульчик оператора Петра, организовал дефиле господ мимо объектива кинокамеры. Генералы да адмиралы с гордым видом проходили мимо моточайки, трепали заново вызванного Агафонова за плечо, поздравляли его и изображали крайнюю озабоченность. Смотрелось, конечно, комично, но для кинохроники вполне пойдет. Будет потом что показать широкой публике.

На этой съемке я потратил последнюю пленку. С этого момента мне не на что было снимать и потому, проявив остатки да бегло просмотрев кадры на наличие брака, я тщательно запаковал жестяные коробки в вощеную бумагу, да заколотил в крепкий ящик. Да и саму аппаратуру разобрал и так же тщательно подготовил к транспортировке. Все это я решил отправить из Артура куда подальше — материал очень ценный и не хотелось, чтобы он пропал. С этого дня я стал искать возможности вывезти его за пределы крепости.

Я ошибся, говоря Семену, что японцы скоро пойдут на штурм. Этого не случилось ни следующим днем, ни через неделю. Случилось все совсем наоборот. Наши войска пошли на штурм позиций на горе Куинсан, оставленных ими ранее. Не знаю, что этому послужило, то ли мое вмешательство в историю, то ли еще что, но Стессель, не озаботившись надлежащей обороной этой высоты, вдруг отдал такой приказ и наши солдатики, подкрепленные пушками наших батарей и канонерок, полезли в отчаянную атаку. Как и следовало ожидать,

потерпели поражение и откатились на свои позиции зализывать раны. Японцы довольно шустро организовали на этой горе укрепления и выкатили против наших войск пушки и пулеметы. Понятно, почему атака захлебнулась. С нашей стороны оказалось почти четыре сотни убитых и раненых. После этого безумного по храбрости и отчаянию боя мне попала в руки японская листовка. Отпечатана она была на превосходной бумаге и взывала к чувствам русского солдата. Но взывала это так странно, что солдат, прочтя ее, никоим образом не прониклся к воззванию японцев сложить оружие и сдаться, а совсем наоборот, злился на них и громко, досадно матерился. А как еще мог реагировать простой солдат, прочитав о том, что его Родина является и поработителем других народов, и угнетателем свобод и уничтожителем веры предков? Из той же листовки солдат узнал, что под Ялу наши войска потерпели сокрушительное поражение, потеряв три тысячи человек убитыми и более пятисот пленеными. И как мог простой солдат относиться к подобной бумаге? А никак — он в очередной раз выругался на японцев, на Стесселя, да на Курапаткина и использовал хорошую бумагу по туалетному назначению. А из чувств у него осталось лишь одна злость на противника, да досада на наш генералитет. Одно радовало — в город пришли новости, что адмирал Скрыдлов из Владивостока неплохо потрепал японцев, потопил пару судов и еще пару захватил, приведя их в порт. Японцы, говорят, весьма струхнули, когда адмирал прошелся по их тылам — ловить его было некому, вся их эскадра была прикована к блокаде Артура.

Весь июль Артур сидел в ожидании штурма. Но штурма как такового не последовало. Противник подтягивал силы, окапывался, готовил артиллерийские позиции. Происходили отдельные стычки, иногда серьезные, но штурма не было. Весь месяц мы готовились, рыли траншеи, натягивали проволоку, закладывали фугасы. Добровольцы тренировались стрелять, минометчики пристреливали позиции, командиры полков учились взаимодействовать с подчиненными подполковника Бржозовского. По телефонной линии отрабатывали команды, координаты, стреляли по точкам болванками. Получалось довольно неплохо, и подобное кооперация пехоты и нового вида артиллерии обещала дать неплохие результаты.

Агафонов и Грязнов обучали своему ремеслу новых людей. Вскоре после начала обучения к ним присоединился молодой капитан, который, как я понял, и станет командиром нового рода войск. Он так же засел за «парту» и как губка стал впитывать знания. Его интересовало все, от теории, до практики. Своими руками капитан разобрал и собрал мотоциклетный движок, потом поучаствовал в ремонте прострелянного крыла, и сам же потом учился летать. Поначалу Агафонов учил людей просто планировать. Пускал их с небольшого холмика на обычной чайке, давал людям почувствовать воздух и таким образом избавиться от страха. И лишь затем ближе к середине лета он допустил их до моторизованного крыла. И лишь к концу июля он твердо поставил троих солдатиков и одного капитана на крыло. С этого момента наша миссия закончилась и командование обороной крепости получило в свои руки новый род войск, а Агафонов и Грязнов, передав свои знания и всю свою технику, остались не у дел. Более оставаться им в Артуре было незачем.

Выбраться из осажденного города мне и моим людям удалось только лишь к концу месяца. Двадцать восьмого числа ранним утром наша эскадра снялась с якоря и пошла на прорыв с целью добраться до Владивостока, чтобы оттуда объединенными силами с

кораблями адмирала Скрыдлова трепать японца. А вечером того же дня в наступивших сумерках, под покровом навалившегося тумана, наш миноносец «Решительный» выдвинулся в Чифу, чтобы отправить оттуда донесение о том, что Витгефт пошел на прорыв блокады. И на этом миноносце в Чифу уходил и я вместе с Агафоновым, Грязновым, да Петром.

«Решительный» беспрепятственно вышел с рейда и, взяв курс на китайский город, ходко пошел по волнам. Лейтенант Роцаковский, находясь на верхней вахте, прямо под стволом главного орудия, через бинокль зорко следил за морем, выискивая японские корабли. Была большая надежда на то, что нам удастся вырваться из блокады. Я какое-то время находился здесь же, тревожно поглядывая на командира корабля. Волна била в левый борт, поднимала брызги, окропляла лицо. Погода была теплая и в какой-то мере приятная. Ветер обдувал непокрытую голову принося облегчение. Нынче погода выдалась очень жаркой, днями над городом нависало пекло, а ночь становилась удушливой. Здесь же, на борту боевого корабля, развившего хорошую скорость, было приятно.

— Не стоит вам здесь находиться, Василий Иванович, — сказал мне Роцаковский, не отрываясь от бинокля. — Спуститесь вниз.

— Внизу душно, — ответил я, — я лучше здесь постою.

— Идти будем всю ночь. Вы не будете спать?

— Пока не охота. Признаюсь вам, я вот так первый раз на корабле.

— Как «так»? — не очень понял меня лейтенант.

— Так, чтобы брызги в лицо, — пояснил я. — Раньше доводилось только на тихоходах.

— Нравится?

— Да, приятно.

Он хмыкнул, потом сказал:

— Хорошо, что не зимой так идем. Так бы сосульки на усах выросли.

Я улыбнулся. Здесь наверху было хорошо и свежо. Мне здесь нравилось. Сюда же попытался было прорваться Агафонов, но лейтенант строго запретил и тому пришлось спуститься вниз, туда где было душно, темно и влажно. Там же в чреве боевого корабля сидел и Петр с Грязновым.

— Корабли, ваше благородие, — неожиданно доложил один из матросов, что так же сканировал водную гладь.

Роцаковский перевел бинокль на то место, куда показывал вахтенный.

— Миноносцы, — пробубнил лейтенант глухо, — по нашу душу, — и в ту же секунду скомандовал вахтенному: — Наблюдай! — слетел с площадки вниз в рулевую рубку. И уже оттуда скомандовал в машину: — Вперед полный!

И «Решительному» в ту же секунду словно хорошенько поддали под зад. Взревела силовая установки, нос корабля приподнялся и миноносец, уже никого не таясь, стал набирать скорость.

Два японских миноносца, вынырнув из тумана, пошли на перехват. Роцаковский быстро перекрестился, сам встал за штурвал и, забубнив молитву, положил корабль бортом к волне. Вода словно таран несколько раз ударила по стали и глухой, нервный набат прокатился от носа до кормы. Маневр на какие-то секунды снизил скорость корабля, но вскоре он снова ускорился и стал уходить от преследователей. Японские миноносцы так же поддали угля, да так, что из их труб вылетал уже не дым, а факела из не успевавшей сгорать угольной пыли. Вскоре японцы оказались сбоку от кормы «Решительного». И началась гонка с маневрами.

Роцаковский вел корабль мастерски. Закладывал миноносец с борта на борт, резал

волну, менял курсы. Японцы не отставали, повторяли за ним, но зачастую опаздывали и мало-помалу отдалялись. К тому же и мешались друг другу, боялись лишней раз заложить крутой поворот, опасались столкнуться. И видимо это обстоятельство и позволяло «Решительному» с каждой минутой увеличивать дистанцию. Ветер бил в лицо, соленые брызги хлестали по щекам. Я промок и замерз, но уходить все равно не хотел. Рощакровский то и дело бросал взгляд в иллюминаторы, определял положение противника и временами крутил штурвал. Наконец настал момент, когда отпала всякая необходимость в маневрах и лейтенант, сверившись с компасом, поставил корабль на нужный курс и, не сбавляя хода, пошел в Чифу. Японские огненные факела остались в десятках кабельтовых за спиной, они не смогли нас догнать.

Минут через двадцать такого хода, в очередной раз оглянувшись назад, Рощакровский отдал штурвал матросу, а затем поднялся обратно на верхнюю вахту и удовлетворенно констатировал:

— Оторвались, — и позволил себе усталую улыбку. Он прислонился боком к лееру, залез холодными руками в карманы брюк и достал массивный портсигар. Открыл его, выудил пузатую папиросу и с явным успокоением затянулся. Сделал одну затяжку, вторую, выпустил дым в сторону, а затем спохватился:

— Ой, Василий Иванович, извините, про вас позабыл, — он снова залез в карман за портсигаром: — Угощайтесь, табак качественный, дорогой. Американский.

— Нет, спасибо, — покачал я головой и пояснил: — Не курю.

Лейтенант молча убрал папиросы.

Так на полном ходу, не меняя курса и не разговаривая, шли еще минут двадцать. Потом Рощакровский, удостоверившись, что от погони мы оторвались окончательно, позволил себе улыбнуться и снова закурить.

Мы шлю всю ночь. Поначалу лейтенант выжимал из миноносца все его силы, торопился как можно дальше оторваться от преследователей, осматривал горизонт за спиной. А после сбавил ход и пошел на своем обычном ходу. Я ушел с вахты, спустился внутрь. Там прилег на выделенную мне койку и так и пролежал до самого Чифу, прислушиваясь к тяжелому стенанию миноносца. Пара двигателей работала с каким-то легким рассинхронизмом — по корпусу шла легкая дрожь. Еще в Артуре мне сказали, что миноносец выходит неподготовленным, рециркуляционная помпа работала с перебоями, а гребной вал требовал тщательной центровки. И вот я лежал с закрытыми глазами в душном кубрике, слушал стоны и вибрации корабля и гадал — дойдем ли мы до китайского порта или нет. Так и уснул незаметно сам для себя.

Проснулся оттого, что звуки вокруг вдруг изменились. Затопали тяжелые боты матросов, двигателя изменили свой монотонный рык, перешли на басовитое, едва слышное урчание, а по корпусу пробежали тяжелые металлические удары. За плечо тронул Петро:

— Прибыли, Василь Иваныч. Якоря бросают.

Мы пришли в Чифу ранним утром. «Решительный» встал на рейд и заякорился. С борта спускали шлюпку. Рощакровский меня увидел и подошел:

— Удалось поспать?

— Да, незаметно для себя уснул. А вы?

— Да какое там, — махнул он рукой. — Я сейчас на берег сойду, вы со мной? Или подождете?

— А чего ждать?

— Вторую шлюпку для вас и ваших людей спустят.

— А к берегу мы разве не подойдем? У нас багаж тяжелый.

— К сожалению, пока нельзя. Вон, смотрите, к нам уже китайцы идут, сейчас выяснять будут зачем мы здесь. Только когда они решат, что с нами делать, миноносец сможет пришвартоваться. Не ранее.

— И что же они могут решить?

— Не знаю, но скорее всего «Решительный» разоружат и интернируют.

Честно, для меня это было новостью. Не думал, что Витгефт пошел на то, чтобы вывести довольно-таки неплохое судно из состава эскадры. Слышал, что он потребовал от Рошаковского доставить какую-то депешу до нашего консульства, что находилось в этом китайском городе, но чтобы такой ценой?

— И сколько может пройти времени, чтобы было принято такое решение? Сколько нам ждать?

— Не могу сказать, уважаемый Василий Иванович. Тут все от китайцев зависит, а они очень сильно любят затягивать дела. Взятки выморачивают любыми способами.

— Но это же боевое судно Империи!

Он улыбнулся краешком губ и поправил меня:

— Боевой корабль....

Я сошел на берег со второй шлюпкой. Загрузили в нее все наше барахло, сели сами и минут через десять подошли к причалу. Все необходимые формальности были соблюдены еще на борту «Решительного» когда китайцы проверили наши документы и удостоверились, что мы лица гражданские. К нам у них вопросов не возникло. Зато возникли вопросы к лейтенанту Рошаковскому. Его допытывали с какой целью корабль пришел в Чифу, какое вооружение на борту, сколько человек команда. А все вызнав, потребовали никому на берег не сходить, а дожидаться решения высших инстанций. А после этого, оставив для присмотра нескольких человек, удалились. С ними удалился и лейтенант. У него было дело в нашем консульстве.

Я же с людьми, пристав к берегу, поселился в ближайшей гостинице. Из ее окон был прекрасно виден как сам порт, так и рейд, где на якоре стоял миноносец. Его борта обступили многочисленные шлюпки, а палубу наводнили китайцы. Было непонятно что они там делают, но судя по тому, как реагировали наши матросы — ничего страшного. Китайцы расхаживали с важным видом вдоль бортов, рассматривали вооружение, видимо, прикидывали, что предстоит снять, чтобы обезоружить боевой корабль. Все происходящее укладывалось в первоначальный план Витгефта.

Агафонова и Грязнова я рассчитал. Выдал им денег за честный труд, выделил на дорогу до Питера и поручил следить за ценным багажом. Каким образом они будут добираться до столицы меня не интересовало, мне было достаточно того, что оба они согласились и дальше работать вместе со мною и продолжать дело пионеров авиации. И оба согласились перебраться в Питер. Там Козинцев их встретит как надо, пристроит и нагрузит работой. За это я был спокоен.

Спустя какое-то время из гостиницы исчез Петро. Буркнул, что надо отлучиться по важным делам и скрылся. Явно побежал навещать щупленькую Юн, что совершенно неожиданно запала в суровое сердце мужика.

И вот я остался в гостинице один. На сегодня я решил никаких дел не делать. Подумал найти судно, что согласится отправиться в Артур и закупиться продовольствием завтрашним днем. А сегодня я просто отдыхал. При гостинице был свой небольшой ресторан, что-то типа невзрачного кафе, в нем-то я и присел. Место выбрал возле окна, так, чтобы улица и часть порта просматривались.

Порт в Чифу был как и все остальные порты мира. Грязный, вонючий, с суетой, толкотней и неразберихой. Туда-сюда сновали китайцы, кто побогаче, кто победнее. Много босоты, что пыталась заработать здесь на плошку риса. И бесчисленные попрошайки, которых, впрочем, иногда гоняла местная полиция, без зазрения совести сгоняя с места бамбуковыми палками. Беднота пыталась и у меня стрельнуть монетку, но работники гостиницы пресекли это дело на самом взлете, услужливо давая мне понять, что здесь позаботятся о моем спокойном времяпрепровождении. Пока сидел за столиком, подошел распорядитель и на ломаном русском предложил мне девочку. И не дожидаясь ответа, кивнул в сторону пришторенного дверного проема, где стояла невысокая, но грудастая женщина. Я отказался, китаец понятливо кивнул и отошел словно бы смирившись. Но по виду его было понятно, что ближе к вечеру он еще раз попытается подложить под меня еще одно горячее тело.

И вот я сидел за столиком в по-европейски выглядящем ресторане, кромсал ножом и вилкой кусок мяса по-французски и запивал все это дело французским же вином. Немногочисленные посетители вяло трепались, обсуждали последние новости. Кто-то говорил на английском, кто-то на немецком и на французском. Интернационал.

Неожиданно передо мной возник галантный мужчина. Худошавый, в сером костюме-тройке из дорогого английского сукна, с длиннющими усами на украинский манер спускающихся вниз. Но не такие классические как у запорожских казаков, а чуть скромнее, на грани приличия. Я взглянул на него, поддернув бровью, и господин с сильнейшим английским акцентом меня спросил:

— Ви есть ис «Решителни»?

— Да, — понял я его. — А вы что хотели?

— О май год! — воскликнул он радостно и попытался со мною продолжить беседу сначала на русском, но когда понял, что словарного запаса у него не хватает, с надеждой спросил: — Ду ю спик инглиш?

Я мотнул головой, англичанин всплеснул руками, что-то быстро мне сказал и убежал. Вернулся минут через пятнадцать с каким-то мужиком. И вот тот уже стал мне переводить:

— Вы с миноносца «Решительного»? — спросил англичанин снова.

— Да, с него.

— О, я так рад вас видеть, — лучезарно улыбнулся он и представился: — Меня зовут Майкл Кеннет. Я журналист из Дейли Телеграф. Очень рад, что мне удалось встретить человека, который прибыл из осажденного Порт-Артура. Позвольте узнать ваше имя?

Я представился. Англичанин захлебнулся от восторга. Он обо мне знал, был наслышан. И встреча со мною в этом отдаленном уголке мира для него было все равно что выиграть в лотерею.

— О-о, — закатил он глаза, — ваша моточайка это что-то восхитительное. Японцы подали протест на то, что вы нарушили договоренности о применении воздухоплавательных аппаратов во время военных действий. Ваша атака на воздушный шар показал настоящие возможности летательных аппаратов, таких как ваша моточайка. Это просто удивительно,

что я вас здесь встретил. Я знал, что вы находитесь в Артуре, но и предположить не мог, что вы можете объявиться здесь, в этом китайском городе. Позвольте спросить, что вы здесь делаете? Вы решили сбежать из осажденного города пока не поздно?

— Не совсем так, — уклончиво ответил я.

— О-о, вы еще туда вернетесь? Нам стоит ждать еще чего-то нового? Не поделитесь новостями из города, не дадите ли мне интервью?

— Отчего же не дать? Дам. Только вы же понимаете, что всего я вам не расскажу. Кое-что там является секретом.

— О-о, как же, понимаю. Военная тайна. А скажите, на вашей чайке летал господин Агафонов? Это он поджег японский воздушный шар. Или же это были вы? Очень интересно узнать, тут в городе при дефиците информации ходят самые невообразимые слухи. Говорят, что вы лично раздаете людям еду и не берете с них за это деньги. А еще говорят, что вы делаете там какую-то лодку, которая будет ходить под водой и ловить рыбу. А еще вы эту лодку хотите снабдить минами и втайне расставлять их прямо под носом японских кораблей. Это правда?

Я засмеялся.

— Ну, это все выдумки из-за недостатка информации. Вы бы еще сказали, что мы там скоро сапоги начнем там с майонезом есть!

— А это не так?

— Совсем нет. В крепости нет недостатка в продовольствии, и она сможет продержаться в осаде без особых проблем более года.

— Неужели? А я слышал, что там....

— Это не совсем правда, — ответил я журналисту. — Имеется недостаток некоторого..., - я подчеркнул это слово вздернутым вверх указательным пальцем, — ...все лишь некоторого продовольствия, но вот остального там в достатке.

Я намеренно говорил подобное. Журналисты это такая братия, которая с радостью разнесет плохие вести по всему миру и потому им совершенно незачем знать какие трудности испытывает осажденный Артур. Пусть думает, что у нас все не так плохо, как кажется. Глядишь и японцы, прочитав его газету, почешут в затылке и затамят с первым штурмом.

Господин Кеннет кивнул удовлетворенно. Он давно присел за мой столик, разложил перед собою письменные принадлежности и время от времени делал необходимые заметки. Интервью началось, но прежде чем продолжить, он меня попросил об эксклюзивности нашей беседы:

— Только прошу вас, господин Рыбалко, более никому интервью в этом городе не давайте.

— Как же, понимаю. Но тогда давайте с вами договоримся — мое время стоит сто рублей. Вас это устраивает?

У Кеннета упала челюсть. Видимо, с подобной наглостью ему пришлось сталкиваться впервые. Он переспросил, полагая, что ослышался.

— Да, все правильно. Сто рублей за эксклюзивное интервью.

Это были сумасшедшая сумма за подобное. Никто и никогда до этого не практиковал. И журналист стал протестовать, взывать к моей совести и просто стыдить. Я же, молча отодвинув пустую тарелку и допив последний бокал вина, встал:

— Ваше право. Но, полагаю, вы здесь не один такой. Думаю, имеет смысл устроить

пресс-конференцию. Собрать вас всех в одном месте и ответить на все интересующие всех вопросы.

И вот тут Майкл Кеннет понял, что выбора у него нет и он, замахав руками, усадил меня на место, достал свои фунты, приблизительно эквивалентные запрошенной сумме и, вложив их в мою ладонь, переспросил:

— Но вы обещаете, что более никому?

— Слово джентльмена.

Мучил он меня долго. Пытал два часа, все выпрашивая, вынюхивая, обмусоливая все непроверенные слухи. Я ему объяснял, убеждал и доказывал. Вскоре к нам присоединился еще один человек и Кеннет, строча мелкие записки, время от времени отправлял его на телеграф, чтобы тот стрелял молниями в собственное издательство. Так он бегал раз пять, потом присел так же рядом и внимательно припал на уши. Старался все запомнить.

Ближе часам к четверем я удовлетворил их любопытство и они ушли, с ухмылкой пройдя мимо торчащих возле дверей парочки европейцев. Что-то бросили им на ходу и те, вмиг погрузнев, развернулись и ушли восвояси. Это были конкуренты.

Я же спустя какое-то время, выйдя из ресторана, пошел гулять по Чифу, лениво отстукивая по каменистым улицам прочной тростью. Дошел до порта, присматриваясь к китайским судам, прикидывая какое из них сможет взять больше всех груза и сколько. Незаметно дошел до места, где я сошел на берег со шлюпки. И тут увидел смолящего папиросой лейтенанта Рошаковского. Он сидел на массивном валуне, смотрел в сторону рейда и терпеливо ждал шлюпку, что уже шла по морской ряби со стороны «Решительного».

— День добрый, — поздоровался я, подойдя со спины.

— Ой, здравствуйте, Василий Иванович.

— Чего вы такой грустный? Случилось чего? Или, наоборот, не случилось? Удалось попасть к консулу?

Он кивнул устало:

— Да, побывал я у него. Потом к губернатору местному сбегал. Важный такой чинуша, толстый. Просил его, чтобы нам дали время отремонтироваться, а потом уйти обратно в Артур.

— Ну и?

— Не дает, проклятый мандарин, времени. Говорит, чтобы немедленно разоружались.

Я понятливо угукнул. В принципе все происходило, так, как и было запланировано с самого начала. Витгефт повел эскадру на прорыв во Владивосток, а Рошаковский в Чифу, где и должен был закончить свою войну с японцами.

— Чего же вы грустите? Неужели мало повоевали?

— Да как вам сказать, — пожал он плечами, — нехорошо это сбегать из крепости, пусть даже и по такому важному делу. Хотелось бы вернуться обратно и там достойно послужить государю.

— М-да, вы молодой и кровь у вас горячая.

Ох тихо засмеялся, повернул ко мне голову и с усмешкой сказал:

— Да и вы, вроде, не старик, а тоже в Артур возвращаться собираетесь. Я ведь не ошибся, это так? Купите опять здесь продовольствие, найдете какую-нибудь лоханку и вернетесь.

Я развел руками, показывая, что иначе поступить не могу. Вот и лейтенант так же развел в стороны ладони и констатировал:

— Вы всего лишь гражданское лицо, богатый купец и фабрикант. А все равно не можете отсидеться в стороне от такой беды. А представляете, каково сейчас мне, боевому офицеру? Вместо того чтобы сражаться с врагом, я вместе со своими людьми буду интернирован. Война для нас закончилась, мы теперь гражданские люди.

У Роццаковского на душе скребли кошки. И курил папиросу, тяжело тянул ее, а когда она заканчивалась, отшвыривал мятую гильзу в сторону, и доставал новую. Так и дождался своей шлюпки. Та с мягким шуршанием пристала к берегу, и лейтенант поднялся. Он уже почти умастился в ней, почти отдал приказ грести к миноносцу, но я неожиданно для себя попросил:

— Подождите, лейтенант.

— Что такое, Василий Иванович.

— Не отходите пять минут, подождите меня. Я сейчас быстро, — и я убежал. Купить в местной лавке вина, водки и богатой закуски не составило труда, и уже совсем скоро я забирался в шлюпку, закидывая богатое съестное под ноги. И пояснил: — Скучно здесь и мне и вам. Отдохнем напоследок, кто знает, когда еще увидимся.

И Роццаковский, улыбнувшись мне, согласился.

На палубе миноносца всю расхаживали деловитые китайцы. Следом за ними ходили наши матросы, следили, чтобы те ничего не сотворили. Роццаковский, поднявшись, отдал печальный приказ «Разоружиться» и в тотчас матросы стали снимать с орудий и минных аппаратов затворы, ударники и запальные стаканы торпед. Отдали все винтовочные затворы и все штатные револьверы. Все это сгрузили в шлюпку к китайцам и те, убедившись, что корабль остался безоружным, отбыли. Лейтенант так же был вынужден отдать свой личный револьвер. Пытались обыскать и меня, но Роццаковский заступился, пояснив, что я не являюсь членом экипажа и потому никакого отношения я к данной ситуации не имею. Китайцы отступились и в итоге, когда они отбыли, на «Решительном» вооруженным остался лишь я один. Лишь у меня был в подмышке скрыт пистолет.

После того как китайцы отчалили, Роццаковский приказал спустить флаг, что и было сделано матросами с большим сожалением.

Мы спустились в каюту к лейтенанту, откупорили там бутылку водки и без особого настроения ее пригубили. Я пить не хотел, Роццаковский, видимо тоже. Оба мы лишь обмочили губы жидким огнем и откинувшись спинами на стену, стали говорить за жизнь. Роццаковский открыл иллюминатор, закурил и излил мне всю душу.

Погано у него было на душе — не кошки скребли, а тигры терзали. Рвали медленно сердце на лоскуты, поедали заживо. Ругал он японцев, ругал китайцев, ругал Витгефта, сожалел о внезапном ранении Макарова. Предполагал, что останься он вдруг у руля эскадры, то все могло бы пойти по-другому. Уж Макаров бы точно не стал убегать во Владивосток, не стал бы искать там спасения. Я с ним соглашался, так оно, наверное, и было бы. Одно утешало Роццаковского — консул весьма серьезно отнесся к депеше и развел активную деятельность. И пообещал оказать все свое влияние на местного губернатора, с тем, чтобы он позволил «Решительному» отремонтироваться.

— Может не все еще потеряно? — вопрошал меня лейтенант. — Может консул сможет убедить дацуна и он даст нам время на ремонт? Как думаете?

Я жал плечами. Этого знать я не мог.

— Эскадра, наверное, уже обогнула Корейский полуостров и сейчас на прямом пути во

Владивосток. Как думаете?

И тут я жал плечами. И этого я не знал. Как там прошла наша эскадра, натолкнулась ли она на японцев или же обошла их мне не было известно. Лишь одно я помню. Помню лишь пару фотографий, виденных в Интернете, где наши затопленные корабли лежали на внутреннем рейде Артура. А если это так, то никуда Витгефт не прорвался, а вернулся обратно. Говорить об этом я Рощаковскому не стал, не было нужды уничтожать его еще больше.

Под вечер, когда стало темнеть, к борту причалила шлюпка, и лейтенанту передали записку из нашего консульства. Он ее прочел и, еще больше осунувшись, сообщил:

— С дацуном у консула договориться не получилось. Пекин требует немедленного разоружения и интернирования.

— Ожидаемо, — ответил я.

Он удрученно кивнул. Потом сказал:

— Знаете, Василий Иванович, я, когда был на борту у китайского адмирала, то видел там японского офицера.

— Ого! Что же это значит?

— Это значит, что китайцы пляшут под японскую дудку. Я тогда уже понял, что нам здесь удачи не видать. Адмирал Цао мне напрямую сказал, что у него есть приказ адмирала Того с рейда нас не выпускать. И в ремонте не помогать.

— Подождите, Михаил Сергеевич, я не понял. Ему что, китайскому адмиралу приказал японский адмирал Того? Как такое может быть?

— Да чего тут непонятного? Легли они под японцев как дешевая проститутка и ноги раздвинули. Боятся их больше чем нас.

Мы продолжили сидеть. Почти не пили, медленно тянули бутылку водки, не позволяя хмелю загулять в крови. Лейтенант время от времени выходил из каюты и принимал доклады подчиненных. На корабле все было в порядке, экипаж хоть и находился так же в удрученном состоянии, но все же держался и эмоциям выхода не давал. Несколько человек китайцев, что наблюдали за порядком, находились на верхней палубе и внутрь корабля не спускались. Лишь ходили парами от кормы до носа и обратно и хищно зыркали узкими глазами.

Ближе к полуночи пришла новость, что на рейде были замечены японские миноносцы. И вот тут лейтенант встревожился:

— Неизвестно что от них можно ожидать. Вряд ли торпедируют, но мину под нас подложить втихую могут. У этих варваров нет никакого понятия о чести.

И руководствуясь этими мыслями, он запретил экипажу ночевать внутри корабля. Всех выгнал на палубу. Благо ночь была теплая и по-тропически удушливая. А вскоре пришла еще одна новость — китайцы спешно погрузились на свою шлюпку и, шумно молотя веслами, ушли к берегу.

— Бегут, крысы..., - злобно прошипел лейтенант, взглядываясь в темноту ночи. Он пытался разглядеть японские миноносцы, но не мог. Лишь нечеткие силуэты были видны над черной водной гладью, но угадать их принадлежность никак не получалось.

Но все было тихо. Если слухи и были верны, то, скорее всего, встреча откладывалась до завтрашнего утра. Рошаковский походил минут двадцать по палубе, послушал море, а затем скомандовал бодрствующей команде:

— Отдыхать, братцы, — и сам ушел к себе в каюту. Вторые сутки без полноценного сна все-таки давали о себе знать. Я же остался на верхней палубе, без зазрения совести усевшись недалеко от верхней вахты. Рядом со мною пытались заснуть матросики, они ворочались, бубнили что-то вполголоса. Кто-то уже захрапел, утомленный последними событиями. А я сидел, прислонившись спиной к металлу, и смотрел на черное без лунных проблесков море.

— Ваше благородие, — вдруг обратился ко мне мичман с верхней вахты, — Василий Иванович, спите?

— Нет, не сплю, — ответил я.

— Не можете? — спросил он риторически, понимая мое состояние. Я тоже устал, за минувшие сутки поспал всего ничего. А сейчас эта же усталость и мешала мне сомкнуть веки. Едва закрывал глаза, как перед мозгом всплывала картинку минувшей ночи, когда мы на скорости уходили от преследователей, как прыгали по волнам и черпали соленую воду. — Не спали бы вы на палубе, не нужно вам это. Матросы они привычные, а вам по чину не положено.

Я хмыкнул:

— Так я же без чинов.

— Все равно не положено. Вы человек уважаемый, негоже вам вместе с простыми матросами в обнимку спать. Идите ко мне в каюту, там отдохните.

— Да нет, спасибо. Я лучше здесь на свежем воздухе. А там внутри душно.

— А хотите, я прикажу вас на берег отправить? Чего вам здесь ночевать?

— Не надо, — отмахнулся я от мичмана, а затем честно сказал: — Знаете, японцы сюда ранним утром должны прийти. Так вот я хочу в этот момент находиться рядом.

— Боже мой, Василий Иванович, зачем вам это?

— Интересно, куда ситуация вывезет. Свидетелем хочу быть, чтобы потом Марии Федоровне и самому Императору рассказать. Из первых уст, так сказать.

— А-а, — протянул мичман, не найдя что на это возразить. И отстал от меня.

Мы все ошиблись, когда думали, что японцы станут дожидаться рассвета. Глубокой ночью на воде послышался приближающийся плеск весел, и вся команда «Решительного» поднялась на ноги. Вскоре перед бортом представилась шлюпка. С нее крикнули:

— Японский офицер желает говорить с командиром корабля и просит разрешения взойти на палубу.

Шлюпку осветили фонарями.

— Ба! Господин Хирото, вы ли это?! — воскликнул я от неожиданности. В шлюпке находился тот самый цирюльник, у которого я когда-то скоблил морду. Сато Хирото собственной персоной. — Все-таки вы шпионили у нас в Артуре, не так ли? На службе у японцев состоите?

Он очень сильно удивился, увидев меня здесь. Даже не отреагировал на обвинение в шпионаже, лишь так же вскинул брови и недоуменно спросил:

— Господин Рыбалко? Вы?

Японский офицер что-то у него спросил. Хирото ответил и тот громко его переспросил:

— Корева Рибаруко-сан деска?

И получив утвердительный кивок, так сверкнул глазами, что становилось понятно — офицер дернул удачу за хвост.

Меж тем на палубу поднялся Рошаковский. Ему передали просьбу японского офицера.

— Пусть поднимаются, — разрешил он.

— Михаил Сергеевич, стоит ли..., - попытался повлиять на ситуацию мичман, но Рошаковский отрезал:

— Это парламентар. Пусть поднимается.

Они взобрались. Японский лейтенант при штатном оружии и с мечом на поясе, Сато Хирото в гражданской одежде и с десятком матросов при полном вооружении с примкнутыми

к винтовкам штыками. Станным казалось то, что у матросов к оружию были примкнуты штыки. Словно и не матросы это были, а простая пехота. Или десант....

Японец, демонстративно положив руку на рукоять меча, стал громко зачитывать бумагу. Хирото переводил:

— Предлагаю командиру миноносца немедленно выйти в море и вступить со мною в бой. Если ваша машина неисправна, то мы выведем вас на буксире в море, и там вы примите сражение. Ежели командир «Решительного» отказывается, то ему и его команде надлежит немедленно сдаться и уповать на нашу милость и милость императора.

За спиной наглого офицера кто-то из подчиненных развернул японское полотнище. С верхней вахты донеслось приглушенное ругательство, и в ответ этой демонстрации наш мичман в руках развернул спущенный ранее Андреевский стяг.

Рощакковского разозлила манера японца. Тот вел себя слишком уж нагло, по-хозяйски. Скалил белоснежные зубы, смотрел вызывающе на нас, бросал алчные взгляды в мою сторону.

— Мы не сдадимся, — твердо заявил лейтенант. — И я не потерплю на моем корабле вашего флага. Требую немедленно его убрать.

Японец словно не услышал его. Повторил:

— Предлагаю вам принять бой. Уважая тишину нейтрального города, предлагаю вам выйти в море и там с честью принять рыцарский бой.

— Рыцарский?! — ахнул сверху мичман, а Рощакковский, не услышав своего подчиненного, решил:

— Хорошо. Мы примем бой. Но прежде чем выйти в нейтральные воды, укажите адмиралу Цао, чтобы он вернул нам оружейные замки, минные ударники и личное оружие экипажа.

Японец нагло и снисходительно улыбнулся:

— К сожалению, мы не имеем влияния на адмирала Цао и мы не властны вмешиваться во внутренние дела Китая.

— Это вы-то не властны? — рассвирепел лейтенант. — Ваш офицер все время сидит подле Цао, диктует ему указания адмирала Того и вы не властны?

Японец не ответил, лишь еще больше расплылся в наглой и злорадной улыбке. Наши матросы, видя, как идет диалог, постепенно приходили в нервное возбуждение. Кто-то втихую бормотал проклятия, кто-то предлагал просто дать наглецу в морду, а дальше будь что будет. Сато Хирото тоже лыбился, ситуация его явно забавляла.

Меж тем, пока велась напряженная беседа, пока японский офицер выдвигал ультиматум, к борту, к корме подошла вторая шлюпка и на палубу, словно тараканы взобралась еще одна команда японцев. Так же все при оружии, готовые немедленно вступить в бой. И в этот момент ситуация стала всем предельно ясна — «Решительный» хотели просто взять десантом. Японцы с кормы стали пробираться вперед, нагло расталкивая наших матросов, пробираться поближе к своим. Наши пытались огрызаться, толкались в ответ, но более усилий к сдерживанию не прилагали — ожидали приказа. Лишь молча стали вооружаться, кто гаечным ключом, кто свайкой, кто еще чем-то тяжелым. Мичман с верхней вахты сообщил:

— К нам идут два японских миноносца и один крейсер.

Рощакковский плотно сжал губы, сдерживая гнев. Бросил ненавидящий взгляд на японского лейтенанта, склонился к ближайшему матросу и что-то буркнул ему в ухо. Тот

немедленно убежал и скрылся в недрах корабля.

— Что вы ему сказали? — перевел Сато требование японца.

— Не ваше дело, — грубо оборвал Рошаковский.

— Вы должны немедленно ответить.

— Ничего я вам не должен. Это вы находитесь на корабле иностранного государства, в водах принадлежащих третьему государству, которое не участвует в нашей с вами войне. Вы, находясь здесь и требуя немедленной сдачи, нарушаете все немыслимые законы. Требую от вас немедленного удаления.

— Мы не уйдем. Мы требуем вашей сдачи.... Или выходите в нейтральные воды, чтобы принять честный бой.

Они препирались несколько минут. Рошаковский был в гневе, но пока что сдерживал себя, японский лейтенант откровенно забавлялся, отвечая на его выпады, снисходительными улыбочками и наглыми фразами. И все это еще больше заводило экипаж «Решительного». Наконец из недр корабля появился недавний матрос и кивнул Рошаковскому. И с этого момента ситуация на борту вмиг изменилась. Лейтенант громко крикнул:

— Братцы, делай как я! — и с силой, с оттягом вмазал кулаком по морде японца. Тот отшатнулся, упал на задницу и непроизвольно схватился за разбитую губу. А команда только этого и ждала. По всей палубе началась схватка. На чью-то голову опустился тяжелый гаечный ключ, кого-то просто в четыре руки швырнули за борт. Раздались одиночные выстрелы и визг срикошетивших пуль.

Японец быстро пришел в себя. Вскочил на ноги, рванул из кобуры револьвер и выстрелил в Рошаковского. Тот схватился за ногу и стал медленно и удивленно оседать на палубу.

На верхнюю вахту бросилось сразу несколько вооруженных японцев. Они попытались вырвать из рук мичмана Андреевский стяг, но тот держал цепко и тогда они принялись забивать его прикладами. Мичман упал, подобрал под себя флаг и его спину тотчас стали охаживать тяжелые ботинки.

И я, находясь рядом с Рашаковским, не остался в стороне от битвы. С каким же наслаждением я вмазал по монголоидной шайбе Хирото, с каким удовольствием я почувствовал, как проминается его челюсть...! Это ощущение было не передаваемо, меня накрыл какой-то первобытный восторг. Никогда в жизни я не ощущал подобного. Никогда, даже в самых тяжелых и ответственных спаррингах.

Цирюльник рухнул без сознания, пуская кровавые слюни. Матрос слева от него пытался стянуть с плеча винтовку и пырнуть меня штыком, но и его я по-боксерски отправил в нокаут. Он сложился словно карточный домик.

Все это действие заняло от силы секунды три-четыре. Рошаковский все еще оседал на палубу с прострелянной ляжкой, закрывая дыру ладонью, я уже остался один на один с японским лейтенантом. Слащавая наглая улыбочка сползла с его загорелого лица и теперь в его глазах проявилась нескрываемая ненависть. Переведя взгляд на меня, он что-то мне крикнул и ткнул в мою сторону стволом револьвера. Видимо, предлагал сдаться. Он бы не промахнулся, да только времени на то, чтобы нажать спусковой крючок и спустить курок я ему не дал. Расстояние было смешное — быстрый удар ногой и револьвер, на прощание стрельнув в черное небо, улетел за борт.

Японец рассвирепел. Дернул из ножен меч и словно дубиной вознес над головой. Опять что-то крикнул.

— Хрен тебе, морда японская, — крикнул я ему в ответ и тот с резким выдохом опустил на меня холодную сталь. Так и убил бы единым движением, да только не зря меня столько гоняли с казацкой шашкой — пригодился навык. Да и японец фехтовать не умел и меч на поясе носил лишь для подтверждения статуса. Я закрылся тростью от удара, перевел его в касательный и заставил сталь уйти вниз. А когда и японца потянуло вслед за оружием, я лишь сделал небольшой шаг в сторону и коленом впечатал ему в пах. Тот издал сдавленный стон и согнулся. Меч оказался брошен и его руки непроизвольно схватились за причинное место. А затылок его вот он, прямо передо мной — словно лакомая мишень для тяжелого набалдашника трости. Туда-то я его и опустил, с хрустом отправляя наглеца в японскую нирвану.

Рощакровский тем временем справился с первым шоком. Опять поднялся на ноги. Бросил взгляд на верхнюю вахту, увидел, что там без жалости запинывают мичмана и пытаются водрузить свою тряпку, крикнул:

— Братцы, бросай желторотых за борт! Не жалея их!

И сам, не смотря на рану, схватил за шиворот подвернувшегося под руку матроса и потащил к леерам. Перегнул за его за борт и отпустил. Да только японец цепко схватился за нашего лейтенанта и утянул его с собой. Они упали в шлюпку и там продолжили борьбу. Рощакровский был и выше и сильнее и по массе значительно больше и потому он сразу же подмял бедолагу под себя и принялся охаживать морду тяжелым кулаком. Японец закрывался руками, как мог, истошно пищал:

— Неть, руськи, неть! Неть!

Рощакровский лупил его, войдя в раж, почти ласково приговаривал:

— Да, сука желтопузая, да! Будешь ты у меня батюшку Императора слушаться, будешь!

А японцы все прибывали. Подходили новые шлюпки, и новый десант, словно горох, высыпал на палубу, теснил нашего брата. На Рощаковского сверху прыгнуло сразу несколько японцев. Двоих он сокрушительными ударами свалил в воду, а остальные, навалившись, подмяли его под себя и вытолкали из шлюпки вон. Раздался всплеск, на мгновение лейтенант скрылся под черной водой, но затем вынырнул и снова попытался забраться в шлюпку. Но его отогнали прикладами. Тогда он мощными гребками поплыл к корме, в надежде с той стороны забраться на корабль.

Меня тоже одолевали японцы. Их было четверо и они были с оружием. Сняли винтовки с примкнутыми штыками и пошли на меня стеной. Не стреляли, видимо желая взять живьем. На палубе было узко, и они скорее мешали друг другу, толкались локтями. Я испытывать судьбу не стал, начал отступать, ища место, где можно будет спрятаться от пуль. Нашел такое, свернул за угол какой-то палубной надстройки и уже оттуда, рванув из потайной кобуры пистолет, открыл по наступающим огонь. Один японец рухнул, другой присел, бросая оружие из раненой руки, другие же, не сговариваясь, открыли огонь. Надстройка защитила, да и стрелки они были неважные, пули, свирепо прожужжав, прошли мимо.

Свалка шла по всему миноносцу. Наши дрались отчаянно, крушили головы и выбивали зубы тяжелыми предметами и по-крестьянски разбивали носы кулаками. Швыряли тщедушные тела за борт и приходили на помощь своим сослуживцам. Мы бы отстояли корабль при равных количествах, даже с учетом того, что у нас не было огнестрельного оружия. Но японцы все прибывали и прибывали и уже совсем скоро нас стали давить численно. Нас не убивали, места для того чтобы вскинуть ружье не было, но и не щадили. Крушили нас прикладами, когда было можно кололи штыками. Изредка слышались сухие

револьверные плевки.

С кормы стал выползать злой Рощаковский. Вытягивал свое тело на палубу, матерясь как последний кочегар, выбирая себе будущую жертву. Его заметили, стали стрелять. Пули проходили мимо, не пугая лейтенанта, а лишь приводя его в еще большую степень остервенения. Лицо его исказила гримаса и он стал похож на берсерка. Он уже почти перекинулся через леера, но тут одна пуля с чавканьем вцепилась в уже раненную ногу, и лейтенант сорвался обратно в черную воду.

На меня наседали. Те стрелки, что пытались достать, побоялись лезть на рожон. Отстрелив несколько патронов, они передернули затворы и взяли угол на прицел. И медленно-медленно стали подходить. Но я на них уже не обращал внимания, в этот момент я уже валялся на палубе, крошил рукоятью пистолета чьи-то кривые зубы и сам получал по затылку сокрушительные удары. Моя голова звенела, трещала, каждый удар, словно церковный набат сотрясал самый последний нерв в мозгу, но я каким-то чудом умудрялся не терять сознание. Добил того, что был подо мною и, упав в сторону, увел голову из-под очередного удара тяжелого кулака. И увидев своего обидчика, вскинул пистолет и выпустил в него две последние пули. Теперь пистолет как оружие стал бесполезен, теперь он стал всего лишь массивным кастетом. И потому встав, и зло сплюнув на палубу, я выбрал в общей сваре того, что был ближе, и вмазал ему по бритому затылку, рассекая кожу надвое, оголяя белый череп. Тело мешком упало под ноги.

И тут в недрах «Решительного» раздался мощный взрыв. Те, что были на носу корабля, не устояли и упали на палубу. А вскоре и следующий взрыв содрогнул корпус и вода стала быстро затапливать носовые отсеки. Люди поняли, что миноносец обречен и более бороться за его жизнь не имело смысла. И тогда уже и наши моряки и японские сиганули в воду. Кто-то, бросив оружие, ушел с головой в непроглядную глубину, а кто-то кому повезло, прыгнул в рядом стоящие шлюпки. И уже в шлюпках борьба разгорелась с новой силой.

Я тоже прыгнул. Ушел под воду на глубину, потом свечкой взлетел на поверхность. Рядом о борт корабля билась шлюпка и в ней шла драка. Двое японцев били прикладами нашего матроса, забивали его до смерти. Я рывков забросил тело позади них и пока они разворачивались, схватил ближайшего за шиворот и по-простому швырнул за борт. Тот нелепо взмахнув руками, с брызгами скрылся под поверхностью. Второго японца я саданул рукоятью пистолета по челюсти и также отправил в свободное плавание.

— Жив? — не глядя, спросил я матроса, что отходил от побоев.

— Жив....

— Тогда поднимайся, наших будем спасать.

Как бы ему не было больно, как бы не застилала его глаза набегающая с рассеченной брови кровь, но он беспрекословно сел за весла и, оттолкнув шлюпку от погибающего миноносца, мастерски развернул шлюпку и пошел по головам. Иногда специально, когда появлялась такая возможность, глушил веслом иноземные головы, не позволяя им приблизиться.

Вскоре я затащил одного матроса, потом второго. Они также сели за весла и дело пошло веселей. Минут десять мы ходили вокруг «Решительного», спасали православных. Рядом ходила шлюпки полные японцев. Те повторяли за нами, подбирали своих, отталкивая веслами наших матросов.

Всех мы взять в шлюпку не смогли. Она вскоре набилась до отказа и потому пришлось грести к берегу. Там сошла основная масса матросов, там же остался и я. Те же кто не был

ранен и был в силах, взялись за весла и пошли спасать остальных. Но как оказалось позже, идти им в сторону «Решительного» был уже не зачем. Там вовсю трудились китайские шлюпки и джонки. Те ходили по воде, вытаскивая всех подряд.

Весь Чифу поднялся от прокатившегося над рейдом мощного взрыва. Кто-то высыпал на берег поглазеть, кто-то забегал туда-сюда. Появилось много иностранцев, высматривающих детали происходящего. Наш «Решительный» после подрыва так и не затонул. Зачерпнув носом воду, погрузившись им и обнажив ходовые винты, он все же остался на плаву. И с берега было неплохо видно, что к нему подошли японские корабли.

Позже я узнал, что дважды раненый в ногу Рошаковский отплыл от стремительно погружающегося миноносца и попытался спастись на какой-то китайской джонке. Но там рыбаки его испугались и, шлепая по воде бамбуковыми шестами, от себя отогнали. Спустя какое-то время его подобрал катер, спущенный с китайского крейсера. Там ему оказали первую помощь, провели небольшой допрос и утром отправили на берег в госпиталь при католической миссии.

Следующий днем город гудел словно встревоженный улей. Все разговоры только и шли о неслыханной японской наглости. И многие иностранцы, что здесь обитали, стали вдруг проявлять симпатию к нашим морякам, осуждая вероломство азиатского противника. Всем стало в какой-то миг понятно, что все это стремление японцев выглядеть по-европейски, это всего лишь мишура, обманка. Варварская сущность, азиатская хитрость и настоящее отношение к международным законам стала вдруг всем очевидна. Журналисты, что толпою ходили по городу, ища свидетелей и участников происшествия, молниями слали телеграммы по миру, где в красках описывали коварство японского командования и храбрость наших моряков.

На рассвете, когда все более или менее пришло в норму, я отправился в гостиницу, благо та была под боком. Там я скинул с себя мокрое и отдал на стирку, сушку и глажку. А так как запасного белья кроме нижнего я с собою не взял, то и вышло, что я временно оказался заперт в собственном номере. Здесь-то меня и нашел переполошенный Петро, без стука ворвавшись в дверь. Увидел меня спокойно сидящего в халате и попивающего крепкий кофе, и успокоено выдохнул:

— Ну, слава богу, с вами все в порядке. А то мне понарасказали небылиц.

— Со мною все в порядке, — с легкой усмешкой ответил я тому, кто должен был по идее меня охранять. Но в укор я ему это не ставил — сам ведь отпустил. — Ты сам-то где был? С Юн?

— Ну, да..., с ней, — не стал он скрывать. — А вы здесь всю ночь были? Никуда не выходили?

— Ну, почему же? Вот на «Решительном» ночью был, с японцами подрался немного.

— Так это правда! — скрежетнул он зубами, и было непонятно то ли он жалеет, что оставил меня без присмотра, то ли был недоволен тем, что самому не удалось почесать кулаки об японские морды.

— Правда. А так разве не видно?

И только теперь он взгляделся в мое лицо. Издалека, да затененное шторой оно казалось нормальным, но едва я пододвинулся под луч солнца, как Петро ахнул:

— Да... твою... бога душу мать!

Мое лицо в драке пострадало. На нем были ссадины на скуле и щеке, левый глаз слегка

заплывший и затянувшийся свежим синяком, нижняя губа припухла. Все это было хоть и страшно на вид, но на самом деле ничего серьезного — неделя и лицо в норме. Больше всего меня сейчас беспокоил затылок, который нещадно ломила боль. Прикасаться даже легонько пальцами к нему было неприятно. И я к Петру повернулся спиной и попросил:

— Глянь, что там. Страшно?

Он подошел, оценил старания безымянного японца, присвистнул:

— Вам бы ко врачу, Василь Иваныч.

— Что там?

— Защититься бы вам не мешало. Кто-то вам хорошо черепушку раскроил.

Я на самом деле думал, что там, на затылке просто большой синяк и огромная шишка. Прикасаться к ней было больно и больно было крутить головой. Думал, что пройдет и потому после того как я оказался на берегу никому себя не показывал. А, выходит, надо было. Некоторые наши матросы оказались ранены и о них вскоре позаботились местные власти. Когда на берег прибежала полиция, когда прибежал местный губернатор, он же дацун, когда к берегу пристал катер с бледным адмиралом Цао, тогда и получили матросы помощь, кого-то осмотрели и перевязали, а кого-то отправили в госпиталь. Кривящегося от боли, после схлынувшего адреналина Рощаковского с рассветом отвезли в католическую миссию. Там, говорят, был неплохой врач, который мог оперировать огнестрельные ранения. А я же, посмотрев на эту суету, поняв, что здесь лишний, просто удалился и заперся в номере, намереваясь здесь обсохнуть и, хотя бы чуть-чуть поспать. Хотя какое там — поспать? После всего случившегося я весь день буду словно заведенный вспоминать случившееся, прокручивать всю схватку в голове.

Петро сбегал к хозяину гостиницы и попросил того вызвать доктора. Пришел китайский врач, осмотрел меня, поцокал языком и принялся за лечение. Выстриг мне на затылки волосы, отмочил коросты и совсем по-европейски стал зашивать кривой иглой. Предложил мне в качестве анестезии курнуть трубочку опиума, но был послан, молча принялся за дело. Я же, опрокинув в себя полстакана водки, скрипя зубами вытерпел всю процедуру этого экзекутора, а потом еще с ним и расплатился. Он с благодарностью принял российские рубли и пообещал заходить каждый день пока я здесь, чтобы менять повязки. С тем и ушел, довольный от неплохого заработка и от неожиданно свалившегося на него богатого клиента.

После обеда, получив свою одежду, я снова выбрался в город. С рейда подорванный миноносец исчез и не похоже было, чтобы он затонул. Если бы это случилось, то из воды бы торчали его трубы, но на поверхности тихо шли небольшие волны, не встречая никакого препятствия. Исчезли и японские корабли. Мое недоумение развеял Петро, пояснив:

— Утром япошки взяли «Решительный» на буксир и утащили.

— Он что же не затонул?

— Нет, на плаву остался. Лишь накренился на нос сильно и все.

— Значит, плохо лейтенант подорвал свой корабль, — с неудовольствием констатировал я, проезжая на рикше по берегу.

Госпиталь при католической миссии я бы в этом городе ни за что не нашел. Но рикша, услышав фамилию лейтенанта Рощаковского, все понял правильно и дотащил мое брненное тело до нужного места. Там я и напросился на встречу.

Рощаковский, однако, пользовался популярностью. В палате помимо него находился какой-то французишко, спешно на карандаш накидывающий рассказ от лица лейтенанта. А Рощаковский был в ударе, он нынче герой. Рассказывал журналисту подробности со вкусом,

со всеми деталями. Увидев меня в просвете приоткрытой для сквозняка двери, крикнул:

— А, Василий Иванович! Быстро, быстро заходите сюда. Нечего вам ждать как все!

А в коридоре помимо меня и Петра находилось еще несколько человек европейской внешности. Видимо тоже журналисты.

Я зашел. Журналист привстал с табуретки, представился. Рощаковский пояснил:

— Этот господин из французской газеты, берет у меня интервью.

Я кивнул, поздоровался с журналистом за руку. Рощаковский представил меня и у француза загорелись глаза. Стал что-то лапотать на своем, спрашивать меня, а я стоял и не понимал. Лейтенант же, лежа на кровати и не подумал мне переводить. Лишь спустя какое-то время он понял, что я ни слова не понимаю, спохватился:

— Боже, а все говорят, что вы в их армии служили!

— Врут, — ответил я, вспоминая, что этот слух я же сам и пустил гулять в массы.

— Так вы ни слова из того что он сказал ни поняли?

— Ни единого. А что он хотел от меня?

— Ну да как же. Он очень сетовал, что вы дали такое подробное интервью английской газете, а сейчас просит о реванше. Он наслышан о вашем подвиге который вы совершили на «Решительном» и выражает вам свое восхищение.

— Да бросьте, какой там подвиг, — махнул я рукой. — Я же простой гражданский и я банально защищал свою жизнь. Вот вы, Михаил Сергеевич, дав в морду тому японскому типу, совершили настоящий поступок.

— А вы ему потом по яйцам, да по затылку вашей тросточкой, — дополнил Рощаковский и засмеялся. — Говорят, на носилках его с палубы забирали, бессознательного.

— Жаль, что потерял я свою тросточку, — посетовал я, — хорошая была, мастером сделанная.

М-да, мне ее было действительно жаль. В пылу борьбы, когда я катался по палубе с японским матросом в обнимку, не заметил куда та улетела, а потом про нее и не вспомнил. Так что мне оставалось лишь надеяться, что трость так и осталась лежать где-то на палубе миноносца и японцы ее найдут. А вот смогу ли я ее вернуть после войны или нет — большой вопрос.

Француз ждал, когда мы наболтаемся. Переминался с ноги на ногу, изредка покхекивал в ладошку, напоминая о своей персоне. Рощаковский снова к нему обратился, что-то сказал, а потом спросил меня:

— Ну что, Василий Иванович, расскажете журналисту о том, как вы бились на палубе?

Отчего же было не рассказать? Хвастаться своими подвигами завсегда приятно. И я через лейтенанта удовлетворил любопытство француза, рассказал историю со своей стороны. Потом показал повязку на затылке, пояснил, что тоже получил неплохо. Вскоре интервью закончилось, и журналист убежал из палаты, строчить срочную статью. Я же опять остался в палате с лейтенантом один на один.

— Как ваша нога? Японец ее вам сильно повредил?

— Да так, ерунда, — отмахнулся Рощаковский. — Пуля мышцу прошила и под кожей остановилась. Я ее потом ножом выковорял — ничего страшного. Болоче только было, словно кувалдой дали и неожиданно. Я же впервые ранение получил, не знал каково это, потому и осел на палубу. Думал все — без ноги остался. Стыдно признаться — испугался сильно. А потом меня второй раз подстрелили. Но там уже серьезно оказалось — пуля так в ногу застряла и сидеть осталась. А ляжка синяя совсем стала.

— Оперировать не собираются?

— Готовятся, ищут где эфир достать.

— А что сами врачи говорят?

— Говорят, что повезло. Кость цела, служить еще буду. Я тут, Василий Иванович, телеграмму в Питер послал, описал, что да как тут случилось. Так что, думаю, теперь и япошкам от мировой общественности и китайцам заодно достанется.

Так оно и оказалось. Несколькими днями позже я узнал, что наш МИД вручил ноту китайскому послу и Пекину пришлось признать свое упущение и прямое попустительство. Китайского адмирала, за то, что проявил халатность и бездействие, сняли с должности, а Японию постигло всемирное осуждение. Оно и правильно — коли взялся вползать в цивилизованный мир, так и веди себя по-цивилизованному и не смей нарушать договоренности. В данное время правила ведения войны требовалось строго соблюдать.

Рощаковского я оставил. Его прооперировали, залечили и вместе со своими матросами отправили на Родину. Там он предстал героем и получил свою славу, к которой он, по его заверениям, совершенно не стремился. Я же остался в Чифу и застрял здесь на целых две недели. Здесь же в городе меня настигла весть, что Витгефт, не смог прорваться во Владивосток, а приняв краткий бой с несколькими кораблями противника и заметив с парящей над «Бобром» чайки приближающуюся эскадру Того, приказал возвращаться. Что и произвел, успешно уйдя от преследования. Здесь же, в Чифу я узнал, что Николай родил-таки себе долгожданного наследника. И праздничное настроение поселилось в сердцах каждого русского человека. Отпраздновал и я, выпив за хрупкое здоровье мальчика, пожелал ему поменьше болеть. С этого момента я стал ожидать своего отъезда с востока Империи.

Найти корабль, который бы согласился выйти в Артур мне стоило больших трудов. Малые джонки, лоханки и шаланды мне не подходили — грузоподъемность малая и тихий ход. Только на десятый день пребывания в мирном городе мне удалось договориться с капитаном парохода пришедшего в порт под французским флагом, и с этого дня я принялся активно закупаться. Денег потратил уйму, забил пароход под завязку мясными консервами и крупами, потратил почти всю свою наличность. Капитану за фрахт заплатил заранее, да еще и с премией за риск и, дождавшись пасмурной погоды, мы вышли из Чифу. Шли с таким расчетом, чтобы оказаться у Артура перед самым рассветом, так, чтобы можно было спокойно пройти по фарватеру. Капитан откровенно опасался японских кораблей, которые могли просто из вредности пальнуть по торговому судну, но желая получить неплохую прибыль и расплатиться-таки с экипажем, он рискнул.

Нам повезло. Перед самым рассветом мы пришли к крепости и встали не далее чем в двух милях от бухты. Японцев рядом не было и потому мы со спокойной душой стали дожидаться катера с лоцманом. Тот поднялся на борт через час, обрадовался и мне и тому, что я привез, и провел нас мимо всех мелей и минных полей.

Я в город принес новость о происшествии с миноносцем. Привез кипу иностранных газет, какую-то почту и дипломатические пакеты. Новость о рождении у императора наследника на краткий миг всколыхнула город и прибодрила защитников. Стессель на радостях распорядился выдать солдатам праздничные сто грамм. Но опять же, все то продовольствие, что я привез, он отказался закупать по моим ценам. Что ж, я с легким сердцем выкинул все консервы простым гражданам, которые раскупили все в течение какой-то недели. В городе с каждым божьим днем с продовольствием становилось все хуже и хуже. Мяса свежего не было вообще, рыба так же пропала, яйца пока меня не было на рынок выкидывала лишь моя Лизка. И то, люди прознав, что у меня на хозяйстве образовалась небольшая куриная ферма, не стали дожидаться Лизкиного прихода, а сами приходили ко мне домой и упрашивали ее продать хотя бы парочку яичек. И пока меня не было, пока ей не надо было кормить мою персону, она помогала людям, шла им на встречу. Упрашивали ее поделиться и живыми курочками, но тут она проявила принципиальность. И вправду, какой разумный человек пошел бы на подобное?

Японцы методично ковыряли крепость. С первых чисел августа стали ходить на штурмы как на унылую работу, а артиллерия принялась методично утюжить наши позиции на Угловых горах и бомбить сам город. Прибыв в Артур, я с неудовольствием отметил следы многочисленных пожаров, дыры в зданиях и воронки от снарядов. Досталось и городу Новому, досталось и Старому. Досталось и моему складу. Крупный снаряд упал прямо рядом со стеной, и деревянную обшивку с той стороны снесло к чертовой бабушке. Лишь кирпичная кладка уцелела, приняв на себя всю мощь ударной волны и смертоносные осколки. Мурзин, показывая мне результат взрыва, хлопая ладонью по крепкому кирпичу, с усмешкой поглядывал на меня. Но ничего не сказал, наткнувшись на мой колючий взгляд.

Склад он после взрыва вместе с Данилом отремонтировал. Стащили откуда-то досок и за день забили разлом. Благо при взрыве ничего серьезно не пострадало, многое уже оказалось продано, а люди мои были уже переправлены в безопасное место. Лишь сторожа,

что дежурили сутками оказались напуганы, но, тем не менее продолжали работать на совесть. Мурзин же, в мое отсутствие, перестроил их кандейку, обложил со всех сторон кирпичом. Так что, те теперь могли работать вполне безопасно.

Очень не плохо показало в бою мое оружие. Впервые были опробованы мои минометы в связке с телефонной связью. При штурме Угловых гор, минометные расчеты зачастую вовремя оказывали помощь, закидывая штурмующих отвесно-летящей смертью, от которой было сложно укрыться. И японцы не понимали, что происходит. Вроде бы подходили к сопкам так, чтобы их не доставала наша артиллерия, но все же попадали под шквальный и точный огонь. Несколько раз они, неся потери, откатывались, оставляя десятки трупов, но затем, пинаемые командирами, снова лезли. И снова терпели поражение от неизвестного оружия. И при этом японцы даже не могли подойти на расстояние, позволяющее броситься в штыковую. Вдобавок и наши солдатики с весельем били противника меткой пулей и не позволяли им даже подняться из-за камней. И опять противник понес большие потери бежал назад.

Японская артиллерия сходила с ума. Чувствуя железную стену на пути их пехоты, они злобно зашвыривали на наши позиции снаряд за снарядом, утюжили сопки, превращая их в лунный пейзаж. И наши солдатики гибли, умирали от взрывной волны и осколков. Но все равно продолжали удерживать позиции. Заканчивалась бомбардировка, пехота опять шла в бой и солдаты опять поднимались, брали винтовки и били, били и били. Но все же, не смотря на геройство, главную роль в обороне играла телефонная связка между командирами пехотных частей и командирами минометных расчетов. Это было чрезвычайно эффективно. Лишь одна жалоба была в мою сторону как изобретателя этого оружия — калибр был маловат. И вот, едва я приплыл в Дальний, как ко мне на склад пришел генерал Белый. Плюхнулся на стул, выставил передо мною учебную болванку и сказал:

— Всем хорош ваш миномет, Василий Иванович, слов нет. Бьет япошек за милый мой и не дает им спрятаться. Только вот слабоват он будет для нас, калибр надо бы сделать покрупнее. Что вы на это скажете?

— Можно и сделать, — согласно кивнул я, — да только где материал для стволов взять?

— У нас есть изношенные стволы от пушек, можно их как-нибудь использовать?

— Даже не знаю.... Только если нарезы расточить, да с казенной частью намудрить. Я это сделать здесь не смогу, только если в ваших мастерских. Они смогут?

— Расточить стволы? Думаю, это не будет слишком сложно. Казенную часть переделать по подобию тоже будет не сложно.

— Да, думаю что вы и без меня это сможете сделать. Да мину вы сможете отлить самостоятельно. Могли бы и без меня все это сделать, Василий Федорович.

— Да, но вы изобретатель этого оружия....

— Бросьте, для меня оборона крепости важнее, нежели какие-то там права. Делайте, что считаете нужным, Василий Федорович, не стесняйтесь. Все правовые коллизии будут рассматриваться после окончания войны, но обещаю вам, что предъявлять вам какие-то претензии по этому поводу я не буду. Для меня важнее чтобы крепость выстояла.

Он удовлетворенно кивнул:

— Вот и прекрасно.

Вообще, генерал Белый приходил ко мне с чистой формальностью. Позже я узнал, что как только проблема была определена, они самостоятельно принялись за производство

минометов крупного калибра, не испрашивая моего разрешения. Через неделю после нашего разговора они испробовали единичный экземпляр и тот показал неплохой результат. И с того момента в мастерских было налажено их производство. На всю крепость было сделано около десятка штук крупнокалиберных минометов и к ним тысячи отлитых из чугуна мин. Только теперь начинали эти мины не моим тротилом, запасы которого стремительно подошли к концу, а мелинитом.

Наши моточайки почти ежедневно парили в воздухе. Разведывали обстановку, определяли позиции противника. Артиллеристы таким образом получали координаты для перекидных стрельб и этим они причиняли серьезный ущерб противника. После того как японцы взяли-таки с огромными потерями Угловые горы, и основная бомбардировка переключилась на город, встал вопрос о том чтобы заставить замолчать вражеские пушки. Позиция, где стояли двадцатимиллиметровые орудия нашим войскам были неизвестны, высказывались лишь предположения. Но с помощью авиаразведки это место было найдено и впоследствии как следует отутюжено. Наши батареи постарались на славу и до самого окончания осады эти пушки нас более не беспокоили. Прямое попадание прямо в разложенные на земле снаряды уничтожило как саму эту позицию, так и сами пушки и орудийные расчеты. Страшный грохот, искаженный эхом сопки, сотряс всю округу.

Штурм наших позиций дорого обошелся японцам. По приблизительным расчетам потеряли они что-то около двадцати-двадцати пяти тысяч человек убитыми и ранеными. Растерзанные тела долго лежали вдоль сопки, их почти не убирала. И жара сделала свое дело — плоть начала гнить и источать зловоние, которое ничто не могло замаскировать. Князь Микеладзе, приобщенный к работам при крепости, неведомым образом оказался во главе похоронной команды. Ему поручили убирать тела наших ребят и хоронить с честью, а так же заботиться о телах тех японских солдат, что полегли перед нашими позициями. Убирать мертвых японцы не мешали. Более того, похоронные команды с их стороны оттащивали трупы от наших позиций и хоронили на своей стороне. Но все убрать было невозможно — многие части тел оказались не найдены и над позициям смрадный дух не проходил еще многие недели. Солдаты по первости закрывали лица тряпками, смоченными в керосине, но потом, видимо привыкнув, перестали обращать на эту вонь маломальское внимание. Но зато когда они выбирались в город, когда солдатики встречались с людьми далекими от этой бойни, тот гнилостный запах, что впитался в одежду, выдавал их с головой. И от этого запаха ничего не могло спасти.

После штурма наши госпитали опять заполнились ранеными. Это было страшное зрелище — оторванные руки, изувеченные лица, запах крови и гниения. Врачи трудились не покладая рук, не особо стараясь спасти сильно раненые конечности. Им было не до того — спасти бы самого человека. И потому при первой же возможности, чтобы сэкономить себе время и поскорее перейти к другому увечному, врачи брали в руки пилы и изуродованные руки и ноги в какие-то мгновения отделялись от хозяев. И это было страшно, но такова была правда жизни. Медицинский конвейер в эти дни работал с утроенной силой.

Я ходил по городу обалдевший, словно сошедший с ума. Все мне казалось каким-то сюрсом, нереальным. Я впервые столкнулся с такой правдой, с такой неприглядной страницей истории. В книгах не передается тот ужас, который царил в осажденном городе и на позициях. Лизка в те дни, когда японцы ползли на штурм, перестала выбираться в город, а

предпочитала сидеть в домике возле моря. Кормила кур, хлопотала по хозяйству, кормила Мурзина и Данила. Сейчас здесь, возле моря, уже не так пустынно. Теперь дачные домики опять полны жизни — летом на берегу прекрасно, не так ощущается жара и часто легкий бриз сносит перегретый воздух в сторону. Офицеры, чьи домики здесь стояли, перетасили сюда свои семьи и теперь по некогда пустынной местности туда-сюда гоняла пара-тройка пацанов, играла стрелянными гильзами, смятыми пулями и причудливыми видами осколками. Здесь до сих пор было безопасно — с самого начала войны ни один снаряд сюда не залетел, ни одна пуля не шлепнулась о камень.

Лизка охала и ахала, рассказывая мне те ужасы, что население передавало друг другу из уст в уста. С придыханием, хватаясь за сердце, причитала: «Ох, а мать-то Марины Ильиничны, убило! Да, осколком полголовы снесло! Ужас-то какой! Марина Ильинична рыдала, уходить в убежище не хотела, так и сидела рядом с матерью, пока саму не убило. Ужас-то какой, ужас!». Или: «Что же делается это, Василий Иванович? Японец тут полез на наших солдат, а один из них своей саблей руку одному штабс-капитану отрубил, а потом и голову снял! А потому эту голову поднял за волосы и кинул с горы. А сам хохотал как умалишенный! Что же это за варвары такие, а?» И так она могла говорить целый день. Страх одолел Лизку, ни о чем другом она подумать и не могла. Хлопотала по хозяйству, кормила кур, готовила, шила, стирала.... Делала все, чтобы не думать о войне, не замечать ее. А когда я приплыл из Чифу, она обрадовалась, вывалила на меня свои переживания, выболтала все страхи. Не знаю, я вроде бы и рад был ей помочь, но слушать без конца одно и то же, переживать вместе с нею я меня не было никаких сил и, ни малейшего желания. Я был грубее Лизки. И хоть меня так же ужасала эта война, шокировала кровь ручьями и кишки ковром, но все же болтать об этом целыми сутками я не мог. Вот этим-то и отличается мужик от бабы — мы переживаем свои эмоции где-то в глубине своей души и на публику не выносим. Может потому и живем меньше, кто знает....

По поводу бронежилетом и касок.... Во время активной фазы боев простые солдаты раскусили все прелести защиты. Едва заметили, что сталь на груди может держать пулю, как в один день все броники оказались разобраны. Каски так же получили одобрение, они неплохо справлялись с летящими в голову камнями и шрапнелью. Офицеры препятствовать неуставным средствам защиты препятствовать не стали, здраво рассудив, что жизнь солдата важнее внешнего вида. Стессель по слухам, увидев подобное самоуправство, поворчал для приличия, но разнос учинять не стал. И более того, после одного из тяжелого боя пред его взором предстал простой солдат Иван, на груди которого красовалась пластина с тремя глубокими вмятинами. Японские пули не смогли ее пробить и отправить солдата на тот свет. И только после этой демонстрации Стессель был вынужден признать, что затея не настолько уж и дурна, чтобы от нее отказываться. Мое изобретение вполне себе спасала человеческие жизни. Плохо было лишь то, что броников в наличии было совсем уж мало. И только поэтому в припортовых мастерских стали мастерить что-то похожее на мои бронежелеты, единственно что пластины у них выходили не такими качественными и плотными. Для того чтобы они держали пулю их приходилось делать толще, а это дополнительный вес, который и без того был немал. Спору нет — солдаты и это расхватили и таскали на груди, но особую ценность в их среде заимели как раз мои вещи. С касками получилась подобная же история. Они неплохо защищали от камней, мелких осколков и шрапнели. Немало голов оказалось спасено и Стессель за неимением запасов, за

невозможностью надеть на все головы мои каски приказал сделать аналог. Но тут уж мастеровые развели руками — для подобной штамповки у них не было ни нормального пресса, ни металла, ни формы. В общем, пришлось солдатам довольствоваться тем, что имелось.

После первых дней штурма, после ожесточенных схваток на расстоянии, после многих тысяч погибших с обеих сторон, японцы смогли заполучить в руки наши изобретения. Несколько наших солдат видели, как японцы с интересом разглядывали нашего убитого человека и щелкали пальцами по стальной каске, ковыряли во вмятинах бронежилета. Потом что-то решив, подхватили тело за руки-ноги и куда-то утащили. Через несколько дней при следующей попытке штурма наши увидели у японцев изобретение — стальной щит, который полностью скрывал человека, позволяя ему оставаться в относительной безопасности под стрелковым огнем. Тащить этот щит мог только физически крепкий и выносливый человек, а таких в армии противника было немного. Японский солдат все же был немного щуплее нашего и ниже ростом. Так что подобное изобретение не сыграло никакой роли. Тех смельчаков, что перли под огнем винтовок, едва они подошли на расстояние броска, оказались закиданы гранатами. Которые, кстати, тоже довольно неплохо показали свою эффективность, шинкуя японцев на ближних дистанциях словно капусту. И вот все это — гранаты, минометы, бронежилеты, каски, авиация и связь, все это очень сильно помогало нашим войскам справляться со своими обязанностями. И крепость держала оборону цепко, отступая под натиском численно превосходящего противника, но забирая при этом против своего одного павшего десять. Это ли не эффективный результат?

Японцы после почти двух недель ковыряния наших позиций все-таки смогли занять Угловую гору, позиции первого и второго редута и некоторые другие вершины. И на этом штурмовка остановилась. Японцы выдохлись, обескровились, им потребовалось время на передышку и восполнение потерь. И опять наши чайки с высоты докладывали, что к нашим позиция один за другим идут эшелоны с пехотой и артиллерией. Противник озлобился.

Данил, после того как установилось небольшое затишье, вновь напомнил мне о своем желании пойти воевать добровольцем. Он был настроен решительно и моего отказа не послушался бы в любом случае. Приказать я ему не мог и потом, грустно вздохнув, я его отпустил. Сходил вместе с ним к Стесселю и по личной просьбе устроил своего архара служить на гору Высокую, туда, где для него было наиболее безопасно. Не сказать, что Данил был счастлив, радоваться тут было совершенно нечему, но вот настроение у него было приподнятое. Очень уж ему хотелось бить противника штыком и пулей. Из своих закровов я отдал ему прибереженный на этот случай бронежилет и нахлобучил на стриженую бошку каску. А пистолет, купленный в Америке, отобрал. Ему он все равно не положен и применить его за бетонной стеной он его не сможет. Винтовка и штык будут его главным оружием. В общем, проводил я своего парня в солдаты, заранее выплатил все ему причитающееся и, крепко обняв, взял с него слово, чтобы он вернулся ко мне на службы живым, невредимым и обязательно героем. Таким чтобы мне было чем хвастаться перед людьми.

Данил ушел, оставив меня с одним лишь печальным Петром. Лизка искренне всплакнула вслед парню, а Мурзин, крепко обняв, похлопал по спине и пожелал удачи. И с того момента мы остались в городе вчетвером — я, Петро, Мурзин, да Лизка. И делать нам в

городе особо было нечего. Почти все запасы со склада проданы, всем чем мог я крепости уже помог и что-то новое им предложить не мог. Мне оставалось лишь наблюдать за ситуацией, да фиксировать происходящее для потомков. Жалко, что пленка давно закончилась, а то смог бы тут наснимать бесценные кадры. Но, с другой стороны, что мне теперь мешало освоить искусство фотографирования? И вот, решив для себя, что на время я стану неким фотожурналистом, я встретился с Пудовкиным. Нашел его в редакции газеты, меланхолично распивающего остывший чай, и без разрешения упал на стул рядом с ним.

— Здоровеньки булы, — поздоровался я с ним, — чего грустим, Алексей Захарыч? Что случилось? Неужто газета ваша закрывается?

Он вскинул на меня бровь, с удивлением спросил?

— А вы откуда знаете? — потом прищурившись одним глазом, «догадался»: — Ах, ну да, вы с его Высокопревосходительством на короткой ноге.

— Это с каким же?

— Со Стесселем же. Он же нам запретил печататься в течение месяца.

— Вот как? Это почему же, что вы ему сделали?

Захарыч вздохнул:

— Да, понимаешь, Василь Иваныч, хозяин наш, дурачок нижегородский, печатал в газете все, до чего его взгляд дотягивался. Где какие войска у нас расположены, сколько человек оказалось убито, сколько ранено, что наш штаб предпринимает, что собирается делать. Я ему говорил, чтобы он не рубил правду с плеча, но он меня не слушал. И вот результат — Стессель приказал нам на месяц замолчать, — он грустно вздохнул: — Печально, Василь Иваныч, жрать-то людям хочется, а тут такое дело.... Хозяин он-то с голоду не помрет, а мы как же? Что нам-то делать?

— Так это что же получается, японцам и шпионов в город запускать не надо было? Достаточно было купить вашу газету?

— Ну, да, — с неохотой признал журналист.

Я хмыкнул:

— Правильно тогда вас закрыли. Вы ж как враги народа, получается! На врага работали!

— Скажете тоже, — фыркнул недовольно он, но, тем не менее, оправдываться не стал. Замолчал и отвернулся к окну. Возникла мертвая пауза.

— Что делать-то сам будешь? — спросил я его, нарушая тягостное молчание.

Он пожал плечами:

— Не знаю. С голоду в этот месяц не помру, а там видно будет. Может, тоже в солдаты подамся, когда брюхо к спине начнет прилипать.

— А может, мне помочь сможешь?

Он встрепенулся и уверенно ответил:

— Смогу, а чем?

— У тебя еще одного фотоаппарата пленочного не найдется? Можешь мне его достать?

— Ну, пошукать-то можно. Только зачем вам?

— Хочу фотографией заняться. Скучно мне здесь стало, приложить себя не к чему. А так хоть для истории, да для вдовствующей императрицы пофотографирую.

— Так давайте я буду с вами ходить везде и снимать! Зачем вам фотографировать, есть же я!

Я с улыбкой мотнул головой:

— Нет, я так не хочу. Но ты, Захарыч, не расстраивайся, я и тебе работу дам и даже

заплату за нее. Будешь мне пленку проявлять, да снимки печатать. Так годится? Ну, еще и расходники у тебя покупать, у вас же в редакции полно пленки, фотобумаги и нужных реактивов?

— Господи, Василь Иваныч, да зачем вам эта морока? Чтобы фотографировать знания нужны!

— Ну, вот ты меня и научишь, — мягко, но твердо заявил я. — Ну так что, достанешь мне фотоаппарат как у тебя? Научишь с ним работать?

Пудовкин заметно повеселел. Сбегал куда-то и минут через пять притащил такой же аппарат какой был у себя. Выложил передо мною:

— Вот, свой отдаю. Только обещайте, что вы с ним аккуратно обращаться будете.

— Гм, спасибо, конечно, но неужели другого нет?

— Берите, Василь Иваныч. Подобный аппарат есть только у меня, да еще у одного человека. Но тот взять я не могу, так что вот... Берите мой, потом отдадите.

— А если сломаю?

— Ну вы как человек честный мне заплатите за него, — уверенно ответил Пудовкин, ни на йоту не сомневаясь в сказанном. — Но вы не переживайте, я вас научу на нем работать, так что все будет хорошо.

На том и договорились. Я забрал его технику, он мне все показал и объяснил. Сам заправил первую пленку и пошел со мною по крепости, наблюдая как я работаю. И при этом у него на шее висела странная камера с двумя объективами, которой он изредка фотографировал. Что-то подозрительно пахнуло из моего будущего — не иначе этот фотоаппарат был предназначен для трехмерных фотоснимков. Я, едва увидев этот аппарат, поинтересовался его предназначением и Пудовкин мне честно ответил, что с его помощью можно делать стереофотокарточки. Чем меня откровенно удивил. Позже я зашел к нему, просмотрел отснятые материалы через специальные очки и обалдел. Действительно — получалось превосходное для этого времени объемная картинка. Вот это было для меня настоящим удивлением.

Пудовкин, оказывается, как настоящий фанат фотографий, перед самой войной заказал себе этот весьма дорогой фотоаппарат и опробовал в деле. Но, так как с началом военных действий пропала всякая возможность на нем заработать, он и не пользовался им, откладывая стереофото до лучших времен. Все же пленка сама по себе весьма дорогая и просто так щелкать в свое удовольствие даже для неплохо зарабатывающего человека весьма накладно. Вот и держал он свое новое увлечение до лучших времен. Сейчас же, когда газета закрылась, а на горизонте появился я с длинным рублем, он решил, что время для нового увлечения самое подходящее. И пусть он на этом деле он в данный момент не зарабатывает, но вот после войны, когда будет снята осада... Вот тогда-то он и смог бы наладить выпуск стереокарточек, показывающих во всей красе оборону Порта Артура.

И вот я ходил с ним по крепости, щелкал на пару все подряд. наших солдат, офицеров, простых прохожих и портовых рабочих. Корабли, укрепления, батареи... В буквальном смысле фотографировал все подряд. И что странное — никто мне делать этого не запрещал. Хотел я заснять батарею или минометный расчет и пожалуйста — передо мной с радостью выстраивались и офицеры и их подчиненные. Хотел снять старт моточаек и опять, пожалуйста — только выскажи пожелание и для тебя все сделают. Наивные были люди, непуганые. А возможно все дело было в том, что мне просто верили и доверяли. Все-таки я довольно немало сделал для самой крепости и для флота.

До середины сентября в крепости было относительно спокойно. Японцы, получив крепкий удар по челюсти, собирались с новыми силами, подтаскивали новые пушки и подкрепления. Генерал Ноги, что командовал осадой, сильно обозлился и потому готовился с особой тщательностью. С начала осени на дальних сопках взмыл в небо новый воздушный шар. Нашим авиаторам стоило больших трудов спустить его на землю, ведь теперь японец, зорко следил за нами. И едва наша чайка взмывала в воздух, как они снимали шар с высоты, прижимая его к земле и обстреливали наших героев из сотен ружей. Через неделю наши второй раз уничтожили шар, сбросив с полуторакилометровой высоты пару сотен гвоздей обмотанных пеньковой бечевкой, пропитанных керосином и подожженных. Конечно, это было очень опасно, но пилоты справились и приобрели немалый опыт. После этого случая нашими войсками стал всерьез рассматриваться вопрос воздушных бомбардировок.

Что же по поводу самих воздушных атак, то японцы, после потери первого шара, действительно подняли по миру волну возмущения, апеллируя к общественности, склоняя к мысли, что мы якобы действуем варварскими методами, используем технику, которой нет и быть не может у японской армии. Действительно, в иностранных газетах частенько можно было прочитать пространные рассуждения на эту тему, но, тем не менее, никто претензий конкретной нашей крепости выдвигать не стал. Был, правда, парламентар, который предлагал сдаться и требовал не использовать наши моточайки, но он получил любезный отказ Стесселя. После этого вопросы о применении авиации более не поднимался. Даже наоборот, штаб крепости серьезно был озабочен новыми перспективами. И бомбардировка противника рассматривалась ими как ключевая способность нового рода войск. Вот так..., а еще говорили мне, что я предлагал бесчестные вещи.

Пятнадцатого числа сентября месяца, с самого раннего утра, когда густой туман еще стелился по влажным от прошедших дождей дорогам, японец пошел на второй штурм крепости. Тремя ротами они полезли на Высокую гору, прямо под пулеметный и винтовочный огонь. Атака была отчаянная и храбрая, но совершенно глупая — через тридцать минут боя от трех рот осталось едва ли больше тридцати человек, которые, прячась за камнями и складками местности, скатились назад. А через час после этого на гору обрушилась яростная огненная буря, неся с собою хаос и смерть.... Которая должна была принести с собою смерть..., но этого не случилось. Я не зря строил на высокой укрепления, не зря заказывал разработку и совсем не зря использовал именно дорогой английский цемент. Японские снаряды, взрываясь на крепком бетоне, не могли причинить ни малейшего вреда обороняющимся. Солдаты на Высокой чувствовали себя в полной безопасности.

Одновременно с этим японцы полезли на Водопроводный, Кумеринский редуты и на Длинную гору, что находились на севере, северо-западе от Старого китайского города. Там ситуация была тяжелее и бои там шли не на жизнь, а на смерть. И там пехота ползла в горы и шла в штыковую и там, после того как наши выстояли, артиллерия стала ровнять позиции с землей, превращая вершины в лунный ландшафт. Но вот там, в отличие от Высокой, все было плохо. Там наш солдат гиб и от фугаса и от шрапнели.

Я, в момент начала атаки, еще спал в своей постели. Не сразу проснулся от приглушенной пулеметной и ружейной трескотни, а проснувшись не сразу понял, что это начался именно штурм. Даже повалялся какое-то время под теплым одеялом, не желая выползть на прохладу, с закрытыми глазами прислушался к бою. А когда понял, что японец

попер, не проявил никаких эмоций, лишь вздохнул глубоко, прогоняя остатки сна и, откинув в сторону пышное одеяло, крикнул:

— Лизка, кофе мне сделай крепкого. И поесть по-быстрому, без рассусоливаний.

— Яишенку на сальце будете? — спросила она уже гремя сковородками.

— Давай....

Петро тоже проснулся. Он раньше меня выполз на улицу, прислушался к стрельбе. Потом пользуясь близостью, взобрался на гору и через некоторое время спустился с докладом. Присоединился ко мне за столом и, кромсая глазунью ребром вилки, сказал:

— Вроде на Высокой палят.

Я молча кивнул. То, что японец полезет на Высокую было вполне ожидаемо. Заняв месяц назад Угловую, та, стала для них словно кусок сахара для сладкоежки — ключиком от обороны крепости для генерала Ноги. Но за Высокую я был спокоен, ее взять просто так с наскока было невозможно. А вот за другие укрепления.... Но тут уж я ничего поделать не мог и потому мне оставалось лишь наблюдать за происходящим. Но, тем не менее, после скорого завтрака я стал собираться. Заметив это, засуетилась Лизка:

— Это вы куда собрались, Василий Иванович? Неужели туда?

— Да, туда.

— А что вам там делать? Вы же там погибнуть можете! Не надо вам туда идти, чего вам там делать! Вам здесь бы следовало остаться и никуда не ходить. Там не ваша война....

— Лизка, откровенно говоря, это не твое дело, — немного грубо, но без металла в голосе сказал я. — Чего ты вдруг стала мне указывать, что мне надо делать, а что нет?

— А вдруг вы погибните? Шальной снаряд упадет рядом с вами и убьет вас. А я потом что буду делать? Как мне потом жить без вас?

— Не понял? — изумился я подобному откровению. Она что же в любви таким образом признается? — Ты чего это, Лиза?

— А что? Куда я потом пойду? Кто меня к себе на работу возьмет? Кому я буду нужна такая, с такими шрамами?

Я облегченно выдохнул:

— Тьфу ты, напугала меня. Не беспокойся, не убьют там меня, я под пули не полезу.

— А тогда зачем вы туда идете?

— Лиза, не твое дело куда и зачем я иду. Надо и иду, понятно?!

И сняв с крючка фотоаппарат, вышел за дверь. Я ведь и действительно не собирался ползти под пули, а хотел лишь подняться на то укрепление, где было все спокойно и уже оттуда пофотографировать. А уж потом, когда все затихнет и станет вполне безопасно, перебраться туда, где был штурм. И уже там все засвидетельствовать на пленку. И даже более того, где-то в этот момент наши мастерские должны были выдать на гора первый миномет крупного калибра и испытать его. Испытания могли бы быть проведены сегодняшним днем, но так как японец полез, то и испытывать его наверняка станут на реальных целях. И вот это было для меня более чем интересно.

И я, прихватив Петра, помчался на мотоцикле в штаб. Нашел там Стесселя с подчиненными, которые склонившись над картой, принимали доклады и корректировали ход обороны. Меня до него не допустили, но мне этого было и не надо. Нашел ближайшего офицера из артиллерии и спросил наудачу насчет нового миномета. И тот ответил, что вроде бы потащили его на второй редут. Значит, туда мне и была дорога.

На втором редуте я и вправду нашел бригаду пушкарей под командованием неизвестного мне капитана. Меня заметили, встретили дружелюбно и разрешили понаблюдать. Здесь, на втором редуте было все спокойно и с этого места было прекрасно видно, как японец ровняет вершину на которой находился Водопроводный редут. Снаряд за снарядом поднимал в воздух горы дробленого камня, уничтожал защитников.

— Атаки не предпринимали еще? — спросил я рядом стоящего солдата.

— Нет, только бомбардируют. Час уже бьют, там поди и живого-то никого не осталось. Все в щепу.

А новый миномет меж тем был уже установлен, расчет подготовлен. С десятков ящиков в которых, видимо, находились сами мины, стояли невдалеке, готовые для того, чтобы их можно было быстро поднести. Капитан ковырялся возле орудия, сверялся с таблицей и вносил правки в прицел. Я в это время молча наблюдал. Лишь сделал пару снимков. Наконец, когда капитан удовлетворился, я у него спросил:

— Каков калибр получился?

— Честно? — прищурившись, ответил капитан: — Я и сам толком не знаю. Из шестидюймовки переделали, так что где-то рядом. Мастера там совсем чуть-чуть сняли.

— А почему она цвета такого как будто из меди сделанная?

— А потому что из меди и есть, — хмыкнул он. — Из китайских запасов от прошлого века гладкоствольная пушка. Видимо еще ядрами стреляла.

— Быть того не может!

— Ну, скажете тоже «не может». У нас все может быть и не такое бывало!

— А ее не порвет?

— Да не..., из пушки же переделанная, проверенная.

Я обошел вокруг изделие местных умельцев. В целом в миномете угадывались черты старой пушки, лишь ее казенная часть была сильно переделана, да для порядка ей чуть больше расточили ствол. Калибр на взгляд был где-то между ста шестидесяти и ста восьмидесяти миллиметров.

— Стреляли уже?

— Нет еще, не испытывали. Вот японец, когда ползет тогда и испытаем.

— Так может сейчас кинем одну мину? — предложил я с хитрым прищуром, — Посмотрим, как она улетит?

Но капитан не повелся на мое предложение, мотнул головой и с улыбкой ответил:

— Нет, Василий Иванович, не будем мы сейчас стрелять. У меня всего двадцать мин, не хотелось бы их использовать впустую.

Что ж, пришлось мне запастись терпением. Весь светлый день я провел на редуте, ожидая атаки японкой пехоты. Но та все не шла, все чего-то выжидала. Уже давно замолкла артиллерия, уже давно Водопроводный редут срезали с вершины холма, а штурма все так и не следовало. На других участках давно слышалась ружейная и пулеметная стрельба, взрывы от ручных гранат и моих мин, а здесь на несколько долгих часов установилась тишина. И это было странно. Я здесь уже и чай успел несколько раз попить и перекусить солдатской кашей, а японец все не шел и не шел. Наши солдаты гадали о причинах этой паузы, высказывали самые разные и порою фантастические предположения. Наконец, под самый

конец дня, когда солнце коснулось соседних сопок, наблюдатели доложили:

— Вижу противника численностью до трех рот.

И вправду, вдалеке, не особо маскируясь и прячась, в выкопанных в каменистой почве подходах выстраивались люди, готовились к быстрому штурму. С наших позиций до них было не достать — слишком далеко, да и с Водопроводного редута тоже.

— Не будете пробовать? — спросил я капитана, разглядывая идущих вдоль железной дороги японцев.

Он припал к биноклю и через несколько секунд ответил:

— Можно было бы пробный закинуть, — а затем решил: — Да, сейчас угостим их чем-то новым. А ну, братцы, готовьте снаряд.

И расчет пришел в движение. Был подтащен один из ящичков, вскрыт и вытащена мина. Быстро вкручен взрыватель. Капитан, пока производились все эти действия, снова припал к биноклю, а затем, подсмотрев в блокнот, выставил прицел.

— Готово, вашбродь! — доложил солдат из расчета.

— Хорошо. Василий Иванович, вам бы отойти отсюда. На всякий случай....

Я его послушался. Убежал метров за двадцать, залег за каменный вал.

— Ну-с, с богом, — выдохнул капитан, быстро перекрестился и скомандовал: — Опускай.

Двое солдат подхватили тяжелую мину и осторожно опустили ее в жерло медной пушки. И едва она скользнула вниз, сиганули вместе с капитаном прочь и распластались на земле. Прошло несколько секунд, прежде чем миномет выстрелил. Земля содрогнулась, в воздух поднялась мелкая пыль и по ушам сильно приложило плотной волной. Мина ушла в небо.

После выстрела все поднялись. Мы с капитаном припали к биноклям, он мне подсказал:

— Видите куст перед железнодорожной будкой? Туда метил....

Я перевел взгляд и через секунду-другую увидел мощный взрыв упавшего подарка. И та самая железнодорожная будка разлетелась на мелкие щепки.

Взрыв никого не убил. Мина легла с сильным перелетом и японцы лишь присели от неожиданности — они никак не ожидали, что здесь их может накрывать артиллерия, полагая что все пушки на Водопроводном уже разбиты, а от других батарей они находятся в мертвой зоне.

— Вашбродь, еще один? — едва ли не с мольбой попросили солдаты, видя, что мина не принесла противнику никакого ущерба.

Капитан охотно кивнул:

— Готовьте, — а сам, присев на валун, принялся в блокноте править расчеты. И вскоре вторая мина полетела на встречу с японцами. В этот раз она упала прямо в цепи ползущих на редут. Кого-то из них убило взрывной волной, кого-то свалило на землю, а кого-то посекло острыми камнями и осколками.

— Еще одну! — возбужденно прикрикнул капитан, — Готовь!

— Готово, вашбродь!

— Опускай!

И следующая полетела, шурша оперением по воздуху. И эта опустилась прямо на головы японцев, выкашивая густые цепи словно косой.

С редута открыли ружейный огонь. Слишком слабый и разрозненный. Японские пушки сильно проредили наших защитников, да и подмога еще не успела подойти. Противник

ответил своим огнем и ускорил подъем. Офицеры орали на подчиненных, подгоняли, заставляли изо всех сил карабкаться вверх. И было понятно, что совсем скоро редут падет — слишком уж слаб был наш огонь.

— Готовь! — снова скомандовал капитан, торопясь до сумерек расстрелять весь боезапас.

— Готово, вашбродь!

— Опускай!

Миномет хагнул и пыльный тюльпан расцвел уже за спинами японцев. Капитан припал к орудию, подправил прицел.

— Готово, вашбродь!

— Опускай!

За пять минут расчет расстрелял с десятков мин. Взрывы косили противника, кромсали на части, но он, противник, все лез и лез. Пер словно цунами, непреодолимой силой забираясь на гору. Отстреливался, прятался за камнями и короткими перебежками подбирался для решительного броска. Солнце уже скрылось за сопками и стало быстро темнеть. Еще совсем чуть-чуть и наше орудие станет бесполезно. И капитан решил ускориться. Прикрикнул на своих солдат:

— Живее, коровы беременные!

— Готово!

— Опускай!

Двое солдат бросили мину в жерло орудия и... выстрела не последовало, капсюль не сработал. Не оборачиваясь, капитан рявкнул:

— Чего возитесь?! Опускай!

— Осечка, вашбродь, — растерянно ответил ему солдат.

— Чего мелешь, какая осечка?

— Ну, так вот..., - бессильно развел руками ответивший, показывая на дымящийся медный ствол.

В самую пору было выматериться. Оставалось еще несколько мин и едва ли с десятков минут быстро сгущающихся сумерек. И это осечка лишала Водопроводный нашей помощи.

— Вытаскивай, ...твоюбогадушумать!

Легко сказать, вытаскивай. А как? Чтобы сделать это, необходимо наклонить миномет и аккуратно взять мину в заботливые руки, то есть, образно говоря — принять роды. А вот попробуй наклонить медный ствол, который весит хрен знает сколько, да сделай это так, чтобы мина никуда не уткнулась взрывателем. Но для наших солдат нет невыполнимых заданий и вскоре миномет наклонили в восемь рук и приняли скользнувшую мину. Да только уже было поздно, вокруг стемнело окончательно и «роды» пришлось принимать при тусклом свете фонарика.

Бой за Водопроводный редут продолжался и с наступлением сумерек. Японцы заползли-таки на вершину и вступили в штыковую. И даже с нашего места были слышны редкие выстрелы, а воображение рисовало крики убиваемых и стоны раненых.

Я с Петром с позиции так и не ушел. Остался ночевать, слушать гомон темноты. Через час после захода солнца все стихло, японцы заняли высоту. Прекратилась стрельба, прекратились взрывы и ни один возглас не донесся до нашей стороны.

Рассвет открыл для нас страшную тайну — японская пехота всю хозяйничала на

высоте, сбрасывая тела павших защитников с вершины. Те скатывались вниз, где их подбирала похоронная команда и увозила в ближайшую расщелину и забрасывала там камнями и землей. Со своими погибшими они обходились куда как почтительнее.

С рассветом узнали, что помимо Водопроводного редута пал и Кумиренский и оказалась занята вершина Длинной горы. Высокая выстояла без особых проблем, и там убитыми и ранеными наши потеряли не более пятидесяти человек. Противник же положил там более тысячи, усеяв склоны кровавым ковром из истерзанных тел.

Ближе к обеду я вернулся домой. Меня встретила обеспокоенная Лизка, всплеснув руками и заплясав вокруг меня кругами:

— Ой, боженьки, с вами все порядке! Слава богу, вы живы! Я уж и думать устала разное, гадала, что с вами случилось. Ночь не спала, переживала. Где же вы были, Василий Иванович, где же вы пропадали?

— Не суетись, — грубо осадил я ее. Настроения не было никакого — после увиденного было не до веселья. Она меня поняла, заперла в себе квохтушу и убежала в дом греметь сковородками. Покормить меня для нее сейчас было первым делом.

Вскоре я позавтракал, не ощутив вкуса. Залил в плотку крепчайший кофе с тремя ложками сахара и только после этого заметил:

— А Егорыч где?

— В город подался вас искать. На Высокую поехал, да на склад хотел заскочить.

— Понятно.... Лизка, баньку бы.

— Ой, да, конечно. Я сейчас....

Мурзин пришел только под вечер, принес неутешительные новости — Данил ранен и находится в Мариинской больнице при Красном Кресте. Но ранение не тяжелое — пуля лишь продырявила руку.

— Был уже у него? — спросил я, одеваясь.

— Да, был. Вроде неплохо себя чувствовал, но еще не оперировали. Там тяжелых сначала режут, а таких как он напоследок оставляют.

— Сам он что говорит?

— Ну как..., веселится. Лыбится как дурачок, хорохорится. Но рука болит, это видно, грабкой своей не шевелит лишней раз.

— Ладно, пошли еще раз навестим.

И мы вышли. Следом за нами выбежала Лизка и, услышав далекие разрывы снарядов, запричитала:

— Куда вы собираетесь, там же японцы опять стреляют. Слышно же, что в город кидают, куда вы? Вдруг убьет?

Но мы ее не слушали. Сели на технику и укатили в быстро накатывающие сумерки. Японец и вправду стрелял по городу, вслепую накрывал здания, пытался выбить как можно больше инфраструктуры. Но сейчас, под вечер они стали успокаиваться. И под затихающую частоту стрельбы, мы прикатили к больнице. А там.... Честное слово столько увечных и столько крови я увидел впервые. Все что было до этого казалось детской шалостью. Солдаты и офицеры сидели, лежали, страдали и умирали даже во дворе больницы — внутри не хватало всем места. Вдоль них курсировали сестрички в замаранных кровью халатах, и словно из дешевых фильмов ужасов относили отпиленные конечности, стирали окровавленные бинты, ножницами кромсали одежду и обрабатывали раны. Кислый, с

железным привкусом запах крови нависал над больницей удушливым облаком.

Данила мы нашли не сразу. Пришлось походить меж лежачих, поспрашивать. Он нашелся недалеко от ограды, сидел, прислонившись спиной к кирпичной кладке и морщась, терпеливо ждал своей очереди. Он нас не видел и когда я к нему обратился, от неожиданности вздрогнул:

— Ну что, болезный, отвоевался?

Он с легкой долей вины посмотрел на меня снизу-вверх, попытался встать. Но я махнул:

— Сиди уж.... Как рука?

— Нормально.

— Кость цела?

— Да вроде бы цела. Мясо только продырявило.

— Что врачи говорят?

— Да ко мне еще даже и не подходили, — соизволил он пожаловаться. — У них других забот навалом. Вон, — кивнул он куда-то в сторону, — у того в пузе осколок сидит, а его только сестричка и посмотрела. Доктор не успел, отмаялся бедолага уже как с час. Отмучался. Царствие ему небесное, — и он перекрестился здоровой рукой.

— А что по ране говорят? Заживет или резать надо?

— Не знаю, Василь Иванович. Может и заживет, а может и резать надо.

Я вздохнул.

— Блин, где ж я тебе врача-то сейчас найду? Все же при делах....

У первой попавшейся сестрички я выяснил все что надо — все врачи оказались заняты и работали в первую очередь с тяжелыми. Работы много, многие не отдыхали уже двое суток. Легкораненые оставлялись врачами на потом, но когда это потом случиться? Хорошо хоть что перевязали грамотно, не пожалели бинтов и ваты. Но все же если врач не сделает свою работу, то в ране начнется нагноение, а это в нынешние времена очень и очень плохо. Я ничего не мог сделать. Куда бы я ни обращался, куда бы не совался, везде мне отказывали. Кивали на тяжелых и вопрошали, могу ли обменять одну жизнь на другую. Я, конечно, не мог так поступить, совесть не позволяла. Но и просто так сидеть я не мог. И лишь когда уже наступила глубокая ночь, я смог перехватить одного из врачей, что вышел на улицу перекурить и с большим трудом уговорил его осмотреть моего человека. И тот согласился лишь потому, что в свое время я подарил больнице очень много лекарств.

Рана у Данила оказалась действительно не страшной. Пуля прошла мягкие ткани, контузила мышцу и затащила в рану фрагменты ткани. Его по-быстрому обработали, без обезболивания иссекли рану, удалив грязь и зашив. Мой парень скрипел зубами, но героически терпел. Да и грех было жаловаться, когда на его глазах люди и не такое выдерживали. В общем, Данил, получив помощь, был определен на импровизированное койкоместо. А я уже глубокой ночью отправился домой.

Отражение второго штурма обошлось японцам очень дорого. Тысячи, десятки тысяч погибших с их стороны усеивали склоны гор. Наших тоже погибло немало, но все же существенно меньше, едва ли не на порядок. Складывалось впечатление, что известная формула три к одному в этой осаде почему-то не работала. Смерд разлагающихся тел снова накрыл крепость. День и ночь работали похоронные команды с обеих сторон. Японцы обратились к нашим с просьбой забрать свои тела и те, недолго думая согласились. И вскоре возле наших позиций ползали японцы, забирали более или менее целые трупы и стаскивали

вниз.

Осада продолжилась. Противник еще больше заглубился в землю, повел к укреплениям сапы. И опять продолжилась бомбардировка. Беспрестанная, методичная, ужасающая. Японцы бомбили позиции, бомбили город. Стессель, желая спасти хотя бы раненых, обратился к Ноги с просьбой не обстреливать больницу Красного Креста, соблюдать подписанные международные конвенции. Странно, но генерал согласился и с этого момента, и до самого окончания осады более ни один японский снаряд не упал на территорию лечебницы. И теперь Мариининская больница стало самым безопасным местом в городе и именно сюда люди стали приходить пересидеть бомбардировки.

В крепости стало совсем плохо с продуктами. Десятки тысяч людей потребляли продовольствие с бешеной скоростью. То, что я привозил из Чифу давным-давно закончилось и мои склады опустели. Впервые проявилась цинга, солдаты стали сплевывать кровью, жаловаться на ломоту в конечностях и общую слабость. Мои апельсины на складах у купца Чурова все так же лежали, ожидая своего часа. И вот, наконец, он настал. Военные сами прибежали ко мне и выкупили все запасы на корню. Подсчитали, что при бережном расходовании цитрусовых, цинга не проявится еще месяца два-три. Что ж, маловато, конечно, но и то хлеб. И тут же, забрав у меня последнее, Стессель через своего адъютанта попросил еще раз сходить до Чифу и закупиться продовольствием.

— Вот что необходимо в первую очередь, — положил передо мной листок статный высокий офицер. Я его взял, пробежал глазами портянку из двадцати с небольшим позиций, напротив которых стояли цены. Цены хоть и оказались подняты процентов на пятьдесят от того что было до войны, но, надо заметить, все же сильно отличались от тех, что люди запрашивали на рынке.

— Извините, но я должен буду отказаться, — ответил я, сопоставив риски и возможность хотя бы не уйти в сильный минус при такой сделке.

— Позвольте узнать почему? — нахлобучился адъютант Стесселя.

— Риск очень велик, — уклончиво ответил я, а затем добавил, — а денег у меня на все не хватит. И закупочные цены у вас хоть и поднялись относительно прошлых времен, но все равно не соответствуют нынешнему положению.

Честное слово, только сказав эту фразу, я понял насколько цинично она звучит. Получилось так, словно для меня прибыль стоит на первом месте. Оно, конечно, так и есть, но только не в нынешней ситуации, когда люди в крепости скоро начнут жрать голенища от сапог. Честно, я бы и так сгонял в Чифу, да только денег-то у меня и в самом деле немного и раскрутить командование крепости на десяток-другой тысяч рублей на прокорм своих же людей было бы по-честному. А то радеют, понимаешь ли, за выделенную из министерства копейку, а людям жрать нечего.

Но, не смотря на мою неудачную фразу, офицер все понял правильно. Он дернул подбородком и пояснил:

— Господин Рыбалко, вы, видимо, не правильно поняли. Крепость готова вам выделить деньги на продовольствие, которое вы закупите в Чифу. Список, который вы прочитали, это то, что нам необходимо, а цены в списке это означает то выше какой цены вы не можете подниматься в торговле. Если закупитесь ниже, то разницей и будет ваша прибыль.

— Ах, вот оно что..., - удивленно протянул я, еще раз взглядываясь в листок. — Ну, если с такой позиции подходить к этому делу.... Тогда действительно, сходить до Чифу уже становится делом весьма интересным. Гм....

Что ж, а ведь это и вправду было весьма заманчиво. В китайском городе продовольствие можно закупить без особых проблем и по вполне демократичной цене, и при этом я не рискую своими капиталами, да и прибыль образовывается вполне себе неплохая.

— Не думаю, что адмирал Того позволит мне проскочить туда-сюда еще раз. Уйти за пролив мне не кажется проблемой, только как мне возвратиться с грузом обратно?

— Да, согласен с вами, тут есть некоторые сложности. Туда вас отвезет «Лейтенант Бураков». В Чифу он пробудет не более суток, дольше ему запрещено находиться по договору. Там он заберет почту и вернется в Артур. Вы же, Василий Иванович, останетесь там и будете закупать продовольствие. С вами будет офицер и когда вы закупите все необходимое, то вы отправите этого офицера на зафрахтованном судне. Сами же, если того пожелаете, можете остаться в городе и готовить продукты для второго рейса.

— Но я не понимаю, как же судно сможет пройти мимо Того? Наша эскадра до сих пор не может с ним расправиться и все время стоит на рейде.

— О, это вас не должно заботить. Адмирал Витгефт будет ждать прихода продовольствия и в нужный момент отвлечет противника, свяжет его маневром и боем.

— Он готов рискнуть флотом ради одного корабля с продовольствием? — сильно удивился я.

— Почему же ради одного корабля? — удивился офицер. — А что вам мешает нанять несколько кораблей и отправить караваном?

— Действительно, — хмыкнул я.

— Ну так что? Каков будет ваш ответ?

— Мне надо подумать. У меня есть время?

— Да, до полудня завтрашнего дня. Ночью «Бураков» уйдет в Чифу с вами или без вас. Но прошу вас не затягивать с решением, если вы согласитесь, то с вами хотели бы переговорить лично Стессель и Витгефт. Конфиденциально.

Думал я не долго. Попросил адъютанта подождать, напоил его крепким ароматным кофе с коньяком и пока он, прижмуриваясь, цедил благородный напиток, принял решение. Все-таки делать мне в Артуре особо нечего, а вот скататься в Чифу еще раз было бы интересно.

Со Стесселем и Витгефтом я встретился тем же вечером. Я заявился поначалу в штаб крепости, но там их не оказалось. Оттуда меня перенаправили до дома адмирала, что находился возле Пресного озера. Туда я и направился. Уже через пять минут я стучал в деревянную дверь. Открыла мне степенная и знающая себе цену женщина. Сурово окинула меня взглядом и зачем-то воровато просканировала окрестности за моей спиной. Потом посторонилась, давая мне пройти, и сказала:

— Проходите, господин Рыбалко, вас давно ожидают.

Я зашел внутрь.

— Вам туда, — подсказал женщина, показывая рукой направо.

Там была комната. А в комнате, развалившись на креслах тянули папиросы Витгефт и Стессель. Они улыбнулись мне, кивнули, хозяин дома любезно указал на третье кресло. В него-то я и упал, провалившись в мягкую подушку.

— Стеша, пойди погуляй, — распорядился Витгефт и служанка исчезла из дома. И, я так понял, мы остались одни и в воздухе отчетливо запахло конспирологией.

— Итак, дорогой Василий Иванович, стоит констатировать — вы согласились на наши условия, — произнес Стессель, беря инициативу в разговор в свои руки. — Отрадно, что вы,

являясь горячим патриотом своей страны, не забываете заботиться и о своем кармане.

— Я купец первой гильдии, — пришлось ответить мне на необычный подход. — Прибыль — это то ради чего я живу.

— Ну да, ну да. Ради прибыли делаются все дела в этом мире. И даже эта война проводится только ради нее. Японцы хотят с китайцев снимать шкуру, а мы хотим их доить. Все логично и разумно.

— Только китайцев никто не спрашивает.

— Да-да, такова уж их участь, быть наградой для победителя. Надо честно признаваться себе в своих же поступках, тогда и конечная цель будет видна более отчетливо. Вот вы, Василий Иванович, являетесь купцом первой гильдии, имеете хорошее знакомство с самой Вдовствующей Императрицей, являетесь придворным синемаатографистом и, вроде бы, для многих этого было бы достаточно и с таким багажом можно жить припеваючи и денег зарабатывать при дворе такие, какие не снились даже нам. Но вы как купец весьма необычны, вы приперлись в глушь империи, чтобы помогать в войне я Японией. Похвально, конечно, но с моей точки зрения весьма подозрительно. Вот вы не раз говорили, что, находясь здесь, вы не желаете поиметь прибыли, не так ли?

— Да, прибыль имеет здесь место, но она не самоцель.

— Ага, — Стессель с некой задоринкой воздел палец к небу, — но все же она для вас имеет место быть!

— Ну да, — хмурясь ответил я, не совсем понимая канву разговора. — К чему вы клоните?

— Действительно, — вставил слово Витгефт, — Анатолий Михайлович, давайте ближе к делу. У вас какое-то путаное вступление.

Стессель кивнул, принимая критику.

— Итак, Василий Иванович, вы согласились купить в Чифу продовольствие для крепости. Так?

— Да, так. Насколько я понял, вы готовы выделить деньги на закупку.

— Именно. Мы готовы вам выделить сто тысяч рублей, на которые вы снарядите караван. Вы с этим согласны?

— Да, согласен. Иначе бы меня здесь не было.

— Отлично, — улыбнулся Стессель. — Просто отлично. А согласны ли вы с той прибылью, что вы готовы получить в ходе реализации данного проекта?

Я развел руками, показывая, что раз я здесь, то вопрос неуместен.

— Я так и думал. Но, дорогой Василий Иванович, вы как купец, как купец первой гильдии, — он особо это подчеркнул, — должны понимать, что такие прибыли просто так не зарабатываются. Вы понимаете нас?

И тут до меня стали доходить все эти странные маневры — Стессель и Витгефт просто-напросто вымарачивают с меня взятку! Все так банально.

И я улыбнулся краешком губ. Они это заметили и также расплылись в довольных улыбках.

— Вот и отлично, что понимаете, — снова затянул Анатолий Михайлович. — Оно и не должно быть иначе, все логично.... Все-таки приятно иметь всяческие дела с человеком улавливающего самую суть.

— Вы собираетесь выделить мне из казны крепости сто тысяч, — попытался резюмировать я слишком уж длинное вступление, — а сколько на самом деле я получу на

руки? На какую на самом деле сумму я смогу рассчитывать?

Витгефт и Стессель переглянулись. Адмирал пыхнул папиросой и глухо произнес:

— Семьдесят пять тысяч.

Я мысленно присвистнул. Однако ж, по двенадцать с половиной тысяч на рыло? Не стесняются они, воруют другим на зависть. А с виду честные люди.

— Ну, так что? — вкрадчиво спросил Стессель, видя, что я впал в задумчивость. — Вы согласны?

— Надо уточнить детали, — медленно ответил я. — Из тех семидесяти пяти, прибыль, что получается вся до копейки моя?

— Конечно. Вы уже получили список с ценами, по которому крепость готова приобрести продукты. Понимаем, что вы в Чифу закупитесь дешевле, так вот..., разница и будет вся ваша до последнего грошика. Обещаем вам с нашей стороны всяческую помощь.

В общем-то тут и думать нечего, надо соглашаться. Но я все же позволил себе взять минуту на размышление. Прикинул кого я захвачу в Чифу с собой, а кто останется здесь. И при нынешнем раскладе выходило, что мне в Артуре будет не хватать человека. Мурзин с Петром пойдут вместе со мною и будут там помогать. Здесь же, получается, остается одна Лизка, но она в торговых делах не помощница. Данила не хватало, зря он ушел в солдаты, ой зря. Не вовремя.

— Я согласен, — озвучил я свое решение спустя какое-то время. — Но только можно одну просьбу?

— Конечно, все что в наших силах, — с легким сердцем откликнулся Анатолий Михайлович. — Что вы хотите?

— Помните я у вас хлопотал по поводу моего человека, просил его пристроить на Высокую?

— Вы про вашего мордворота? Конечно, помню.

— Я хотел бы забрать его обратно. Мне будет не хватать его рук.

— Ой, да стоит ли об этом беспокоиться? — улыбнулись оба махинатора. — Неужели он вам настолько дорог? Он же просто на вас работал.

— Да, но тем не менее. Мне нужен он обратно. В данный момент он проходит лечение в госпитале по ранению. Прошу вас отдать его мне.

Стессель махнул рукой:

— Как скажите. Сегодня же распорядюсь, чтобы его комиссовали. Ранение-то хоть серьезное?

— Ерундовое, но сохраняется риск заражения.

— Все одно — комиссуем. И даже медальку дадим, чтобы не было так обидно. На этом у вас все? Более просьб не будет?

— На этом все, — кивнул я и после еще нескольких бессмысленных фраз, мы расстались.

А следующим днем я получил под роспись сто тысяч рублей, четверть из которых тут же занес в штаб крепости. Потом забрал из госпиталя недовольного Данила и расписал ему все его обязанности в мое отсутствие. Ну а вечером, перед самыми сумерками я с Мурзиным и Петром поднялся на борт «Лейтенанта Буракова» и без особых приключений вышел в море. Перед самой посадкой меня познакомили с офицером, который пойдет со мной в Чифу.

— Вот, Василий Иванович, это лейтенант Колчак, Александр Васильевич. Он будет проводить караван в Артур.

Это было действительно неожиданно. То, что Колчак сейчас служит именно в Артуре я не знал. Господи, да вообще забыл о его существовании. Думал, что в отдаленной перспективе придется с ним пересечься, но никак ни сейчас. Будущему лидеру белого движения в данный момент дашь не больше тридцати. Среднего роста, среднего телосложения, средней внешности. Везде средний, лишь взгляд его с небольшим припуском надменности и легкого упрямства выделял его из общей массы себе подобных. И не скажешь, что лейтенант — по повадкам будущий адмирал.

Он был немногословен, общался при необходимости. Первая встреча прошла почти официально, до панибратства он не опустился. Обращался ко мне исключительно «господин Рыбалко», чем сильно дистанцировался от моей персоны. Хотя, может быть и правильно. Сейчас он лишь морской лейтенант, а я для него звезда Полярная — сияю где-то там, на недостижимой высоте. Я и со Стесселем на «короткой» ноге, я и с Императором и с его матерью.... Думаю, Колчак сейчас выдерживает дистанцию лишь потому, что я сильно и сильно выше его в положении.

В Чифу пришли перед рассветом. Командир «Буракова» предупредил, что должен будет сняться с рейда через сутки, так что если я хочу отправить на миноносце что-нибудь в крепость, то должен буду поторопиться.

Я устроился в той же гостинице, в которой был и в прошлый раз, Колчак занял номер по соседству. И не теряя времени я с Мурзиным, которого взял в качестве переводчика, отправился на рынок. В Артур первым делом надо было отправить медикаменты. В госпиталях катастрофически не хватало перевязочного материала. С небольшими трудностями на свои средства закупил бинты, ваты, шелка и карболки и на шлюпках отправил все на борт. А ночью «Лейтенант Бураков» снялся с якоря и ушел в крепость, унося с собою помимо моего груза еще и десятки килограммов почты.

У нас была одна неделя на все. Моя цель — закупка, цель Колчака — фрахт кораблей и их проводка до крепости. По окончании недели я мог по желанию остаться в Чифу, а мог и вернуться. Пока я этого не решил, так как моим первостепенным желанием сейчас было успеть потратить те средства, что мне выделил Стессель. А это был очень непросто.

Цены в Чифу за время моего почти месячного отсутствия слегка выросли, но все же они оставались значительно ниже тех, что были в осажденном городе. Потому и закупаться у меня получалось без особых проблем. С продавцов я брал бумаги, чем-то напоминающие привычные мне товарные чеки или расписки, их я позже вечером отдавал Колчаку, который без особых придирок визировал и подкалывал в тощую папку. Про реальные цены он наверняка догадывался, но ни слова мне не сказал. Да и что он мог сказать, когда он наверняка получил от Витгефта указания в дела торговые не влезать. Тот и не лез, получал бумаги вечером, выписывал общие расходы в тетрабочку и присовокуплял их в общую стопку.

Из семидесяти пяти тысяч доставшихся мне на руки за неделю я смог потратить лишь сорок три. Плюс к этим сорока трем почти восемь тысяч были моим «честным» заработком. И эти восемь тысяч я везти в Артур не собирался, решил так же их кинуть на продовольствие, но не отдавать их крепости, а кинуть в свой склад. И уж оттуда потом продать простому населению, которое испытывало очень уж сильную нужду. Дела в этом отношении были совсем плохи, люди стали просить еду у военных.

Не стоит описывать сколько труда и сколько красноречия приложил Колчак к капитанам стоящих на рейде судов. Главное, что в итоге в Артур согласилось пойти четыре судна. И вот, в условный день, глубокой безлунной ночью лейтенант вместе с Мурзиным вышли в открытое море. Расчет был таким, чтобы к рассвету оказаться на полпути к крепости. В это же время вся наша эскадра под командованием Витгефта также должна была выйти в открытое море и отвлечь на себя противника если тот окажется поблизости. Для адмирала это была не простая задача, ведь до сих пор эскадра Того превосходила наши силы. Но, как говорится, это была уже не моя проблема. Главное я сделал — отправил крепости продовольствие, которое поможет защитникам продержаться еще какое-то время.

Сам я вместе с Петром остался в Чифу и продолжил закупать продукты. По договоренности, если так случится, что выйдет вторая партия доставки, то ее я должен буду осуществить самостоятельно на свой страх и риск. Что ж, так тому и быть. Еще неделю я провел в городе, пытаясь самостоятельно договориться с капитанами торговых судов. За эту неделю узнал, что Колчак смог-таки провести караван, а Витгефт, отвлекая на себя внимание, дал короткий бой Того в ходе которого получил очень серьезные повреждения один из наших крейсеров. А после того, как убедился, что караван оказался в безопасности, сам отошел под прикрытие береговых укреплений. В общем, эта новость, разошедшаяся в Чифу, несколько помогла мне в найме грузового судна. Удивительно, но капитан, управляющий судном под Британским флагом, оказался космополитом и с большой охотой согласился заработать дополнительные деньги. То, что его правительство всячески вставляла палки в колеса нашей стране, его не особо волновало. Главное, как он сказал, чтобы его экипаж вовремя получал заработанное, а его судно всегда было в исправном состоянии. И тут он плевал на высокую политику с высокой же колокольни.

Я прибыл в Артур на самом рассвете. Как и в прошлый раз остановился в паре миль от входа в бухту, к нам приплыл на катере лоцман и вскоре судно зашло на разгрузку. Ближе к вечеру я прибыл в штаб, отчитался перед Стесселем за потраченные деньги и вернул оставшиеся тринадцать тысяч. С этой поездки все заработанные деньги я вложил в товар. Получилось, конечно, немного, но все же хоть что-то. И едва мой товар лег на склад, и едва зарылись на замок ворота, как к нему потянулся гражданский люд. Они уже знали, что я привез жратвы и цены за нее ломить не буду. Но если говорить честно, то у народа почти не осталось денег, поэтому многое приходилось продавать под расписку, в долг. Это обстоятельство, конечно, сильно подкашивало мое финансовое положение, но просто так отказать людям я не мог. При этом я понимал, что многие из должников со мною никогда не расплатятся.

Домой вернулся лишь под вечер. Уставший и грязный зашел во двор. Толкнул тихую калитку и увидел Лизку. Она широким веером разбрасывала дробленое зерно, созывая несушек:

— Цыпа, цыпа, цыпа....

Она меня не видела и не слышала. В шутку я подкрался к ней и неожиданно схватил щипнул за бок. Он с визгом подпрыгнула:

— Ой! — и, не разворачиваясь, махнула миской с крупой: — Щас как трахну по кумполу!

— Чегой-то сразу «трахну»?! — шутливо спросил я.

Она обернулась и уже удивленно:

— Ой! Василий Иванович? А я думала, что это Данила опять шутит.

— Данила на складе у меня задержался.

— А Петро?

— И Петро там же и Егорыч. Я один сюда приехал, парни в городе дела заканчивают.

— Ой, а давно вы приехали?

— Утром, — ответил я с улыбкой замечая как Лизка взмахнула руками. — У тебя горячего поесть что-нибудь готовое есть? А то жрать охота, сил нет.

— Как же нету, есть! Щи стоят в печи, Данилу кормить собралась. Думала, придет вот-вот, а его все нету и нету. Проходите в дом, я вам сейчас накрою.

— Угу, хорошо. А банька, случаем, у тебя не растоплена?

— Нет, не топлена. Но вода еще теплая. Вы помыться хотели?

Я кивнул и остановил дернувшуюся было в баню женщину:

— Сначала поесть, Лиз. Баню я сам растоплю.

И пока она готовила мне стол, я взял в охапку дровишек и раскочегарил небольшую банную печь. Греться она будет часа два, а то и три, так что после плотного ужина у меня еще будет время побездельничать.

В это время Лизка квохтала вокруг меня. Стащила с меня грязную одежду и затеяла во дворе стирку. На улице сейчас прохладно, но еще без заморозков. Днем можно ходить в легком пальто и без шапки. Одно плохо — ветра со стороны моря в это время года слишком уж пронзительные, вытягивают тепло из тела очень быстро. Сейчас сумерки, солнце скрылось за сопками, и потому Лизка торопилась. Ширкала белье на стиральной доске осточертело — только пена летела во все стороны.

В дом зашла моя троица. Краснощекие, уставшие. По веселым глазам было ясно, что где-то накатили. Да и запах от них шел такой, что хоть нас затыкай. Нырнув головой в печь, Данила воскликнул:

— О-о, щец еще теплый! Живем, братцы!

И они втроем сели за стол. Я к тому времени уже давно закончил и щеголял по жарко натопленному дому в длиннополом халате, но уходить из-за стола не стал. Остался сидеть рядом с мужиками, хлебая из тонкостенного стакана крепкий сладкий чай. Парни молотили ложками по тарелкам, крошили челюстями подсохшую краюху черного хлеба. Когда закончили и, облизав ложки, отложили их в сторону, Данил сыто откинулся на спинку стула и сказал:

— Повезло вам, Василь Иваныч, что сегодня пришли. Сегодня японец тихий, не бомбит. Верно праздник у них какой-то.

— Да, мне уже говорили, что я счастливчик. Говорят, что они одиннадцатидюймовку подтащили?

— Говорят, — согласно кивнул он. — По Высокой долбят, разбить хотят. Хе-хе..., дурачки желтозадые.

— Так говорят или точно?

— Ну, ее-то никто не видел, да только их снаряды ложатся на гору и многие не взрываются. Те, что более или менее остаются целыми, наши пушкари выкапывают и себе забирают.

— Зачем это?

— Знамо зачем — чтобы обратно отправить. Что они потеряли, то мы вернем, — и он довольно засмеялся.

Все-таки это трое довольно хорошо отметили воссоединение. Были позабыты прошлые распри и недовольства. Мурзин полноценно был признан суровыми мужиками и его сексуальная ориентация больше никого не волновала. Вернее сказать, она перестала быть поводом для драки, мои архары скрипя сердцем приняли его предпочтения. А что, Мурзин, если не знать его натуру, тоже довольно суровый мужик — пять лет в артели на колке дров простоять, это вам не сказочки, и не смотри, что любит он одеваться с иголки. Руки у него такие, что кому угодно шею свернет.

Сам Данил после ранения оправился. Рука у него почти пришла в норму, только лишь сгибаться до полного перестала, а замирала на полпути. И как не прилагал силы Данил, как не тужился, а все одно не получалось — задетый пулей нерв не пропускал сигнал далее. Или сама мышца отказывалась его слушаться. Врачи на комиссии с чистым сердцем подписали парню нужные бумаги и выпнули из солдат на свободу. Сказали лишь, что такое состояние у него не на всю жизнь, а с годами работоспособность руки полностью восстановится. С тем и ушел Данил из солдат, с неработающей до конца конечностью и с не до конца исполненным долгом. Потом он мне признался, что на врачей, на Стесселя и лично на меня злился. Но позже, продавая на складе по низким ценам привезенные нами продукты, смягчился и понял, что и здесь он помогает крепости выстоять.

Японец взял за норму каждодневно бомбить наши укрепления на горе Высокой. С самого утра начинал долбежку одиннадцатидюймовыми снарядами и закачивал ближе к вечеру. Монотонно, с точностью часового механизма пузатые снаряды сыпали на бетонные перекрытия, выбивали каменную пыль. Но толстые своды из первоклассного английского бетона и укрепленные рельсами держали. Не зря я столько денег вбухал в постройку.

Поначалу, крупнокалиберные снаряды, падая на высоту, взрывались один к пяти. То есть четыре снаряда просто падали на гору, либо зарываясь в грунт, либо сильно сминаясь, и лишь пятый, взрывался. Что-то там у японцев было плохо со взрывателями, слишком уж большой брак. Наши солдатики, находясь под защитой бетона, не слишком боялись таких подарков и поначалу даже устраивали пари. Сидя возле прикрытых броней амбразур и слыша падающий снаряд, быстро бились об заклад — взорвется или нет. Ставка пять копеек. Какой-то счастливчик за три дня заработал таким образом десять рублей и потом тайком от начальства напоил всех водкой. Это рассказал Данил, который по старой памяти почти каждый день бегал на укрепление.

Но вскоре все изменилось. Японцы сообразили, что что-то у них не сходится и приостановили бомбардировку на пару дней. А после, разобравшись и приняв меры, продолжили. И теперь одиннадцатидюймовые посылки сыпались на гору и взрывались. Не взведенных и осечных стало гораздо меньше.

Наши решили бороться с ужасающего калибра мортирами. Найти ее не составило труда — две моточайки высоко кружа в небе на недостижимой для стрелков высоте, списали на карту все позиции противника. Мортиры стояли за Трехголовой горой, за обратным ее скатом. Достать нашим батареям их не было никакой возможности, их перекидная стрельба для уничтожения этой позиции была слишком уж пологой. Только миномет крупного калибра с дополнительным метательным зарядом или наши мортиры, переставленные в другие места, могли исправить дело. От Высокой до Трехголовой чуть больше полутора

тысяч сажений, вполне достигаемая величина.

К тому времени в мастерских изготовили еще два миномета крупного калибра и отлили из бронзы около полутора сотен мин. Бомбить мортиры решили с Плоской горы, что стояла рядом с Высокой. Там до сих пор было более или менее безопасно, противник не старался ее штурмовать. Пока держалась Высокая, все другие вершины для японцев не имели никакого смысла. И вот в день, когда одиннадцатидюймовые снаряды опять посыпались на укрепления, подполковник Бржозовский Николай Александрович, приступил к контрбатарейной борьбе. И я, пользуясь осведомленностью, присутствовал на позиции с фотоаппаратом наготове.

Три медных миномета поставили на обратном скате горы Плоская. Позиция была подготовлена еще вчера, вчера же и были притащены на горбах солдат тяжелые орудия и боеприпасы. На самую высокую точку был посажен наблюдатель с мощным биноклем и телефоном и, едва только на Высокую посыпались mortarные снаряды, полковник приступил к стрельбам. Сделал сначала несколько пристрелочных, подкорректировал углы минометов и принялся зашвыривать за Трехголовую одну мину за другой. С той стороны явно не ожидали такой подлости. Обстрел Высокой моментально прекратился, а минут через пятнадцать над позицией японских мортир взметнулось гигантский фонтан из камней и пыли, и спустя несколько секунд до нас докатился оглушительный раскат мощного взрыва. С досаждающими город мортирами было покончено.

Много позже узнали, что с нашей стороны было прямое попадание в разложенные прямо на земле боеприпасы. Последовала детонация и как вследствие полное уничтожение персонала и имущества. В тот же день Стессель для офицеров высших чинов закатил небольшую вечеринку со скудным угощением, но с обильной крепкой выпивкой. Пригласили и меня, как изобретателя чудесного оружия.

На празднестве Бржозовский был героем. Он принимал поздравления, выслушивал хвалебные речи. Стессель, который щеголял с перевязанной головой, после первого тоста, после поздравления офицеров с удачным уничтожением досаждавших мортир, возгласил:

— В честь избавления города от бомбардировки, приносящей столько вреда и разрушения, позвольте сообщить всем, что я за прекрасную работу, за блестящий результат присваиваю подполковнику Бржозовского очередное звание и произвожу его в полковники. Ура, господа, поднимем бокалы!

Офицеры в унисон грянули «ура» и, не стесняясь, опрокинули в глотки то, что было у каждого налито. Утерли усы и бороды и полезли к новоиспеченному полковнику с поздравлениями. А тот и сам не ожидал подобной награды, принимал похлопывания по покатым плечам с легким смущением.

Честно говоря, бомбардировки города после этого не прекратились. Ничего подобного, они только усилились, да так, словно японец разозлился не на шутку и озверел. Весь огонь, который он вел по укреплениям он перевел на Старый и Новый города, разрушал инфраструктуру. Тут и там повсеместно вспыхивали пожары, калечились люди, губились души. Но, тем не менее, таких разрушений, которые приносили с собою эти ненавистные мортиры более не наблюдалось. Раньше было страшно — один такой снаряд стирал с лица земли любую постройку, разносил все по кирпичикам. Сильно страдали из-за них наши форты. Только одиннадцатидюймовые снаряды могли разрушить толстые своды казематов, галерей и прочего. Сейчас же, попадания не таких больших калибров хоть и приносили разрушения, но не несли с собою тот страх и ужас.

Празднество и поздравления шли почти до полуночи. Господа изрядно надрались и осоловели. Кого-то сильно развезло, и их уводили под белые ручки по домам. Бржозовский сильно захмелел и развязался на язык. Стал беспрестанно рассказывать, как он производил непростые стрельбы, как корректировал огонь. Молол языком, придумывая небылицы и приписывая себе невозможные поступки, и под самый конец договорился до того, что он чуть ли не сам, в одиночку выставлял все три орудия, сам наблюдал с биноклем и телефоном, сам же выставлял прицел и сам же закидывал в жерло медных стволов тяжелые мины. Но, как говорится, все уже было пофиг на реализм, люди, соскучившиеся по развлечениям, охотно его слушали и хохотали, ловя новоиспеченного полковника на новых несоответствиях и невозможных деталях.

Я на этом празднике жизни, отдыха от сурового быта, так же тихонько напивался. Вел беседы с офицерами, придумывал историю о том, как я додумался изобрести такую замечательную штуку. Меня слушали, с умным видом кивали, вставляли разумные замечания. На мои огрехи в разговоре они не обращали никакого внимания — кондиция людей была уже такая, что можно было молотить любую чушь. Вот я и молол, иногда в шутку вбрасывая в разговор факты из будущего и новые интересные мысли о политическом устройстве.

Почти под самый конец вечеринки ко мне подошли сильно хмельные Стессель и Витгефт. Отвели меня в сторонку, так чтобы никто не мог слышать и стали с неудовольствием выговаривать:

— Голубчик вы наш, дорогой Василий Иванович. Все никак не доходили до вас руки, все не как не могли мы высказать вам свои претензии.

— Что такое, что случилось, Анатолий Михайлович?

— Ну как же! — удивленно вздернул брови Стессель. — Вы же не до конца использовали все те средства, что вам выделила крепость. Часть денег вы привезли обратно, а это очень не хорошо. Ведь плохо это и дурно.

— Что же в этом плохого? Я, кажется, честно выполнил свою часть сделки, вы получили то, что хотели. Я вас не понимаю.

— Совсем не до конца вы выполнили вашу сделку. Вы привезли часть денег назад, привезли бумаги и по бумагам выходит, что денег в кассу вы вернули не достаточно.

— Вы хотите сказать, что я украл? — поразился я подобного обвинению.

— Нет, что вы, мы хотим сказать, что нам не понравилась идея возвращать в казну нашу часть вознаграждения. Мы на такое не рассчитывали.

Теперь я понял — господам не понравилось расставаться с частью уже украденных средств, не понравилось покрывать недостачу. Витгефт тот вообще смотрел на меня исподлобья, как будто я лично вытащил у него из кармана эту несчастную тысячу-полторы. Стессель же сохранял любезный тон.

— Чего же вы от меня хотите? — напрямую спросил я, предчувствуя, что предстоят долгие маневры.

Они оглянулись, убедились, что нас никто не может подслушивать. Наконец Витгефт глухо проворчал:

— Вы должны еще раз сходить в Чифу.

— Да-да, — поддакнул Стессель. — Но на этот раз потратить там все до копеечки. Обратно в Артур вы должны привезти только продовольствие и никакой наличности.

— Сходить в Чифу не сложно, — ответил я секунду спустя, прикинув в уме будущий

маршрут, — дорожка налажена. Но позволят ли в этот раз японцы провести караван? Как только поймут, что я появился на стороне пролива, то сразу поймут, что произойдет дальше. И будут готовы. Едва караван снимется с рейда, как они нападут на него.

— Бросьте вы, голубчик, говорить полную ерунду. На суда под иностранными флагами они напасть не посмеют и даже более того, потребовать остановиться на досмотр они тоже не могут. Иначе их растерзает мировая общественность. Той пощечины, что они получили напад на наш миноносец в территориальных водах Китая они никогда не забудут и теперь будут предельны осторожны в своих подлых делах. Нет, Василий Иванович, на караван никто не нападет до тех пор, пока он не зайдет в наши воды. Но на всякий случай мы отправим письмо нашему консулу в Чифу, чтобы он уговорил дацуна и тот приказал новому адмиралу сопровождать торговые суда до наших вод. Хотя бы одним кораблем. Не думаю, что он откажет. Побывать наблюдателем это не так сложно и совершенно безопасно.

— Взятку придется дацуну давать.

— Ну, как же без этого. Он деньги любит, сделаем ему небольшой подарочек.

— Хорошо, а здесь же как?

— Как и в прошлый раз, — пробубнил глухо Витгефт, — боем и маневром свяжем противника и проведем караван.

Собственно говоря, то, как все будет происходить это не моя забота. Мое дело — торговля. Все остальное — Витгефта и Стесселя. Хотят они безопасно прибрать деньги к рукам, значит постараются чтобы все произошло без сучка и задоринки.

— Хорошо, я согласен. Расценки, я надеюсь, вы не снизили?

— О, нет, что вы. Даже более того, мы их повысили еще ненамного, так что и китайскому дацуну хватит на все его курительные удовольствия.

Я улыбнулся. То, что китайцы частенько курят опиум знали все — колониальное наследие плохо выветривалось из привычек населения. И китайцы не очень-то любят англичан, впрочем, как и японцев. Они и от тех пострадали и от этих. Хотя до сих пор боятся, что одних, что других. Китайцы никого кроме себя не любят, и мы для них такие же чужаки, как и все остальные, и нас они боятся тоже. Китай за это прошлые десятилетия настрадался выше крыши.

— И вот что еще, Василий Иванович, — вдруг нетрезвым говором сказал Стессель, когда я уже подумал, что мы обо все договорились. — Тут по вашу душу почта пришла.

— Где? — встрепенулся я. Это было неожиданно. Всякая связь давным-давно обрезано и если почта поступала, то совсем уж редко и только тогда, когда кто-то возвращался из Чифу.

— Да успокойтесь вы, — улыбнулся Стессель, — она не здесь. Оба письма у меня в кабинете, завтра придете и заберете.

— Боже, Анатолий Михайлович, почему же вы сразу мне их не отдали?

— Была одна причина, — усмехнулся он. — А впрочем, не хотите ли узнать от кого пришли вам письма?

— Боже мой, не томите. Одно от жены, я догадываюсь. А второе? От моей торговой компании?

— Нет, не угадали. Второе письмо от Марии Федоровны.

— От Вдовствующей Императрицы? Вы его читали? Что там?

— Боже мой, конечно же нет! Как можно читать чужие письма?

В принципе, я догадывался, что в письме. После рождения долгожданного внука она

наконец-то убедилась в моем «пророчестве», а убедившись, потребовала немедленного приезда. Хотя странно, почему вызов случился не через фельдъегерскую службу, а обычным письмом? Или же там вовсе не вызов обратно, а что-то другое?

Всю ночь я практически не спал. Ворочался на перине, думал. Всякие мысли лезли в голову, разный бред. Под утро, когда удалось хоть на немного провалиться в полубредовое состояние, я уже не думал, что меня собираются вызвать. Наоборот, цедя крепкий кофе и не чувствуя его вкуса, я уже ожидал там увидеть страшные проклятия, которые мне лично отправила грозная бабка родившегося наследника. И подходя к штабу крепости, я уже не хотел брать в руки это письмо, не желал знать, что там написано.

Стесселя внутри не было. Но это не являлось проблемой. Едва я зашел в приемную, как мне было передано два конверта. Один и вправду был из дома, его я сунул во внутренний карман пальто. Прочитаю позже, не к спеху. А вот то второе....

Уединившись за столиком ближайшей кафешантанки, я вскрыл царственное послание и углубился в строки. Письмо было коротким, на пару тетрадных листочков. Написано аккуратным, красивым почерком с замысловатыми закорючками, правильным литературным языком. Писала не сама Мария Федоровна.

Как я и думал, всё их семейство с самого момента рождения узнало, что наследник неизлечимо болен. Это оказалось трагедией для Николая, трагедией для Александры Федоровны. Как оказалось, врачи еще до рождения предупреждали семью о плохой наследственности и ожидали проявления «царской болезни». Так что, проявившись у младенца она все-таки не стала доказательством моего провидения, о чем Мария Федоровна и писала.

Само письмо имело необычный тон повествования. Оно несло обвинительный тон, так, словно я накаркал неизлечимую хворь, притянул ее к наследнику, но при этом между строк легко читалась явная заинтересованность моим даром. Да, она довольно резко отчитала меня в письме, но при этом как бы между прочим потребовала от меня очередных доказательств моего дара. И при этом она не давала мне разрешения вернуться в Питер.

Я, прочитав письмо, хмыкнул. Какие еще ей нужны были доказательства? Я ведь ей и там много чего сказал, да еще и письмо ей отправлял, где описывал перипетии первой революции. Неужели ей этого было мало? Или же ей, как простой женщине просто нужно рассказать те же самые пророчества просто другими словами? Или же она не те пророчества от меня требовала? Это мне было непонятно. Но, тем не менее, если Ее Императорское Величество желает, то почему бы и нет? Напишу я ей письмо, распишу новыми красками то, о чем я ей уже говорил. Времени в Чифу у меня будет предостаточно, чтобы подробно и красиво сочинить.

Второе письмо я прочел здесь же, за скудным завтраком. Оно было от жены и датировалось апрелем. То есть, шло оно до меня пять с лишним месяцев. Чудо что при нынешней ситуации, когда большая часть корреспонденции попадает в руки японцев, оно вообще добралось до адресата.

Его я вскрыл и завис над крупными буквами. Первая же новость меня потрясла — Маришка была беременна! Вот те раз! Это ж сколько времени прошло с нашей последней встречи?

Я стал загибать пальцы и вышло, что письмо она мне написала уже на четвертом месяце беременности и сейчас, выходит, она должна была родить. То есть я здесь, в этом мире второй раз стал отцом!? А вообще за оба мира я родил уже четвертого ребенка? И не дай бог

опять девочку!

Честно признаться то, что Маришка не нагуляла живот на стороне у меня не вызывало никакого сомнения. Не тем она была человеком, чтобы вильнуть хвостом, тем более при нынешних-то нормах морали. Нет, я конечно прекрасно вижу, что и здесь люди гуляют направо и налево, но вот того безобразия, что было в моем мире, той легкомысленности здесь не было. В это время к верности относились более серьезно, а Маришка при всех ее суффражистских наклонностях на самом деле была образцом супружеской верности. Сама ни на кого не смотрела, а мимолетных ухажеров, пытавшихся отвесить комплименты, сбивала на взлете. У нее не забалуешь.

Так что, ребенок точно мой, да и по срокам как раз совпадает. И на самом деле я был рад такому развитию событий — своих детей я любил и еще в том мире я искренне наслаждался своими голожопочками, когда они ко мне ластились. Принимать обнимашки и признания в любви от собственных детей было для меня настоящим счастьем.

После кафешантанки я медленно побрел домой. Там, на дачных участках теперь всегда кипела жизнь. С началом интенсивных бомбардировок города сюда перебралось масса народа. Те домики, что с наступлением холодов всегда покидались хозяевами, теперь были обитаемы. Со дворов исчезли собаки — то ли хозяевам стало невыгодно их содержать, то ли китайцы, живущие окрест, пожрали. Здесь же, в поселке появились многочисленные землянки, вырытые в подножиях сопок. Люди предпочитали мириться с многочисленными неудобствами, лишь бы не попасть под шальной снаряд.

Лизка сразу раскусила мое настроение. Склонив голову набок и хитро прищурившись, спросила меня:

— Что такого хорошего случилось, что вы выглядите словно умалишенный, Василий Иванович? Неужели война скоро закончится?

— Лучше, Лиза, намного лучше.

— Ох, и что же может быть лучше этого? Неужто Император японский своему богу представился?

Я счастливо мотнул головой и блаженно ответил:

— Нет, Лиз. Просто я, похоже, снова стал отцом.

Она охнула:

— Марина Степановна счастливая женщина!

— Нет, Лиз, это я счастливый муж, — улыбнулся я и распорядился: — А ну, тащи-ка всю выпивку на стол, готовь закуски и зови соседей. Этой радостью надо поделиться!

Она убежала исполнять приказание. У нас был заныкан ящик коньяка и мне его не было жалко. С закуской тоже проблем никаких не возникло, так что через пару часов ко мне повалили гости, принесли с собою поздравления. Совсем чужие мне люди, которых я не знал, разделили со мною радость — скромно, по рюмашке опрокинули горячительное и хорошенько закусили.

Через пару дней я по старой схеме отправился в Чифу. Снова захватил с собою Петра и Мурзина, снова поселился в той же гостинице. И снова со мною на «Лейтенанте Буракове» в китайский город ушел лейтенант Колчак. Поднимаясь на палубу, будущий гроза большевиков имел вид весьма болезненный, при каждом шаге едва заметно морщился. Выйдя из бухты, я, встретившись с ним лежащим в кубрике миноносца, спросил:

— Чего вы такой, Александр Васильевич? Не заболели ли?

Он повернул в мою сторону голову.

— Ревматизм разыгрался, — пожаловался он с глубоким вздохом. — Суставы ломит, спасу нет. После моего похода на север заболел и теперь вот мучаюсь. Летом, когда тепло, еще куда ни шло, терпеть можно, а вот когда холода наступают, так и вовсе руки поднять не силах.

— Так чего же вы не уйдете со службы при такой-то болезни? Это ведь не шутки.

— Не хочу уходить, не желаю, — с болью в голосе, но твердо ответил он. — Врачи говорят, что болезнь, если ее лечить, может отступить. Так что, думаю, рано мне из флота уходить. Я еще до адмирала дослужиться желаю.

— Вам тогда служить надо там, где всегда тепло.

— Вот я и иду в Чифу. Там не так мерзко и не так холодно. Я у Витгефта отпрашивался на сушу, на какую-нибудь батарею, но он предложил мне сходить вместе с вами, и я согласился. Там моим суставам и вправду должно стать полегче. Черт его знает, может китайские доктора мне смогут помочь? Как вы считаете?

— Может быть, — неуверенно пожал я плечами.

— Говорят, что они как-то горячими иглками лечат. Не слышали ничего о таком способе?

— Слышал, как не слышать. Иглоукалывание называется.

— И как? Что люди об этом говорят?

Я пожал плечам:

— Кому-то помогает, а кому-то нет. Шарлатанов и в их среде хватает.

Он вздохнул и замолчал, погружившись в собственные мысли. Колчак не был говоруном, он больше отмалчивался. Вот и сейчас, дав себе мимолетную слабость, он снова замкнулся и запер собственные переживания внутри.

До Чифу добрались без проблем. Командир «Буракова», сойдя на берег, вместе с Колчаком ушел до нашего консульства, а позже, по истечению светового дня, снялся с якоря и ушел обратно в Артур, увозя с собою полученные из столицы телеграммы и письма.

Колчак через консула договорился с местным губернатором о том, что нанятые нами суда проводят два боевых корабля, проследят за тем, чтобы японцы не нарушили никаких договоренностей. Я же, едва устроился в гостинице, пошел по уже известному маршруту скупать продовольствие. Меня уже знали и потому на этот раз все прошло намного легче и в разы быстрее. Но прежде чем отправиться на склады торговцев, я заскочил на телеграфную станцию и отправил домой сообщение, требуя ответа от жены. Все же мне нужно было твердо знать, как прошли роды, кого она родила и как назвала. Ответ прилетел на третий день и из длинной телеграммы я узнал, что роды прошли хорошо, я второй раз стал отцом прекрасной дочки, которую назвали Софьей. Что ж, девчонка это тоже хорошо и в тот день я снова отметил это событие, напоив до потери сознания и Петра, и Мурзина и самого Колчака. Да и я хорошенько приложился, искренне радуясь новому карапузу, которого уже не терпелось взять на руки. Но...! Но, все-таки девочки.... Четвертая в моей жизни.... А мне уже хочется пацана.

Мы в Чифу пребывали уже пятый день и все деньги, что были выделены на покупку продовольствия, к этому времени оказались почти потрачены. Выход до осажденной крепости по плану должен состояться через четыре дня, так что у нас оказалась масса времени, чтобы провести его с пользой для души и тела. Колчак занимался фрахтом судов и погрузкой, я же, откровенно бездельничал. Ходил по городу, сидел в рестораниках,

ковырялся в товарах китайских лавок. Петр, уловив момент, смылся к своей ненаглядной, Мурзин же впал в какую-то меланхолию, таскался вместе со мною и так же без особого энтузиазма ковырялся в местных товарах, ища забавную безделушку.

В какой-то день на рейде появился японский миноносец. Он бросил якорь в полдень, и на берег сошла безоружная команда под предводительством высокого и худого лейтенанта. Это событие сразу напрягло китайцев. Народ зашушукался, занервничал, к миноносцу прибыл представитель нового адмирала. А сам лейтенант с командой, направился к дацуну. Вскоре он оттуда вышел и развернул свою подрывную деятельность в порту. И буквально через час, через два ко мне в гостиницу стали приходиться капитаны зафрахтованных судов и отказываться от всех договоренностей. Через расспросы выяснилось, что японец напрямую говорил им, что если их корабли пойдут в Артур, то его миноносец предпримет атаку. Понятное дело, желающих проверить на собственной шкуре решимость японца не нашлось, тем более все еще прекрасно помнили инцидент с «Решительным». Ну а в подтверждение своих слов японский миноносец ушел с рейда и демонстративно встал на якорь в нейтральных водах.

Наш товар стал выгружаться и что теперь делать было совершенно непонятно. Колчак носился по порту, увещевал капитанов торговых судов, уговаривал и убеждал. Но все было бесполезно, японский военный корабль действовал на всех устрашающе. Пришлось арендовать склад и тратить уже собственные средства. Назначенную дату выхода в Артур мы пропустили.

Через три дня после этого на рейд вновь встал «Лейтенант Бураков», на борту которого были видны следы от попаданий снарядов небольшого калибра. На берег с него сошла шлюпка, которая привезла с собою пятерых раненых матросов. И в тот же день стала известна история. Оказывается, Стессель и Витгефт, обеспокоенные нашим отсутствием, отправили быстроходный миноносец до Чифу и тот, выйдя ночью, под утро попал в сильнейший туман. Из-за этого он сбавил ход до самого малого и уже на самом подходе едва ли не столкнулся нос к носу со стоящим на якоре японским кораблем. Капитан «Буракова» сориентировался быстро и расстрелял врага из всего доступного оружия. Да только и враг огрызнулся и прежде чем затонуть, принес нашему кораблю небольшие повреждения и ранил нескольких матросов. Слава богу, повреждения не сказались на ходовых качествах корабля.

После этого инцидента дела пошли веселее. К тому моменту в порту разгружалась пара грузовых судов под британским и американским флагами и вот их капитаны неожиданно согласились заработать лишнюю копейку. То, что их могут атаковать японцы они совершенно не боялись — те опасались трогать граждан своих покровителей. А под это дело, видя, что все нормализовалось, подстроились и другие суда и вскоре караван был собран опять.

На сей раз дата выхода из Чифу не была назначена, и потому Колчак повел корабли на свой страх и риск. И опять ему повезло, товар прибыл в осажденную крепость без каких либо проблем. Уже на самом подходе японцы заметили караван и пошли было на сближение, но посланные вдогонку быстроходные корабли быстро установили, что над мачтами некоторых судов развеваются флаги тех, кого трогать было нельзя ни при каких обстоятельствах. И они ушли обратно с докладом. Не известно, что высказался по этому поводу адмирал Того, но все же корабли свои он развернул и даже более того, пока торговые суда не вышли из бухты ни один снаряд не упал рядом с ними. Японцы осторожничали.

Я также вернулся в Артур. Была середина ноября и погода стояла мерзкая. Холодный ветер пробирал до костей, а всерьез ударившие ночные заморозки студил землю и вытягивал последнее тепло. Редко пробрасывал снежок и засыпал крыши, укутывая город белоснежным саваном, который, к слову, из-за угольной копоти постоянно висевшей в воздухе, быстро сходил, истаивая и собираясь в не просыхающие лужи, которые по ночам сковывал лед. Я по-прежнему жил в дачных местах, возле берега моря и без лишней необходимости в город старался не выходить. А когда выходил, всегда захватывал с собою фотоаппарат и фиксировал быт и лишения простых граждан и солдат. Лишь по приезду я навестил штаб крепости и отчитался за потраченные средства.

Японцы пока что не решились на третий штурм. В прошлый раз они, не смотря на кое-какие успехи, сильно получили по зубам и потеряли много людей. И пока они лишь восстанавливались, копали сапы, скрытно подбираясь на неприступным высотам. Наши с ними боролись всеми доступными способами — скатывали по склонам морские мины, закидывали их расположения артиллерийским и минометным огнем. Очень большую помощь в этом оказывали наши моточайки, которые в каждый погожий денек висели в воздухе, фиксируя все передвижения противника. Вернее, сейчас в воздухе парил только один планер, другой, пока меня не было, разбился при неудачной посадке. Пилот сильно травмировался, а сам аппарат оказался списан из-за дальнейшей непригодности. В припортовых мастерских сейчас спешно по аналогу пытались построить новый, но, чувствую, у них мало что получится. Опыта у них нет, а меня звать они не захотели. Да и я, если честно, не особо стремился к ним, мне эта тема была уже не интересна. Один летательный аппарат вполне неплохо справлялся с возложенными на него обязанностями, а большего крепости и не надо. К тому же и шары, поднимающиеся время от времени на высоту, здорово помогали в разведке. И «Бобр», что периодически таскал за собою двухместное крыло, также приносил неоценимую пользу. Оборона крепости шла довольно-таки неплохо — японцы страдали от точности нашего огня по закрытым позициям.

За время моего отсутствия в здание типографии местной газеты угодил снаряд и сильно повредил оборудование. «Новый край» когда-то закрывавшийся на время из-за своих

правдивых публикаций тогда открылся заново, но не проработал и пару недель, как потерпел такой убыток. Оборудование можно было починить, но не в нынешних условиях и опять Пудовкин, местный журналист, остался без работы и как только я приехал, пришел ко мне жаловаться. Мне пришлось пообещать, что умирать с голоду я его не оставлю, но вот денег все равно не дам. Он не мой работник, я не обязан его содержать. Но чисто по-человечески консервами я его обеспечил, так что до конца этой ужасной осады Пудовкин прожил хоть и не вкусно, но вполне сытно. Он и этому был рад и многие из горожан завидовали его положению.

Не так давно Стесселю пришел пакет и Петербурга и он, спустя какое-то время публично объявил его копии. Оказывается с недавнего времени наместник Алексеев складывал с себя полномочия Главнокомандующего и на его место заступал Куропаткин. История повторялась... В Артуре, за неимением доступа к свежей информации, люди довольствовались мимолетными слухами и догадками, которые потом, обмусоливая, раздували до невероятных размеров, превращая банальный, тухлый слухок, едва ли не в центральную новость. Про Куропаткина здесь любили говорить, что он мастер стратегических отступлений и тактических отходов, любитель изматывать противника методом Кутузова ранней эпохи Наполеоновского вторжения. Все те сражения, что он уже совершил, люди расписывали едва ли не как трагедию, придумывая все те промахи, что он мог бы совершить. И по доносившимся в город новостям, получалось, что люди, придумывая, во многом были правы. Куропаткин принимая сражения, ни смог ни разу взять победу и все время терпел поражение. Тактическое отступление — так с ухмылками резюмировали в кабаках простые люди. И сейчас, узнав о таком назначении, люди откровенно недоумевали — неужели не было кандидатов получше? И почему именно Куропаткин назначен Главнокомандующим? И с этого момента у людей в крепости возникло стойкое убеждение, что войны нам не выиграть. Они здесь, проявляя чудеса стойкости и выносливости, жили лишь тем, что наша армия, разбив врага в Манчжурии, придет к ним на выручку. Сейчас же они вдруг остро поняли, что им выстоять не удастся и придется здесь всем сражаться до самого конца. И если у простых солдат не было особого выбора, и они словно рабы тянули свою ляжку, то вот простые граждане и даже офицеры нижних и средних чинов откровенно впали в уныние. И даже мои архары, узнав о назначении Куропаткина, откровенно обнажили нерв, ругая и самого Императора и тех кто был ответственен за подобное назначение самыми последними словами. И даже Лизка, понимая, что тут к чему, беспрестанно вопрошала меня о нашем будущем и об исходе войны.

К концу ноября стали заметны новые перемещения японцев. Они вдруг подтянули новые подразделения, притащили новые пушки, которые установили на пределе своего огня. По всему выходило, что вскоре состоится новый штурм. Они беспрестанно копали сапы, подбираясь к нашим позициям, и ежедневно бомбили и обстреливали пулеметами. На многих редутах их огонь был столь эффективен, что над бруствером нельзя было поднять руки, как в ту же секунду в мерзлую почву вгрызались пулеметные очереди. Нашим солдатам приходилось почти все время сидеть в стылых окопах, цепляя на себя многочисленные болячки. Многих свалила дизентерия, про которую я всегда думал, что ее опасность сильно преувеличена. Подумаешь банальный понос. Но здесь, увидев зеленых солдат, которые сидя на краю сопки, беспрестанно дрищот и не успевают натягивать порты, понял, что болезнь эта все-таки серьезна. Этих бойцов отправляли в госпитали, но там им почти ничем помочь не могли. Больницы испытывали крайнюю нужду в медикаментах и особо в перевязочных

материалах. То, что я привез с собою из Чифу слишком уж быстро кончилось. И если шелковые ткани, марли и в какой-то мере бинты, простирнув и прокипятив, можно было использовать снова, то вот с ватой дело обстояло совсем швах. Ваты в городе не было и врачи, выкручиваясь, стали распускать пеньковые канаты и использовать их грубые нити в качестве впитывающего материала.

Особо доставляли проблемы солдатам и офицерам блохи. В окопах их развелось просто тьма тьмущая. Некоторые счастливые солдаты, отбывая в баню, порою целиком выкидывали свое нижнее белье, ибо в их складках жила целая цивилизация, которую невозможно было вывести. Потому-то я и перестал без крайней необходимости подниматься на позиции, чтобы сфотографировать — перспектива подцепить кровососов меня не привлекала. И пусть у меня есть баня, в которой я регулярно мою свое брненное тело, а Лизка через день шоркает на доске мое нижнее белье, а все равно, соседей у себя в подмышках и в мудях я видеть не хотел.

Однажды днем японцы вдруг вознамерились обстрелять дачные места что были подле Пресного озера. То место, где жили генералы, да адмиралы и некоторые чины поменьше. Целый час они закидывали снаряды в поселок, по окончании которого я узнал, что мой дом, в котором я жил ранее, оказался разрушен до основания. Прямое попадание двадцатимиллиметрового снаряда не оставило не единого бревнышка, раскидав их словно щепки по соседним участкам. Одно такое бревно упало на дом генерала Белого, убив кого-то из прислуги и кого-то одного серьезно придавив. Но, слава богу, ни самого генерала, ни кого-то из его семьи не задело. Тот же самый обстрел вскоре переместился на подножие Золотой горы и поджег склад с керосином и маслом и удушливый, черный дым клубами завалил все окрестности. И погода стояла в тот момент безветренная, так что спустя час дым растекся по порту, бухте и частью по Старому городу, непроницаемым куполом. С близлежащих высот зрелище было фантазмогоричное — черный, дымный шар, скрывающий под собою строения, в недрах которого вспыхивают огненные вспышки падающих снарядом и вылетающий из него осколки, тянущие за собою темные, клубящиеся нити. Я эту картину наблюдал сидя с Мурзиным на Этажерке и фотографировал. В тот момент я пожалел, что отправил кинокамеру из города, слишком уж красивым и одновременно ужасающим было это зрелище.

В мой склад за прошедшие дни опять попало несколько снарядов, сильно его порушив. Но так как там почти ничего уже не осталось, я восстанавливать его не стал, лишь забрал самое ценное и складировал во дворе своего нового дома, тщательно укрыв парусиной.

К концу ноября, Данил, время от времени шатавший на Высокую, сказал:

— Скоро японец опять ползет.

— Откуда знаешь?

— Все говорят, — пожал он плечами. — Чайкисты говорят, что сильно много инфантерии прибыло. Не иначе как скоро их кинут в мясорубку.

— Кто-кто говорит? — переспросил я, услышав новое слово.

— Чайкисты, — повторил Данил. — Пилоты, по-вашему. Их так на Высокой называют. Вообще, Василь Иванович, хорошую мы с вами штуку сделали, полезную. Чайкистов на Высокой любят, когда встречают в городе, всегда спасибо говорят. Ну и угощают, когда есть чем, — он с усмешкой улыбнулся.

— Как-то не очень удобно для слуха звучит, — сказал я удивленно. — Чем им не нравится «пилоты»?

Он пожал плечами.

— Не знаю, Василь Иваныч, только там теперь все так говорят — «чайкисты полетели чай с япошками гонять». Или — «заварят сейчас чайкисты желтопузым, не отхлебнут». Они же теперь бомбы сверху бросают, не дают япошкам расслабиться.

Я хмыкнул:

— Уж лучше бы «чекистами» называли, все удобнее звучит.

— «Чекисты»? — призадумался Данил, пробуя слово на вкус. — М-да, это будет получше, надо будет там сказать.

Потом я узнал, что пилоты действительно стали изредка проводить бомбардировки. Брали с собою на борт с десяток мин малого калибра, забирались на недоступную для стрелков высоту и сбрасывали на головы японцев. Точность, конечно, была при этом никакая, но сам факт того, что тебя теперь могут убить еще и с неба сильно нервировал противника. Но все-таки основная задача пилота была в разведке. Они теперь в небо брали компактные фотоаппараты и снимали все подряд, а потом на земле, наши генералы просматривали фотоснимки и, почесывая затылки, привязывали их к карте. Таким образом, стало достоверно известно, где и сколько противника обитает, где у него склады, где госпитали. А уж потом по этим данным пытались отработать наши орудия, внося в лагерь японцев хаос и разрушения. Из-за этого они были вынуждены отодвинуться на несколько верст назад, и расположиться там, куда наши снаряды упасть не могли. Все это тоже в какой-то степени помогало.

Моточайка у военных осталась одна. Они делали новую, но, скорее всего она в воздух так и не поднимется. Двигателей для нового планера не было. Те, что стояли на разбившейся чайке давно пошли на замену вышедшего из строя на работающем аппарате, а те два, что я передавал ранее, пока лежали у них в закромах, ожидающих своего часа. Все-таки движки были не слишком надежными и имели малый ресурс.

Перед самым декабрем японцы приступили к третьему штурму. Их артиллерия в течение трех дней крыла наши позиции огнем, а в решающий день сосредоточила огонь по горам Высокая и Плоская, а так же по второму форту и усилила его до максимума. Стреляли весь день без перерыва. Особо досталось Плоской, на которой были слабые укрепления. Высокая же держала удары, железобетон гудел, дрожал, но не сдавался. Кое где по стенам пошли трещины, кое-где, куда ранее попадали снаряды от уничтоженных мортир, произошли обвалы, но в целом укрепление стояло и защитники, переживая обстрел в глубоких казематах, чувствовали себя в относительной безопасности. Ну а та минометная площадка, что была построена мною с обратной стороны горы вообще оставалась неприкосновенной. Туда не мог упасть ни один снаряд. И расчеты, сидя там, ожидали команды к стрельбе.

Со стороны города было видно как Высокую и Плоскую заволокло шапкой дыма, сквозь которую прорывались лишь огонь разрывов и купола взрывных волн. И шапка от них растекалась, спускалась по склонам вниз, неся подбирающейся пехоте непроницаемую завесу. Часам к четырем обстрел вдруг резком прекратился и тут же, город услышал частую трескотню пулеметов и винтовок. Штурм начался.

Я со своими людьми в тот момент находился дома и предавался ничегонеделанью. Сидел на лавочке, смотрел на прибор и слушал далекую канонаду. Утробный, низкий рокот доносился до наших мест и рокот этот, многократно отраженный от близлежащих сопok уже не походил на звуки стрельбы. Нет, он напоминал рев гигантского разъяренного слона, который крушил все на своем пути, вдалбливал своими колоннами людские души.

Данил сидел рядом со мною, курил одну папиросу за другой и хмурился. Он-то понимал, какого сейчас там людям, как содрогаются внутренности от близких взрывов и как лопаются барабанные перепонки. И хоть люди там были под защитой, а все одно — страшно когда в стену к которой ты прислонился спиной врезается снаряд.

— Скоро полезут макаки, — мрачно сказал он, сплюнув на камни и отшвырнув окурок в сторону.

— Наши должны выдержать, — высказал я свою мысль.

Данил неуверенно кивнул.

— А если не выдержат? — с дрожью в голосе спросила Лизка: — Что тогда будет?

— Хана тогда будет, — поддержал разговор Петро, — заберутся япошки на Высокую, поставят туда свои пушки и станут расстреливать город прямой наводкой. И ничего ты с ними сделать не сможешь.

— Господи, Боже мой, спаси и сохрани, — ахнула Лизка и перекрестилась.

— Нет, не должны взять, — выдержав паузу и прислушиваясь к начавшейся ружейной трескотне, заметил я, — мы хорошо укрепления построили. Просто так их не расковырять.

— Высокую-то да. А вот второй форт япошки могут взять. Ближе там свои сапы подвели и галерею там подорвать смогли. За второй форт я беспокоюсь.

Все замолчали. Нам оставалось только ждать. Данил не находя себе места, соскочил с лавочки и метнулся в дом. Потом выскочил и, накидывая на себя плохонькое пальто, в котором изредка работал по двору, побежал к калитке.

— Ты куда?

— Да щас я, Василь Иваныч, на Высокую сметаюсь по-быстрому, посмотрю там, что к чему. Сил нет просто так сидеть и ждать своей участи.

— Стой, дурак, без тебя там разберутся.

— Нет, Василь Иваныч, не уговаривайте. Вы меня из солдат выдернули, а я этого не хотел. Я бы лучше там сейчас сидел и японца бил, чем здесь вот просто так....

— Данила, не надо, — запричитала Лизка.

— А-а, — в сердцах отмахнулся парень и убежал. Прихватил с собою купленный в Америке пистолет и смылся на Высокую. Там он провел полных пять дней, сражаясь с ползущим на высоту противником, коля его штыком и охаживая прикладом. Потом вернулся уставший, грязный, вшивый, но довольный. Высоты мы удержали, все до единой. Враг, потеряв тысячи своих людей, откатился зализывать раны и подсчитывать потери.

Лизка на радостях закатила Данилу угощение. Наделала сладких пирожных и вечером после жаркой бани накормила от пуза. Ну а я, просто поставил перед парнем бутылку дорого коньяка и принялся его слушать.

— В общем, лезет узкоглазый по горе. Я выглядываю, а там их как тараканов на кухне у тещи моего брата. Капитан кричит «бей кого видишь» и мы как вдарили! Пулеметы, вы не поверите, Василь Иваныч, словно коса по высокой траве. Сзади минометы хагакают, через наши головы подарочки закидывают, ну и мы их тоже гранатами. Ужас сколько положили, кровь там ручьями по горе стекала. А еще мороз ударил и там лужи целые замерзли. А утром опять эти ползели, да на этих лужах падать поскользнуться, да скатываться начали. Офицеры ихние сзади что-то орали, саблями своими размахивали и гнали на нас своих макак. С Плоской нам хорошо помогали, постреливали тех кого мы достать не могли, да только и на них потом ползели. У них потом совсем плохо стало. Япошек на Плоской они откинули, накололи с сотню рыл, а потом их из пушек стали обстреливать, чтобы они,

значит, нам не помогали. Так двое суток их и крыли и сколько там народу полегло я не знаю. Но от высоты ничего не осталось — одни ямы.

Лизка ахала и охала, хваталась за сердце и зажимала ладошкой рот, когда Данил рассказывал слишком уж страшные вещи.

— А вот еще, прилетел, значит, снаряд, да так неудачно, что попал он прямехонько в амбразуру. Пулемет вдребезги, расчет ровным слоем по стеночкам, а я в этот момент, прошу прощения за подробности, до ветру бегал. Потом возвращаюсь, а там темно, лампочки разбиты и наступаю я на что-то скользкое и падаю. Спиной приложился, вам не передать! Лежу, чувствую — что-то жесткое под лопаткой, да давит так, будто в самое сердце колет. Я поднимаюсь, рукой по спине шарю и выдергиваю знаете что?

Лизка охнула, ладошкой прикрыла в ужасе рот и с трепетом спросила:

— Что?

— Палец!

— Ох, боже мой. Господи, разве можно так?! Разве можно так с людьми живыми делать, что ж они звери такие эти японцы?

Данил успокаивающе приобнял ее за талию:

— Не переживай, Лизанька. Мы их тоже славно покروшили — век помнить будут. А потом, на третий день япошки вдруг прекратили атаки и вечером к нам поднялись две морды с белой тряпкой. Переговорщики, стало быть. Мы их трогать не стали, капитана своего вызвали и те попросили пустить на склон похоронную команду, чтобы значит своих оттащить. Ну, мы им не разрешили — чай не лето, вонять не будет, а так лежат кочерыжки, другим забираться мешают. Ну, тогда они всю правду и выложили. Оказывается на штурм этот ходил сын самого ихнего генерала..., как его там, Ноги? Да, кажется так. Ну, так вот, на этой горе он и сгинул. И попросили они пустить людей отыскать его. Ну, наш капитан и разрешил. Да только бесполезно это было — там отыскать кого-то совершенно невозможно. Тысячи там голову сложили, да многих на куски порвало от наших мин и гранат. Так и ушли япошки ни с чем, не смогли отыскать сынка генеральского. А потом уж, когда все успокоилось и наши полезли ковыряться и знаете что?

— Ну?

— Семен сабельку одну знатную нашел. Красивую, слов нет, явно не простую. Ну, наш капитан ее увидел, сабельку эту у Семена выкупил, а потом сам переговорщиков к япошкам отправил. Ну и отдал эту саблю собакам. Зря, конечно, надо было себе оставить как трофей. Ну а Семен потом нас всех угостил хорошо, все душу отвели.

И действительно, как позже я узнал, Ноги потерял в этой атаке своего сына. И все происходило именно так, как рассказывал Данил. Меч этот был семейной ценностью, и для японского генерала возвращение клинка в дом было очень важно. Потом, через пару дней Ноги в знак благодарности передал Стесселю всю ту почту, что японцы перехватывали с начала осады. Несколько сот килограммов писем доставили в город на телеге, запряженной упитанным мулом. Мул сразу же пошел на мясо, а многие письма вскоре нашли своих адресатов. Получил и я четыре письма из дома и одно от Мишки. Датировались они весенними и летними месяцами, так что никакой срочности в них не было. Но имелась в этих письмах одна важная особенность — они оказались вскрыты и прочитаны. Кто это сделал не вызывало никаких сомнений — японцы явно интересовались моими делами. И это не вызывало удивления, что-то подобного я и предполагал. Удивительно было то, что они, вскрыв эти письма и поставив на них свои клейма, все-таки их мне передали. А могли бы и

зажать....

Из Мишкиного письма узнал, что военные с началом активных действий и первых наших поражений, подобрав полы шинелей принесли к нему и потребовали выложить на стол все наши разработки. И он им выложил — гранаты, минометы, полевые телефоны, шкафоподобные радиостанции, бронежилеты, каски, ну и, конечно же, моточайки. Что-то их заинтересовало, что-то они откинули, но все же дело сдвинулось с мертвой точки. Производство во Владивостоке, что гнало колючую проволоку, он с превеликим удовольствием с минимальной прибылью продал государству, как и весь запас «егозы», так что теперь об этом у нас голова не болела. Все у нас с производственной частью в Питере было хорошо, плохо лишь то, что японцы теперь в курсе некоторый части наших секретов. Например тех же самых минометов. В письме Мишка более чем подробно расписал какие калибры заинтересовали военных и сколько штук они планировали заказать до конца года. А еще и про тротил упомянул и про то, что ведет переговоры с министерством о строительстве завода.

Супругины же письма.... В общем, это были обычные семейные портянки на многие листы. Нашел то самое первое письмо, в котором Маришка сообщала о своей беременности, улыбнулся ее счастливому повизгиванию брызгающего между строк. Вытащил фотографию своей дочурки, которая со времени последней нашей встречи заметно подросла.

Но все это было чуть позже, сейчас же Данил, разморенный крепким алкоголем и раскормленный сладкими пирожными, геройски вещал:

— Чувствую, ошибаетесь вы, Василь Иванович, в своих пророчествах.

— Чегой-то?

— Не сдадим мы Артур, удержим. Вон как макакам хвост придавили, поди тысяч двадцать за эту неделю мы положили, никак не меньше.

— Ну, ты это хватил, — возмутился Петро.

— Нет, правду я говорю, мы же их как капусту шинковали. Они, когда на гору лезли, то из винтовки можно было стрелять с закрытыми глазами и все равно не промахнешься. Так их там было много. И на втором форту, говорят, так же. Только нашим там пришлось совсем уж тяжело, япошки в галереи прорвались, но солдатики наши, настоящие герои, их оттуда повыбивали. Правда и самих их там полегло немало, но тут уж ничего не попишешь, если их там оставить, то все — хана! Вот и рубились наши страшнее лютого зверя. А еще говорили, что там один наш лейтенантик в рукопашке у японца отобрал его саблю и его же этой саблей и зарубил. А потом и еще пятерых, пока его штыками не закололи. Вот так.

Лизка опять, наслушавшись ужасов, ухватилась за сердце и поспешила прикрыть вырывающийся возглас. Данил ей хитро подмигнул, двумя пальцами ухватил хрупкое и безумно сладкое безе и сказал ей:

— Вкусные штучки, я таких никогда не ел. Мужикам сказать — обзавидуются. Они сейчас только вонючую похлебку из муки и жира и жрут, больше ничего нету.

— Как так? А то, что мы из Чифу привозили? Где оно?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Говорят, что Стессель большую часть убрал на склады.

— Зачем это?

— Вроде как запасы для долговременной осады. Значит, он тоже думает, что крепость мы не сдадим, — улыбнулся он, показывая, что подобный поступок он не осуждает, а очень даже одобряет. После третьего и самого сильного штурма, когда противник понес серьезные

потери, но не смог взять ни одной высоты, люди в крепости воодушевились. Вера вернулась в повседневность. Теперь все разговоры в городе были не о том, когда нам придется сдаваться, а о том, что будем жрать весной. В моей истории, насколько я помню, Артур пал незадолго до Нового Года, что в какой-то мере послужило катализатором Кровавого Воскресенья. Здесь же ситуация складывалась уже иначе и у меня стали возникать вопросы — а выйдут ли рабочие, возглавляемые попом Гапоном к царю требовать справедливости или нет? Если нет, то грош цена всем моим пророчествам и мое внедрение в доверие к Вдовствующей Императрице пойдет прахом. И все мои усилия окажутся тщетны. Вот и попал я в ловушку противоречий. И вроде бы уже спас массу народу и сильно помог Отчеству, но практически моя репутация провидца повисла на волоске. И теперь вся моя надежда была на расстрел рабочих. Случится он — я буду смело смотреть в глаза Марии Федоровны, нет — что ж, придется изворачиваться перед ней ужом.

В декабрь крепость вошла обескровленной, голодной, но уверенной в том, что она не сдастся в руки врага. Ноги, по слухам сильно опечалился гибелью собственного сына и неудачным штурмом и хотел было совершить ритуальное самоубийство, что послужило причиной для массы шуток у народа. Нам, лицам христианского вероисповедания претила сама мысль о самоубийстве, в наших генах заложена программа — страдай, но твоя и после смерти тебе воздастся. Самоубийство же считалось малодушием, поступком слабовольного человека. У японцев же все было с точностью до наоборот — лишь смерть от вспарывания живота могла смыть собственный позор, а для этого надо было иметь смелость и решительность. Ноги, потерпев столь сильного поражение, наверняка почувствовал себя опозоренным. Недостойным жизни. Что ж, я-то японца в этом плане хоть и понимал, но и я как остальной народ не мог принять подобного бегства. Мурзин, на вечерних посиделках за столом, уплетая за обе щеки макароны с тушеным мясом, говорил:

— Что за варварские обычаи? Честное слово, разве можно заставлять человека резать себе живот? Вера наша учит — терпи и воздастся. А у них, что за вера такая дурацкая, которая требует смерти? И эти люди еще хотят встать на одну ступеньку с Европой и Америкой?

— Совершенно дурацкая вера у них, — соглашался Данил. — Не христиане они, а самые настоящие варвары. Говорят, они пленных-то за людей не считают.

— Есть такое дело, — поддакнул я. — У японцев пленение это самый худший позор, который можно смыть только через самоубийство. Попавшему в плен японцу хода назад нет — только смерть. Вот и они наших людей, что попали к ним в лапы не считают за людей и относятся к ним соответствующе. Хотя, если говорить по правде, то в иностранных газетах писали, что японцы обращаются с нашими солдатами и офицерами более чем гуманно.

— Ага, я понимаю, — кивнул Данил, — это они, значит, хотят перед Европой лицом в грязь не ударить. А не было бы Европы, то затравили бы они наших людей собаками.

— По поводу собак с тобой не соглашусь, но если смотреть в целом, то — да. Попасть в плен к японцам значит обречь себя на долгие мучения.

Я знал, что говорил. Историю Второй Мировой я помнил, как помнил и то, что попавшие в плен к японцам солдаты, оказывались подвергнуты таким изощренным истязаниям, что не снились и фашистам. А все потому, что в сознании японца сидела установка, что пленение это самый худший позор. Вот и относились они к попавшим к ним людям хуже чем к собакам. А еще я помнил про резню в Нанкине, которая по каким-то причинам не слишком была известна нашим людям. Вот уж там-то они развернулись во всю

свою варварскую сущность — головы у китайцев отлетали, словно перезрелые зерна при обмолоте. И немцы со всеми своими нацистскими штучками в рейтинге зверств стояли на целую ступеньку ниже японцев.

— А, собственно, почему вы жалеет эту сволочь Ноги? Пускай бы себе пузо вскрыл, если ему так хочется, — удивлялась Лизка. — Столько бед он сюда принес, а вы о нем печалитесь?

— Никто его не жалеет. Мы просто думаем, что японец никогда не станет на один уровень с европейцами и нами. Мы слишком разные и наша вера их веру никогда не поймет, — с какой-то долей философии заметил Мурзин. — И отсюда будут все противоречия, которые, в конце концов, заставят японцев измениться. А вот как это будет — не знаю. Или они все откажутся от своей веры или же опять будет война. Как во времена крестовых походов Европа потребует от них измениться, а они встанут в позу.

Странно, но почти все согласилось с таким тезисом. Слишком уж сильны были ключевые противоречия. Но я предложил им третий вариант:

— Или же Европу захлестнет атеизм и ей станет безразличны их верования.

— Ну а общие гуманистические устремления как же? — спросил Пудовкин. — Как можно требовать от человека самоубийства? Даже если люди перестанут верить в бога, то все равно христианские взгляды на существования человека не смогут так быстро забыться. И даже без бога самоубийство воспринимается как самый тяжелый поступок.

Что-то нас в этот вечер накрыла волна философии. А все из-за того непроверенного слуха по поводу сепуку Ноги. А собственно, почему бы и не поговорить? Тем более что обстрел города не ведется уже пятый день, да и ружейная стрельба с позиций почти не слышна. Лишь изредка на расстоянии десяти миль от берега появлялась японская эскадра и немного постреливала. И наши береговые батареи им лениво отвечали, стремясь не поразить, а лишь обозначить свое существование. В Артуре установилась почти мирная жизнь. И лишь разрушения царящие повсюду, да установившийся голод напоминали о войне. Особо тяжело пришлось тем китайцам, что жили за пределами Артура, но, тем не менее, оставались под нашей властью. У них жрать совсем ничего не было, и в близлежащих деревнях вспыхнул настоящий голод. И китайцы, гонимые пустым желудком, на свой страх и риск уходили на японскую сторону. Знали, что там с ними будут обращаться хуже чем с собаками, знали, что с некоторых показательно снимут головы, но там, по крайней мере, у них был небольшой шанс выжить. Здесь же, когда наши с началом войны у них реквизировали все продовольствие, а потом отказались их поддерживать, их стопроцентно ждала голодная смерть. И она уже косила без разбора, выгоняя из обжитых мест.

В Артуре тоже было голодно. Солдат кормили просто отвратительно, гражданские побирались, просили милостыни, кланчили кусок хлеба. Почти все мужское население ушло добровольцами на оборону крепости, но не затем, чтобы воевать, а чтобы банально не протянуть от голода ноги. И часть своего пайка они отсылали родным. Стессель все же кое-как помогал простым людям, безвозмездно подкармливая баб и детей, но делал это настолько редко, что вся его помощь помогала лишь не сдохнуть. Люди, памятуя, что я возил консервы, регулярно навевались ко мне, просили еды, но я им не давал. Потому что все, что я когда-то привез, уже давно продал и раздал, оставив себе лишь то, что позволит нам протянуть до лета. И я запретил Лизке делиться едой. Да, на фоне общего населения я жировал и жрал от пуза, но, во-первых, жрал я то, что купил на собственные деньги, во-вторых, голодать вместе со всеми за компанию я не желал, а в-третьих, я за людей

ответственен не был. Их жизни зависят от Стесселя, в чьих руках находилась вся полнота власти. Вот он и распорядился — прибрал продовольствие с той целью, чтобы протянуть как можно дольше. И я считаю, что он сделал правильно. И потому я давал всем попрошайкам от ворот поворот. А Лизке разрешил приторговывать лишь свежими яйцами, которые, впрочем, почти всегда покупали экономки высших чинов. Знаю, эта моя философия звучала помироедски, но что поделать? Я теперь не тот, что был пять лет назад и мое мировоззрение малость изменилась. Теперь я понимаю, что люди, в чьих руках находятся и власть и деньги, просто не могут стоять на одной ступеньке с простым народом и у них обязательно должно быть что-то такое, что их отделяло. Вот я и отделился от людей, позволив себе комфортно просуществовать до конца весны.

В декабре в город опять вернулась цинга. Пока она набросилась на гражданское население, выкрашивала у них зубы, ломала суставы. Все цитрусовые, что были, Стессель кинул солдатам и у них пока что было все довольно неплохо. Но и у них через месяц-другой болезнь должна была вернуться — лимоны и апельсины поглощались просто с катастрофической скоростью. Узнав об этом, я снова напросился к Стесселю, предложив свою помощь. Но получил неожиданный отказ — японцы, раздосадованные тем, что мы шныряли туда-сюда, проводя целые караваны, приняли меры и теперь мимо них не мог проскочить ни один корабль. И если быстроходный миноносец под занавесом сумерек мог незаметно пробежать, то вот торговое судно, такой возможности уже не имело. Больше бой Витгефт давать не мог — после последнего такого похода часть кораблей до сих пор стояли в порту на ремонте и численный перевес Того на море просто не оставлял нам никаких шансов. Так что, теперь нам только оставалось сидеть смиренно и довольствоваться лишь редкими партизанскими вылазками в китайский город. Там, впрочем, тоже было не все так гладко. Часто в нейтральных водах ходила тройка миноносцев противника, страстно желающие перехватить наш связной корабль.

До середины декабря в Артуре было тихо. Ноги стал снова постреливать из пушек, но делал это как-то лениво и неохотно, делая это скорее для остротки. Наши летуны принесли новости, что противник сидит на своих местах и приходит в себя после неудачного штурма. В Дальний приходят редкие корабли снабжения, а у подножия гор недалеко от китайской деревеньки Ханцзятунь китайцы беспрестанно долбят ямы, в которых потом происходят захоронения. Сколько человек погибло при штурме наших укреплений известно не было, но говорят, что много. Очень много. Пилоты самолично видели сложенные штабеля изуродованных и окоченевших тел. Они же потом и рассказывали, как тела перетаскивали китайцы и засыпали комьями мерзлой земли, а священник проводил свои служения.

Японцы возненавидели моточайку, справедливо рассудив, что все проблемы были именно от нее. Едва она появлялась в небе, как в ее сторону звучали выстрелы. Винтовочные пули достать не могли — пилоты каждый раз забирались на самую высоту и чувствовали себя в полной безопасности. Но в один момент противник догадался применить пушки. В мастерских Дальнего он провел переделку нескольких лафетов и вскоре по чайке стали бить шрапнелью. Так появилась первая зенитная установка. Целых две недели наши пилоты не обращали никакого внимания на косую стрельбу и шары разорвавшихся в небе снарядов, но потом японец приспособился и стал обстреливать небесный тихоход более или менее прицельно. Пришлось тогда нашей чайке отходить от тактики прямого полета и приступить к маневрированию. Какое-то время пилотам везло и шрапнель рвалась то ниже, то выше или же совсем далеко, не причиняя никакого вреда. Но однажды сразу два снаряда легли в опасной близости от аппарата и наблюдатели с земли заметили, как крыло дернулось и его потянуло вниз. Чайка упала на землю на нашей территории. Пилот разбился, аппарат восстановлению не подлежал. Но двигателя, после небольшого ремонта, снова заработали. Их-то и поставили на новую чайку, что соорудили уже без меня и моих ребят. И снова над головами японцев повис наблюдатель, забравшись еще выше, почти на недостижимую высоту. И сколько потом его не обстреливали, до самого конца осады чайку так и не удалось снять с неба.

А вскоре новый аппарат, залетев несколько дальше, чем обычно, принес на землю новости — к крепости стягиваются новые войска. А это означало, что почти со стопроцентной вероятностью состоится четвертый, решающий штурм.

И снова над Артуром нависло тревожное ожидание.

Так мы незаметно для самих себя и дожили до Рождества Христова. Праздник для меня наступил как-то незаметно и совсем по-будничному. Ранним утром всех разбудила Лизка, громыхая на весь дом венчиком, взбивая в воздушную пену яичные белки.

— Чего гремишь, Лизка? — донеслось из-за стены недовольный голос Данила. — Поспать не даешь.

Она фыркнула и, не переставая взбивать, проворчала:

— А вам бы лишь бы бока отлеживать! Утро уже на дворе, а вы клопов давите.

— Лизка, угомонись, не шуми, — в тон Данилу поддакнул Петро. — Дай поспать.

— Некогда спать. Разве забыли что сегодня сочельник?

— И что? Теперь, значит, шуметь можно?

— И то! А ну-ка встали оба и угля мне принесли, да дров! И воды принесите. Мне сегодня готовить уйму, а вы тут носа из-под одеяла казать ленитесь!

— Так пост же, Лизка. Какая готовка?

— А Василь Иваныч соблюдает пост? — уквыряла-таки моя служанка парней и те нехотя выползли из-под теплых одеял.

— А пожрать? — недовольно спросил Данил.

— Когда Василь Иваныч проснется, тогда и получите.

Я же, с закрытыми глазами слушая их препирания, остался кемарить. Лизка гремела возле печи, парни, сбегав до ветру, послушно встали ей в услужение. Очень неудачно показал из другой комнаты свой нос и Мурзин, за что и был в мгновение ока захомотован Лизкой.

На праздник, по случаю окончанию поста, Петро зарубил курицу, а Лизка поставила варить бульон. Потом она заставила парней натаскать воду в баню и те нехотя и с легким возмущением принялись за работу. Здесь, в дачных местах, пресной воды, почитай, и не было. Ее приходилось привозить в ставедерной бочке и платить за это звонкой монетой. Вот из нее-то парни и таскали ведрами воду, частью в дом, а частью в баню. Для двоих крепких мужиков работы оказалось на пятнадцать минут, но и этого им оказалось много — они ворчали и через каждые пять минут демонстративно перекуривали.

Когда я встал, Лизка наметала на стол нехитрый завтрак и только тогда кликнула гогочащих на улице парней. Те зашли в дом румяные, пышущие жаром.

— Чего ржете, садитесь жрать! — на языке пролетариев сурово сказала Лизка и парни без лишних разговоров упали за стол. Но смеяться при этом не перестали, давились, сдерживаясь.

— Чего смешного?

Я глянул на них удивленно. Обычно по утрам парни всегда угрюмы. Просыпались они по-солдатски быстро, но без настроения. Вот и сейчас, встав, они принялись за работу без удовольствия и там, на улице должно было произойти что такое, что им это настроение сильно подняло.

— Что произошло? — спросил я, вилокромсая яичницу-болтушку.

— Бабу из соседней дачи знаете?

— Которую?

— Что с матерью живет. Она еще платок на себя накидывает, да под головой его так затягивает, что щеки вываливаются.

— А, ну да, помню такую. Манькой вроде зовут?

— Во-во, она самая. Ну, так вот, подходит она сейчас со своей бабкой к нам и просит воды. «Солдатики, мол, дайте водички, а то совсем от жажды помираем». Мы ей на бочку — набирай, говорим, щекастая. Ну, она домой за ведром. Прибежала, значит, ведро в бочку сует, а набрать не может. Мы оттуда уже порядком вычерпали и воды там на дне оставалось. Она и так и эдак, и на чурбачок встала — не достает. Бьет ведром по воде, а зачерпнуть не может. Она к нам — «помогите, милочки», а мы ей — тебе надо, ты и набирай. Тогда она бабку свою позвала. Они второй чурбачок поставили, бабка, значит, держит чурбачки, чтобы не упали, а баба на них забралась и опять ведром лезет. Чего-то там зачерпнула, а выползать начала, да эти чурбаки из под ног ее и вылетели. Бабка — «ой» и в сторону, а баба словно птица раскинула руки и плашмя, спиной об землю. Шмякнулась, ведро всмятку, лежит, стонет. Глаза в небо таращит, щеками надутыми пузыри выпускает. Большими такими, как в цирке. А подол задрался и панталоны всему белому свету показывает.

Лизка фыркнула:

— Нашли над чем ржать, кони. Лучше б помогли.

— Ага, щас, — в тон ей ответил Данил. И продолжил: — А панталоны у нее, вы не поверите..., черные, черные. У меня портянки чище когда я в них неделю не снимая хожу. И вот лежит, значит, эта Манька, пузыри пускает, а бабка ее, увидела, что мы заржали, как кинулась и давай по ней ползать, юбку поправлять. Ругается на нас старая, ползает по тетке, а потом вдруг почуяла что-то, нос своей кочергой прикрыла, слезла с нее и удивленно такая спрашивает — «ты что, Манька, обосралась что ли?». Ну, тут мы и умерли.

И эти кони снова заржали, зашлись в истерике. Заржал и Мурзин, а следом и я. Улыбнулась и Лизка. Парней колотило в припадке, о завтраке они уже и не думали. Петро тот вообще от хохота упал с лавки. И смеялся он так заразительно, с таким забавным подхрюкиванием, что веселье за столом усилилось и превратилось в форменную комедию. Петро катался по полю, Данил лбом прикладывался к столешнице, Мурзин держался за живот и, слушая подхрюкивания Петра, все больше и больше сползал под стол. Я ржал как конь в голос, утирая слезы и Лизка, пытавшаяся держать марку, присела на табурет и хихикала в батистовый платочек.

Эта разрядка здорова нам подлечила нервы. Искренний смех получше всякой водки и коньяка задал настроение на целый день. Взбодрил парней, заставил позабыть на время тревогу Лизке. Она, отсмеявшись и утерев глаза платком, глубоко вздохнула и, поднявшись с табурета, сказала:

— Ну, все, хватит ржать — животы надорвете. Завтрак стынет.

Но смех не унимался. Данил, вытирая слезы, сквозь гогот продолжил:

— А дура эта встать не может. Глаза таращит, мычит чего-то. Бабка давай ее за руку тащить, а та валится словно мешок с дерьмом. Мы ржем, а Манька эта кое-как перевернулась, встала на карачки и поползла к калитке. Да только коленками своими юбку с пуза и стянула и не заметила этого. И ползет она, стонет, а нам свой зад показывает с панталонами своими черными, а на них лепеха растеклась. И бабка на нас как завизжит: «не смотрите, ироды, что б ваши глаза лопнули!». А сама Маньку свою пытается прикрыть. Одной граблейнос свой зажимает, а другой юбку стянутую пытается на ее жопу накинуть.

Чистой воды комедия.... Баба только у калитки встать и смогла. Поднялась, отдышалась кое-как, обозвала нас некультурно и сбежала до дома. И бабка за ней. Обгаженную юбку в руках тащит, морду кривит, но бросать не желает. Жалко!

В-общем, завтрак прошел у нас весело. Манька эта потом едва меня завидев, пыталась скрыться, бабка ее приходила и пыталась жаловаться на Петра и Данила. Но ничего от меня не получила. За водой, правда, наведываться не перестала, только лишь приходила одна, без дочери. Та, стораю от стыда, со двора не казала и носа. Весть о ее позоре быстро разнеслась по дачному месту, многим подняв настроение.

После завтрака Лизка меня спросила:

— А вы, Василий Иванович, на службу пойдете?

— В церковь что ли, на вечерню?

— Да. Туда сегодня весь штаб Стесселя пойдет, и многие офицеры. И адмирал Витгефт будет обязательно.

— Ты-то откуда знаешь?

— Ну как же? Такой праздник и не прийти?

Я вздохнул. Честно, идти мне не хотелось. Каждый раз, когда я приходил на службу, то без особого энтузиазма и пиетета относился ко всему действу. Для меня посещение церкви была сродни воинской повинности — не хочется, но надо. И никто твоего мнения не спрашивает. Не будешь появляться на службах, не будет исповедоваться — народ станет косо смотреть или, что еще хуже, наверх могла уйти бумага, о том, что я, православный по паспорту, совсем не соблюдаю необходимые ритуалы. Оно, конечно, не особо страшно, но неприятно. Оправдываться потом перед попами и народом мне не хотелось. Я не жид, я не муслим, я православный. А атеизм нынче воспринимается как ругательство и пока что сильно осуждается. А мне это осуждение в связи с тем, что вскоре я буду пытаться войти в большую политику совершенно не нужно.

На праздничную литургию я, конечно же, пошел. Без удовольствия, но с хорошим настроением после произошедшей истории. И вправду под куполами встретил всех значимых господ Артура. И Стесселя, и Витгефта, и Белого, и Кондратенко и Бржозовского и многих, многих других. Основная масса присутствующих — военные, таких как я, гражданских, были единицы. Женщины, с покрытыми головами, стояли подле своих мужей, и также как и все терпеливо переживали службу. Поп, похоже, читал писания в слегка поддатом состоянии, но никого это не смущало. Даже наоборот, кого-то веселило. Особенно когда тот, читая, спотыкался на каком-то слове и раз за разом, силясь его на распев произнести, сбивался и чертыхался себе под нос. Думал, что никто кроме него самого этого не слышал, но акустика в церкви была такая, что его шепотки чертыханий долетали до самой середины толпы и вызывали тихие ухмылки.

— Написовашесь иногда со старцем Иосифом яко от семени Давида, — читал поп, подслеповато шурясь, — в Вифлиеме Мариам, чревоносяще бессменно..., черт..., бессенное рождение. Наста же время Рождества и место единоеже бе бетали..., черт..., обеталищу, но якоже красна палата вертеп Царице показашесь. Христос рождается прежде падшей воскресети образ....

Рядом со мною стоявшие офицеры покорно слушали, но улыбались забавному. Кто-то шепотом сказал:

— Что-то батюшка у нас раньше времени разговелся. Видимо совсем невтерпеж было пост держать.

Ему ответели:

— А ты попробуй тут выдержи, когда у тебя разносолов полные кладовые, а брюхо из-под рясы вываливается.

— Так реквизировать надо все, а то чего это мы постимся уже с самого лета, а батюшка наш разговляется каждый вечер? У него там, поди, добра полным-полно, на целый полк.

— Реквизируешь ты у него, держи карман шире. К нему сегодня приглашены Их Высокоблагородия.

— Жрать поди будут в три горла?

— Разговляться, — поправил друга офицер. — Сочиво, говорят, попадья знатное приготовила, меда и орехов не пожалела.

— Как же, будут они тебе сочиво есть. Попадья помимо этого еще целого пороса зажарила.

— Так где ж она его взяла-то? К японцам что ли сбегала?

— А хоть бы и так, что с того? А еще ящик французского шампанского приготовила.

— Так ты-то откуда это знаешь?

— А я сам это шампанское ей в дом и доставлял. И пороса того нюхал. Пахнет, свиношка просто божественно, слюнями им весь дом закапал. Но ни кусочка мне не дали, сказали «благослови тебя бог» и отправили вон.

— Неужто и рубля не дали?

— Говорю же — нет.

Я молча слушал говорунов, краем глаза следил за амвоном. Там поп с необъятным пузом нараспев зачитывал из святого писания, изредка чертыхаясь. Служба была утомительной. В тесную церковку набилось масса народу и довольно скоро внутри стало нечем дышать. Горящие свечи лишь усугубляли, забирая драгоценный кислород. У многих людей лбы покрылись испаринами, кто-то, не смотря на значимость службы, стал протискиваться в сторону выхода, не в силах терпеть невозможную духоту. Хуже всех приходилось стоящему на возвышении попу. Даже с моего места было прекрасно видно, как по его лбу, по щекам и шее текут крупные капли пота, а сам он, утираясь, силился читать четко и громко. Но всякий раз сбивался, тихо ругался, и снова брался за лямку возложенного на него бремени.

Я достоял до конца. С толпой вышел на свежий морозный воздух и с облегчением вздохнул. Опять со мною рядом оказались те разговорчивые офицеры:

— Ну, что, Роман Семеныч, не пойти ли нам в какую-нибудь кафешантанку?

— Опять к гулящим бабам? Отчего же нет. Конечно, пойдете.

— Бутылку водки со мною деньгой разделите?

— С превеликим удовольствием. Только в праздник можно бы и вина пригубить, хотя бы для приличия.

— А вот там и спросим, осталось ли у них что.

И они ушли, унося с собою праздничное настроение. Рождество на носу как-никак, святой праздник, а значит можно дать себе небольшое послабление.

Я тоже ушел домой. По приходу с удивлением увидел на пороге гостей. Совершенно разных и незнакомых мне людей основной массой гражданской наружности. Они меня увидели, стали поздравлять. И от меня получили поздравления, но им, видимо, не этого требовалось. Они стояли у калитки, провозглашали хвалебные речи и казалось чего-то ждали. Кое-как я просочился мимо них и спросил у Лизки:

— Чего они здесь толпятся? Чего им надо?

— Известно чего, — хмыкнула она, — угощения ждут.

— С чегой-то?

— Так колядовать можно уже. Вот, пришли к вам попрошайки. Я их пыталась прогнать, да только они как тараканы возвращаются.

— И значит, они без отдарков не уйдут?

— Эти точно не уйдут. До вечера будут перед вашими окнами ходить, требовать угощения.

Я недовольно мотнул головой и глянул в окно. А там, на улице топталось человек двадцать народу и высматривали мою физиономию.

— А колядовать можно две недели к ряду..., - подумал я вслух. И Лизка продолжила:

— Да, а завтра другие придут, а послезавтра другие.... Если этих не прогоните, то разоритесь вы, Василий Иванович.

— А разве можно вот так взять и прогнать?

Вопрос был риторический. Сейчас, я чувствую, попрошайки пошли по всем более или менее значимым чинам и практически все они были обязаны скинуть им часть продовольствия. Я, конечно, все понимаю, традиции и все такое, но нельзя же быть настолько наглым. Хотя, если бы не голод среди гражданских, думаю, такого массового попрошайства не случилось.

— Мурзин здесь?

— Нет, сбежал куда-то. И ваши солдатики тоже. Черт знает где их носит.

— Ладно, как придет скажешь мне.

— Хорошо. А с попрошайками что делать? Гнать?

— Не надо. Этим отдаримся. Иди-ка, открой кладовку, я им по банке консервов дам.

— Не надо, Василий Иванович, только хуже сделаете. Узнают, что вы такой добренький — толпой сюда прибегут, не откупитесь. А не дадите следующим, скажут, что вы кровопийца и жлоб. Они доброе не помнят, всем расскажут, как вы пожадничали. И до конца войны вы будете у них самым последним жмотом и душегубом.

— Я знаю, Лиз.

— Ну, так пускай убираются восвояси. Петро с Данилом придут они их прогонят.

— Делай, как я говорю, Лиза. Раздай им по банке консервов и скажи, что это был единственный раз когда я им что-то подарил. Тот, кто придет завтра и следующими днями ничего не получают.

Она покорно вздохнула, но ни слова против мне не сказала. Раздала страждущим по банке рыбных консервов и те ушли довольные. А позже, когда пришел Мурзин, я вызнал через него какая квартира в Новом Городе пустовала и тем же вечером туда переехал. По сути — сбежал от проблем. И я отчетливо это понимал.

На следующий день и через день и на третий ко мне на дачу, что находилась на побережье моря, приходили люди. Ходили возле окон, высматривали мою физиономию. Прикрываясь колядками требовали продуктов, но оставшиеся там жить мужики довольно в грубой форме отвадили их. Мурзин ближе к ночи даже взялся за какое-то дубье и погнал людей прочь от дома. И вроде бы отвадил, огрев кого-то крепко по холке, но на следующий день люди опять пришли и опять Егорыч гонял их по улице палкой и крепким матом. Он, так же как и Лизка, так же как и мои архары придерживался здравого мнения, что прикармливать никого не стоит.

На дачу я вернулся на пятый день, где и встретил Новый, тысяча девятьсот пятый год. Год нового этапа в жизни страны. В полночь по традиции стрельнул шампанским и подарил своим людям по небольшому подарку. Поставить во дворе елку мы не смогли, ее просто неоткуда было взять, так что мы удовлетворились лишь праздничным столом под звуки артиллерийской канонады. Японцы, таким образом, решили нас поздравить. Ровно в двенадцать ночи включили свои бабахалки и не выключали их потом на протяжении пяти суток. Без конца обстреливали наши позиции, готовясь к новому штурму. Потом сделали небольшой перерыв на пару дней и снова включили, с ожесточением уничтожая остатки второго форта.

Четвертый, решающий штурм состоялся одиннадцатого января по старому стилю. Едва лишь рассвело, как их пушки словно озверелые мастодонты набросились на высоту, терзая кирпичную кладку, обрушая своды, кроша бетон в пыль. Над фортом нависла непроницаемая серая шапка дыма и мелко крошева камня. Неожиданно в полдень теплого дня обстрел закончился, и следом раздались нечленораздельные вопли, соединенные в нестройные хор и частая сухая ружейная трескотня. Японец полез на склон.

Все свои силы генерал Ноги бросил на штурм именно второго форта. Про Высокую он и думать забыл, поняв, что взять ее не сможет. Но нашим от подобного решения были лишь одни плюсы. Сообразив, что все свои силы японец сосредоточил напротив второго форта и наши стали там собираться. Часть пехоты со второстепенных участков была снята и переброшена на опасное направление, и почти все минометы, что малые, что крупные так же перевезли поближе к месту боевых действий. И едва встав на позициях, они стали крыть карабкающегося по склонам противника со смертоносной эффективностью.

Семь дней длился штурм. Семь дней Ноги кидал своих людей под пули, гранаты и мины, и все семь дней он не мог занять уже почти разрушенный форт. Часто японец закарabкивался на вершину, залегал в развалинах форта, полагая, что находится в мертвой зоне, но его накрывали минометами, выбивая, а затем добивая штыками. Взаимодействие командования на таком уровне в эти дни оказалось отлажено просто до совершенства. И немалую роль в этом сыграли мои полевые телефоны. Едва лейтенант от инфантерии понимал, что у него под носом происходит накопление сил противника, как он вызывал минометчиков и просил закинуть с десятков мин по такой-то точке. И через минуты в указанном месте распухали адские бутоны, поднимая в воздух камень, пыль и части человеческих тел. И именно за это наши минометчики оказались столь любимы простыми солдатами.

К исходу седьмого дня штурм сам собою захлебнулся. Противник исчерпал основные силы и бездарно погубил резервы. И потому Ноги в бессилии отозвал пехоту, а сам отправил своему Императору покаянную телеграмму, где снова просил разрешения о сепуку. Этот факт наши установили со стопроцентной достоверностью. Уж не знаю каким способом, но смогли. И каким-то образом этот факт всплыл в иностранных газетах, которые вдруг стали высмеивать подобную варварскую традицию. Император разрешения своего опять не дал и Ноги, скрипя сердце, остался сидеть близь Артура. О пятом штурме уже не могло идти никакой речи — резервы японской армии оказались исчерпаны.

Нам эта осада также далась тяжело. Многие тысячи погибли, тысячи оказались на всю жизнь покалечены. Но, тем не менее, именно после этого крайнего штурма все вдруг отчетливо поняли, что мы выстояли и не сдались. Мы одержали победу, очень тяжелую, почти неподъемную, но заслуженную победу. И теперь нам осталось лишь досидеть до того

момента когда осада окажется снята.

Японцы, как установила авиаразведка, действительно к следующему штурму более не готовились. Всех легкораненых они подлечивали и возвращали в строй, тяжелых же отправляли глубоко в тыл. Новые войска не приходили, новые пушки не поступали, лишь снаряды не прекращали прибывать в порт Дальнего. И Ноги, не в силах сломит нашу оборону, стал ежедневно, по часам обстреливать город. Бил по гражданским объектам, бил по портовым постройкам, по бухте..., бил туда, куда палец по детской и глупой считалочке падал на карту. Наши тоже в стороне не оставалась и вели свою борьбу, но делали это редко и только со стопроцентным знанием, куда именно необходимо было отвечать. Со снарядами на наших батареях оказалось не очень хорошо. Еще после окончания второго штурма артиллеристы пришли к пониманию, что снаряды в дефиците и надо бы их поберечь. Вот они и берегли, без нужды не отстреливались, а били лишь тогда, когда знали наверняка, где находится противник. В портовых мастерских, конечно, беспрестанно шло литье корпусов снарядов, мин и гранат, но делалось это такими медленными темпами, что, можно сказать, никакого влияния их работа на запасы не оказала. Тем более что в их приоритете было литье корпусов именно мин крупного калибра и ручных гранат.

В середине января в Артуре вдруг пронесся слух будто бы Куропаткин готовится к решающему бою. И город вдруг заново ожил, забурлил. Этот слух оброс вдруг самыми фантастическими предположениями и догадками. И однажды, теплым солнечным днем сидя на набережной на резной лавочке, рядом со мной подседа пожилая супружеская пара из гражданских и прямо меня спросила:

— Господин Рыбалко, а правду говорят, будто Куропаткин собрал целый полк из ваших чаек и хочет ими бомбить японцев? Это правда или враки?

Я усмехнулся:

— Откуда же я знаю?

— А правду говорят, будто у него теперь есть такая радиостанция, которую он всегда возит с собой и через нее общается со своими генералами?

— А вы-то откуда это взяли?

— Так все говорят, что это так, — ответила пара, с надеждой заглядывая мне в глаза. И ожидали от меня ответа, так словно я знал все на свете. — Если это так, то, значит, не все так плохо как все говорили до этого про господина Куропаткина. Не совсем дела у нас пропащие. Так ведь? А еще говорят, будто бы у него в армии появилась какая-то особо большая чайка с десятью моторами. И будто бы она может взять с собою на небо двадцать пудов бомб. Вот мы и думаем, что если это правда, то не устоит японец перед ним и нас, значит, скоро освободят.

— Про чайку с десятью моторами это выдумки, — уверенно заявил я, и пожилая пара сделала свой вывод:

— Ага, значит все остальное правда. Что ж, весьма отратно это слышать. Вы не представляете себе насколько нам здесь тяжело. Поскорее бы уже разбить этого японца..., - и сказав это, они ушли. И вскоре радостный слух о том, что у Куропаткина появился целый авиаполк бомбардировщиков расплзся по крепости.

Январь, насколько я помнил из своей истории, станет переворотным месяцем, в котором случится Кровавое Воскресенье. И где-то в январе-феврале Куропаткин должен будет дать японцам бой под Мукденом и там, заняв оборонительную позицию, феерично обосраться. Точную дату я не помнил, но стойкое ощущение того, что колесо истории вот-

вот сделает свой очередной поворот, имелось. И я с некой тревогой ожидал настоящих новостей. И мою тревожность заметили мои люди и так же замерли в ожидании плохого. Данил с Петром давно знали о моем «пророчестве» и потому так же нервничали и дергались. По вечерам иногда заводили разговоры о том, какой может быть жизнь без царя. Мусолили эту тему, обсасывали со всех сторон на протяжении нескольких дней, до тех пор, пока я жестко не хлопнул ладонью по столу и не сказал, возвысив голоса:

— О том, что царь отречется от престола и сбежит, не может быть никакой речи! Точка! Чтобы я об это больше не слышал.

— Ну, так революция же будет! — не унимались мои архары. — Как во Франции будет?! Или нет? Если как там, то Николаю бежать надо, пока его голова на плечах прочно сидит, а то скатится еще ненароком. Кому он тогда претензии свои предъявлять будет?

— Николай революцию жестко подавит и не будет никакой Франции. И гильотин для господ тоже не будет. Армия на штыках удержит царя на троне.

— Господи, это же сколько народу погибнет?

— Не знаю, но немало. По стране прокатятся повсеместные стачки и даже железная дорога встанет. А вы представляете что значит остановившаяся железная дорога во время войны? Вы представляете, что будут делать власти для того, чтобы доставить на фронт пополнение и боеприпасы? Царь, он может быть и слабовольный, но уж точно не дурак. Он в бараний рог свернет того, кто будет мешать ему в войне с Японией. Так что, все ваши домыслы о том, как бы хорошо жилось без царя сейчас просто бессмысленны. И потому я не желаю слышать об этом. Понятно?

— Понятно, Василь Иваныч, — протянули мои парни, но, зная мою натуру, не остановились на этом. Наоборот, углубились в тему, вытаскивая из меня те крохи знаний, что у меня имелись: — А долго это будет продолжаться?

— Что долго?

— Ну, революция эта? Стачки... Долго будет?

— Думаю года два страну будет лихорадить.

— И что, все эти два года Николай на штыках будет подавлять простых рабочих? Неужели ничего революция не даст? Помнится, вы говорили, что царь разрешит депутатов и думу.

Я отмахнулся:

— Честно, чем больше об этом думаю, тем больше прихожу ко мнению, что дума эта будет не более чем простая говорильня. Какой статус у нее будет? Я не знаю. Какие полномочия? Тоже не знаю. Но, как мне кажется, Николай сделает все возможное, чтобы не упустить из своих рук монополию на власть.

Парни замолкли и призадумались. Потом Данил спросил:

— Так что же, вся революция коту под хвост? Все смерти напрасны?

— Не совсем.

— А что же тогда будет полезного для народа?

— Цензуру отменяют. Совсем. Говори что хочешь, ругай кого хочешь. И партии разрешат.

Ляпота...

Парни переглянулись.

— Значит, теперь политические выплывут наружу? Не будут больше прятаться?

Я медленно кивнул.

— А вы, Василь Иваныч, что делать будете? Не пойдете, например, к эсерам?

— Боже упаси идти к эсерам. И к большевикам и меньшевикам тоже.

— К кадетам? К монархистам?

— Нет, парни, все мимо.

— То есть вы планируете без политики? Не хотите изменить страну к лучшему? Но как же так, Василь Иванович, вы же столько говорили, что жизнь простых людей тяжела и надо ее менять. Неужто вы про это забыли?

— Нет, не забыл. Все так, все верно. Я за то, чтобы по всей стране был облегчен труд рабочего. Я за восьмичасовую смену на всей территории страны. И за профсоюзы я обеими руками. Но без стачек и без погромов.

— А как же тогда...?

— Я буду создавать собственную партию, — огорошил я их и парни вытаращили глаза. И даже Мурзин, который молча нас слушал и предпочитал не вступать за политику, взглянул удивленно.

— Это же сколько вам денег понадобится....

Да, деньги на поддержание партии потребуются немалые. И даже я, условный миллионер, вместе с Мишкой не смог бы в одиночку ее потянуть. Поэтому нам просто необходимы будут нужны единомышленники в среде богатых людей. А богатые люди у нас в стране это либо промышленники и банкиры, либо графья да бароны с земельными участками и кое-какими мануфактурами. Но все они как один не смогут быть привлечены той идеей, что я задвину. Сокращение рабочих часов для них означало прямые убытки. А на это они пойти не смогут. И тут мне предстоит либо искать по-настоящему идейных в этой среде, либо искать спонсоров за границей, либо вводить партийные взносы. Хотя и все три способа можно было бы совместить.

— А вы уже придумали название своей партии?

— Нет, не придумал. И если честно, я еще не выработал идею и не придумал лозунги.

— А с крестьянами, что делать будете? Как вопрос с землей решать?

М-да, а вот это был на самом деле самый главный и самый сложный вопрос. Крестьянство сейчас в загоне, общины, идея в которых была довольно-таки не плохая, давно уперлись в свой потолок и только мешали. Крестьяне хотят землю в собственность и тот кто ее им даст, получит огромную поддержку. Но вот как это сделать, как дать людям землю, не ущемив при этом права других? Вот был вопрос. И посему выходило, что Столыпин со своей земельной реформой, с переселением крестьян на свободные территории, будет в какой-то мере прав. Напряжение с общин надо снимать, да и с самими общинами надо что-то делать. А вот что делать, пока непонятно. Кстати, по поводу Столыпина. Помнится он, затеяв переселение миллионов вместе со всем их скарбом и скотом, столкнулся с острой нехваткой подходящих под эти цели вагонов. И пришлось тогда государству в срочном порядке закупать тысячи и тысячи вагонов. И вот, вспомнив сейчас об этом, я увидел новую возможность для заработка. И теперь главное каким-то образом донести эту мысль до Козинцева, чтобы он там, в Питере предпринял кое-какие меры.

Вопрос с партией, конечно, находился пока лишь в стадии осмысления. Вроде бы надо ее создавать и просто необходимо уже сейчас искать пробивных людей, но под какую идею их искать, чем их привлекать? У меня ответов на эти вопросы пока не имелись и, даже более того, я пока не мог точно сказать чего хочу от власти, какой я хочу видеть страну. Какой политический уклад и что вообще в будущем нам делать с Николаем? Ведь не зря же его в семнадцатом году скинули с престола, были на это причины и весьма немалые. Но что я теперь знал точно, так это то, что я не желал видеть во власти большевиков. Ни при каких обстоятельствах. Пускай сидят себе в думах, пускай треплются и мирным способом добиваются улучшений, но власть, реальную власть я им давать не хочу. Они же, дорвавшись до нее, спровоцируют гражданскую войну, а мне этого не надо. Уж лучше пускай царь остается на престоле, с разумным кабинетом министром и с думой-говорильней. Но с такой думой, у которой будут хоть какие-то полномочия, а у царя будут ограничения на его монополию, а в стране конституция, дающая всем гражданам Империи равные права. Да, даже сейчас после стольких лет пребывания в этой эпохи я желал видеть равенство — долой дворянство с их привилегиями. Пускай бароны, графья и иже с ними остаются, но пускай по правам они будут стоять на одной ступеньке с теми же самыми крестьянами и рабочими. Никаких благородий и превосходительств, только гражданин и товарищ, господин или мистер...! А царя надо смещать в любом случае, он станет для всех лишь раздражителем. А вместо него посадить другого, например, его сына Алексея при регентстве неглупой бабки Марии Федоровны. Вот она-то женщина разумная и волевая, не то, что сынок ее Николай. Она, если понадобится, сможет пойти на решительные действия.

Так я размышлял, в скуке сидя в осаде и ожидая нашего освобождения. И чем больше я об этом думал, тем больше приходил ко мнению, что сам этими постулатами закладываю основу для новой революции. Свергнуть царя, ограничить его в полномочиях, ввести конституцию и уравнивать всех в правах? Уравнивать великосветского князя и крестьянина-лапотника? Да это такая бомба, что взорвись она, то страна пролетит через такую мясорубку, что я не сильно стану отличаться от тех же самых большевиков. И придя к такому мнению, я понял, что партия не должна делаться с наскока. Все ее устремления и принципы, все ее догматы должны быть тщательно обдуманы и взвешены, с той лишь целью, чтобы получить желаемое как можно меньшей кровью. А то, что кровь все-таки придется пролить, что к власти в какой-то мере придется применять силу, я уже понял. Понял и принял к сведению.

В конце января в город неведомым образом попало несколько экземпляров британских и американских газет, из которых народ узнал, что царь в Петербурге жестоко подавил народное шествие. Расстрелял митингующих, разогнал шашками и нагайками и провел массовые аресты. Кровавое Воскресенье все-таки случилось!

Общий стиль статей подводил читателя к мысли, что царь наш, Император напрасно применил силу, и ему следовало бы прислушаться к пришедшим к нему людям, дать им волю высказаться. Газета осуждала поступок Николая, в красках расписывая количество жертв и печатая скорбные, кровавые фотографии. Британцы и американцы поддержали простой народ.

Новость эта потрясла Артур. Во всех переулках, на каждом укреплении, в каждой кафешантанке только и разговоров было, что об этом происшествии. Столичная трагедия, не смотря на расстояние нас отделяющее, напрямую влияло на нашу судьбу. Люди правильно сделали вывод, решив, что Николай хватил лишку. В самых низах пошел ропот, гул недовольства, и начальство, заметив брожение, усилило тиски. Офицеры, получив приказ, залютовали, стали на корню пресекать любые разговоры. Наказывали, запрещали, ссылали на губу. Все это, конечно, помогло удержать дисциплину в войсках, но не смогло добавить любви. Солдаты, прошедшие через такие испытания, уже мало чего боялись и иногда в открытую говорили своим непосредственным командирам то, что думают про эту ситуацию в столице. И низшие офицеры, находясь меж двух огней — сверху собственное начальство, требующее дисциплины и устранение инакомыслия, а снизу собственные подчиненные, с которыми они прошли горнило войны и с большим трудом заслужили у них уважение, изворачивались всеми возможными способами, пытаясь еще больше не разозлить солдат. Увещевали их, разговорами убеждали, что хоть царь и не прав, но для нас сейчас важнее выстоять в войне и не сдать крепость. Потому что если сдадим, то это лишь еще больше подогреет возмущение народа и царь будет вынужден еще больше применить силу. Долго шли эти разговоры, долго начальство затягивало гайки, но в конце концов ситуация более или менее устоялась и успокоилась. Солдаты поворчав, закусив удила, взялись за прежнее дело, и Артур вновь нашел в себе силы удержаться. И еще раз я вздохнул с облегчением, а то был такой критический момент, когда напряжение нарастало и казалось оно вот-вот должно было выплеснуться. Но то ли божие провидение спасло, то ли долготерпение солдат, но оборона крепости, на краткий миг ослабнув, снова укрепилась. И лишь некие личности, видимо особо подверженные идеей революции, до сих пор продолжали возмущаться, но после гауптвахты делали это втихаря и особо не афишируя.

В конце января в городе испортилась погода. Задули сильные ветра, нагоняя низкие облака, температура резко упала и снег крупными хлопьями стал заваливать крыши домов и покрывать сопки белоснежными шапками. Японский обстрел видимо по этой причине вдруг закончился и над крепостью впервые более чем на неделю установилась звоноподобная, с ума сводящая тишина. Ни единого взрыва не прозвучало в окрестностях, ни единого выстрела не было сделано с японской стороны. Что-то там у противника происходило, но что именно никто понять не мог. Авиаразведка сидела прикованной к земле и ничем помочь не могла.

Через неделю погода наладилась, тучи ушли и выглянуло солнце, под лучами которого начал быстро стаивать зачерненный угольной копотью снег и моточайка при первой же возможности взмыла в небо. И едва приземлившись, она принесла новости — часть артиллерии малого калибра оказалась снята со своих позиций и отправлена в неизвестном направлении. Вместе с пушками исчезли и люди их обслуживающие, а так же значительная часть простой пехоты. Те места, где ранее стояли палатки оказались нынче пусты. По оценкам разведки выходило, что более десяти тысяч японской пехоты вдруг по каким-то причинам поднялись со своего места и отбыли в неизвестном направлении. И эта новость хоть и принесла радость в крепость, но и погрузила светлые головы генералов в искреннее недоумение. Стессель со штабом быстро поняли, что генерал Ноги окончательно смирился с тем, что не смог взять крепость и теперь приступил к вынужденной тихой осаде, в той надежде, что у защитников скоро должно закончиться продовольствие. А вот куда ушла

часть инфантерии, которая по идее должна была штурмовать укрепления, Стесселю приходилось угадывать. Я же догадывался куда....

О том, что бой под Мукденом начался в первой половине февраля, в крепости узнали с большим запозданием. На этот раз наш миноносец впервые за два месяца прорвался в Чифу и принес оттуда свежие новости — Куропаткин под китайским городом крепко держит оборону, отражая сильный натиск японских сил. Бои там идут уже две недели и не затихают ни на один день. Японцы прут, пытаются обойти с флангов, но Куропаткин держится и вполне себе неплохо отбивается. По великой тайне консул в Чифу поделился тем, что у наших под Мукденом действительно появилась авиаразведка из двух моточаек, которые и выясняли расположение и движение сил противника. И именно это обстоятельство помогало нашим выстоять. И хоть Куропаткин придерживался старой тактики высиживания за забором и колючей проволокой, но и у него хватало соображаловки и кое-какой решительности, чтобы реагировать на изменения в расстановке сил. И это откровенно меня радовало. Теперь у нас были все шансы выстоять под Мукденом и не сбежать с поля боя с позором. А если учесть, что те войска, которые Ноги, в случае взятия Артура, мог бы отправить на это генеральное сражение, остались большей своей частью на позициях, то наши шансы на успех оказывались очень и очень велики. Ведь по подсчетам Стесселя мы до сих пор удерживали под своими стенами около тридцати-сорока тысяч человек. А ведь эти люди в мою историю, как подсказывает простая логика, вполне могли принимать участие в разгроме Куропаткина. Так что, Алексей Николаевич, чувствую, станете вы скоро героем Русско-Японской войны, выйдете из нее с медалями да с орденами. Как, впрочем, и Стессель. Тоже вот-вот станет настоящим героем и отхватит славы на свою голову повыше макушки. И все это получается только благодаря моим и Мишкиным усилиям. Не было бы нас — все покатило бы по старым рельсам.

А еще через три недели высиживания за стеной укреплений к нам пришла еще одна новость — Куропаткин выстоял. Выдержал натиск, не позволил японцев обойти себя с флангов и не дрогнул. Три недели он стоял крепко, отражал отчаянные атаки противника, а под конец, когда враг стал выдыхаться, сам ударил казачьими группами в поддых японской армии. И сковал их силы, заставив прекратить всяческие активные действия. К сожалению, казачки, наведя шороха в тылах и сделав свое дело, ушли, а Куропаткин, удовлетворившись ослаблением натиска, не стал проводить поднимать войска в атаку. А так и оставил людей сидеть на своих позициях, оставаясь верным своей натуре. Не очень хорошо он сделал, спасовал, забоялся. А ведь мог единым ударом просто уничтожить противника, рассеять его по китайской земле и тем самым разом решить идущую войну. Таково было мнение многих офицеров в крепости, почти все склонялись именно к такому варианту. Но и без этого Алексей Николаевич одержал победу, не позволив разбить себя. Японец, обессилев, отошел на прежние позиции, а вскоре и вообще снялся с места и ушел. Куропаткин преследовать его не стал, предпочтя сперва пополнить резервы. Что же касается сил противника, то многие приходили к мнению, что у него просто не осталось свободных людей. То есть, потеряв десятки тысяч людей под Артуром, потеряв какое-то количество в боях на территории Китая и в боях под Мукденом, противнику просто нечем было восполнить эти потери. Все возможные резервы давно уже оказались задействованы.

В конце февраля в Артур пришла весенняя погода. Солнце смилостивилось и пролило на землю жаркие лучи, принося с собою радостное настроение. Обычно в такую благодатную

погоду оживают воробьи и начинают свой веселый стрекот. Но нынче в городе тихо — ни один воробей не прыгнул с ветки на ветку, ни один голубь не искупался в луже. Всех пернатых давно пожрали.

Первыми в городе и в окрестностях с голодом столкнулись китайцы. Те, после проведенных Стесселем у них реквизициями и оставшись совсем без средств к существованию, устроили охоту на летающую живность. В первый же тяжелый месяц они переловили всех птиц, поели всех собак и кошек. В летние месяца от великой нужды промышляли сбором насекомых и, высушивая их и дробя в муку, заготавливали себе лепешки. Те, у кого была возможность, выходили в море, ловили там рыбу и собирали водоросли. Пока была возможность и пока стояло теплая погода китайцы сидели на своих местах, а как пришли морозы, так и стали они сниматься со своих мест и наудачу уходить к японцам.

В городе, конечно, дела обстояли получше. Стессель не бросил гражданских, кое-что им выделил из запасов крепости, но это был всего лишь необходимый для выживания мизер и люди, в основной своей массе, голодая, искали возможности и способы хоть как-то и чем-то набить себе брюхо. И если по первому времени русские, видя как китайцы охотятся за воробьями да голубями, воротили от этого нос, то потом и сами были вынуждены взяться за подобную охоту. И довольно быстро все, что летало и жило под крышами домов, оказалось истреблено. Потому-то и тихо стало в Артуре, ни одна птичка не чирикнула бодро, ни одна кошка не потянулась блаженно на нагретом солнцем камне.

С приходом в город новостей об убедительной победе Куропаткина, люди, истосковавшиеся по сытости, то и дело заводили разговоры о том, когда нас освободят.

— Вот, — считали они, загибая пальцы, — сейчас Алексей Николаевич собирает силы, восполняет потери.... Это один месяц. Потом он пойдет искать японца.... Это, наверное, еще один месяц. Найдет он его или нет, неизвестно. Если найдет, то даст им еще один бой. Если нет, то пойдет до нас. До нас доберется еще, наверное, через пару недель.... Так, что к маю или к июню он будет уже на полуострове. И вот тут вопрос — захотят ли японцы оставаться в клещах и предпочтут уйти? Если они встанут в оборону, то, может еще месяц пройдет, прежде чем Куропаткин их сковырнет. Значит, к середине лета мы будем освобождены..., - и, прикидывая сроки, представляя, что ждать еще долго, люди вздыхали: — эх, дожить бы до этого, не подохнуть бы с голоду.

— Не подохнем, — отвечали задававшим вопросы другие. — К нам на подмогу идет Балтийская эскадра. Как прибудет, так и конец нашей блокаде. И тогда уж можно будет смело в Чифу ходить за продовольствием.

— Так говорят же, что эскадра эта не дойдет до нас.

— Это почему же?

— Так говорят, что Того не даст. Сделает все возможное, чтобы не дать ей соединиться с нами.

— Да, да, точно, — уверенно повторяли другие люди, — вот и я газетах читал еще до войны. Был такой писака один — Жириновский. Так вот тот как по полочкам всю нашу войну разложил. Все правильно писал. И про то, что крепость наша слаба, и про Куропаткина. И про Балтийскую эскадру он писал, говорил, что у нее есть высокая вероятность быть встреченной противником и быть разбитой.

— Это почему же он так считает?

— Вследствие долгого перехода. Машины устанут и многие будут требовать ремонта.

Вот так. А у японцев все базы под боком, они там постоянно обслуживаются, проходят проверки.

С говорившим такие вещи зачастую соглашались. Ведь действительно многомесячный переход эскадры вокруг Африки должен был сильно сказаться на кораблях. Но находились и те, кто ставил эти измышления под сомнение:

— Ну и что из того что Жириновский там что-то написал? Я тоже читал его опусы, и я прекрасно помню, как он предсказывал нам сдачу крепости к Новому Году. И что же? Он ошибся! Уже идет февраль, а мы до сих пор сидим в обороне и не даем себя взять. Так что ошибается ваш журналист и никакой он не пророк. И про Куропаткина он вещал, что тот сдаст все бои, а он вон как под Мукденом уделал япошек — любо дорого посмотреть. И те после боя удрапали так, что и следа их найти нельзя. Так что ошибается он и про Балтийскую эскадру он тоже может ошибаться.

— А как же тогда про расстрел рабочих в столице? Он же и об этом писал! И, главное, угадал все!

— Все равно — Жириновский не пророк. Ему просто повезло.

И такие споры в Артуре стали вестись повсеместно. Теперь у народа было одно развлечение — вычислять дату прихода либо Куропаткина, либо Балтийской эскадры. Всем до чертиков надоела эта осада и хотелось уже мирной и спокойной жизни. И вот ведя такие разговоры, порою споря до хрипоты, люди все же приходили к мнению, что дела у японцев пошли из рук вон плохо и вся их военная компания скатывается в тартарары. Тут и иностранные газеты иногда стали появляться, где журналисты высказывали такое же мнение. Немецкие и французские издания с восторгом преподносили этот факт читателям, а вот американские и особо британские, признавая грядущий факт поражения японцев, с тревогой рассуждали о том, что Россия, сломив «благородного» противника, который строго соблюдал все международные нормы, необычайно укрепляла свои позиции. И даже наступившие волнения не давали никакого шанса на ослабление. Наша армия, получив очередной опыт, стала еще сильнее и признавалась едва ли не самой мощной на Евразийском континенте. И из этого факта британцы делали вывод — нашу страну надо ослаблять. И находили для этого два пути. Первый — самим объявить нам войну и таким образом отвлечь часть сил с Востока. И второй — всеми силами подержать волнения внутри нашей страны и таким образом заставить Николая пойти на ослабление режима и вследствие этого отвлечь часть наших войск на подавление. И, судя по всему, журналистский рупор высказывал именно те настроения, что царили при Британском дворе.

Народ в Артуре, прочтя эти газеты, забеспокоился. Войну на два фронта никто не желал, а революция, хоть и казалась какой-то части привлекательной, но все же всех до смерти пугала. Особенно в связи с тем, что для ее подавления Императору придется задействовать часть армии. И если подобное случится, то становились совершенно непонятны перспективы нашей войты с Японией и ставился вообще вопрос о дате снятия осады. Люди в Артуре страстно желали прекращения войны.

Подобные измышления мне однажды высказали и мои архары. Подсев ко мне на нагретую солнцем лавку, они обеспокоенно спросили:

— А скажите, Василь Иваныч, британцы и вправду могут объявить нам войну?

Я пожал плечами. В мою историю подобного не случилось. Сейчас же, в связи с теми изменениями что произошли, я уже не мог стопроцентно прогнозировать. Британцы, с самого начала поддерживая Микадо, помогали ему в подготовке и всячески подталкивали к

обострению с нашей страной. И сейчас, понимая, что их затея прогорает, они могла пойти на экстренные меры.

— Я не знаю, парни, — честно ответил я.

— Как так? — удивились они.

— Да вот так! Или думаете, что я пророк?

— Ну..., - несколько стушевались они, — честно, были такие мысли. Очень уж вы верно все угадывали.

Я улыбнулся.

— Для этого не надо быть пророком. Достаточно просто посмотреть по сторонам.

— Ага, — словно поймав меня на какой-то оговорке, поднял палец Петро, — а как же расстрел рабочих в Питере? Как такое можно угадать?

— Все просто, — уклончиво ответил я. — Вы же попа Гапона знаете?

— Ну....

— А, знаете ли, что он ходил к нам на заводы?

— Ну, знаем.

— А знаете ли вы, что он работал на охранку?

— Да вы что?! — разом ахнули парни. — Да быть этого не может!

— Может, — кивнул я и признался. — Я и сам с охранкой дела кое-какие имею. И Зубатов в свое время сосватал мне этого Гапона, чтобы я его допустил к себе на завод. Чтобы он там, значит, смог вести свою пропаганду.

И у парней упали челюсти. Это было, конечно, сильное признание. О том, что Гапона мне навязали никто кроме меня, Мишки и самого Зубатова не знал. И все, кто читал новости из столицы и пытался как-то анализировать там происходящее, высказывали мнение, что Гапон работал скорее на каких-нибудь революционеров, но никак не на охранку. Хотя в связи с тем, что Зубатова со службы турнули, вполне было вероятно, что поп работал на обе стороны, преследуя свои мутные цели. Сейчас, когда расстрел случился, пресса стала писать, что главный возмутитель спокойствия вдруг куда-то исчез. И тут высказывались два мнения — либо его уже убили недовольные работодатели, либо он просто сбежал. Я к великому сожалению не помнил его участи и потому предсказать его дальнейшую судьбу не мог. Как, впрочем, и маневры Лондона в связи с нашими военными успехами.

— Рот закройте, ворона залетит, — подначил я своих парней, выводя их из ступора. — Ну да, Гапон работал на охранку. Но это было сильно раньше расстрела, да и потом Зубатова сместили. Так что попяра мог соскочить с их крючка.

— А если это так? Так это что же получается, что расстрел рабочих это провокация охранки? Она таким образом пошла против царя, да? А зачем ей это, я не понимаю? Какой смысл выводить людей под пули? Зачем так делать?

— Не знаю. Честно, не знаю. Если это и дело рук охранки, то не думаю, что она прям этого желала. Тут либо что-то пошло не так, либо это не их рук дело. И я более всего склоняюсь ко второму варианту. Нет, ну правда, не верю я в то, что в охранке служат такие упыри.

— А если не их рук дело, тогда чьих?

— Я думаю тут целый клубок. Гапон повел людей, преследуя свои цели, охранка не вмешалась на этапе подготовки из-за своих целей и революционеры наверняка подложили туда свои грабли. В газете же неспроста было написано про провокаторов в толпе. Говорили, что и оттуда тоже стреляли. И я вполне допускаю мысль, что именно первые выстрелы

прозвучали именно из толпы. Эсеры и большевики на такое вполне способны.

— Вот суки, — в сердцах высказался Петро.

— Да, — кивнул я согласно, — суки. Революционеры они такие. Ленин, Троцкий, Сталин..., если они дорвутся до власти, то вы нынешнего царя будет вспоминать с теплотой и лаской. Николай, конечно, хреновый правитель, но он, по крайней мере, не кровавый диктатор. Нынешний расстрел рабочих не делает ему чести, но это всего лишь цветочки от того, что потом будут делать большевики. Так что, парни, как это не страшно для вас звучит, я сейчас, скорее, на стороне царя, чем на стороне революционеров. Страну нельзя погружать в хаос.

— Так это что же — расстреливай, кого хочешь, вешай, кого сможешь? Так что ли, по-вашему, получается?

— Нет, вы меня не услышали, — попытался еще раз донести до парней свою мысль. — Царь зря учинил расстрел. Этим он всколыхнул всю страну. Но революцию надо подавить, как бы это страшно не звучало. У нас сейчас война с японцем, возможно у нас будет война с Англией. И если страна встанет в забастовках, если царя скинут, то как потом давать по зубам британцам? Кто будет с нею воевать? Вот потому и говорю я вам, что революцию надо задавить. Стоит нам лишь показать признаки слабости, как нашу страну тут же разорвут на части. И рвать начнут, пожалуй, с Польши и Финляндии.

— Но как же все-таки расстрел! — чуть ли не хором воскликнули парни. — Все зря? Столько смертей и все зря?!

Я мотнул головой. Все же они меня не слышали. А может быть я сам виноват в том, что плохо объяснил:

— Еще раз.... Царь сделал плохо, безусловно. Он всколыхнул народ и сейчас он пойдет давить Николая. Но задавить не сможет, Николай сам погасит революцию. Но сделает это через штыки и через небольшие уступки. Будет создана Государственная Дума, будут созваны депутаты из народа. Но между сегодняшним днем и первым созывом Думы еще уйма времени, а британцам результат нужен уже сейчас. Японцы по факту войну на суше уже проиграли, а на море у них сила. Британцы кровно заинтересованы в том, чтобы проиграли именно мы, потому-то они и засуетились. Стали рассуждать о втором фронте, о поддержке нашей революции. И тут мы в такой ситуации, что нам нужно как можно скорее успокоить население, а как это быстро сделать я не знаю. Потому и говорю, что Николаю надо как можно быстрее погасить все волнения и решить ситуацию с британцами.

— Так если он быстро задавит народ, тогда все демонстрации были бессмысленны. И все смерти были напрасны. А если задавит, то и уступок не будет. Так получается?

Я пожал плечами — по этой логике получалось именно так. И снова истории встала на развилку, которую я не мог просчитать. Уж не знаю как действовали подданные Эдуарда Седьмого в моей истории, но в этой все случилось именно так. Россия оказалась посреди двух огней и перед стеной третьего. И ситуация становилась просто непредсказуемой.

— Что же вы молчите, Василий Иванович? По-вашему получается, что Николай правильно пролил рабочую кровь? Правильно сделал, что расстрелял женщин и детей?

Похоже, мои архары меня обвиняли. Впервые за все время нашего здесь пребывания они что-то ставили мне в вину. На самом-то деле я целиком был на стороне народа, но и Николая кое-как, через пень-колоду, но понимал. Он хотел сохранить власть, он хотел победы в войне, а такая неудачная развязка народного шествия и вспыхнувшая вслед за ним волнение, сильно все усложняло. И теперь нашему Императору придется крутиться ужом,

чтобы успешно вырулить корабль под именем Российская Империя от стремительного приближающегося подводного рифа. И здесь ему понадобятся все силы и все умения. И я попытался еще раз донести до своих парней эту мысль. Но они не могли со мною согласиться, спорили со мною, обвиняли меня в том, что я встал на сторону монарха. А я был не на его стороне, я просто желал меньшей крови, вот и все. Но при этом так же как и простые рабочие страстно желал изменений в политическом устройстве страны.

Наверно впервые за все мое существование в этом мире я получил столько негатива от своих людей. Петро и Данил со мною спорили, кричали, я приводил им свои доводы, но, казалось, все впустую. Я, по их мнению, предавал то, к чему шел все эти годы — я предавал рабочих. Как будто и не стало в единый миг ни восьмичасового рабочего дня, ни профсоюзов, ни отпусков, ни высоких зарплат.... Попробовав взглянуть чуть подалее своего носа, я тут же уперся в то, что столкнулся с недопониманием и откровенным обвинением в крови простых людей, так, словно я и был тем человеком, который заставлял нажимать солдат на спусковые крючки винтовок. И, знаете что? Мне до самой глубины души стало обидно. Мои парни меня расстроили и на целые сутки погрузили мою душу в злобное отчаяние. Они меня никогда не поймут, никогда не примут ту сторону моих мыслей, которые хоть в какой-то мере оправдывали царя. И вот как теперь мне, осознавая подобную пропасть в понимании, вести за собою простых людей? Как теперь создавать партию?

Весь следующий день я провел в раздрае. Делать ничего не хотелось, идти никуда не желалось, и почти все светлое время суток я пробыл на берегу моря. Взяв стул из дома и поставив его на гальке, я присел на него. Лизка притащила теплую доху и корзину со съестным. И вот так, просидев, укутавшись, заедая коньяк холодными закусками, я и провел почти весь день. Я погрузился в размышления. Мысли метались под черепной коробкой, бились в лихорадочном приступе, пытаюсь понять то, что происходит.

Петро с Данилом с самого утра куда-то убежали и не появлялись целый день. Подозреваю, что пошли искать приключений, напиваясь в кафешантанке.

Я сидел и смотрел на море. Серая гладь, гонимая легким ветерком, ходила рябью и набрасывалась на берег невысокими волнами. На горизонте чисто — не единого дыма из трубы кораблей, ни одного далекого силуэта. Изредка вдоль берега проходил наш катер, видимо проверяя установленные мины. Катер ходил неспешно, иногда ложась в дрейф, а сделав свои, непонятные мне дела, снова пускался в путь. И пройдя какое-то расстояние, опять останавливался и что-то возле борта химичил. Матросы работали неспешно и, я бы даже сказал — лениво.

Ближе к полудню ко мне пришел Мурзин. Как и я притащил на берег стул, и, утвердив его на гальке, опустил на него свой зад. И, так же как и я закутался в какую-то овчину.

— Чего вы, Василий Иванович, в такой меланхолии? Чего грустите? — спросил он участливо.

Я неопределенно пожал плечами:

— Да так как-то.... Настроения нет.

Он понятливо кивнул. Потом достал портсигар и с моего молчаливого согласия задымил папиросой. Выпуская в сторону облака дыма, спросил:

— Это вы из-за этих долдонов? Пустое, Василий Иванович, не стоят они того. Подумаешь, на царя они обиделись. Вам-то на них чего обижаться?

Я поежился. Поплотнее укутался в доху. Ветерок сейчас хоть не сильный, но холодный

— до костей все же пробирает. А солнце хоть и греет и жарит по черной дохе, а все равно ветерок через щели неприятно проникает до самого тела.

— Нет, Егорыч, парни здесь не при чем. Я так...., в общем....

— Что «так»?

— Революция катится по стране, а я здесь сижу..., - в общих чертах обрисовал я ему свое состояние.

— Тю, — удивился он, — так вы что хотите попасть в самый переплет? Однако, странное у вас желание.

— Это не желание.... Это от бессилия. Там сейчас в Питере заводы бастуют, и мои, наверняка, в том числе, а я здесь сижу. И вырваться никак не могу.

— Господи, Василь Иваныч, вам-то что беспокоиться? Уж ваши-то люди точно бастовать не будут. Вы для своих рабочих много чего сделали — вся страна об этом знает.

— Знать-то может и знает, только рабочим всегда мало. Да просто за компанию они могут запустить стачку. У нас там под боком путиловцы, и почти у каждого из наших работников так кто-то из знакомых. Да и сами они там почти все поработали, так, что наверняка стачку поддержат.

— У вас же там Козинцев. Он-то должен справиться.

— Да, он справится, — кивнул я согласно. — У него язык подвешен, он сможет уболтать рабочих. Да и профсоюз мы не зря под своим крылом сделали — с той стороны тоже попытаются уговорить.

— Так чего же вы грустите?

— Революция, говорю, катится. Страна гореть начинает и что сгорит в этом пожаре я не знаю. А тут еще и Англия со своими угрозами.

Мурзин хмыкнул:

— Я, конечно извиняюсь, Василий Иванович, но вы как-то слишком близко к сердцу приняли ту статью в газете. Это же экзерсисы какого-то недоучки журалюги, всего-то и делов. Стоит ли на них обращать внимания?

— М-да, может и не стоит. Но, с другой стороны, ведь многое там говорилось вполне логично.

— Например?

— Например, что британский двор обеспокоен нашими успехами на военном фронте. А ты понимаешь, к чему может привести эта обеспокоенность?

— К новой войне?

— Может быть и к ней. Но на самом деле я так не думаю. Войны, скорее всего, и не случится вовсе. Британцы попробуют сыграть по-другому.

— Это как же?

— Они революцию могут поддержать. Выделят деньги главным возмутителям спокойствия и те при их поддержке развернут свою широкую деятельность. И знаешь, Егорыч, чего я боюсь?

— Чего?

— Того, что революция снесет царя, а значит все мои старания пойдут прахом. А я этого не хочу. И грош цена будет всем моим предсказаниям. И все мои клинья, подбитые к Марии Федоровне, окажутся сделаны впустую.

Мурзин как-то легкомысленно принял мои слова. Он фыркнул, махнул рукой и громко сказал:

— Да бросьте вы, Василий Иванович. Что за мысли такие? Что за страхи? И от кого — от вас?! Уж вы-то, герой Артура и самый справедливый фабрикант в стране, точно в этой революции не пострадаете. Уж вас-то трогать никто не станет — себе дороже выйдет.

— Это почему? — удивился я.

— Ну а как можно тронуть того, кто столько вложил в оборону крепости, кто построил на Высокой укрепление, которое взять не смогли? А ваши чайки, минометы, гранаты? А каски и бронепластины? Разве этого мало? Уж вы-то как никто можете писать обо все этом в газетах и не хвастаясь хвастаться. А все потому что — правда. И на заводах ваших все совсем по-другому и об этом вся страна знает. И если вас вдруг заденут, попробуют у вас все отнять или же еще что похуже, то что это за революция тогда такая? Ради чего? Только ради того, чтобы убрать Николая? А дальше тогда что?

Я хмыкнул. Оно, конечно, определенный смысл в словах Мурзина был. Уж обо мне-то страна знала как о самом что ни на есть самом первом друге рабочего люда. На мои заводах не зверствуют, драконовских штрафов там нет, по болезни кое-что оплачивается и вообще.... Профсоюз опять же есть, карманный, правда, и лично мне подчиненный, но все же.... И об этих все достижениях я сам же в газетах и трубил, специально заказывал статьи в ведущих изданиях. Так что простые люди почти по всей стране обо мне знали, не зря же очередь в отделе кадров расписана на многие месяца вперед. И люди, стекаясь в Питер, первым делом шли пытаться счастья на мои предприятия.

Так что, если революция пятого года каким-то образом и скинет Николая, то я в этой кутерьме буду иметь самые малые риски быть раздавленным. Трогать меня даже тем же большевикам будет не с руки — попробуй потом объясни людям, чем им не угодили Рыбалко с Козинцевым. Но все-таки риски имелись, и именно поэтому нам следовало усилить нашу пропагандистскую компанию.

И вот с этими мыслями я вернулся в строй. После разговора с Мурзиным я ушел с берега и пошел искать Пудовкина.

Журналист нашелся у себя в редакции. Он сидел за столом и меланхолично перебирал фотокарточки. Заметив меня, он подскочил со стула и радостно приветствовал:

— О-о, Василий Иванович, дорогой! Как же я рад вас видеть!

— Здравствуй, Алексей Захарыч. Как дела твои?

— Дела наши ни шатко, ни валко. Жрать есть что и ладно.

— А как ваша типография?

— А как попал снаряд в нашу типографию, так и стоит с этого дня без работы. Отремонтировать никак не можем. А что?

— Да так, просто к слову. Я тут к тебе вот по какому делу пришел....

— Ну-ну? — с готовностью откликнулся журналист, предвкушая заработок.

— Мне нужны будут все фотографии, где запечатлен я, мои люди и все наши дела. Чайка, минометы, гранаты и прочее то, что я внедрил. Строительство на Высокой обязательно нужно.... У тебя же есть все это?

— Конечно есть, — несколько удивленно ответил он. — И, если подумать, то таких снимков наберется довольно много. Только я не понимаю, зачем вам это? Что вам с них? Для памяти?

— Нет, Захарыч, для дела.

— Для Марии Федоровны? — со знанием дела снова спросил Пудовкин.

— Это не особо важно. Так что? Можно их у тебя выкупить?

— Конечно можно. Только я не пойму никак, зачем вам столько?

— Надо. За каждую фотокарточку заплачу полную стоимость. И меня интересует все то, к чему я приложил руку или хоть как-то был с этим связан. Вот даже мое путешествие в Чифу..., у тебя же есть снимки, как мы разгружали корабли с продовольствием?

— Есть и такие и довольно много. И если вам нужен каждый снимок, то разоритесь вы, Василий Иванович. Денег у вас не хватит.

— Хватит. Ты, главное, продай их мне. А еще лучше негативы продай.

— Э-э, нет! Негативы я ни за что не продам. Фотокарточки, пожалуйста, отпечатаю вам сколько угодно, а вот негативы нет! В них вся моя никчемная жизнь. Весь смысл моей жизни.

— Ладно, не важно. Меня устроят и простые снимки. Ну, так что, когда ты их мне подберешь? Сколько тебе надо времени?

Он задумался. Приложил указательный палец к виску, воздел глаза к потолку. Потом выдал:

— Тут такое дело.... В общем, Василий Иванович, снимки-то надо распечатывать, а химикатов у нас не так чтобы и много. Кое-что я вам смогу сделать....

— Я заплачу полную стоимость, — вставил я слово, чувствуя как Пудовкин набивает цену. Но оказалось дело было совсем не в этом.

— В этом-то я не сомневаюсь. Да только не могу я на вас спустить все реактивы, новые взять-то неоткуда. А они мне еще для будущего понадобятся. Ну..., вы понимаете, да? Ну, когда Куропаткин придет нас освобождать мне нужно будет его фотографировать, а пленку проявлять. Так что, сами понимаете....

— Да, понимаю. Но все же я бы хотел получить то, что возможно.

— Нет никаких проблем, Василий Иванович. Давайте сделаем так. Я вам сейчас принесу все что я имею, вы из них отберете себе необходимое. А остальное, чего не будет, мы с вами посмотрим на негативах. И те, что вас интересуют, я для вас отпечатаю. Так годится?

Так годилось. Пудовкин спустя пятнадцать минут вывалил на стол передо мною два или три десятка альбомов и я, потеряв ладони, принялся за работу. По очереди брал объемные книги и, пролистывая, выдергивал нужные мне фотоснимки. Пудовкин в блокнот списывал номер фотоснимка с той целью, чтобы потом его восполнить. Вскоре я набрал себе кипу из трех сотен карточек, что как-то касались либо лично меня, либо чего-то того, к чему я приложил руку. Среди снимков я вдруг увидел позирующего солдата, на груди которого висела бронепластина усеянная сплошь вмятинами. Я, прищурившись, насчитал семь ударов, которые пластина смогла выдержать. Удивленно показав журналисту на снимок, я спросил:

— Это ж когда было сделано?

— После третьего штурма. На втором форте. Это самый показательный случай, я его потому и снял.

— Семь попаданий! Ну, надо же. А парень-то счастливчик.

Пудовкин усмехнулся:

— Не совсем. Это третий обладатель, остальные двое погибли.

— Да?

— Одного в голову убили, другой ранен в руку серьезно. Ее вроде бы даже отрезали наши эскулапы.

— Но семь попаданий! Удивительно же.

— Это да, — согласился со мною журналист. — Так, если посудить, могло бы семь человек погибнуть, а так всего один. Мне это тоже показалось интересным, потому я его и сфотографировал. Да и солдатик сам по себе герой. Его командир говорил, что когда в штыковую ходили, то этот солдат троих собственноручно заколол.

— А он сейчас жив?

— Кто же знает? Я с тех пор на второй форт более не поднимался.

— А почему?

— Да как-то все не руки было. Да и лень, если честно, туда на своих двоих переться. Там уж и смотреть не на что, одни развалины. После последнего штурма японцы так камня на камне не оставили. Да и воняет там жутко, а я этого не люблю.

Вонь разлагающихся тел окружала нашу крепость практически со всех сторон. Вроде бы и конец зимы, начало весны и холодно, трупы коченеют и не разлагаются, а все равно запах вокруг вершин, где происходили бои, стоял такой, что сводил с ума всех людей. Мелкие фрагменты тел, кровь, обильно пролитая на камни, на теплом солнце днями оттаивали и начинали смердеть. Потому-то и я туда в последние времена предпочитал не соваться, а отсиживался все более на берегу моря, там, где всегда был чистый и свежий воздух. Да и в сам город я лишний раз старался не выбираться — там под завалами оказалось достаточно изуродованных тел, которые временами по вечерам теплых дней источали тошнотворные сладковатые запахи гниения.

Пудовкину я заплатил все до копейки. В тот же вечер засел с ним в пустой кафешантанке, где нас скудно угостили блюдами из рыбных консервов и поставили на стол явню поддельную водку. Журналист рискнул хлебнуть из бутылки стопарик и, сморщившись от омерзения, констатировал:

— Денатурат разливают. Сволочи, травят людей.

Я, конечно, подобного и пробовать не стал. Достал из кармана всегда полную флягу и угостил друга. И тот, словно соскучившись по хорошей выпивке, почти полностью ее осушил.

Две изможденные барышни вытанцовывали на сцене под патефонную пластинку, выкидывали тощие ноги, задирали над головой пышные юбки и жадно смотрели на скудный стол. Пудовкин, согретый алкоголем, разомлел и, лениво ковыряясь вилкой в кусках потерявшей свой товарный вид рыбе, подозвал пальцем одну из девушек. Та немедленно соскочила со сцены и, изображая игривое настроение, приблизилась:

— Что-то вы, Алексей Захарович, давненько к нам не заглядывали. Мы уже подумали, что с вами что-то случилось.

Вместо слов Пудовкин пододвинул в ее сторону тарелку и просто приказал:

— Ешь.

Девушка голодно сглотнула. Покосилась на свою товарку, которая изображая благородное безразличие, старалась не смотреть на блюдо, и присела за стол. Пудовкин вложил ей в руку вилку и снова приказал:

— Ешь.

— А Мариночка как же?

Я отодвинул от себя глубокую тарелку и кивком спустил со сцены вторую девушку. Та лихо подскочила и с готовностью опустилась на стул.

— Ешьте, — в третий раз приказал журналист и девицы, сначала скромно, играя в благородных девиц, приступили к трапезе. Отщипнули по маленькому кусочку рыбы, положили в рот и чинно, держа осанку и какое-никакое достоинство, размеренно зашевелили челюстями. Но голод все же взял свое и мало-помалу дамы забыли свою роль и превратились в обычных голодных женщин. С блюдами они покончили меньше чем за минуту.

— Эй, человек! — крикнул журналист и к нам немедленно подскочил половой. Худющий и наверняка голодный парень. Уставившись на нас тусклыми глазами, спросил:

— Чего изволите?

— Послушай, — по-барски спросил Пудовкин, окидывая ладонью опустевший стол, — неужели у вас ничего кроме этой вонючей рыбы не осталось? Неужели ничего в закромах более нету? Ну, там мяса какого? Или хотя бы картошечки с салцем? Ну или капусты квашеной? Неужели ничего нету?

— Мясные консервы, а так же картошечка и салце только для высших чинов. Распоряжение хозяина.

— А водка нормальная? Неужели у вас и ее нету?

Парень виновато развел руками:

— Только для высших чинов и господ офицеров рангом не ниже капитана.

— Ты же знаешь кто это? — он кивком подбородка указал на меня.

— Да, знаю. Но ничего поделать не могу — распоряжение хозяина. А у него распоряжение от самого коменданта. Мясные продукты, а так же другие ценные продукты в первую очередь должны предоставляться высшим чинам и офицерам высокого ранга. Прошу прощения, но я ничего поделать не могу.

— Ну а водку-то ты нам можешь принести нормальную? И пиво у вас должно было остаться! Не все же в конец выжрали!

— Пива нет с октября месяца, — отрезал половой.

— Ладно, — раздраженно буркнул журналист, — твой хозяин здесь? Иди-ка позови его.

И парень, пожав плечами, ушел. Вскоре в дверном проеме ведущем на кухню показался высокий мужчина, которому что-то негромко пересказывал половой и показывал в нашу сторону пальцем. Мужчина слушал его внимательно, смотрел в нашу сторону, а затем неожиданно рывкнул на парня и, дав звонкую затрещину, отправил на кухню. А сам споро подошел к нам и, извиваясь словно уж, стал извиняться:

— Прошу прощения за моего болвана, он получит за свое на орехи. Распоряжение коменданта, конечно же, к вашей персоне не относятся. Мы всегда рады вас видеть у нас, уважаемый Василий Иванович, и мы всегда обслужим вас по первому классу. Я распорядился и сейчас вам на кухне готовят вкуснейший бефстроганов с картошечкой, со свежей сметанкой и с зеленым лучком. И сию же секунду вам принесут самую лучшую водку.

— Ну вот, другое дело! — откликнулся повеселевший журналист.

— Прошу прощения за возникшее недоразумение, — еще раз склонил голову хозяин кафешантанки. Затем его взгляд переместился на девиц и скользнул по опустевшим тарелкам. И вмиг его голос поменялся, опустился на полтона и приобрел железные нотки: — На сцену! Работать!

И дамы вмиг слетели со своих мест и даже Пудовкин не смог их остановить. Хозяин лишь пояснил:

— Наше заведение ориентируется на развлечения. И если уж вы у нас сейчас единственные посетили, то и все развлечения только для вас. Если вы захотите, то потом опять попросите девушек спуститься, но сейчас они обязаны отработать для вас номер, — и с дежурной лучезарной улыбкой хозяин кафешантанки ушел. А девицы, перевернув патефонную пластинку, повеселев, пустились в пляс.

Вскоре нам подтащили холодную водку, легкую закуску и Пудовкин, довольный ситуацией, вошел в раж. Уж очень сильно ему захотелось сегодня покутить — месяцы голодного и унылого воздержания опустошили творческую душу.

Девицы свое отплясали, продемонстрировали нам все узоры на кружевных панталонах и по требованию журналиста спустились обратно к столу, где их принялся спаивать мой друг. Без зазрения совести плескал им холодную водку и, смеясь, заставлял пить. Девицы быстро захмелели, повеселели. Пудовкин щипнул одну даму за ляжку и та, запрокинув голову, звонко залилась. Вторая дама отыгрывая свою роль, придвинулась ко мне и томно проворковала:

— Что-то вы сегодня, господин Рыбалко, словно не в духе. У вас что-то случилось? Что-то у вас произошло? Ну не переживайте, чтобы там не случилось, я помогу вам это забыть.

Я криво улыбнулся. Настроения у меня, действительно, не было. В кафешке я сидел просто за компанию, развывая, таким образом, скуку. Пить я не пил, лишь для вида смачивая губы, да и есть пока тоже не ел. То, что принесли из холодных закусок, у меня не вызывало аппетита — Лизка дома готовила намного вкуснее.

— А вы к нам давненько не заглядывали, — продолжала напор проститутка. Она склонилась ко мне, якобы что-то шепнуть на ухо и незаметно для окружающих пальчиком слегка оттянула край невысокого ворота, позволяя таким образом заглянуть в открывшееся декольте. Я невольно стрельнул туда глазами, заценил крепкие груди с упругими алыми сосцами и темными пятаками ореолов. Внизу живота помимо моего желания пульсирующим

жаром полыхнула похоть. — Меня Мариной зовут, но вы, дорогой Василий Иванович, можете звать меня Маришкой. Я не обижусь....

Я на мгновение прикрыл глаза. Долгое вынужденное воздержание играло сейчас со мною злую шутку. Жар внизу разгорался с каждой секундой все сильнее и сильнее, туманя голову и сводя с ума. Это был тот самый миг, которому невозможно было сопротивляться. Все те нервные напряжения, все тревоги и переживания долгих месяцев пребывания в осаде под обстрелами, глушившие естественные потребности, вдруг в один миг потребовали выхода и мощной безотлагательной разрядки. И рука помимо моей воли сама забралась в декольте и нащупала плотный сосок. Девушка глубоко вздохнула и с едва заметной улыбкой победительницы запрокинула голову.

— Да..., - шепнула она жарко, приникая исхудавшим телом.

Я сглотнул и заграбастал грудь целиком.

Девушка была молода и красива. Моложе меня на добрый десяток лет. Ее упругое тело дрожало в нетерпении, так, словно оно по-настоящему желало секса, так, словно оно и не играло вовсе. Девушка закрыла глаза и ровными зубками прикусила край язычка. И снова глубоко вздохнула, когда моя рука пошла инспектировать вторую грудь и жадно коснулась торчащего соска.

Не знаю, что случилось бы дальше, если б нас в какой-то момент не отвлек половой. Без особого стеснения он громыхнул глубокими тарелками, составляя их на стол, и громко, словно нарочно, пробасил:

— Кушать подано!

Я, опомнившись, вынул руку из под платья. Еще никогда в жизни я не лапал женщин прилюдно, никогда не позволял себе настолько возобладать своим чувствам. На какие-то мгновения позабыл об окружающем мире и рамки приличия ушли на второй план. Но вот я вернулся в мир и снова взял руки под контроль. И лишь сердце бешено бьющееся требовало плотской любви, и кровь, отбивающая в висках громоподобные тамтамы, пыталась снова лишить меня разума. И низ живота все более и более распался, со сладкой истомой пульсируя. Терпеть это не было никакой возможности. И снова мне захотелось запустить лапы в мягкие титьки и здесь же, сейчас же, немедленно завалить худую женщину на стол.

— Что-то еще изволите? — словно издеваясь, спросил половой, взирая на нашу компанию сверху вниз. — Принести еще водки? Закуски?

Пудовкин на противоположном конце стола безо всякого зазрения совести шарил рукой под юбкой своей дамы. И покусывая лебединую шею, вполголоса шептал скабрёзности. Дама глупо хихикала и втайне, так чтобы никто не видел, поглаживала натянутую ткань брюк.

— Ах, Лешенька, — прошептала она своему ухажеру, — пускай он принесет нам еще шампанского. Я знаю, оно там есть. И конфеток. Хорошо?

Он оторвался от белой кожи, под которой отчаянно пульсировала синяя вена, и прикрикнул на парня:

— Ты слышал? Быстро неси сюда! Не заставляй даму ждать!

И половой убежал, чтобы вернуться уже через минуту. Принес на подносе четыре бокала, запотевшую и уже открытую бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет. Составил все на стол, разлил напиток и замер в ожидании.

— Пшел вон, — не отрываясь от объекта своего наслаждения, буркнул журналист и парень, получив от меня монету за старание, ушел прочь. Пудовкин уже изрядно пьяный сунул лапу под корсет и неуклюже цапнул свою даму за горячий живот. Та от

неожиданности взвизгнула, дернулась было, но тут же опамятавалась и со смешком пересела к нему на колени. Он уже ни о чем не думал, желая немедленной любви, желая сделать все здесь и сейчас.

Мы были одни в кафе, никто кроме нас не мог позволить себе здесь что-либо купить. Офицеры и гражданские высших чинов сегодня это заведение почему-то проигнорировали, а те гражданские, что имели хоть какие-то наличные, предпочитали тратить их на нечто более полезное. И вот мы вчетвером, сидя за столом со съестным, готовы были вот-вот устроить оргию. И если Пудовкин, распаляясь все больше и больше, уже был не прочь заголиться прямо в пустом зале, то я, снедаемый жгучей похотью и пульсирующим жаром внизу живота, каким-то образом еще держался. Лапал переместившуюся ко мне на колени девку, запускал под платье руки, но каким-то краем сознания пока не позволял себе расчехляться. Девушка ослабила на платье пару пуговиц и, прильнув ко мне всем телом, гладила по бритой щеке, трогала мускулистую грудь, и вполголоса шептала:

— Ах, какой вы, Василий Иванович. Боже, какой же вы...

В какой-то момент она потянулась ко мне губами, желая объединить нашу страсть, но я отстранил голову — целоваться с девушкой легкого поведения мне не хотелось.

— Послушай..., - сказал я, отворачивая голову и спасаясь от жарких поцелуев.

— Маришка, зовите меня Маришка. Мне так нравится.

И вот это «Маришка» меня почему-то вдруг покорило. Мою жену так звали и только я ее так называл. И миг девчонка слетела с моих коленей и все мое желание, вся моя похоть оказались задавлены неожиданно железной волей. Она охнула и с неким удивлением посмотрела на меня. Но поняла, что сделала что-то не так и потому атаку на мои половые инстинкты ослабила, временно отойдя на запасные позиции. Села на свой стул, улыбнулась мне лукаво и, игриво поправив грудь, стрельнула глазам на стол.

— Что же вы не пьете, дорогой Василий Иванович? — спросила она, спасая ситуацию. — Давайте с вами на брудершафт? За знакомство?

И она первая взяла за тонкую ножку высокий бокал. Ее движение со смехом повторила и ее подруга, а за ней и раскрасневшийся Пудовкин.

— Точно, на брудершафт!

Они вдвоем весело обвилились руками и осушили бокалы. А затем снова вернулись друг к другу, с радостью предаваясь чувственным прикосновениям. Моя же девушка сидела с поднятым бокалом и, улыбаясь, требовала от меня следования ее правилам. На брудершафт она желала выпить в обязательном порядке.

— Ну же, Василий Иванович, не отставайте от своего друга.

И в какой-то миг я увидел, что улыбка у нее была натянутой. Рабочей. Никакая страсть ее не влекла, никакие чувства не сводили с ума. Двухлетняя девушка профессионально отыгрывала свою роль, разводя богатого клиента на деньги. И поняв это, я внутренне хмыкнул. А потом взял за ножку последний бокал, обвился руками с дамой и в несколько глотков выпил щекочущий небо напиток.

— Ну вот, теперь мы можем на «ты». Можете меня называть Маришкой с полным правом.

— Ладно, — ответил я, словно резюмируя. И встав со стула, кивнул на дымящиеся тарелки, к которым пока что никто так и не притронулся. — Я пойду пока покурю, а ты тут поешь.

И девушку благодарно улыбнулась. Пожрать она оказалась совсем не душой. Едва я

двинулся к двери, она тут же пододвинула к себе тарелку и застучала приборами.

На улице оказалось свежо. Накинув на плечи пальто, я встал возле входа, прикрыл глаза напротив по-весеннему яркого солнца и замер, приходя в себя. Сзади хлопнула дверь и несильный толчок в плечо заставил открыть глаза. Пудовкин, взирая на меня осоловевшими глазами, удивленно, с пьяными нотками в голосе, спросил:

— Иваныч, ты чего? Случилось что?

— Нет, все нормально, Захарыч. Просто покурить вышел.

— А-а...., а я уж подумал.... Пстой, так ты же не куришь!

Я пожал плечами и попросил:

— Угостишь?

— Конечно, что за вопрос? — и он хлопнул ладонью по одному карману, затем по другому. После задумался, хлопнул себя по лбу и убежал внутрь. Вернулся вскоре, неся портсигар и спички, вручил мне их и, хитро подмигнув, опять скрылся в кафешке, желая снова оказаться в объятиях доступной дамы.

Я действительно закурил. Достал папироску из портсигара, чиркнул спичкой и затянулся, словно я опять стал подростком. Дым глубоко проник в легкие и неожиданным спазмом сковал горло. Я закашлялся. Все-таки не зря не курил — табак у Пудовкина оказался настолько отвратительным по качеству, что оставлял во рту вкус тлеющего прелого сена. Да и крепок он был чрезвычайно. После первой же затяжки никотин пошел гулять по крови, будоража мысли.

Откашлявшись после единственной затяжки, папироса улетела в сторону. И отмахнувшись рукой от смрадного облака я вдруг решил уйти. То сексуальное возбуждение стало проходить и та девка, что профессионально играла свою роль, меня больше не прельщала. И более того, вспоминая как она пыталась меня соблазнить, у меня ничего кроме чувства брезгливости, это не вызывало. Да, она была молода и по-своему красива, но все же не то ценю я в женщинах, не их тела. И не сиськи с жопами для меня главное, а главное те чувства, которые они во мне вызывают. Эта же девка ничего хорошего во мне не вызывала. И потому, машинально сунув портсигар и спички в карман пальто, я запахнулся и двинулся в сторону дома. Вышел на набережную, в полном одиночестве дошел до моста через Луньхэ и вышел на вокзал, на котором стояли сгоревшие остовы грузовых вагонов. Здесь неожиданно встретил Петро, который зубоскалил с каким-то мужиком из мастеровых. Он меня не заметил и я спокойно прошел мимо. Так же в полном одиночестве прошел через Старый Китайский город, миновал дачные места и вышел на дорогу, ведущую вокруг Золотой горы до нашего участка на берегу моря. И путь до моего дома оказался пустынным. По какой-то причине ни один человек мне не встретился и потому я волей-неволей вернулся мыслями к той девке. И опять мой организм взбунтовался. Едва я вспомнил, как мял ее груди, как трогал соски и, как она пыталась меня соблазнить, как жар внизу живота вспыхнул с новой силой. Полыхнул адски, да так, что кровь ударила в голову и я словно потерял рассудок. Яркие картинки воспоминаний застили глаза и сердце, требуя секса, застучало словно отбойный молоток. В тот момент я почти понял, что чувствовали насильники и маньяки, понял, что толкало их на преступления. И, слава богу, что дорога оказалась пустынной.

В каком-то бреду я дошел до дома и словно пьяный перешагнул порог. Навстречу вышла Лизка с испачканными мукой руках. И едва глянув на меня, все поняла. Она вытерла руки о передник, помогла снять с меня пальто и, когда я присел чтобы стянуть сапоги, сказала мне:

— Баня еще теплая, Василий Иванович. Идите туда....

И я ее понял. Ушел туда и там разделся до исподнего. Спустя какое-то время туда пришла и Лизка в длинном шелковом халате. Заперев за собою дверь, она повернулась ко мне и замерла на секунду, всматриваясь в мои голодные глаза. А потом вдруг с грацией лани дернула поясок и халат шуршащим водопадом скользнул вниз. И предстала передо мною в глухой ночной рубашке, от самой шеи до талии ушитой по самой фигуре и лишь от бедер рубашка расходилась свободным колоколом. А фигура у нее, надо сказать, была словно гитара. Узкая талия, бедра самый сок и высокие, торчащие, словно пистолеты, груди.

В бане царил полумрак. Слабая лампочка едва прогоняла темноту, а узкое высокое окошко не могло пропустить солнце вовнутрь. Но и того света мне хватило, чтобы оценить ту красоту, что скрывала ажурная ткань. О жутких шрамах я не думал, да и не успел я их заметить. Лизка подошла, тонкими пальцами распустила завязки кальсон, а затем, повернувшись, задрала подол и выгнулась, оголив белоснежный зад.... И у меня отказал разум....

Случилось то, что должно было случиться. Наутро я проснулся легко и непринужденно, рывком соскочил с кровати и прошел к печи. Там уже вовсю трудилась Лизка, квохтала над сковородками, громыкала приборами. На мои шаги выглянула из-за занавески и улыбнулась.

— Добрый день, Василий Иванович, — поздоровалась она довольно. — Как вам спалось?

— Неплохо спалось, — честно признался я. И она словно бы ничего вчера ничего не произошло, снова скрылась за занавеской и продолжила свою готовку.

— Садитесь за стол, завтрак почти готов.

Она вела себя так, как будто бы ничего и не случилось. И даже голос ее не поменялся, никаких тайных ноток в нем не проявилось.

— А где все?

— Выгнала я их. Нечего им дома делать, бездельникам.

Я недоуменно пожал плечами. Собственно и это не было чем-то необычным, Лизка на правах исполняющей обязанности моей экономки терпеть не могла сидящих без дела парней и все время пыталась всучить им какую-нибудь работу. Да те и сами были рады сбежать от домашних обязанностей при первой же возможности.

Я сходил в сортир, в холодной бане плеснул на лицо воды и утерся жестким полотенцем. Потом вернулся в дом и сел за стол. Лизка выставила передо мною целую гору пышущих жаром блинов, по которым тающим айсбергом пытался сползти огромный кусок масла.

Чайник на примусе давно был разогрет, так что мне не пришлось долго ждать. И вот сидя на стуле, держа в одной руке дымящуюся чашку сладкого и крепкого чая, а в другой свернутый блин, я вдруг впервые за все время сам пригласил Лизку присоединиться. Сказал просто:

— Садись, — и кивком головы показал куда ей следовало приземлиться. Она без возражений присела и спрятала обожженную кисть под стол. Но при этом ничуть не смутилась и ответила на мой прямой взгляд такой лучезарным сиянием бездонных глаз, что у меня невольно перехватило дыхание. Честное слово, я в тот момент почувствовал себя мальчишкой, впервые обалдевший от робкого, но настоящего поцелуя. Лизка все-таки чрезвычайно красива. Аристократическое и слегка вытянутое лицо, черные смоляные волосы, забранные в толстую косу, длинные, словно веера, ресницы и алые, манящие к себе,

губы. В этот момент я словно заново ее рассмотрел и снова открыл для себя ее красоту. Тогда, в первый день знакомства, в то утро, когда я проснулся с жуткой головной болью в ее постели, я тоже успел заметить ее манящую привлекательность, но тогда мне было не до того. Да и после того случая, я как-то не особо рассматривал ее, а уж после больницы я и вовсе перестал видеть в ней женщину. Сейчас же, глядя на нее, я вдруг понял, что где-то внутри, в области сердца, зашевелилось новое, до сих пор не знакомое мне чувство. Ни с моей первой женой, что осталось в далеком, уже никогда не случившемся будущем, ни с нынешней, подобного я никогда не испытывал. Сердце стукнуло несколько раз, отдалось громоподобным набатом в голове и замерло, когда Лизка вопросительно подняла бровь и легонько улыбнулась. Самым краешком губ...

— Что, Василий Иванович? — спросила она, видя мое замешательство.

Я на секунду прикрыл глаза. Потом вздохнул и усилием воли, попытался выдрать из сердца все чувства. Царапнул по душе, словно острыми когтями и нарочито грубо сказал:

— То, что было вчера, более никогда не повторится.

Она подозрительно легко согласилась, склонив голову. И даже улыбка с лица не стерла, так и сидела, смотря на меня бездонными очами и ласково улыбаясь самым краешком губ.

— Конечно, Василий Иванович, не повторится, — ответила она через секунду. — Вашей вины в том нет, вы не виноваты. Вы не изменили своей супруге, не переживайте на этот счет. Просто я вам помогла избавиться от напряжения. Марине Степановне не в чем вас упрекнуть.

Я удивленно хмыкнул:

— А мне кажется, что есть в чём.

Она наклонила голову:

— Нет, Василий Иванович, все совсем не так как вы думаете. Вы уже больше года без женщины, а ни один мужчина без ласки так долго прожить не может. Вы не посещаете девиц и не ищете любви на стороне. Вчера, когда вы пришли, то по вам сразу было видно, что вам нужна была помощь. Так что я вам всего лишь помогла сбросить напряжение. И никаких чувств и абсолютно никаких обязательств от вас не требуется.

И снова я хмыкнул, но сей раз не от удивления, от всплывшей правды жизни. Лизка — бывшая проститутка и подставить зад для нее все равно, что для меня подтянуться на турнике с десятков раз. То есть — ничего особенного. И пусть ее занятия давно остались в прошлом, но вот мировоззрение-то сохранилось. И именно потому ее слова стали для меня словно лекарством — то, что только зарождалось в груди, оказалось задавлено правдой жизни и вырвано с корнем. Можно сказать, что Лизка сбила полет ясного сокола на самом его взлете. Профессионально так сбила, походя. Ржавой железной кочергой поддела остановившееся сердце и с ласковой улыбочкой выдрала его к чертовой матери.

— Хорошо, Лиза, я понял, — сказал я спустя какое-то время, совладав с вылитым на голову ушатом ледяной воды.

— Не стоит обижаться, Василий Иванович, — продолжила она меня «лечить». — Я понимаю, когда мужчины испытывают затруднения. С прошлым я давно рассталась и возврата к нему уже никогда не будет. Только вам я помогла, сделала то, что было в моих силах. Но вы не берите в голову, это не было изменой. Считайте, что это было всего лишь небольшое недоразумение.

Я снова посмотрел на нее внимательно. Нет, что-то все-таки в ее глазах читалось такое, отчего я ей не поверил до конца. Это не было недоразумением и не было простой работой

бывшей проститутки. Но что на самом деле читалось в глазах, я понять так и не смог. А потом она спрятала их, отведя в сторону и встав из-за стола. Разворачиваясь, чтобы уйти к печи, она бросила:

— Да вы кушайте блинчики. Стынут же....

С каждым Божиим днем, с каждым восходом солнца весна все более и более проникала в город. Неглубокий снег давным-давно истаял и камни на сопках прогрелись. Кое-где пролезла первая робкая травка. Настроение у народа с каждым прошедшими сутками все более и более улучшалось.

А вместе с весной, вместе с первой зеленью разбитый снарядами город накрыл смрад. Те тела, что оказались завалены под грудой построек, оттаяв, стали разлагаться. Смердящие волны поплыли по широким улицам.

Терпеть подобное было нельзя. И потому военные, а вскоре и простые гражданские приступили к разбору тех завалов, откуда запах шел наиболее сильно. Работа эта была тяжелой и грязной, но совершенно необходимой. И если солдаты, перебрасывающие друг другу кирпичи, делали это из-под палки, под принуждением и не имели от этой работы ничего кроме усталости, то гражданские лица, кои были привлечены, получали за свою помощь неплохую продуктовую пайку. И потому неудивительно, что вскоре на разборе завалов оказалась почти вся гражданская публика, от самых малых, до самых старых. Весь город, пользуясь возможностью набить хоть как-то брюхо, выполз на общественные работы.

К концу марта в город пришли новости, что Куропаткин, восполнив потери, пошел в нашу сторону. Оставив Мукден, он в течение нескольких недель грозился подойти к Квантунскому полуострову. Куда ушел японец от Мукдена и где встал в оборону, нам не было известно. Но по слухам будто бы он расположился где-то поблизости от Цзинь-Чжоу, заняв близлежащие сопки. А это от нас где-то в шестидесяти-семидесяти верстах по прямой. То есть совсем близко. И если слухи были верны, то это значит, что японцы встали в оборону в самом узком месте полуострова, там, где они могли с наибольшей эффективностью отбивать атаки превосходящих сил противника. Конечно, для Куропаткина подобное положение дел сильно невыгодно — штурмовать горы с укрепленными на них силами занятие, требующее грамотной подготовки и решительных действий, а порою и жертвенности. А на подобное наш Главнокомандующий способен не был. Та победа под Мукденом не иначе как Божиим провидением никем и не воспринималась.

Вообще, японцы, оседая на перешейке полуострова, вставая в глухую оборону, сами себя обрекли на сухопутную блокаду. Единственная железная дорога оказалась перерезана нашими войсками, а те грунтовые «шоссе», что с тянулись к полуострову с восточного берега, не были способны в должной мере пропустить обозы снабжения. Да и в скором времени, полагаю, наши, пытаясь найти слабые места, растекутся веером вдоль укреплений и таким образом полностью отрежут противника. И после этого ситуация возникнет парадоксальная — японцы, держа крепость в осаде, сами будут осаждаемы. И единственная их ниточка снабжения будет производиться по морю, через порты Дальнего и Талиенваня. И вот тут самое главное для них, чтобы эта ниточка не оборвалась. И именно поэтому с конца марта снова активизировался адмирал Того. Его эскадра стала почти ежедневно подходить к нашим берегам и бомбить залив, стремясь из последних сил вывести наши корабли из строя. Он торопился, бил агрессивно, нахрапом, не отвлекаясь на наши батареи. И всем в крепости была понятна его спешка — Балтийская эскадра вот-вот должна была подойти нам на помощь. И если она придет и соединится с эскадрой Витгефта, то пиши пропало — морской путь снабжения мы в этом случае с легкостью отсечем и тогда десятки тысяч японцев на

полуострове окажутся в катастрофическом положении. Без продовольствия, без боеприпасов, без резервов. А это означало жесточайшее поражение в прекрасно начатой ими войне.

Одновременно с Того и генерал Ноги подключился к бомбардировке. Этот также бил в основном по нашим кораблям. Бил вслепую, приблизительно. Иногда его снаряды попадали по крейсерам и миноносцам, принося разрушения, но в основном они падали мимо. Либо в воду, поднимая фонтаны ледяной воды, либо в портовые сооружения, принося с собою смерть и хаос. И именно поэтому жизнь в заливе и порту остановилась — там находились лишь дежурившие команды, которые должны были гасить возникающие пожары. Матросы в основной своей массе давно уже проживали на берегу, в казармах и лишь небольшая из них часть вынужденно несла вахту на своих кораблях. Витгефт с возобновлением обстрелов также сошел на берег и поселился в одной из пустующих квартир Нового Города, откуда сам залив со стоящими на якоре кораблями был виден как на ладони. И он прекрасно видел то, что приносили с собою падавшие с двух сторон снаряды.

На активность Ноги наши пытались отвечать. Закидывали в ответ их позиции, заставляя умолкнуть. И вроде бы у нас на карте все было давным-давно отмечено, где какая батарея и какого калибра находится, да только поделаться мы уже ничего не могли. Снарядный голод, возникший еще осенью, никуда не делся, и наши артиллеристы били редко и только с полной уверенностью в цели. В ответ на начавшийся обстрел сделают пару залпов, заставят противника разбежаться от своих пушек и снова сидят без дела. Та же ситуация была и с Того. Его эскадра, в восьми-десяти милях от нашего берега, следуя в кильватере флагмана, стреляла без передыху, а наши батареи лишь обозначали себя, держа противника на расстоянии. И на этом все наше противодействие заканчивалось. Потому и терпели мы обстрелы, наблюдая, как редкие попадания увечат корабли. Их, конечно, ремонтировали, пытались держать в полной боевой готовности, но сил и возможностей уже не хватало.

Двадцать восьмого марта в светлый праздничный день Пасхи, японцы озверели особо. Словно желая испортить людям хорошее настроение, они с самого раннего часа включили свои бабахалки. В тот момент я «случайным» образом оказался рядом со Стесселем и Витгефтом. Мы снова обсуждали возможную мою продуктовую миссию в Чифу. И вот, сидя у Стесселя дома, на бумаге расписывая наши доли, высчитывая проценты, мы услышали первые разрывы. Адмирал, следуя долгу, оторвался на несколько минут от беседы и подошел к телефону. Вызвонил одного из своих подчиненных и вытребовал доклада:

— Куда бьют...? Да...? Повреждения...? — и спустя какое-то время распорядился: — Действовать согласно установленному порядку, — и спокойно положил трубку. После вернулся к нашему разговору: — Итак, я снова с вами.

— Что, Вильгельм Карлович, опять по вашим бьют? — уточнил Стессель, не удивляясь спокойствию адмирала.

— Да, опять по моим. Как и прошлые дни, лупит японец по крейсерам и броненосцам, — ответил тот, присаживаясь на стул и отглаживая ладонью пышную посеребренную бороду. — Ничего серьезного, давайте продолжать.

И мы продолжили беседу. Стессель, наклоняясь ко мне, продолжал инструктирование:

— Итак, Василий Иванович, как и в прошлые разы, вы должны будете приобрести все по списку. Вольностей не допускается, цены на этот раз установлены еще выше, так, что вам будет легче найти нужные объемы. Как и в прошлый раз, часть вы должны будете передать

дацуну.

— Конечно. Консул, думаю, в этом посодействует, — ответил я.

— Хорошо, — склонил голову Стессель и огорошил, — только вот в чем трудность, дорогой Василий Иванович, денег в крепости осталось мало. Эту нашу вылазку мы еще осилим, но вот следующую уже не сможем. Придется брать купцов банковскими ассигнациями, а они, сами знаете, как их не любят.

— Кто же их полюбит? — усмехнулся я, развивая мысль. — Попробуй потом по этой вашей писулке вырвать деньги. Русский купец он еще как-то сможет сориентироваться, а вот китайский ни за что не разберется в вашей бюрократии.

— Все верно, все верно, — склонил голову Стессель. Витгефт, усмехнувшись, промолчал. — Именно поэтому я буду вынужден вас просить взять вашу долю....

Я позволил себе перебить Анатолия Михайловича, понимая в какую сторону он склоняет разговор:

— Но, позвольте, мне-то зачем эти ваши расписки? Что мне потом с ними делать? Бегать потом по вашим инстанциям, доказывать толстозадым, что я не верблюд?

— Что-что, простите? При чем здесь верблюд?

— А при том.... Вы же лучше меня знаете через что надо пройти, чтобы получить потом от вашего ведомства свои же деньги. Семь кругов ада придется миновать, а нервов и времени, сколько предстоит потратить, я уж и не говорю. Так что, нет, Анатолий Михайлович, я на ваши расписки не согласен. Только живые деньги. Только казначейские билеты Империи и никак иначе.

— Но позвольте, неужели вы не хотите войти в положение крепости? Разве вы не видите как нам тяжело? Как голодают люди?

— Вижу, прекрасно вижу. Но все равно работать с вами согласен только за наличку. Честно говоря, там, в Чифу и в прошлые разы не очень-то охотно брали наши рубли. Приходилось уговаривать и закупаться по завышенным ценам. Вы этого, похоже, и не знали. Так что, по-хорошему, чтобы сэкономить, я должен был бы брать с собою золото, а не ваши банковские писульки. Оно, конечно, банк гарантирует выплату по выпущенным собственным ассигнациям, но китайцам-то от этого что? Где они потом этот банки искать будут? Так что, Анатолий Михайлович, давайте-ка с этого раза начинать работать с золотыми рублями. Оно и товар найти легче будет и цену можно сбить существенно.

— Ну, вы хватили — золото! Кто же вам его даст? — ахнули оба высоких чина. Конечно же, золотые монеты в крепости были в обязательном порядке. Но в дело их пока не пускали, предпочитая тратить бумагу. Которая, в связи с неудачным начальным этапом войны, подорвала веру в себя у иностранцев. И именно потому в портовом городе Китая ее брали весьма неохотно и если брали, то накидывали к цене товара определенный процент за неудобства и риски. Что, конечно же, сказывалось на объемах закупок. С банковскими ассигнациями, то бишь с теми же самыми расписками отшлепанными в типографиях, соваться за границу вообще смысла не имело — китайские купцы не менее ушлые, чем наши и прибыли с рисками они рассчитывать умели никак не хуже.

— Ну а что? Я не вижу никаких причин держать золото за стенами крепости, — продолжил я давить свою линию. — Зачем оно вам без движения? Что вы это золото потом, солить будете?

— Нет, — категорично заявил Стессель и мотнул головой, — об этом не может быть и речи. Пока есть банкноты, следует расплачиваться именно ими.

Я развел руками:

— Что ж, тогда будем надеяться, что в связи с нашими последними военными успехами, китайские купцы будут более сговорчивыми в цене.

— Вот вы уж постарайтесь их уговорить, — настойчиво продолжал увещевать Стессель. — Для того мы к вам и обратились, чтобы вы, как успешный купец, смогли задействовать все свое имя и обаяние.

Я фыркнул и, вскинув бровь, переспросил:

— Обаяние? На китайцев? Да мы же для них все на одно лицо, разве вы не знали? Вы с таким же успехом адмирала Колчака можете выпустить на рынок, и он их всех так же обаяет. У него-то харизма такая, что собаки околевают.

Я улыбнулся и заметил, как оба высших офицера переглянулись. И только потом я сообразил, что оговорился, назвав пока еще лейтенанта будущим званием. Но Стессель и Витгефт меня не поправили, молча проглотив оговорку.

— И все же, дорогой Василий Иванович, я должен вас настойчиво просить, чтобы вы взяли свою часть именно расписками. Прошу меня извинить, то, как вы говорите, живые деньги я теперь просто так выдать не могу. Только так, Василий Иванович. Прошу нас понять, мы не можем поступить иначе.

Он был серьезен и по нему было прекрасно видно, что от своей идеи он не отступит. Видимо и вправду деньги в крепости заканчивались и он искал любые лазейки.

— А разве нельзя чтобы военное министерство передало вам деньги через наше консульство в Чифу?

На что Анатолий Михайлович лишь развел руками и пояснил:

— Бюрократия, будь она не ладна. Сие, конечно, возможно, но кто знает, сколько времени на это уйдет? Да и крупная сумма быстро не переводится, а нам ждать нет никаких возможностей. С вами в Чифу опять пойдет офицер, возможно даже тот же самый лейтенант Колчак, — Стессель особо выделил звание будущего адмирала, — и он передаст пакеты консулу. И деньги, возможно, я повторяю, возможно, придут в Чифу к следующему нашему рейду.

Я нахмурился. Иметь дела с долговыми расписками пусть даже и государственного банка иметь совсем не хотелось. Тут суть такая — даже если все выгорит, и я смогу выйти из Артура с портянками, на которых будет отпечатана крупная сумма, то обменять я их смогу ой как не скоро. При обращении в банк ассигнация будет усиленно проверяться на предмет подделки, и сличаться номера выпусков. А если еще учесть, что эти самые расписки будут выданы мне в осажденном врагом городе, то вообще, дело это затянется на неопределенный срок. Банк, куда я обращусь, будет вынужден связываться телеграфом с тем банком, откуда я получил данные бумаги, и получать подтверждения о том, что операция была проведена и обмана никакого не имелось. А при той неразберихе и при той суматошной кутерьме, коей сопровождалась война, сделать это окажется очень непросто. Будет ли в тот момент работать то отделение банка, сохраняться ли там бумаги, подтверждающие выдачу ассигнации, да и вообще, сохранится ли к тому времени само здание банка? И это только те возможные проблемы, с которыми могу столкнуться я. Что же говорить про китайцев, которым Стессель желает всучить эти писульки? Они-то как будут выщигивать свои деньги?

Но наш разговор пошел не так как я желал. Мое желание пустили по боку, намертво пригвоздив безапелляционной фразой Стесселя:

— Нет, уважаемый Василий Иванович, при всем нашем к вам уважении, позволить себе выплату вам казначейскими билетами мы не можем. Если вы отказываетесь работать с нами на наших условиях, то так тому и быть. Мы найдем другого человека.

Я криво улыбнулся:

— О том, что вы имеете с каждой сделки определенный процент, в этой крепости знают только трое — вы вдвоем, да я один. Будете посвящать в вашу тайну четвертого?

— Будем вынуждены, — буркнул Витгефт, недовольно потрясая бородой.

— Что знает один, то знает один, — ответил я недовольно. — Что знает двое, то знает и свинья. А в нашей тайне уже трое, а вы хотите привлечь четвертого? Как вы потом удержите эту тайну втайне? Под монастырь и себя и меня подведете. До Николая дойдет — голову снимет, уж если не вам, то мне-то точно. Я для него всего лишь придворный синемаатографист и не более того.

И тут Стессель назидательно поднял палец, менторским тоном, протягивая:

— Во-от! Вот вы все сами и сказали. Нет у вас выхода, кроме как работать по нашему плану. Василий Иванович, давайте с вами прекращать этот балаган. В ваших же собственных интересах оставаться в тесном кругу. Ну, подумаешь, случится у вас небольшая сложность в обналичивании, так что с того? Прибыль-то вы все равно получите! И весьма неплохую прибыль, надо заметить. Уж другие купцы-то вперед телеги побежали бы за такую прибыль, и саму бы кобылу на плечи взвалили, лишь бы такой доход получить. А вы...? Ведете себя как какой-то....

Он не досказал, решив сгладить фразу. Но это не особо получилось, и мое недовольство явно отразилось на моем лице. Витгефт с прямою свойственной флотским, рубанул ладонью воздух и возгласил:

— Что за глупости, честное слово? Я, право, вас не понимаю, ведете себя как ребенок. Не хотите работать, то так и скажите, нечего нас увещевать. Нет-нет, да-да. И без вас справимся, чай не слишком мудреная наука, людей обвешивать. Ну, чего молчите? Отвечайте.

Стессель покосился на своего компаньона и в бессилии возвел глаза к потолку. После подобного любой даст задний ход и оборвет все контакты. Вот и я, словно попав под холодный душ, мгновенно затвердел, кольнув адмирала ледяным взглядом. И не говоря более ни слова, поднялся, нервно одернул полы пиджака и шагнул к вешалке. Накинул пальто на плечи и, бросив Стесселю: «всего доброго», — вышел. Дверь за спиной громко и сухо хлопнула, отсекая полный негодования возглас генерала.

Кого они смогли найти для своих делишек я узнал лишь спустя какое-то время. Через две недели после нашего разговора скоростной миноносец с Колчаком на борту и с каким-то невзрачным человеком с хитрыми лисьими глазами, ушел в Чифу. «Бураков» вернулся через двое суток, каким-то образом проскользнув мимо эскадры японцев, а вот сам караван из пяти корыт с малой осадкой, подошел к водной границе еще спустя несколько дней на самом рассвете и, встретив густой туман, встал. Проходить по фарватеру, да по минным полям никто не рискнул. Японцы, слава богу, ввиду этого же самого тумана решили взять выходной и у наших берегов не появились. Часам к десяти туман разошелся и стоящий на якоре караван наконец-то заметили с берега. К нему вышел катер с лоцманом и уже через пару часов суда, без особых проблем зайдя в залив, встали под разгрузку. Я туда ходил, оценил объемы выгружаемого, мимоходом встретил Витгефта, наблюдающего за тем как краны

вытягивают сети с товаром. И увидел рядом с ним того человека, который и проворачивал сделку. Тот что-то тихо шептал на ухо адмирала и совал в руки какие-то бумаги. И вроде бы операция прошла успешно, и человек сделал все, что от него требовалось, но вот лицо Витгефта выражало такую гамму неприязни, что становилось понятно — нанятая ими кандидатура в чем-то прокололась. Что-то сделала не так. Заметив меня, адмирал стрельнул глазами, словно я оказался на казне и отвернулся.

В крепости совсем на чуть-чуть, на самую малость стало полегче. Стессель увеличил пайки солдатам и кое-что подкинул гражданским. Нас по-прежнему бомбили с двух сторон, но делали это уже как-то вяло, безынициативно. Того со стороны моря так же продолжал выводить из строя наши корабли, Ноги же со стороны укреплений, разрушал ремонтные постройки порта. И надо сказать, что их усилия, дали-таки свои плоды. Многие наши корабли оказались повреждены и не могли без ремонта выйти в открытое море. А произвести их ремонт наши уже не могли. Не хватало уже ни инструментов, ни материала, ни оснастки, ни людей. Кое-кого из грамотных мастеровых и инженеров за эти долгие месяцы осады накрыло взрывами снарядов, так что то, что вроде бы казалось не таким сложным в ремонте, в нынешние времена оказывалось подъемным. Вот и стояли наши корабли на якоре на внутреннем рейде. У кого-то была дыра на борту, у кого-то повреждены палубные надстройки, а у кого-то оказались разбиты орудия. Железные калекки грустно страдали в грязных водах залива, с христианской гибельной покорностью терпя могучие варварские удары.

В конце апреля совершенно неожиданно для всех опять наступила тишина. Японская эскадра перестала ежедневно тревожить нас и крупнокалиберные орудия Ноги неожиданно заткнулись. Чайка, выпущенная в небо, принесла новости, что артиллерия противника вдруг стала готовиться к походу. И готовилась спешно, так, словно куда-то опаздывала. И часть пехоты снялась со своих мест и стройными колоннами ушла на север.

Куда японцы собрались, для наших генералов не казалось загадкой. Прежние слухи о том, что после поражения под Мукденом, армия противника встала в самом узком перешейке полуострова не подтвердились. Японец встал в оборону под Инкоу. Занял там высоты и как следует окопался. Поставил пушки, нарыл окопов и натянул колючей проволоки.

Куропаткин с армией подошел к портовому городу к середине апреля и, приняв короткий бой с немногочисленным противником, занял его. Сами же укрепления японцев, которые располагались на вершинах гор позади города, штурмовать сразу не решился, а расположил войска в черте поселения, разрабатывая план операции.

Сам путь на Артур японцы заблокировали крепко. С западной стороны полуострова был единственный удобный проход шириною всего-то версты в три-четыре. Равнинный коридор с плодородной почвой. Все, что было восточнее, представляло собою сплошные горные хребты, хоть и не высокие, но для многочисленной армии совершенно непроходимые. Держать там оборону противнику не составляло никакого труда. Так что нашему Главнокомандующему предстояло решение сложной задачи — взломать окопавшегося противника на весьма узком перешейке, с одной стороны которого имелись невысокие горы с засеянными на них японцем, а с другой стороны море, с которого мог вестись обстрел с военных кораблей. Намного позже я узнал, что на этом театре военных действий скопилась огромная масса людей. Куропаткин привел с собою почти четверть миллиона солдат, а князь

Ивао, командующий японскими силами, закопал в горы чуть менее ста пятидесяти тысяч. Соотношение вроде бы убийственное, но, как оказалось, не в данном случае. В начале мая Алексей Николаевич предпринял первую попытку прорыва, с поддержкой артиллерии кинул в перешеек часть войск. Но не смог прорвать с нахрапа, положил тысячи людей и ни с чем отступил. Следуя своей натуре, он не проявил настойчивости, а предпочел взять паузу. Решение, вроде бы здоровое, позволяющее лучше разобраться в ситуации, но нам, сидящим в крепости, эта задержка не добавляла оптимизма.

По своим каналам, то бишь через прикормленных китайцев, штаб крепости узнал, что японцы, отбившись один раз, так же сделали собственные выводы и еще глубже вгрызлись в сопки, еще больше накопили окопов и рвов. Через порт Дальний в срочном порядке стала приходить обильная помощь — продукты, боеприпасы, медицинские препараты, колючая проволока и тому подобное. И очень обидно было видеть, как мимо наших батарей, за пределом досягаемости, шныряют туда-сюда торговые суда под флагами Японии, Британии и Америки, а мы не были в состоянии что-либо сделать. Никак помешать мы этому не могли. Там же в Дальнем, как и в Талиенване и в других населенных пунктах были развернуты дополнительные госпитали, в которых проходили лечение раненые. Легкие, получив помощь очень быстро возвращались в строй.

Медлительность Куропаткина выбешивала. Многие, уставши ждать, позволяли себе откровенно ругать Главнокомандующего, обвинять его в нерешительности и недостойной трусости. Но в крепости не все знали, что Куропаткин пока и не мог поступить иначе. Ситуация под Инкоу сложилась патовой — слишком уж узок был коридор для наступления и слишком уж значительные массы противника стояли в обороне. Да и японская эскадра, что перестала бомбить наши корабли на внутреннем рейде, неожиданно встали на якорь в прямой видимости от китайского города и с дистанции недостижимой для наших пушек, принялась обстреливать наши войска с больших калибров. И Куропаткин был вынужден отодвинуть часть армии на несколько верст вдаль от берега. Ни о каком наступлении речь пока вестись не могла. По крайней мере, до тех пор, пока японские крейсера находились близь берега. Эскадра у японцев, если сравнивать ситуацию с карточным покером, была словно джокером — той картой, которая неожиданно усиливала раскладку противника.

Я эти дни проводил в тягостном безделье. Слонялся по унылому городу, топтал тропинки холмов, сидел на берегу пока еще холодного моря и изредка кидал в невысокие волны камушки. Деньки наступили теплые. Солнце светило, грело, заливало окрестности жаркими лучами. Из земли полезла трава, а редкие деревья пустили первые листочки. И выползли из-под земли отогревшиеся мухи, которые первым же делом собрались там, где проходили сильные бои. И над вторым фортом, разрушенным почти до основания, и над горой Высокой на долгие недели повисли черные облака жирных мух, гудящих словно натруженный высоковольтный трансформатор.

В городе помимо голода царствовала цинга. Люди страдали от недостатка витаминов. У них опухали и кровоточили десна, выпадали зубы, а воспаленные суставы причиняли людям, особенно людям в годах, постоянную, ни на минуту не ослабевающую боль. И люди, мучимые цингой, словно коровы в первые же дни слизали всю выползшую траву. Ели ее сырой, рубили на жидкие супы и просто делали растекающиеся по тарелкам каши-размазни. Я однажды увидел, как какая-то семья, живущая в землянке неподалеку от меня, сварила такую кашу и сожрала ее горячей. А потом из-за вставшей колом в животе травы тря

дня болела, не в силах подняться. Людей было жалко, но помочь им я не мог. Лишь продуктов немного подкинул, попросив не болтать об этом. Да потребовал от Лизки зарубить курицу и сварить из нее бульон, а потом отнести его той семье. Что она и сделала, уменьшив нашу «птицеферму» на одну голову.

В той семье имелся один пацаненок, звали которого Валентином. Подросток лет двенадцати, рассудительный и ответственный не по годам. Он, видя ту нужду, с которой столкнулись его родители, сам принял решение и пошел с отцом в город, искать работу. Отец его, мужик с уже посеребренной бородой, пошел добровольцем и за небольшую пайку стал помогать военным — в охране под ружьем стоять, завалы разбирать, да восстанавливать постройки, перебирая целые и битые кирпичи. Пацан же, понятное дело, за отцом пойти не мог и потому по его совету стал стучаться в двери людей, выпрашивать у них любую работу. Воду там принести, угля натаскать, по дому руки приложить и еще кое-что по мелочи. Чаще всего ему не удавалось найти ничего — люди лишь качали головой, показывая, что помощь его не требовалась. Но иногда, в редкие дни, ему удавалось найти хоть какую-нибудь работу, и тогда вечером он возвращался в свою землянку сильно уставшим, безумно чумазым, но абсолютно счастливым, неся за пазухой несколько корочек серого хлеба. Иногда возвращался вместе с отцом, на пару неся совместно заработанные крохи.

Часто он стучался в калитку и нашей ограды. Лизка к нему выходила, и отрицательно мотало головой — работников у нас и самих хватало. Пацан уходил от нас не солоно хлебавши, но на следующий день снова стучался и выпрашивал работы. И снова Лизка его гнала прочь. И так повторялось почти каждый божий день. Настойчивости парню было не занимать. Лишь те дни, когда они слегли всей семьей, парень к нам не приходил, что, собственно и заставило меня озаботиться и подкинуть им кое-что из жратвы. А когда они более или менее пришли в себя, пацан снова постучал в калитку. Громко так, требовательно, так, как никогда до этого не стучал.

Лизка, хмыкнув, вытерла руки о передник и пошла снова отваживать мелкого работника. И я вышел следом.

Парень предстал пред нами в образе кощея. Сильно исхудалым, со впалыми щеками и глубокими, цветом Черного штормового моря, синяками под глазами. Увидев меня, пацан стянул с головы выдавший виды картуз и глубоко поклонился, сложившись едва ли не пополам.

— Чего ломаешься? — с легким удивлением спросила его Лизка. — Работы все равно дать не могу.

— Тятка с маманькой просят передать свою благодарность, — ответил он, поднимая глаза на меня. — От смерти вы нас спасли. Вероничку особливо. Если бы вы супа куриного нам не передали, то померла б она наверняка. Этим супом мы ее и отпоили.

Вероника — младшая сестра Валентина, двух годиков от роду. Веселая малышка, на голову которой так не вовремя свалились такие испытания. Видел я ее раньше, по ранней зиме, когда парень, когда сам еще был в силах, а проблема с продовольствием еще не встала так остро, со смехом катал ее на санках.

— Чего же сами не пришли? — не нашелся я что ответить.

— Они еще болеют. Только я смог встать. А как встал, так тятка меня к вам погнал. Да я и сам хотел, если честно. Сказать вам хотел.... Спасибо вам большое, Василий Иванович, пусть вас Бог благословит, — и Валентин снова сломался пополам. — Пускай вам Боженьке помогает вам во всех ваших добрых делах.

И сказав это, парень пошел прочь с глубоким чувством исполненного долга. За моей спиной вдруг подал голос Данил:

— Эй, пацан!

Валентин обернулся:

— Чего, дядь?

— Жрать-то хочешь?

Он, молча, развел руками — ответа не требовалось.

— Есть для тебя работа на сегодня. Тяжелая и грязная. За жратву. Согласен?

— Да, дядь. Согласен. А что делать надо? — с готовностью откликнулся пацан и уставился на Данила глазами полными благодарности.

— Уголь с телеги раскидать. Справишься?

— Да, дядь, справлюсь. Я сильный.

— Ну, тогда присядь пока здесь. А как телега придет, так бери лопату, ведро и стаскивай уголь в тот короб. Все понял?

— Да, дядь, понял. Спасибо.

И Валентин уселся на лавочку, что стояла вкопанной рядом с воротами. Уже в доме, Данил, не дожидаясь удивленных вопросов, односложно пояснил:

— Обед свой ему отдам.

Видимо и у этого прожженного носоворота дрогнула душа, раз он решил подкормить мальчишку. Лизка, на такое заявление, взяла со стола деревянную ложку и со всего маху, шлепнула ему по лбу:

— Еще чего! Что б и не думал отказываться! Я ему гречки по-быстрому сварю.

Через два часа к воротам подъехала телега, груженная бурым углем. Валентин, как и договаривались, схватил ведро, лопату и, отстранив, спрыгнувшего с возницы, удивленного Петра, принялся за работу. Рьяно замахал лопатой. Но, все-таки сил у паренька было маловато. Вскоре он выдохся и так весело начавшаяся работа, замедлилась. Тот объем, что один взрослый человек мог сделать за двадцать-тридцать минут неспешного труда, Валентин осилил только через пять часов. Лизка, не став дожидаться полной разгрузки, решила подкормить паренька. Принесла ему миску с дымящейся кашей и, вложив ее в дрожащие руки и сунув в не сгибающиеся пальцы ложку, приказала есть. Валентин, прежде чем присесть на лавочку, настороженно стрельнул глазами в окно.

— Да ешь ты уже, не зыркай, — строго сказала Лизка.

— А тот дядя не будет на меня ругаться? Я же не до конца работу сделал.

— Не будет, — пообещала она, — ешь.

И Валентин замолотил ложкой. Сухая, без масла, гречка обжигала и вставала поперек горла. Но парень ел, пропихивал в глотку кашу ложкой за ложкой, которая, тут же вставала колом. Он давился, кашлял, стучал кулаком по груди, но есть не прекращал. Лизка, видя его мучения, принесла стакан горячего и сладкого чая, который парень воспринял словно манну небесную. С такой прекрасной смазкой обед пошел веселее.

Валентин не смог осилить всю миску. Съел ровно половину и откинулся тяжело. Посмотрел снизу вверх на Лизку и спросил:

— А можно я остальное сестренке своей отнесу?

— Не надо. У меня там еще гречки много наварено, потом я ее тебе всю отдам. Будет чем подкормить сестру и родителей. А эту сам лучше доешь.

Валентин вздохнул, отправил в рот еще пару ложек, а затем, прожевав, признался:

— Нет, не могу больше, тетя Лиз. Не лезет. Лопну скоро.

Лизка кивнула и, забрав посуду, ушла. А пацан спиной упал на лавку и блаженно замер, ощущая приятную тяжесть в животе. Полежал так минут десять, подождав, когда каша равномерно распределится в желудке, а потом поднялся и снова взялся за ведро с лопатой. Залез на телегу и с новыми силами взялся за работу.

В конце, когда телега оказалась выгружена и выметена жесткой метлой, Валентин получил свою оплату — завернутый в грубую тряпку чугунок с еще теплой гречкой. Оплата, если честно, по нынешним временам просто шикарная — любой взрослый был бы рад так поработать.

— Посуду вернешь, — напутствовал его Данил, отправляя к родным.

— Да, дядь, — кивнул парень, — обязательно, дядь. Спасибо вам большое, дядь.

И Валентин, с чувством исполненного долга на негнущихся ногах поплелся домой, неся в дрожащих руках такой приятный тяжелый котелок.

Примерно через неделю, когда я снова сидел на берегу и лениво швырял камешки в спокойную воду, вдруг услышал тихие, аккуратные шаги, так, словно кто-то хотел подобраться ко мне со спины. Этот кто-то слишком уж легко наступал на камешки, словно боясь их потревожить. Это не могли быть мои парни — те вышагивали словно тяжеловесные кони, едва не выворачивая копытами грунт. И не могла быть Лизка, ее поступь я давно изучил. Каждое божие утро я просыпался от постукивания ее каблуков по деревянному полу.

Я обернулся. Метрах в пяти от меня оказался Валентин. Сломав передом мною картуз, он поклонился и учтиво, но без особого волнения, поздоровался:

— Доброго вам дня, Василий Иванович.

— А, это ты, Валя.... Подкрадываешься....

— Нет, не подкрадываюсь, Василий Иванович, это у меня просто такой шаг легкий. Маменька моя всегда пугается, когда я к ней со спины подхожу. Говорит, что хожу как кот. А тятка говорит, что я хожу как настоящий охотник.

— Как твои родители? Одыбали?

— Да, Василий Иванович, одыбали. Вам спасибо еще раз, спасли вы нас от верной смерти.

Я отмахнулся. Оно, конечно, понятно, что так и было, но постоянно выслушивать о том, какой я хороший, не было никакого интереса.

— Сам как?

— Хорошо, Василий Иванович.

— Долго в себя приходил после работы на дядьку Данила?

Парень улыбнулся и честно признался:

— Два дня не вставал. Только до ветру и выползал. Сейчас уже почти хорошо, руки только чуть-чуть болят. Почти проши.

— Ну и хорошо, — улыбнулся я ему и снова отвернулся к морю. Разговаривать с Валентином более оказалось не о чем. Разве что он опять работу пришел просить. Ну, если так, то он сам об этом должен заикнуться.

Так, собственно оно и оказалось. Валентин, слегка стусевавшись на то, что отвернулся, подал голос:

— Василий Иванович, а вам еще раз угля разгрузить не надо? Или воды натаскать, или еще чего? А то я мог бы вам помочь.

Я снова повернул к нему голову и, улыбнувшись, ответил:

— Нет, не надо. У меня, Валя, своих работников полно, так что сам понимаешь.... А в тот раз тебя просто дядька Данил пожалел и от себя кусок оторвал. Тебе ему бы спасибо говорить, а не мне.

— Я ему уже сказал, — убитым голосом ответил пацан. И он снова замаялся, нервно ломая пальцами старый картуз.

Я опять посмотрел на спокойное море, увидел вдалеке два торговых парохода, которые шли, скорее всего, в Дальний. Принадлежность судов с такого расстояния установить мне не удавалось. Но парень, заметив, что я, приложив ладонь к глазам, пытаюсь получше их рассмотреть, вдруг сообщил:

— Это английские.

— Откуда знаешь? — не поверил я ему.

— Силуэту знакомые, они и до войны в Дальний ходили. Жалко, что сейчас мы их достать никак не можем.

— Даже если б и могли, то по английским судам наши бы стрелять не стали.

Он мне не ответил. Но так и продолжил стоять рядом, как будто надеясь на что-то. Я подобрал камушек, подбросил его в ладони и неожиданно с силой швырнул в сторону проходящих судов, вымещая на них свою злость и бессилие.

— Далеко, — присвистнул Валентин, проследив полет камня. — Да только они все равно в нейтральных водах. Трогать их нельзя.

— Откуда знаешь?

— Так все это знают, Василий Иванович.

Он никак не хотел уходить. Стоял рядом со мною, чего-то ждал. Или сказать что-то важное хотел. Я снова потерял к парню интерес, отвернулся и проводил пароходы взглядом, проследил до момента, когда они скрылись за краем ближайшей ко мне горы. Валентину, похоже, надоело такое положение и он, глубоко вздохнув, решился. Со слегка дрожащим голосом обратился ко мне:

— Василий Иванович, а купите мне лодку, пожалуйста.

Я удивленно повернулся к нему:

— Чего?

— Лодку. Рыбацкую. Я тут знаю одну, она продается. Хозяина убило еще в прошлом году и его жена продает. Я на ней в море ходить буду, рыбу ловить.

— Ты?! Один?!

— Да, я. И не один. Я еще ребят найду, и мы вместе станем рыбачить.

— А ты умеешь?

— Меня обещали научить. Я быстро пойму как, я умный.

Я хмыкнул:

— А справишься? Дело-то тяжелое. Как сети вытаскивать будешь?

— Я сильный! — упрямо заявил Валентин и, видя мое удивление, продолжил напор. — Я рыбачить буду, Василий Иванович. Здесь у берега рыбы много, ее только поймать надо. А в море я выходить не буду. И сети мне купите тогда уже, как я без сетей-то буду. Только большие не надо, я с ними не справлюсь. А на лодке парус поставить можно, так что там и без весел обойтись можно. Меня научить обещали. А рыбу что я поймаю с вами делить буду — и вам хорошо и мне. Я родителей своих кормить буду, а лишнее на рынке продавать. Времена-то какие сложные.

По глазам парня видно было, что решение он принимал взвешенно. Не с бухты-барухты, а вполне обдуманно. И настроен был решительно. Валентин, как я уже понял, вполне уже ответственный молодой человек, а не безмозглый и хамоватый подросток. Война быстро научила его жизни.

Честно, денег мне жалко не было. Что деньги, когда их у тебя куча? Туда-сюда сотня для меня никакой роли уже не играло, фактически карманные расходы. Но выпускать его в море, туда где мины? А вдруг он одну из них подцепит сетью и на ней же подорвется? Кому от этого будет хорошо? Вот об этом-то я ему и сказал:

— Где же ты ловить будешь, кругом минные банки?

Валентин не нашелся, что на это ответить. Но потом нашелся:

— Банки только вокруг крепости. А если идти на север, то там их нету почти. Вот там я

и буду ловить. Василий Иванович, пожалуйста, Христом богом вас прошу, дайте денег на лодку. Всего сто рублей просят.

— С каких это пор сто рублей для тебя стало «всего»?

— Ну, не «всего». Но тетка на меньшее не согласна. Она жрать сильно хочет. С голоду, говорит, умирает.

Я усмехнулся. Представил эту тетку, у которой живот прилипал к спине и спросил у пацана:

— А давно ты к этой лодке присматриваешься?

— С осени я ее заприметил. Все думал, да прикидывал. Лодка хорошая, просмоленная, ухоженная. Парус целый, снасти тоже. А с теткой я поговорил только вчера вечером. Она согласна продать ее за сто рублей, не меньше.

— А сеть? А команда?

— Сеть за рубль можно купить, я уже нашел. Она, правда, небольшого ремонта требует, но это не страшно.

— Ну а команда? Ты, наверное, уже и об этом договорился, да?

— Да, еще два пацана согласны со мною рыбу ловить.

— Такие же как ты? Им лет-то по сколько?

— Тринадцать.... А что? Мы справимся, мы сильные. А Миколка еще и проворный как обезьяна.

— Да слышал я уже это, знаю, что ты сильный, — улыбнулся я в усы, глядя на то, как Валентин уже все продумал. И все уже решил. — Ну, хорошо. А кто тебя рыбачить-то будет учить?

— Да есть тут дед один, старый уже совсем и на один глаз слепой. Он обещал научить. Но за это просил себе часть улова. Я так думаю, что это справедливо.

— Ну да, ну да....

Мне не сложно было принять решение. Сто рублей не деньги, а парень получал кое-какую возможность себя прокормить. Правда я опасался, что он пропадет в море, но если с ним будет ходить опытный рыбак, то почему бы и нет? Но просто так давать деньги я не собирался. Нужно было соблюсти формальности.

— В общем так, Валентин, — решил я, — лодку мы тебе купим. Но давай-ка с тобою поговорим о долях. Сколько ты решил из улова отдавать мне?

— Треть, — твердо заявил парень и так посмотрел на меня, что я понял, он на большее не согласится. Будет голодать, но обобрать себя не даст. — А потом, где-то через год, я отдам вам ваши сто рублей и сверху еще угол накинута.

— Да ты, я смотрю, уже почти созревший купец, а не рыбак, — усмехнулся я. — Мне обратно эти деньги отдавать не нужно и четвертной твой заработанный тоже. Оставь себе.

— А как тогда? Вы мне что, их просто так отдадите?

— Нет, Валя, не просто так. Раз уж ты у нас такой деловой, то давай-ка мы с тобою организуем рыболовецкую компанию. Как ты на это смотришь?

Парень от неожиданности хватанул ртом воздух. Но быстро сориентировался:

— Я смотрю на это благожелательно.

Я улыбнулся:

— Ну, вот и хорошо. Тебе лет полных сколько?

— Тринадцать. Через месяц четырнадцать будет.

— Вот, значит, маловат ты пока для дел купеческих. Но это не беда. Приведи ко мне

своего отца, мы с ним заключим договор. Он и будет директором, а ты станешь на него работать. Ты так согласен?

— Да, согласен.

— А потом, если дела у вас пойдут хорошо, то когда подрастешь, то мы переоформим договор на тебя. И будешь уже директором сам. Хорошо?

— Да, Василий Иванович, хорошо. Я согласен! — едва ли не подпрыгнул Валентин, представив себе перспективы. Я же улыбался, понимая, что даю парню дело, возможность приложить руки. Для меня эта затея — игра, для него же перспектива и способ спасти от голода семью.

— Прекрасно, прекрасно. А скажи-ка, Валентин, а как твое полное имя?

— Михальчук Валентин Петрович, — гордо представился он, вздернув подбородок.

— Итак, Валентин Петрович, — наверное, впервые в его жизни я назвал его так серьезно, — давай с тобой тогда договоримся еще и вот о чем. Ты, получив от меня деньги и купив на них лодку, не должен останавливаться на этом. Не должен ограничиваться одним судном. Ты должен будешь развиваться. Понимаешь, что это значит?

— Да, понимаю.

— И все же я тебе скажу, как это понимаю я. Ты должен будешь всю прибыль, за вычетом тех денег, которые тебе необходимы для проживания, пускать на развитие дела. Расширяться, приобретать новые суда, нанимать работников. Я хочу видеть от тебя рост нашего рыболовецкого предприятия, и не желаю видеть того, что наша лодка останется одной единственной. Я хочу наблюдать здесь, на Дальнем Востоке настоящую рыболовецкую флотилию, с центром по переработке рыбы. Консервную фабрику желаю иметь здесь, а еще мне интересна морская капуста. Если годков через пять наладишь ее производство, то честь тебе и хвала. И потому я должен тебя спросит еще раз — ты к этому готов? Ты справишься?

— Справлюсь, Василий Иванович, — чересчур самоуверенно заявил парень, — я, знаете какой!

— Не знаю, но, надеюсь, увижу. Более того, я жду, что ты будешь регулярно высылать мне отчеты, где будут расписаны все доходы и расходы, — на этой фразе Валентин нахмурил лоб, я же, внутренне улыбнувшись, продолжил: — и, я надеюсь, что школу ты не бросишь. Мне в директорах безграмотные люди не нужны. Кстати, как у тебя с арифметикой обстоят дела? Дается эта хитрая наука?

— Слабо, — признался он честно.

— Придется подтянуть.

И Валентин глубоко вздохнул, только сейчас понимая какой тяжести мешок сложностей ему предстоит тащить. Но, что мне понравилось, так это то, что он спустя пару мгновений как-то собрался, взъерошился и твердо мне пообещал:

— Арифметику я выучу. Я зубами ее грызть буду, но одолею, проклятую.

Конечно же, нагружая парня такими условиями, я на самом деле не верил в то, что его компания разрастется более нескольких лодок или же одного небольшого судна. Все-таки дело это непростое, а тем более для пацана тринадцати лет. Он, как и все в его возрасте был максималистом и всерьез верил в собственные силы. В отличие от меня. Я-то уж четко себе представлял, что много от пацана ждать не приходится. Впрочем, его отец позже мне сказал, что Валентин с самых малых лет отличался удивительной целеустремленностью и страстью к планированию. И если он ставил себе какую-то цель, то полностью посвящал себя ее

достижению. Так что, можно было надеяться....

Своего отца парень привел на следующий день. Мы с ним обстоятельно поговорили, обсудили его участие в деле. Он становился хозяином лодки и директором предприятия, но в дела своего сына не должен был залезать, предоставляя ему полную свободу действий. Отец, похоже, и не рад был затее, скептически смотрел на увлечение подростка, но все же испытал за него гордость — не трутня вырастил!

Составили договор, где я становился совладельцем «компаний». Целая треть от дырявого корыта и всех будущих доходов будут принадлежать мне. Условия для Валентина просто шикарные. Для меня же, как для купца, не слишком, но тут я выступил не как деловой человек, а как простой скучающий мещанин. Развлекся я таким способом.

На следующий день я с Валентином и его отцом сходил к той женщине и выкупил лодку. После нашли того старика, что согласился помочь парню в освоении непростого дела и с того дня моя рыболовецкая компания, размером с одну единственную лодчонку способную ходить под парусом вдоль берега, начала свое нелегкое существование.

Валька взял двух помощников и через несколько дней подготовки и небольшого ремонта, вышел в море. Покрутился сначала недалеко от скал, а потом, когда приобрел кое-какой навык, осмелился отойти на север и скинуть сети в том месте, где не было минных полей.

Первую часть улова Валентин притащил мне через неделю после покупки корыта. Три небольшие рыбины, размером чуть более моей ладони, под смешки Лизки нашли свое пристанище на сковороде и оказались съедены. Небогатый улов, но, как говорится, главное связаться, а там разберемся. Вот Валентин и связался, с головой уйдя в новое для него дело. И то, что начало получилось таким скромным его совершенно не смущало. Он прилагал все усилия для того, чтобы хоть как-то помочь своей семье.

В мае от военной разведки пришли последние новости — японская эскадра в срочном порядке снялась с якоря и ушла от берега города Инкоу в неизвестном направлении. Долго гадать о том, куда она делась, не пришлось. Японцы пошли встречать Балтийскую эскадру, которая по подсчетам наших моряков вот-вот должна была подойти. Цусимское сражение, наше поражение на море приближалось с неумолимостью падающего кузнечного молота. Но был еще вопрос — случится ли в этой истории то сражение, не изменилось ли чего? Ведь даже самое малое отличие от истории моего мира могло потянуть за собой такой вал событий и случайностей, что всякое мое предсказание могло оказаться простым пшиком. Как, например, с поражением Куропаткина под Мукденом. Ведь не случилось его, не дал он деру от японцев! А ведь я предсказывал об этом, пророчествовал.

Куропаткин, кстати, в связи с уходом японской эскадры, через неделю предпринял вторую атаку на укрепленные позиции. Послал в узкий перешеек почти всю пехоту, помог ей артиллерией и за десять дней тяжелых боев положил в полях на колючей проволоке полтора десятка тысяч душ. Но прорвать японские укрепления не смог. Эта новость пришла к нам с заметным опозданием. В тот момент когда Стесселю докладывали об этой неудаче я удивительным образом опять находился рядом. В его доме вместе с Витгефтом я снова обсуждал мою будущую продуктовую экспедицию. Едва я устроил свой зад в кресле прямо напротив дымящих папиросами генерала и адмирала, как в дверь настойчиво постучали. А спустя несколько секунд в комнату вошел молодой офицер, который шелкнув каблуками,

доложил:

— Ваше Превосходительство, пришли последние известия из Инкоу.

— Прекрасно, — отозвался Стессель, — что там у Куропаткина? Опрокинул он японцев, сбросил их с гор?

— Никак нет, Ваше Превосходительство. Вторая атака, предпринятая им, не принесла никаких успехов. Князь Ивао удержал позиции, не позволив нашим войскам прорваться.

— Гм, дурные вести.... Ивао превосходно знает военную науку и предпринял правильные действия. А Алексей Николаевич видимо не учел этого, кинул людей в мясорубку как следует не подготовившись.

— Или же как обычно..., - подал голос Витгефт, выпуская сизое облако дыма, — постеснялся придумать какую-нибудь военную выдумку, а просто приказал людям идти под пули. Ивао-то, думаю, из-под Мукдена вынес правильные выводы. Для него то поражение было все равно, что важный урок, который он прекрасно усвоил. И закопался в землю основательно.

Стессель не ответил, лишь качнув головой. Обратился к офицеру:

— Еще что-то сказать имеете?

— По предварительным оценкам Куропаткин в боях потерял шестнадцать тысяч человек, японцы же, по словам китайцев, что-то около шести.

— Это с учетом раненых?

— Нет, Ваше Превосходительство, это потери по смерти. Раненых у японцев много и в Дальнем и в Талиенване госпиталя оказались забиты под завязку.

— Понятно.... Это все?

— Так точно, более свежих новостей нет.

— Хорошо, — кивнул Стессель и отправил офицера восвояси. И когда тот ушел, притворив за собою дверь, вздохнув, высказался: — Итак, господа, наше нынешнее положение затягивается на неопределенное время. Дотянуть бы нам до осени.

— Ерунда, Анатолий Михайлович, Ивао столько времени продержаться не сможет. Куропаткин рано или поздно сомнет его. Думаю через месяц, плюс пару недель, мы уже будем пожимать ему руку и лично докладывать о состоянии нашей крепости.

— Дай то бог, дай то бог.... Устелить костями дорожку до Артура не является чем-то великим. Хотелось бы надеяться, что наш Главнокомандующий проявит хоть какую-то хитрость и сбережет людей.

— Для этого не нужно проявлять никакой хитрости, — фыркнул Витгефт. — Достаточно отрезать снабжение и японцы сожрут себя сами.

— И как же это сделать?

И тут адмирал развел руками, признаваясь в собственном бессилии.

— У меня кораблей способных выйти в море раз-два и обчелся. Адмирал Того своими бомбардировками добился-таки своего и теперь я не то что в бой с ним вступить не могу, я не могу даже просто выйти в море и развернуть транспортные суда.

— Китайцы говорят, что Того всю свою эскадру спрятал за мысом в самом узком месте пролива между Китаем и Кореей. Рождественского в засаде ждет.

— Если это так, то беда ждет Балтийскую эскадру. Но Рождественский сам не дурак и наверняка предполагает такое развитие событий. Я бы на его месте вошел бы в пролив с величайшей осторожностью, как раз и ожидая чего-то подобного. Того ошибается, думая, что сможет взять его голыми руками. Обожжется знатно.

Витгефт хмыкнул. Не знаю, имел ли он чести лично знать командующего Балтийской эскадрой, но вот мнения о нем он был высокого.

— А вся ли японская эскадра там? — подал я голос.

— Вся, Василий Иванович, до самого захудалого кораблика. Даже наш «Решительный», который японцы захватили в Чифу, там же. Третьего дня к нам по собственной инициативе зашло торговое судно, привезло на продажу муку, и его капитан передал нам пакет от нашего консула. Тот все и описал как есть. Стоит Того, спрятав корабли от Балтийской эскадры за скалами, но все-таки у всех китайцев на виду.

— А почему тогда мы не можем закрыть дорожку транспортам хотя бы теми кораблями, которые у нас остались на ходу? — высказал я мысль, озадачившую меня.

Витгефт хмыкнул:

— Я не могу рисковать тем, чего у меня почти и не осталось. Узнает Того о нашей вылазке и он отправит сюда свои корабли. Принять бой я не смогу, а уйти просто не успею. И таким образом погублю то, что имею.

— Постойте, а как же «Бобр»? Он-то со своей чайкой издали заметит противника.

— «Бобр» поврежден. Имеет пробоину в корпусе и не может быть сейчас отремонтирован.

Ахнул Стессель:

— Боже, и вы об этом молчали?!

— Да стоит ли об этом говорить? — в свою очередь возразил Витгефт. — Все одно что «Бобр», что другие мои корабли стоят на рейде уже который месяц и носа высунуть не могут.

— Моряки ваши, поди, уже совсем обленились....

— Да, это есть правда. Вынужденные бездельники.

— А сама чайка-то цела? — спросил я.

— Цела, конечно же. Я, как только понял, что нам на море еще долго нельзя будет и носа казать, приказал отправить ее на берег, на склад. Так что, чайка в полной сохранности.

— А можно ли тогда ее пристроить на другой корабль? — зацепился за данный факт Стессель.

— Гм..., по правде говоря, я об этом не задумывался. Если только на какой-нибудь миноносец ее перенести..., - Витгефт откинулся на спинку кресла, выпустив дым в потолок. Закатил глаза, что-то в уме прикидывая. Потом сказал: — Да, попробовать можно. В несколько дней, думаю, можно уложиться.

— И тогда можно будет вывести корабли в море?

— Да, несколько миноносцев можно будет вывести.

— И тогда мы сможем отрезать японцев от снабжения? Не так ли?

— Ну, полностью вряд ли мы сможем это сделать, но кровь им попортим.

— Превосходно! — довольно воскликнул Стессель. — Таким образом мы хоть как-то поможем Главнокомандующему. Вильгельм Карлович, пожалуйста, сделайте это! Распорядитесь!

Адмирал пыхнул папиросой:

— Конечно, после нашего разговора я непременно отдам необходимые приказы. И через несколько дней, я думаю, мы сможем тремя-четырьмя миноносцами выйти в море.

На этом вроде бы дела организационные, которым я стал случайным свидетелем, оказались закончены. И Стессель снова обратился ко мне. На всякий случай заглянув за

дверь, он сообщил мне:

— Наш консул в Чифу сообщил, что министерство выслало для нас двести тысяч рублей. Деньги уже находятся у него на руках, так что нам необходимо их..., - он на краткое мгновение запнулся, подыскивая более правильное слово. Но не смог сделать это и потому закончил фразу не слишком удачно, — ...потратить.

— Лучше бы сказать «освоить», — подсказал я.

— Да, именно. Нам нужно освоить эти средства, закупив в Чифу продовольствие. В прошлый раз мы с вами прекратили все отношения, не найдя общих интересов. Сейчас же, мы с вами можем вернуться на круги своя. И потому я интересуюсь, не согласитесь ли вы сходить за продовольствием как в прошлые разы?

— Гм, честно признаться, я был бы не против этого. На прежних условиях и за живые деньги.

— Да, конечно на прежних условиях. Но на новых расценках, которые мы вам предоставим. Не переживайте, на этот раз они будут еще немного выше.

— А что же ваш купчик, которого вы в прошлый раз снаряжали? Он разве отказывается?

— Нет, тут дело немного в другом, — уклончиво ответил Стессель, видимо, не желая выносить сор из избы. Но адмирал Витгефт на его слова возмущенно заявил:

— Что вы, Анатолий Михайлович, стесняетесь. Говорите прямо — этот подлец купил в крепость откровенное дерьмо. А денег взял себе как полагается. Настоящий мерзавец, привез гнилье, которое и собакам не скормишь. Ух, гадина, своими руками задавил бы.

— Ну-ну, Вильгельм Карлович, не надо так кипятиться....

— Да как же мне не кипятиться, Анатолий Михайлович. Этот пройдоха, поняв, что с него взятки гладки, решил заработать больше того, что ему разрешили. Он украл у крепости, он украл у людей! И мне после этого быть спокойным? Да я б ему морду набил, если б я чином был пониже.

— Ого, как вы..., - искренне удивился я эмоциям адмирала. — Что же он, много украл?

— Да почитай десять тысяч сверху той прибыли, которую мы разрешали. Ладно бы хорошее привез, так нет — большую часть мы выкинули, да свиньям скормили. Слава богу народ не отравился, не успел.

— А почему это с него взятки гладки?

— Ну как же..., - хмыкнул он, удивленно, — что нам теперь на него в суд подавать? Или еще каким законным способом выводить его на чистую воду? Или же к полицмейстеру обращаться, чтобы наши договоренности пошли по городу? Ну уж нет, до такой глупости мы не можем додуматься.

В общем, было понятно. Человек, которого они наняли, поняв, в чем состоит интерес этих двух высоких чинов, решил воспользоваться ситуацией. По бросовым ценам закупил пропавшие или готовые вот-вот пропасть продукты, а разницу в цене нагло забрал себе. Открыл счет в китайском банке и положил туда всю сумму. А вернувшись в Артур, соорил из себя дурочка, сообщив, что его обманули и подсунули в порту негодное. И по бумагам выходило, что он все сделал честно, закупился правильно и строго по установленным расценкам. Вот Витгефт и бурлил, поняв его авантюру. И прижать к стенке этого ухаря ни он, ни Стессель не мог — оба боялись того, что их собственные делишки могут раскрыться. Вот и ходил этот мерзавец по городу гоголем, мечтая о том, чтобы осада оказалась поскорее снята, а сам он смог бы убежать в Чифу и забрать свои деньги.

— А почему же он тогда все деньги не украл? Мог бы в Чифу с ними сбежать.

— Деньги мы ему не доверили. Рассчитывался с купцами лейтенант Колчак.

— Так может и он тоже причастен к этому делу?

— Ну нет! Лейтенант показал себя предельно честным молодым человеком. Он, когда мы его стали расспрашивать, рассказал все как было. И он точно не при чем.

— И что же, вы этому пройдохе даже морду не начистите? Так и позвольте ему досидеть до окончания осады, а потом сбежать?

Оба высоких чина брезгливо хмыкнули, показывая тем самым, что им такими делами заниматься противно.

— Неужели и не попросили никого об этой услуге? Например, того же самого Колчака? Он-то, думаю, охотно бы согласился.

— Василий Иванович, — возразил мне Стессель, — нам не очень-то странно слышать от вас подобные слова, но, честно, как вы себе это представляете? Генерал, да адмирал должны ступить на преступную дорожку? Как мы можем высказывать подобные мысли?

— А что такого? По-моему, вполне уместно будет проучить вора. Разве не так?

— Мы, конечно, понимаем, что вы склонны к подобным вещам. Про вас и Куропаткина недаром же слухи ходили. Вы хоть и купец первой гильдии, но все-таки купец — человек поднявшийся из самых что ни на есть низов. Для вас подобное решение проблем кажется уместным, для нас же неприемлемым. Морду бить этому пройдохе или же подговаривать кого-либо об этой услуге мы не можем. Тут уж мы бессильны. Вот если бы кто-то другой, да по собственной инициативе.... Так сказать, по благородному порыву души.... Тогда мы были бы удовлетворены, м-да.... А что деньги..., да черт с ними с этими деньгами, если уж они уже пропали, то и пускай пропадают. И пускай даже они попадут в руки того, кто совершит вонзедие.

«Тонкий» намек был более чем понятен. Стессель возрился на меня, ожидая ответа, Витгефт же демонстративно встал и, подойдя к окну, отвернулся. Как будто не желая участвовать в этом сговоре.

Долго я не думал, решив покарать наглеца. Меня, если честно, тоже задела эта ситуация — бессовестно подсовывать гнилье голодающим людям это, знаете ли, за пределами любых добродетелей. Простой вор он в этом отношении будет даже честнее.

— Когда корабль пойдет в Чифу?

— Послезавтра.

— Этот ворюга не пытался уже выбраться из Артура?

— Вроде бы было что-то подобное. Но у него ничего не получилось.

— Можно ли устроить так, чтобы он отправился в Чифу вместе со мной?

— Гм, это, пожалуй, устроить можно. А что вы собрались делать?

— Это, господа, уже не ваша забота. Зачем вам мараться в дерьме? Просто сделайте так, чтобы эта скотина сбежала из Артура вместе со мной, а дальше я с ним разберусь сам.

— Боже мой, Василий Иванович, — театрально ахнул Стессель, — грех на душу взять хотите? Жизни человека лишить?

— Бог с вами, Анатолий Михайлович, о чем вы? Никто его убивать не собирается. Просто проведем с ним воспитательную беседу и отпустим на все четыре стороны. Только и всего.

Повернулся от окна адмирал и, зажав в зубах папиросу, злобно ощерился:

— А вы, насколько я знаю, весьма большой мастер выбивать зубы. Большая от нас просьба, сделайте это как «Серафим летающий». Так, чтобы красиво....

Я улыбнулся и пообещал:

— Все что будет в моих силах. Но, надеюсь, вам фотодоказательств не нужно?

Вернулся я домой под вечер, после обсуждения всех деталей. Обсуждали, как ни странно, уже саму покупку продовольствия, более ни словом, ни тоном не касаясь неприятной для господ темы возмездия. Едва зайдя в дом и застав всех своих подопечных, я ткнул пальцем в Мурзина, а затем в Петра:

— Ты и ты, послезавтра со мной в Чифу пойдете.

Петро довольно хлопнул в ладоши:

— Здорово! Опять за консервами, да?

— Да, и не только за ними.

— А зачем же еще? — спросил мой архар, но затем, не желая вдаваться в подробности, махнул рукой: — А не все ли равно зачем?

Действительно, для него главным было сходить в китайский город, проведать свою хрупкую Юн. Мурзин же моему приказанию удивился. Никогда ранее он в тот город не ходил:

— А мне-то что там делать?

— Есть одно дело, которое без тебя не решить.

— Какое же?

— Важное, — уклончиво ответил я. — Когда придем в порт, расскажу.

Он равнодушно пожал плечами.

Через день поздним вечером, перед самыми сумерками уставший от тяжелой жизни миноносец вышел в открытое море и взял курс на юг. Я со своими людьми устроился внутри корабля, намереваясь проспать всю ночь. Где-то здесь же, на борту корабля, прятался и тот купчик, которого следовало наказать. Капитан, получив негласный приказ от адмирала, позволил себя подкупить и таким образом он пустил беглеца, схоронив его в самом дальнем уголке корабля.

Пришли к китайцам под утро, бросив якорь на рейде. Сойдя на берег вместе с Колчаком, я сказал Мурзину и Петру:

— В общем так, есть для вас задание. Тут на борту миноносца находится один тип, которого надо наказать.

— Что за тип? — серьезно спросил Петро, настраиваясь на нужный лад.

— Купец, что в прошлый раз ходил сюда за продовольствием.

— А-а, знаю гниду, — кивнул он, и кулаком вмазал по ладони, предвкушая избиение. — Это же он тухлятину привез, да?

— Именно он.

— Данил рассказывал, что он консервы дутые притащил. Они еще под ножом взрывались. У-у, сволочь, многие ему хотели бока намять, но он прятался, скотина, где-то.

— Угу, это именно он. Зовут Григорьев Алексей, по отчеству не помню. Да это и не важно.

— Будем мы этого еще по отчеству величать, как же, — язвительно вставил Петро.

— Он пока что находится на борту, ждет, когда командир корабля разрешит ему сойти на берег. А он разрешит только вечером, когда стемнеет и банки закроются. У него здесь счет, который он будет снимать. Значит снимать будет завтрашним утром, а нам, стало быть, надо подловить его на этом моменте и как следует начистить рыло.

— Это мы всегда пожалуйте. Нас долго упрашивать не нужно, — опять щелкнул кулаком в ладонь Петро и ощерился звериным оскалом, от которого шарахнулись ближайšie щуплые китайцы, и на всякий случай отошли на безопасное расстояние.

— Угомонись, дослушай сначала. Так вот, деньги эти, которые он будет снимать, он украл у крепости.

— У-у, сука...!

— Петро!

— Да ладно вам, Василий Иванович, — заступился за моего архара Егорыч, — понять то можно. Людям в Артуре и так тяжело, а эта гнида на них наживается. Придушить такого сам бог велел.

— Во-во! А я о чем! — поддакнул Петро и широкими мозолистыми ладонями показал, как будет сворачивать вору глотку: — Как куренка я его, честное слово.

— Нет, Петро, давить его не надо. И до смерти его тоже доводить не требуется. Нужно лишь намять ему бока так, чтобы он до самой старости это помнил, а все деньги, которые он украл нужно забрать. Понятно? Никакой крови или другого смертоубийства. Вы мне, блин, в Артуре целые и невредимые нужны, а не китайской каталажке.

— Как он выглядит? — деловито спросил Егорыч.

— Я знаю, я покажу, — подсказал Петро.

— Хорошо, — кивнул я. — Значит, сейчас мы устраиваемся в гостинице, а после вы оба, должны будет найти местную гопоту, чтобы она стала вашим орудием. Желательно организовать так, чтобы вы лично ни пальцем не тронули его морду. Пускай это лучше сделают местные.

— Хорошо, Василий Иванович. Гопота, это я так понимаю, тутошние бандиты, да? — уточнил Мурзин.

— Да. Ты по-китайски сможешь с ними объясниться?

— Ну, я не так чтобы очень по-ихнему, но, думаю, смогу.

— Если что, то можно Юн привлечь как переговорщицу. Что на это скажешь, Петро?

— Можно, — согласился он, и на его лице проскользнула довольная улыбка. Парень уже представлял себе, как встретится со своей любовью.

— Хорошо. На исполнение даю тысячу рублей.

— Не много ли? И ста за глаза хватит. Местные мазурики не должны ваньку валять.

— Тогда сам смотри, сколько им выделить. Главное — сделать так, чтобы его после банка можно было взять в темном углу, посчитать ребра, поправить физию и забрать то, что будет с собою на руках. Понятно?

— Понятно, Василь Иваныч, дело не сложное.

— Вот и отлично. Значит сейчас идем в гостиницу, после вы ищите местных молодчиков, а вечером, вы должны будете торчать в порту и ждать когда шлюпка с Григорьевым пристанет к берегу. Проследите где он поселится, а утром ему на хвост и провожать в банк. Ну а после банка сами понимаете. Ничего сложного?

— Ничего, Василь Иваныч, — ответил Петро с готовностью, — сделаем все в лучшем виде. Уж мы этого мизгиря встретим....

Мы устроились в той же гостинице, что и в прошлые разы. Даже поселился в тех же номерах, и ту же самую грудастую китайку мне предлагали для развлечения. Я, как и в прошлый раз отказался, отправил Петро и Мурзина по делам, а сам, присев за столик для легкого завтрака, встретил Колчака. Тот так же обосновался в этой же гостинице и так же пришел сюда для того, чтобы удовлетворить голод.

— Ну, Александр Васильевич, какие у нас с вами планы на сегодня? — спросил я его, когда он присел ко мне за столик.

— А планы наши с вами простые как две копейки, — выдал он из себя любезную улыбку, — получить деньги от консула.

— Двести тысяч, если я не ошибаюсь?

— Да, именно. А как получу я их, то после этого вместе с консулом отправлюсь к дацуну.

— Взятку давать?

Он еще раз холодно улыбнулся:

— Оказать честь и попросить, чтобы зафрахтованные нами суда проводили до наших территориальных вод. Ну а после того можно и вашими делами заняться. Но, кажется это лучше отложить на завтра. Дацун любит затягивать встречи, консул говорит, что бывало по три-четыре часа ему приходилось сидеть и ждать аудиенции.

— Ага? Мне почему-то кажется, что местный губернатор возомнил себя императором Китая, раз осмеливается держать в сенях официального представителя другой страны.

— Не в том дело, Василий Иванович, просто поговаривают, будто бы дацун опиумист. Вот и приходится ждать подолгу, чтобы он смог привести себя в надлежащий вид. Но раз на раз не приходится, может быть, сегодня наша встреча произойдет быстро.

После завтрака мы расстались. Лейтенант ушел за деньгами, ну а я пошел по торговым точкам, сканировать цены. Меня узнали и без особых проблем сторговались со мною, зная, что я обязательно расплачусь. Охотно скидывали мне отпускные цены, получая прибыль на объеме. Несколько раз попытались выпытать у меня о том, как я отношусь к порченому товару. Без переводчика, на пальцах заговорщицки предлагали совсем по бросовым ценам откровенное гнилье, но быстро поняв мое отношение, оставили это предприятие и впредь торг вели только по продовольствию хорошего качества. Причем, вся наша торговля велась без переводчика. И на жестах, эмоциях и деревянных счетах мы прекрасно друг друга понимали. Прямо как в моем прошлом будущем, когда я с супругой вдруг вырвался в Китай, в Манчжурию, где так же объяснялся с китайцами — на пальцах и калькуляторе. Тогда мы вполне удачно заказали кухонный гарнитур, который придя спустя почти месяц ко мне домой, превосходно встал в свежееотремонтированную кухню.

Мурзин с Петром не появлялись целый день. После портовых лавок я вернулся в гостиницу и снова засел в ресторанчике, ожидая прихода Колчака с деньгами. Я потрудился на славу, за какой-то неполный день, практически договорился по всем пунктам списка. И теперь мне осталось лишь дать торговцам хотя бы часть денег, чтобы они начали движение и подтянули продукты с других торговых точек. Без предоплаты и они шевелиться не желали, не взирая ни на какие договоренности.

Часам к шести вечера в гостиницу ввалился разраженный Александр Васильевич. Рухнул рядом со мною на стул, гаркнул китайчонку, чтобы принес выпить и, бурча под нос проклятия, полез в карман кителя. Достал портсигар и шумно, с дымом, втягивая гладко выбритые щеки, раскурил папиросу.

— Все плохо? — догадался я. — Дацун не принял?

Колчак нервно загасил спичку и швырнул ее в пепельницу.

— Принял, мошенник чертов, еще как принял! Чтоб черти его китайские вилами да в ребра его жирные. Совсем совесть потерял, пентюх разукрашенный. Да что б ему в аду гореть!

— Да что такое-то? Взятки ему мало, что ли?

— Еще как мало, десять тысяч ему, видите ли, мало! Двадцать подавай!

— Да как же так можно? Он что же, с ума сошел?

— Может и сошел — опий мозги сушит.

Прибежал китайчонок, поставил перед лейтенантом бутылку русской водки, невесть каким образом оказавшейся здесь, сгрузил две рюмки, наметал на стол неплохую холодную закуску. Низко поклонился и убежал. Колчак лишь вслед ему крикнул:

— Огурцов соленых неси, нехристь чумазая!

Не знаю как служба понял, но спустя минуту перед нами возникла миска с солеными огурцами, размерами напоминающие артиллерийские снаряды. И вот Колчак вскрыл бутылку и не спрашивая меня наполнил обе рюмки. Потом молча поднял одну, запрокинул жидкость в глотку и лошадиными зубами обезглавил сморщенный овощ. И захрустел, перемальвая челюстями несчастного, словно кузнечными молотами.

— Так и что делать будете? — спросил я его, спустя минуту. Лейтенант в это время наполнил себе вторую рюмку, и хотел было подлить мне, но заметил, что подливать некуда. Потому и спросил удивленно и с некой долей вызова:

— А вы чего же, Василий Иванович? В общество трезвости записались вчера?

— Нет, не записался. Я б с удовольствием, да не могу. Дела еще сегодня есть.

— Какие у вас могут быть здесь дела? Пока я этому чертовому упырю деньги не дам, никаких дел мы здесь вести не сможем. Вот же гнида! Знаете, что он мне сказал? Нет? А сказал он, что если мы откажемся, то он запретит местным купцам иметь всяческую торговлю с нами. Так что, давайте-ка хорошенько выпьем, Василий Иванович.

— Нет, не могу. У меня и помимо этого дела здесь имеются.

Он воззрился на меня с укором, потом вдруг поморщился и отмахнулся:

— Ну и черт с вами. Напьюсь в одиночку, и пусть это будет на вашей совести, — и с этими словами опрокинул в себя следующую порцию. И неожиданно поперхнулся, закашлялся и брызнул водкой в разные стороны. И после этого ударил со всей силы ладонью по столу, так что подпрыгнули тарелки и в сердцах воскликнул: — Дьявол заberi этого дацуна!

Он утерся рукавом и снова наполнил рюмку, желая во что бы то ни стало как следует надраться. И осушил одним глотком, представ передо мною в образе какого-то непотребного животного. Следом за эти пошла и третья порция. После этого он чуть осадил, пододвинул к себе холодные закуски и стал поглощать их, при этом громогласно, никого не стесняясь, матерясь по-флотски — то есть так, как этого не умеют и самые отъявленные сапожники.

Он быстро уговорил бутылку. Хмель ударил в голову и его речь приобрела пьяную несвязность, а движения замедлились и потеряли чуточку уверенности. Колчак во хмелю

оказался откровенным болтуном. Ни на секунду не закрывая рот, он всё поносил и поносил дацуна, кляня его всяческими ругательствами. А вместе с дацуном перепадало и вообще всем китайцам, которых лейтенант причесал под одну гребенку.

— Желтомордые! Такие образины, макаки краше нежели они. Хуже китайцев только чертовы япошки и негры. Желтороссия! Как же! Нужна она нам больно. К черту китайцев, все выгнать вон. Пускай убираются желтомордые. Все вон...

Он долго болтал, практически не требуя себе собеседника. Злился на местного чинушу, изрыгал грязный мат в его сторону. Я сидел напротив и в его монолог не включался, не желая подогреть тему. На улице уже стемнело, и вскоре я окно заметил своих мужиков. Они зашли в гостиницу, и спустя минут десять нашли меня в ресторане. Подошли ко мне. Присели с двух сторон. Колчак кинул на них взгляд, нашел в них возможных собутыльников и просто крикнул:

— Эй, желтомордый, тащи еще одну казенной! И две рюмки! И быстрее, гребной вал тебе в задницу!

Хозяин давно уже не обижался на подобные оскорбления, и вскоре перед лейтенантом встала вторая бутылка водки, которую он и откупорил. А пока он не слишком уверенно разливал, у нас с мужиками произошел тихий разговор:

— Ну как? Успешно? — спросил я Мурзина.

— Да, Василь Иванович. Не поверите, но эта гнида поселилась в этой же гостинице.

— Да ты что? А номер?

— Пока не знаем, но выяснить не сложно. Деньгу портье суну и он скажет.

— Хорошо, — кивнул я удовлетворенно. — Он вас видел?

— Видел, конечно, но и что с того? Мы же тоже здесь живем. Важно утром его поймать, пока он в банк не уехал.

Встрепенулся Колчак, спросил:

— Что за гнида? В какой это ему банк нужно?

Но на него просто не обратили внимания. А он, впрочем, и не потребовал ответа, слегка покачиваясь, продолжив наполнять рюмки.

Мужики покосились на него, стрельнули взглядом по полным стопариками. Колчак поднял свой и вперился в суровое лицо Петра:

— Ну? Ты тоже в общество трезвости записался? Или нет?

Петро едва ли не с мольбой глянул на меня, выпрашивая разрешения:

— Василь Иванович, ну чисто пригубить? Позвольте?

— Работа прежде всего. Вы мне завтра свежие нужны.

— Одну рюмочку, не больше. Ну, Василь Иванович, ну что случится? Куда он денется, этот замухрышка? Проспит всю ночь в своем номере и только.

Мурзин, как ни странно, поддержал Петра, так же вымаливая возможность чуть-чуть снять напряжение. Поддакнул:

— Да, Василь Иванович, ничего не случится. Мы уже договорились, пять местных рыл с рассвета будут нас ожидать рядом с гостиницей. А завтра мы как огурчики, честное слово.

В принципе и вправду — от одной-двух рюмок ничего страшного не случится. Мужики они здоровые и спирт по их венам разнесет лишь легкую истому, которая слегка подлечит нервы. Главное не пойти дальше двух рюмок.

— Ладно, черт с вами. Вот по столько можно, — разрешил я и показал на пальце тот допустимый объем. Мужики обрадовались, потянулись за рюмками. Чокнулись с Колчаком

по-свойски и с выдохом выпили. И я опрокинул в себя стопарик, ощущая как жидкость огненной рекой скатилась в желудок и разлилась там приятным лавовым озером. Лейтенант наши действия одобрил, выпил сам, а потом безо всякой прелюдии стал наполнять заново. Ну а мои мужики налетели на закуску, уминая ее со стола с скоростью ленточного конвейера.

Неожиданно лейтенант замер с занесенной над рюмкой бутылкой. Выпрямился и побагровел лицом, приходя в яростное состояние. Я обернулся и увидел того самого купчика, который так же спустился в ресторан отужинать. Нас он пока не заметил, выбирая место куда можно было присесть.

— А эта гнида как здесь оказалась?! — вполголоса пророкотал Колчак. — Он же в Артуре прячется!

Обернулись и мои парни. Увидели мужика и тихо ругнулись — подобного развития событий они не предполагали. Да и я, если честно, об этом не подумал.

Купчик, наконец, нас заметил. Встретился глазами со взбешенным лейтенантом, побледнел блее мела и попытался исчезнуть, сбежать из ресторана.

— Стоять! — крикнул ему Колчак, доводя себя до пьяного исступления. — Куда пошел?! Кому говорю, стоять, тварина!

Но купчик уже скрылся за дверями, убегая от расправы. Колчак дернулся было за ним, но я его удержал, встав на пути:

— Уйди, Василий Иванович, ты не знаешь, что это за тварь. Христом богом тебя прошу, уйди с пути, не мешай.

— Я знаю кто это, но тебе не следует вершить правосудие своими кулаками, — возразил я, пытаясь усадить лейтенанта на место.

— А раз знаешь кто это, то и не держи! — пьяно воскликнул он, отлепляя мои руки. — Отпусти, убью гадину. Честное слово, давно об этом мечтал.

— Нет, нет, не сейчас. Не стоит он этого.

— Еще как стоит! Как он вообще здесь оказался?! Ему в Артуре хотели морду начистить, а он, значит, здесь обитается? Как он сбежал? Кто предатель?!

Подключился Петро. Надавил на плечи лейтенанта, заставляя того опуститься на стул. Тот было задергался, пытаясь вырваться, но не смог освободиться от цепкой хватки. Я мотнул головой Мурзину, приказывая:

— Проследи куда сбежит.

И Егорыч послушно сорвался с места.

Мы кое-как уgomонили Колчака. Тот все порывался пойти вершить месть, брыкался, пытаясь вырваться из крепких рук. Но не особо в этом преуспел — Петро жестко припечатал будущего адмирала к стулу, не давая пошевелиться. И тот, вроде бы злился на подобное обхождение, но сделать ничего не мог. Я же вешал ему лапшу на уши, уводя внимание в сторону, и периодически подливал. И Колчак от бессилия одну за одной проглатывал, с каждым мгновением надираясь все больше и больше. В какой-то момент хмель сшиб его с ног, и он обмяк на стуле, уронив голову на грудь.

— Что теперь? — спросил Петро.

— В номер его, пускай отсыпается, — ответил я и кивком головы показал служкам, чтобы те исполнили свой долг. И вскоре Колчак, перетаскиваемый за руки-ноги, оказался в своей постели. И кто уж там далее о нем побеспокоился, меня уже не касалось. Хрупкая китаянка, понукаемая владельцем заведения, стянув с бесчувственного тела давно

нестиранное и заблеванное белье и отправив его в чистку, нырнула к нему в кровать. Уж что там у нее могло получиться — бог весть, да только поутру она наверняка потребует свою плату.

Чуть позже я встретился с Музриным:

— Ну что? Не упустил?

— Нет, Василь Иваныч, не упустил. Да он и не сбегал. Заперся у себя в номере и отсиживается. Пожрать себе приказал принести и водки шкалик.

— Вот как? Он что же, совсем без мозгов?

— А кого ему бояться? Хмельного лейтенанта? Да хозяин гостиницы не дал бы ему безобразничать, сам бы его угомонил. Так что ему тут вполне безопасно. А завтра с утра он в банк помчится как и планировал.

Я устало выдохнул. День заканчивался я после всех приключений хотелось просто поспать. Вот я и пошел в номер, а следом и Петро с Мурзиным отправились отсыпаться, с той целью, чтобы завтра утром быть в полной готовности. И даже недопитую бутылку водки они с собою не забрали, понимаю всю ответственность предстоящего мероприятия.

Меня разбудили настойчивым стуком в дверь. Петро, дождавшись моего подъема, жарко выпалил:

— Он встал и скоро отправится!

— Угу. У вас все готово?

— Да! Мазурики местные с ночи под дверьми сидят, караулят его.

— Хорошо. Что делать вы знаете.... Только прошу вас, своими руками его не прессуйте и морды свои перед ним не светите. Пусть думает, что его местные гопанули.

— Конечно, Василь Иваныч, неужто мы без понятия?! — даже обиделся Петро на мои наставления. — Я забежал-то.... Что нам делать, если эти душегубцы поймут, что они у него отнимут? Ведь не отдадут нам ничего, а мы с ними не совладаем. Может вы мне свой Браунинг дадите? Я их припугнуть в случае чего смогу.

— Нет, не может быть и речи. Не хватало, чтобы вы кого случайно подстрелили.

— А что же делать-то тогда?

— Ничего, — ответил я, широко зевнув. — Просто постарайтесь сразу их перехватить и не дать им время на раздумье. Оплату двойную им пообещайте за отличную работу, но сами и думать не смейте их грабить. Принесут вам — отлично, нет — так нет! Не те эти деньги из-за которых хотелось бы застрять в этой стране. Понял?

Он разочарованно вздохнул. Все-таки желал он приложить руку к какой-нибудь морде, пусть хоть даже и китайской. Я внимательно на него посмотрел и еще раз сказал ему строго:

— Петро, я вижу, что у тебя там с Юн что-то происходит. Женится ты на ней, наверное, собрался, так? Так вот, сделай так, чтобы она тебя сегодня вечером встретила, понял? И я тебя еще хочу с ней в Питер отвезти в целости и сохранности и оженить там. Она-то согласна покреститься, ты ее еще не спрашивал?

Он все понял. Пообещал мне сдерживать эмоции и поступать благоразумно. Но вопрос мой пропустил, видимо не имея на него ответа.

Чуть позже, когда привел себя в порядок после ночи, я опять спустился вниз на завтрак. Потом вернулся в номер и через стену услышал нарастающий скандал. Зычный голос протрезвевшего Колчака что-то кому-то недовольно выговаривал. Идти туда и нырять в это грязное белье мне не хотелось, и потому я решил не вмешиваться. Но вмешать решили меня.

Лейтенант, грязно ругаясь, выскочил в коридор и громко и требовательно постучал в мою дверь.

— Господин Рыбалко, вы здесь? Откройте, пожалуйста, в свидетели произвола вас зову. Желтомордые меня обмануть пытаются.

Прятаться и скрываться не имело никакого смысла. И потому через несколько секунд я распахнул дверь. Колчак в несвойственном ему виде предстал передо мною в простыне, посеревшей от плохой стирки и не никогда знавшей кипячения, укутавшись на манер древнеримских патрициев.

— Вот, Василий Иванович, полюбуйте! Что эти желтомордые делают с офицером императорского флота! Разве такое возможно? Что они себе позволяют?

— Не понимаю вас, Александр Васильевич. В чем суть претензий? Что случилось?

— Как?! Разве вы не видите, что ни отобрали у меня форму и не отдают?

— А почему отобрали?

— Да кто ж этих макак разберет! Ей богу, сказал бы я им, что я с ними сделаю, так ведь не понимают, бестии!

— Так может ваше белье просто еще не просохло после стирки?

— Да как же такое возможно? Да кто им позволил?

Я хмыкнул:

— Вы что же, ничего не помните?

— Я все помню! Чего я не помню? Все я помню. А-а, вспомнил — гнида эта купеческая вчера появилась! Да где же он? Убежал, сморчок недорезанный? Ух, я б ему сапогом бы да по морде! Уж я бы его не пожалел.

— Вы, Александр Васильевич, точно не помните того что вчера случилось, — улыбнулся я с легкой ехидцей.

— Да, господи боже мой! Да что же это такое! Все я помню, все! Никогда со мною такого не было, чтобы я до беспамятства напивался.

— И то, как вы вчера на свой китель наблевали, тоже помните?

И тут Колчак наконец заткнулся. Захлопнул рот и посмотрел на меня, со стыда наливаясь краской.

— Да быть того не может....

— Увы, Александр Васильевич, со всяким да раз в жизни бывало. Вот и вы вчера, когда вас тащили, не сдержались и прямо на собственный китель и брюки.

Лейтенант стусевался. Поглядел вниз под ноги, словно нашкодивший ребенок. Что-то проямлил себе под нос. Ему был передо мною стыдно, вот уж новость!

— Ну, раз это, тогда я это..., пойду что ли. Чего это я вправду.... Как неудобно, однако, получилось, никогда такого..., честное слово.... Вот вам крест....

Он развернулся и побрел в свой номер. Сделал несколько шагов и замер, чем-то озаренный. И как-то снова встрепенулся и возмущенно воскликнул:

— Постойте! А что это за баба утром ко мне приставала?! Что это значит?

И снова он готов был закатить скандал. Дернул за ворот импровизированную тогу, распрямил плечи и с вызовом заявил:

— Она деньги с меня требовала! За что? Уж не за то ли самое?!

Я пожал плечами. Уж того, что происходило у него в номере мне известно не было. Но подозрительные звуки слышались, как без этого. Как впрочем и нестройный храп Колчака. Об этом я ему и сказал.

— Так что же, эта девка у меня всю ночь в кровати провела? — удивился он. — И вы, видя мое состояние ее не выгнали?

— Я, Александр Васильевич, оставил вас в номере когда вы были еще одеты. Эта девка взялась снять с вас испачканную форму и нательное белье. Вы, конечно, извините, но смотреть на ваши телеса у меня не было никакого желания. Так что..., - я развел руками, показывая, что с меня взятки гладки. — Заплатите ей все что требует. Вот мой вам совет и спокойно дожидайтесь своей одежды.

Колчак от этой мысли сморщился. Дернулся недовольно и, перехватив импровизированную тогу, ушел дальше наводить разборки. А я остался, удивляясь стойкости лейтенанта. Ведь сколько вчера он выпил, а похмелье, казалось, его и не мучило. Лишь аромат драконовского дыхания выдавало в этом человеке вчерашнее веселье.

Спустя пару часов он снова заявился ко мне, постучав. Зашел в номер уже в чистой и отутюженной форме и в полной боевой готовности. И опять принес с собою дух прошедшей пьянки. И опять, в его словах, в его движениях не угадывалось ни капли похмелья. И лишь бутылка дорогой не китайской сельтерской воды, выдавала его жажду.

— Я смотрю вы в полном порядке.

— Да, в полном, — согласился он, присаживаясь рядом со мною на гостевое кресло. Я же сидел на другом, что находилось рядом с окном и из которого было прекрасно видна улица, ведущая в гостиницу и часть портовых построек. — Заплатил-таки желтомордым, ничего не попишешь.

— И девке этой?

— И ей тоже. Вот ведь бестия чумазая. Я же прекрасно понимаю, что не мог ей попользоваться, однако ж доказать не могу. Такие дела, — и он сделал неопределенный жест рукой, словно отмахиваясь.

— Что ж, ей все равно следовало бы заплатить хотя бы за заботу о вашем внешнем виде. Она постаралась.

Он поморщился.

— Хватит об этом, Василий Иванович. Вчерашний вечер и сегодняшнее утро не делают мне чести и потому у меня никакого желания об этом говорить.

— Что ж, как скажете. Однако же стоит заметить, что вы после двух бутылок водки чувствуете себя просто превосходно. Поделитесь секретом, как вам это удалось?

Он хмыкнул.

— Никакого секрета нет. Кокаин любые страдания снимает как рукой. У меня под рукой всегда аптекарский пузырек. Рекомендую. А еще хорошо помогает курение опиума. Тоже штучка для успокоения нервов весьма полезная. Но опиум я не очень люблю — он от долгого курения мозга сушит.

Меня взяла оторопь. Конечно, о том, что в этом мире наркотики можно приобрести легально, нет никакой новости. Но вот то, что будущий адмирал позволяет себе подобные вещи являлось для меня откровением. И ведь все в этом мире уже знали о пагубном воздействии что кокаина, что морфия, что героина! Но относились к этому вопросу пока снисходительно, приписывая эти препараты по пагубности воздействия к алкоголю.

Видимо мои мысли каким-то образом отразились на лице. И потому он нескромно усмехнулся:

— Вы, однако же, являетесь одним из тех, кто негативно относится к кокаину. Да? Я угадал? Бросьте, это дело не страшнее водки. А водка, я вам скажу, та еще зараза. Сколько

душ было погублено под ее парами вам и не передать. Сколько я нелепых смертей навидался.... Так что не судите строго.

— Водка — да, — согласился я глухо, но все же возразил, — да только кокаин из человека делает монстра.

Он усмехнулся:

— Глуposti. У нас на флоте его почти каждый пробовал и что? Никто в чудовище не превратился.

— А если я у вас его отберу? И больше ни грамма не дам. Что тогда?

— Ну, тогда я пойду его и куплю. А вы перестанете быть моим другом. Василий Иванович, для людей есть святые вещи, которые трогать нельзя. И личные лекарства, которые прописал врач, одни из них. Никогда не делайте того, что вы говорили и даже думать об этом забудьте.

— Так вам кокаин доктор прописал? Неужели?

— Ну..., - хитро сощурил глаз лейтенант, — можно и так сказать. Господин Токманов весьма благосклонно относится лечению нервных болезней этими препаратами. Он находит их весьма полезными и потому всем их рекомендует. Не поверите, но он даже младенцам советует давать по чуть-чуть порошка для их успокоения, дабы они не доводили молоденьких матерей своими криками. А вы говорите монстры.

Я все же не мог с ним согласиться и у нас завязалась дискуссия. И в ходе нее выяснилось, что Колчак водку-то почти и не пьет, а предпочитает ей именно кокаин. Вчера же у него был простой срыв, который он попытался вылечить старой русской традицией. И ему это не особо понравилось, о чем он мне и сообщил, пообещав более к беленькой не прикасаться. Да и сам кокаин был относительно дешев. Пятьдесят копеек за пузырек, которого будущему адмиралу хватало на несколько порций. Уж не знаю, подсел ли он на него или нет, но судя по его рассказам, зависимости пока не наблюдалось — баловал себя раз в неделку, не чаще, и то только для того, чтобы снять болезненные приступы ревматизма. И еще кое-что выяснилось. Мне, как человеку, который не сталкивался близко с этой темой, оказалась недоступна информация о запасах легального наркотика в Артуре. А вот Колчак владел полной информацией. И с некой гордостью рассказал мне, что на фоне возникшего дефицита в городе он занялся контрабандой. Скупал в Чифу несколько ящиков кокаина и скидывал в аптеку Токманова по тройной цене. И тот, накручивал еще тройную цену. И теперь в Артуре пузырек кокаина вместо довоенных пятидесяти копеек стал стоить почти четыре рубля. И таким образом лейтенант стал наркобарыгой, зарабатывая с одной вылазки до трех тысяч рублей. А я-то все поражался его честности. Имея столько денег на руках от своего начальства, он даже ни разу не попытался поиметь с них хоть малую часть. Я всегда считал его порядочным человеком, достойным звания Верховного правителя. А оказалось-то!

Хотя, если говорить начистоту, то, что он возил в крепость наркотика, не являлось криминалом. Это был чистый и легальный бизнес. Ну, разве что он пошлину с этого не платил, но это было такой мелочью.... В общем, Колчак, для меня враз и навсегда утратил образ благородного человека. Обычный делец, ищущий возможности и не пренебрегающий ими. К тому же еще и потенциальный наркоман. Таких полно в мире.

Однако ж мы с лейтенантом проговорили почти до обеда. Его все-таки мучили последствия похмелья и он то и дело прикладывался к бутылке сельтерской, делая могучие глотки. А когда она опустела, то сходил вниз и купил еще парочку. А после, когда головная

боль от похмелья вернулась, он отошел на пару минут в свой номер и вскоре вернулся, хорошо повеселев. С расширенными до невозможности зрачками и с красной, словно после жаркой бани, мордой. Плюхнулся на кресло и блаженно по нему растекся. Прикрыл глаза и, запрокинув голову, отдался эйфории. Я лишь вздохнул и осуждающе покачал головой. Впрочем, он этого не мог заметить.

Сидел он так минут пять, потом очнулся и выпрямился. Осмотрелся и неожиданно заявил:

— Что-то я проголодался. А вы, Василий Иванович? Не желаете ли спуститься в ресторацию?

— Нет, пожалуй, я еще какое-то время побуду здесь.

— Ну, как знаете, — легко согласился он, поднимаясь. — А я пойду, отообедаю. А после быстренько сбегаю к консулу, а потом дам эту злосчастную взятку здешнему дацуну. Деваться-то нам действительно некуда....

И он вышел из моего номера, весело насвистывая какую-то легкомысленную песенку и унося похмельное амбре. Я же остался с сильным чувством разочарования — лейтенант на проверку оказался далеко не идеальным.

Однако ж время близко подошло к полудню, а мои парни с задания так и не появились. Я сидел рядом с окном, поглядывая на улицу. Через час заметил их вдалеке. Шли нервной походкой, несли небольшой саквояжик. Петро придерживал щеку какой-то красной тряпкой. Когда подошли ближе, то понял, что тряпка красной стала от прикрытой раны. Когда-то белоснежный, крахмаленный батистовый платок оказался густо пропитан бурой, свернувшейся кровью.

Они завалились ко мне в номер спустя пять минут. Мурзин бросил потертый саквояж на кресло, на котором недавно грел зад Колчак и грязно, по матери выругался:

— Да что бы, ..., да я еще раз, ..., да с местными мазуриками ...?! Да никогда в жизни. Желтомордые, ..., обезьяны! Хуже япошек, честное слово.

— Что случилось? — спросил я, рассматривая Петра. — Кто вас так? Те, кого вы наняли?

— Они, — оскалился Григорич и так яростно сжал кулаки, что даже мне стало не по себе.

— Отдавать не захотели? Да?

— Собачье отребье, — продолжил он ругаться, — знал я, что верить их слову нельзя, но не догадывался, что клятвы их и гроша ломаного не стоят.

Все было понятно и без слов. Разбойнички, поняв, что отняли у купца, захотели забрать себе все, а мои парни этим возмутились. То, что произошло, Мурзин и рассказал эмоционально. А пока он брызгал слюной, я вызвал в номер врача. Рана на щеке Петра хоть и не было глубокой, но требовала немедленно обработки.

— Значит, подловили они этого купчика после банка, зажали рот и утащили в подворотню. Мы все видели — лихо сделали. Тот даже пискнуть не успел и никто это не заметил. Там приставили ему нож под пузо, да дали кулаком под ребра и отобрали саквояж. А пока пытался отдышаться, сбежали. Мы рядом были как условились. Они к нам, мы им «молодцы» и деньги за работу суем. А один из них, тот что самый умный, возьми и загляни в саквояж. А потом как ахни и всё. Тут-то они и попытались нас обмануть. Он что-то своим сказал и они словно тараканы врассыпную. Петро схватил того, что был с чемоданом и к себе потянул. А другой его ножом махнул. Порезал, собака. Ну, я тут как всадил ему с левой,

так тот и скопытился. Петро другому врезал и чемодан отобрал. Остальные на нас кинулись, у каждого тоже по ножу было, но мы героя из себя строить не стали — деру дали. Повезло, что когда из подворотни выбежали, сразу на людей нарвались. Те кровь у Петра увидели, шум подняли. Ну эти голубчики и побоялись лезть на рожон, — он криво усмехнулся. — Но пообещали нас потом прирезать.

— И как ты их понял? Они тебе сказали?

— А чего здесь можно не понять? — ответил он вопросом и показал жест, которым обещали их пришить — провел большим пальцем поперек выступающего кадыка.

Я вздохнул:

— Понятно. Вы теперь поодиночке не ходите здесь. Да и вообще на улице просто так не появляйтесь.

Раздосадовано подал голос Петро:

— Они про Юн знают. Как бы ей вред не причинили.

— Тащи ее сюда, обратно в Артур с собою увезем. Там теперь вполне безопасно.

Он кивнул:

— Сейчас же за ней пойду. Григорич, поможешь?

Похоже, это впервые когда неприязнь между мужиками прошла по-настоящему. Мурзин, не смотря на свои сексуальные влечения, стал своим. Петро никогда до этого момента его ни о чем не просил и прошлые претензии забылись.

И хоть Мурзин согласился проводить Петра до своей миниатюрной возлюбленной, я их сдержал:

— Подожди немного. Сейчас врач должен прийти, морду тебе штопать будет. После этого и ходим. Я вам помогу.

— Стоит ли, Василь Иваныч? — попытался отговорить Григорич. — Вам-то чего на рожон лезть?

— Стоит, — твердо заявил я и демонстративно достал из подмышки тяжелый пистолет. — Со мною будет легче.

Доктор пришел минут через сорок. Полный и седой китаец, ни бельмеса не понимающей по-нашему, довольно-таки споро зашил щеку моему архару, получил свою плату и отбыл в хорошем расположении духа. Едва он вышел, как в номер завалился Колчак. В обычном своем хмуром настроении. Глянул на моих парней исподлобья, удивился перебинтованной голове Петра.

— Чегой-то вы? Куда уже влезли?

Ему не ответили. Характер у будущего адмирала был тяжелый и не всякому по нраву. Вот и парни мои не особо-то стремились наладить с ним контакт. Петро отмахнулся, а Мурзин вообще промолчал, якобы найдя что-то интересное за окном. Пришлось ответить мне:

— Небольшое недоразумение в порту.

— А-а. Понимаю. Портовое отрепье.

Его удовлетворила такое объяснение и потому он, потеряв интерес в увечной морде Петра, сообщил мне:

— Я, Василий Иванович, пойду к консулу. От него к дацуну. Так что весь остаток дня я буду занят. А закупками тогда можем заняться с завтрашнего дня.

— Хорошо. Я рассуждал примерно так же. Вы идите, Александр Васильевич, идите. Я

Вас понял.

И он, хмыкнув, вышел.

Юн мы забрали. Девушка откровенно рада была меня видеть, улыбалась и щебетала что-то малоразборчивое. Перебинтованному лицу Петра испугалась, стала выпрашивать что произошло. А тот, не говоря правды, отмахивался. Ее поселили в той же гостинице, в одном из недорогих номеров.

Уже под вечер, когда мы опять собрались у меня в комнате, я вспомнил:

— А ну-ку, мужики, подайте-ка мне этот чертов саквояж. Посмотрим на сколько он там крепость ограбил.

И Мурзин поставил передо мной кожаную, потертую сумку. Я ее распахнул, заглянул внутрь.

— Ну, сколько там? — нетерпеливо спросил Петро. — Не зря старались?

— Похоже, что не зря, — ответил я и вытряхнул содержимое на журнальный столик. Из саквояжа облаком посыпались крупные купюры, градом посыпались какие-то железки.

— Золото! — ахнул Мурзин, беря в пальцы обручальное кольцо. — Он же, сука, скупал его у людей за бесценок. Не зря мы его прижали, ой не зря. Есть справедливость на свете.

— Говорили, что он золотишка на десятки тысяч накопил. Но я не верил. Какой же дурак его будет за дешево отдавать, — произнес Петро, беря в руки другое обручальное кольцо. Посмотрел его, нашел гравировку и зачитал: — Любимой Евдокии от Ивана.

— У людей пузо к спине прилипало. Тут не только золотишко отдашь за булку хлеба, еще и сам продашься, не смотря, что мужик, — вставил Егорыч.

Петро хмыкнул и буркнул:

— Тебе-то, конечно, предлагали.

Мурзин не обратил никакого внимания на реплику и Петро не стал развивать тему. Вместо этого сгреб все драгоценности в ладони-лопаты и, взвесив, прикинул:

— Фунта на два, наверное. Много.... Тыщ на пять....

— Дороже намного. Вон и с камушками что-то есть.

— Жалко не мы этому гаду в печень вдарили. Уж я бы ему как следует....

— Ты бы его вообще бы убил.

— Это да, — согласился Петро с Егорычем, продолжая держать драгоценности, — я б убил, хоть и случайно бы. Лучше бы было, чтоб его ты наказал. Это было бы намного хуже.

— А ну-ка..., - вставил слово я, — ссыпай все золотишко вот в эту чашу. Потом взвесим. Меня сейчас деньги интересуют — посчитать надо бы.

Петро послушно выполнил указание, сбросил драгоценности и отошел, предоставляя мне право подсчета. Довольно скоро я, вытирая запачканные руки, подбил итог:

— Четырнадцать тысяч с мелочью.

— Нажировал, гад.... Что с ними делать будете? Опять продукты купите?

— Не знаю, вряд ли. Сейчас это уже без надобности, у Колчака в кармане почти двести тысяч.

— Себе заберете?

Я вопрос оставил без ответа. Молча сгреб деньги и снова кинул их в потертый саквояж. Туда же отправил золото. А парням за хорошую работу заплатил по тысяче рублей, взяв обещание эти деньги в Чифу не тратить. Незачем лишний раз светить неожиданным богатством. И если Мурзин спрятал мятые купюры без лишних эмоций, то Петро,

удивившись моей щедрости, неожиданно признался:

— Юн согласна окреститься.

Я улыбнулся хорошей новости:

— Прекрасно. Значит скоро свадьбка? В Артуре будете играть?

— Нет, Василь Иваныч, мы думаем, что лучше после снятия осады. Так будет правильно.

— Отчего же? Наоборот! Ваша свадьба в городе будет таким событием, что сам Стессель вас придет поздравить. А уж то, что Юн окрестится, будет вообще бомбой!

— Ну, вы тоже скажете — бомбой. Что в этом такого? Да и свадьбу мы хотим скромную. А денежки эти мы на дом свой хотим отложить.

— Ты не скромничай! Свадьба обязательно должна состояться в Артуре во время осады. Деньги, конечно, прибереги, а вот оплачу церемонию я и гуляния тоже я. В пределах разумного, конечно.

— Это было бы здорово, — отчего-то вдруг засмутился парень, потупив взгляд. — Только нам и приглашать-то особо некого. Данил, да Егорыч, Лизка..., ну еще пару человек. Юн тоже никого позвать не может. Так что скромно должно быть, без шика. Да и это..., в положении она, скоро живот будет виден.

Вот это была новость так новость! Я даже всплеснул руками, а Мурзин с легкой усмешкой мотнул головой и по-доброму буркнул:

— Ну вы словно дети, ей богу. Не умеете что ли по-правильному развлекаться?

— Да ладно, чего ты..., - стушевался Петро и так повел плечами, что становилось понятно — ситуация в которую он попал приключилась с ним впервые.

— По любви хоть нагуляли? Или так, побаловались?

— Да ну тебя! Это ты можешь баловаться, а у нас все как должно.

— Значит по любви?

Петро не ответил, отмахнувшись от поддевок моего управляющего. Заступился я:

— Ты это, Егорыч, осади немного, видишь он сам в шоке? До сих пор не понимает, что произошло. Когда узнал-то? Сегодня?

— Сегодня. Когда ее забирали она мне шепнула.

— Замуж-то выйти согласна или ты за нее сам решил?

— Согласна, — кивнул он и дополнил, — я решил.

— И крестить ее сам решил? Ее не спрашивал?

— Ну, чего уж сам.... Не сам, она мне намекнула, а я понял. Не дурак же совсем.

Петро выглядел явно растерянным. Даже странно было видеть здорового парня с мордой убийцы таким. И вроде бы любил он свою Юн и бегал к ней каждый раз, когда мы приходили в Чифу, и ожидалось подобное всеми нами, а все ж случилось это как-то неожиданно. И потому мой архар, не до конца еще понимая, что с ним произошло, делал то, что от него требовали обычаи и приличия. Позвал девку замуж, не особо интересуясь ее мнением, понимая, что та отказываться не будет. Да и кто из женщин в подобном положении станет ломаться? Даже в мое время дамы с радостью подставили бы под обручальное кольцо безымянный пальчик.

Чуть позже я поздравил девушку с беременностью, пожелал счастья почти родившейся новой семье. Юн на мои слова отреагировала странно, захлопала глазками, охнула и прощбетала:

— Петя сказал, да? Он сказал? Он хочет, да?

Оказалось, что для нее мои слова оказались сюрпризом. Уж не знаю, что там Петро в ее словах воспринял, как расшифровал ее намеки, но Юн о замужестве услышала впервые. Я, кажется, выдал некую тайну. И девушка вдруг разволновалась, прижала ладони к груди и бегло, по-своему затараторила. Я попытался ее успокоить, нелепо выгораживая Петро, но это не особо помогло. Юн вдруг сорвалась с места, выбежала из номера и пустилась по лестнице вверх, туда, где находились наши номера. И там уже, найдя Петра, со слезами кинулась ему на грудь. Мой архар замер словно истукан, обвив ручищами хрупкий девчоночий стан.

Со следующего дня мы, собственно, занялись тем, за чем сюда и прибыли. Колчак «договорился» с дацуном и тот милостиво разрешил местным купцам иметь с нами торговлю. Ну а так как я уже ранее пробежался по местным лавочкам и уже обо всем договорился, то и закупка у нас не заняла много времени. Три дня на все про все оказалось вполне достаточно. Лейтенант без проблем зафрахтовал торговые суда, собственноручно отсчитал купцам деньги, получив с них нужные бумаги со вписанными реальными суммами, а также проверил то, что те нам продали. Китайцы не подвели — поставили нам годный товар, не порченный. Из оставшихся ста восьмидесяти тысяч рублей Колчак истратил на продукты более ста. Мой заработок с этого похода должен был быть что-то около пятнадцати тысяч, и я на них серьезно рассчитывал. Но к своему удивлению их я на руки не получил. Колчак со свойственной ему хмуростью заявил:

— У меня, Василий Иванович, имеются строгие указания, и я вынужден им следовать. Денег из своих рук не выпускать, товар весь пропустить через себя. Насчет того, чтобы вам отдавать то, что вы якобы себе заработали, я никаких указаний не получал. Поэтому ничем вам помочь не могу, увы.

Меня, если честно, возмутило подобное положение вещей. Ведь в прошлые разы такого не происходило — Колчак был в курсе того, что в этих походах у меня имелся шкурный интерес. И всегда я получал доступ к своим деньгам еще в Чифу. Однако ж в этот раз лейтенанту словно вожжа попала под хвост и он, закусив удила, взбрыкнул.

— Вы же прекрасно знаете каков мой процент с торговли, — попытался я прощупать его позицию, недовольно оценивая его с новой стороны.

— Знаю, конечно, но это не меняет сути дела. Я имею четкие инструкции и не в моих силах через них переступить.

— Перестаньте валять дурака, Александр Васильевич. Что могло измениться с нашего с вами последнего совместного похода? Все то же самое, ничего не поменялось.

— Все да не все. Кое-что изменилось. Нынче Анатолий Михайлович меня прямо запретили мне расплачиваться с вами в Чифу, требуя того, чтобы я привез все оставшиеся деньги в Артур.

— Что это такое? Что за бред?

— Уж не знаю где вы увидели здесь бред. По-моему, все довольно правильно. Обжегшись на прошлом проходимце Анатолий Михайлович теперь дует на воду. Он сказал, что все, что вам причитается вы получите по приходу в крепость. Только так и никак иначе.

И было бесполезно спорить с Колчаком. Он словно упертый баран встал в позу и ни на шаг с нее не сходил. Талдычил только одно — инструкции, указания, Анатолий Михайлович настаивает. И с самых первых слов становилось понятно — он с дорожки не свернет и обойти себя не даст. Я с ним, конечно спорил, убеждал, но все было бесполезно. Это словно

спорить с каменной стеной, требуя от нее посторониться. И потому я бессильно и в какой-то мере легкомысленно махнул рукой. В конце концов, Стессель от своих слов не отказывается и все что мне причитается он выдаст до последней копейки. В этом не было никаких сомнений. Одно было плохо — я не мог потратить заработанное в Чифу, не мог притащить в город лишних продуктов. Лишь то, что удалось отобрать у жуликоватого купчика я мог потратить в местных лавках. Что, впрочем, я и сделал следующим днем, в тот момент, когда грузились зафрахтованные суда.

В Артур мы не вышли даже спустя три дня после последней погрузки. Колчак отчего-то выжидал погоды, посматривая на небо. Грузенные суда стояли на рейде, коптели небо робкими дымами, держа котлы в подогретом состоянии. Вечером одного дня, когда мы стояли против рейда, наблюдая за шныряющими по водной глади шлюпками и катерами, я у него спросил:

— Почему мы не выходим? Все давно готово.

Он ответил не сразу, пыхнув пару раз все время норовившей погаснуть папиросой:

— Хочу, чтобы погода испортилась. Нам так будет легче подойти к крепости.

— В прошлые разы вас это не беспокоило.

— Да, но в прошлые разы мы не нагружались так сильно. Да и по правде сказать — что-то меня тревожит. Пока не пойму что.

— Есть опасения, что в этот раз не дойдем?

Он сдвинул брови к переносице и снова глубоко затянулся, разжигая уже было погасший табак.

— Не знаю.... Слишком уж все хорошо получается. Японцы эти от крепости отошли, Рожественского возле Вейхайвея караулят, а на нас и внимания даже не обращают. Хотя должны, просто обязаны. Не могут они так плюнуть на нас и дать спокойно уйти. Хоть пару миноносцев, но должны отправить по нашу душу.

— М-да, — вынужден был я согласиться с ним. Но привел ему свой аргумент, который он, впрочем, и так знал: — Мне кажется, что адмирал Того просто не может себе позволить отвлекаться на нашу деятельность. У него Балтийская эскадра на подходе, и он просто обязана ее встретить. А Балтийская эскадра — это серьезная сила, ее просто нельзя игнорировать.

— Так-то оно так, но нельзя игнорировать и тот факт, что корабли у Рожественского после длительного перехода крайне изношены. Боевой потенциал у них снижен и Того это прекрасно понимает. Он может позволить себе позволить отослать пару миноносцев по нашу душу.

— Может, но вряд ли сделает это. Эскадру Рожественского он не может пустить в Артур. Если пустит, то все — можно сказать их компания провалилась. Они сразу же признают свое поражение. Что им какие-то торговые суда, когда исход всей войны сейчас сосредоточен возле Вейхайвея. Тут Того либо пан, либо пропал. Или нет, лучше сказать по-другому. Он либо проигрывает сразу, либо оттягивает время для своих дипломатов. Войну они уже проиграли.

Колчак не ответил, снова с шумом потянул папиросой. А когда та не разожглась ярким огоньком, раздраженно отшвырнул ее в набегающие на берег волны.

— Табак плохой, одни палки, — пожаловался он в пространство. Потом достал портсигар, раскрыл и сунул в зубы свежую папиросу. Раскурил ярким огонь спички. — У

китайцев опий хороший, а табак дерьмо. Даже не понятно где они его берут. Я вот гильзы наши купил, набил их китайским дерьмом, а он не тянется совсем, гаснет постоянно. Зря деньги только потратил.

Он задумчиво посмотрел на море, на закатное солнце. Я ему напомнил:

— Зафрахтованные суда деньги жрут и не малые. Надо выходить в Артур.

— Да, я понимаю. Выждать дальше бессмысленно. Нам остается только надеяться на то, что Того размышляет также, как и вы.

Ночью под полной луной и мириадами сверкающих звезд мы снялись с якоря. Вышли в открытое море и пошли в кильватере на среднем ходу, с таким расчетом, чтобы оказаться у крепости на самом рассвете. Колчак находился рядом с капитаном в рубке, непрерывно осматривая горизонт в массивный бинокль и смоля папиросу одну за другой. Он нервничал больше обычного, даже на его вечно холодном лице можно было прочесть сильнейшее переживание.

Вскоре после отплытия, когда еще был виден берег, он, разглядывая горизонт на востоке, вдруг ткнул пальцем:

— Вон они, стоят, проходимцы, караулят.

Я всмотрелся в указанном направлении и, конечно же, ничего не увидел. Попросил бинокль у поддатого и слегка веселого капитана, но и в него не смог разглядеть ни одного силуэта.

— Где? Не вижу.

— Без огней стоят, трудно заметить. Да и далеко.

— Как же вы увидели?

— Облако серое над морем видите?

— Нет. Темно же. Я вообще не понимаю, как вы там можете что-то разглядеть.

— Луна ведь светит. Штиль стоит, а Того котлы под паром держит. Дым ветром не в сторону сносит, а прибывает его к воде. Сначала он вверх летит, а как остынет, опускается. Теперь видите?

Я всмотрелся и действительно, в свете луны заметил еле видные столбы дымов, которые, поднявшись, смрадным облаком прибывались к воде. Все же на море стоял не полный штиль и легкий бриз от берега сносил эту шапку дыма немного в сторону, растягивая серые хлопья сгоревшей угольной пыли по воде, словно нерадивый художник — грязными, неуверенными мазками по сверкающему в лунном свете гладкому полотну моря.

— Да, теперь вижу, — сообщил я. — И, кажется, даже какой-то силуэт могу разглядеть.

— Да, я тоже его вижу. Говорю же, без огней стоят, маскируются.

— А Рождественский может мимо них ночью пройти?

— Только если очень сильно повезет. Если Богородица будет на его стороне или шторм сильный придет.

Я промолчал, продолжая наблюдать за японской эскадрой, затаившейся за скалами мыса словно злой хищник.

— А они нас могут видеть?

— Трудно сказать. Мы с вами, похоже, силуэт крейсера увидели. А он намного больше наших корыт, на которых мы с вами идем. Есть вероятность, что они нас не видят. Хотя мы с огнями... Кто знает.

— В погоню могут пуститься?

— Кто знает, — опять повторил Колчак и повел плечами, разгоняя кровь в затекшей спине. — Скоро будет видно.

И он замолчал, снова припав к окулярам бинокля. И нервничал, жуя размокшую гильзу от погасшей папиросы. Где-то через полчаса напряженного наблюдения, он с небольшим облегчением выдохнул:

— Кажется проскочили.

— Слава Богу, — поддержал его я и капитан, уловив наше настроение, что-то воскликнул на родном немецком. Я его не понял, а лейтенант, если он и знал язык, не обратил на выклик никакого внимания.

Пришли мы к Артуру как и прошлые разы на самом рассвете. Утро нас встретил настолько густым туманом, что торговые суда, подходя к границе территориальных вод, сбавила ход на самый малый, а затем и вовсе остановились.

Я проснулся в неудобной каюте от настойчивого стука в дверь.

— Василь Иваныч, поднимайтесь, пришли, — прозвучал голос Петра.

Я кинул взгляд в иллюминатор и увидел лишь одно молоко. Потом почувствовал, что наше судно никуда не движется, а спокойно стоит. Я вышел из каюты в узкий корridor.

— Сколько времени?

— Семь почти. Рассвело уже давно, да только из-за тумана подойти не можем.

— И давно стоим?

— Да часа два уже. Колчак говорит, что Артур в десяти милях от нас. Пока туман не рассеется ближе подходить не хочет. Но он уже тает, так что скоро пойдём.

И вправду, через полчаса туман над морем разошелся до такой степени, что нас смогли заметить с берега. Вскоре пришел катер и лоцман провел наш караван по фарватеру. Но странное дело, на внутренний рейд не провел, распорядившись бросить якоря на внешнем.

— В чем дело? — спросил я у Колчака, когда суда встали под отвесными скалами Золотой горы.

Он пожал плечами:

— Лоцман говорит, что в порту под разгрузкой уже стоят торговые суда. Нам придется подождать.

— Ого! К нам кто-то рискнул прийти?

Он опять пожал плечами:

— Не знаю, он мне об этом не сказал, а я не спросил. Сейчас сюда подойдет катер и можно будет сойти на берег. Вы со мной?

— Да, конечно, — согласился я и пошел оповещать своих людей.

Спустя полчаса на пыхтящем угольной пылью катере мы причалили. И первое что увидели, когда вошли во внутренний рейд, это три каботажных судна под британским флагом, с которых активно шла разгрузка. И матросы, и солдаты, забегаая по стапелям, обратно выходили, таща на спинах объемные мешки. Что-то выгружали портовые краны, сетью поднимая тяжелые ящики. Позже выяснилось, что Витгефт в последние несколько дней гонял тройку миноносцев на перехват судов снабжения японцев и одна из таких вылазок увенчалась успехом. Догнав тихоходов в открытом море, что шли без прикрытия, командир одного из миноносцев поставил коммерческие суда перед выбором — либо те идут под разгрузку в Артур, и получив все необходимые бумаги, доказывающие реквизицию, отбывают после на все четыре стороны, либо будут затоплены. Суда, надо сказать, уже

пересекли границу нейтральных вод и оказывались в зоне военных действий. И никакое международное право и в этом случае помочь уже не могло. Капитаны торговых лоханок сделали единственный правильный выбор и, глубокой ночью подойдя к крепости, встали под разгрузку. А чуть позже я узнал, что Стессель реквизирует почти пять тысяч пудов риса, три тысячи пудов муки, много разнообразной продуктовой мелочевки и, что самое главное, сотни тысяч патронов. И именно этому факту радовались люди. Все понимали, что это помогало снятию блокады более всего. Впрочем, простые граждане, измученные голодом, предвкушали скорое увеличение рациона.

Вечером, когда британские суда ушли из Артура опустошенными, дошла очередь и до нас. Колчак, еще днем отчитавшись перед начальством, теперь наблюдал за разгрузкой.

Юн, оказавшись дома, откровенно радовалась. Лизка встретила ее словно родную, обняв и приютив на своей половине дома. И весь день обе они провели вместе, болтая, забыв о своих обязанностях кормить мужиков. Впрочем нам было не до этого. Домой все мы пришли уже глубокой ночью, когда доставили все нами купленное на склад.

Следующим днем меня попросили прийти к Стесселю, что я и сделал безотлагательно, ведь вопрос с моим вознаграждением до сих пор так и не был решен. Встретился я с ним опять в его доме и опять без посторонних свидетелей. Анатолий Михайлович сам открыл мне дверь и проводил в комнату.

Витгефт, сидя на кресле напротив окна, довольно лыбился и, гоняя между пальцев золотой червонец, жевал смрадную папиросу. Я поздоровался:

— Добрый день, Ваше Превосходительство.

— Здравствуйте, уважаемый Василий Иванович, — неожиданно приветливо ответил он. — Присаживайтесь, пожалуйста, вы нынче наш самый дорогой гость. Проучили, однако ж, наглеца. Да еще как проучили!

— Гм, спасибо, — я присел на стул и положил по-свойски нога на ногу. — Только я что-то не пойму, откуда вам это известно? Я же никому еще не рассказывал. Кто-то еще знал о наших договоренностях? Вы еще кого-то посвятили, и он за мной приглядывал? Уж не лейтенант ли Колчак это был?

Стессель, обходя меня со спины, легонько похлопал по плечу:

— Ну-ну, не стоит играть в шпионов, все гораздо прозаичнее.

— Да? — я вскинул бровь, ожидая пояснений.

— Да. Если вы умеете читать иероглифу, то сможете прочесть вот это, — и с этими словами Анатолий Михайлович протянул мне газету, издававшуюся в Чифу. И конечно же на китайском языке. Но развернув ее, я понял, что здесь и языка знать не надо — на первой полосе разместилась невеликая фотография, на которой был изображен наш купчик с битой мордой. Он совершенно удрученный сидел в полицейском участке и жаловался на свою судьбу.

— Bravo, просто превосходно, — довольно воскликнул Витгефт. — Вы замечательно справились с задачей. Скажите, Василий Иванович, как вы его? Больно били? Он сопротивлялся?

Пришлось господам рассказать, как все было на самом деле. Они внимательно выслушали и довольно покивали головами.

— А сколько, если не секрет, он вывез из крепости?

— Ну, там было не только то, что он украл у вас, но и то, что он заработал с населения.

В общем, вместе с золотом вышло что-то около двадцати тысяч, плюс-минус.

— Однако ж гнилая у него оказалась душонка. Правильно мы сделали, что наказали, впредь другим неповадно будет.

— Да, но, мне кажется, что более подобного и не случится. Война должна скоро закончиться.

— Да, да, это правда, — согласился Стессель. — Мы со дня на день ожидаем наступление Куропаткина и что-то мне подсказывает, что это будет последняя большая битва в этой войне. Японцы, по словам китайцев, волею судьбы оказавшихся под их крылом, начинают испытывать нужду во всем и в первую очередь в продуктах. Стотысячную армию прокормить весьма непросто, а ведь там не только армия. И простое население просит есть и пить, а откуда там взяться продуктам? Японцы теперь примерили на себя нашу шкуру. Вот такая ирония.

— А если учитывать, как мы второго дня провели реквизицию, то получается, что там у них совсем станет плохо, — вставил свое слово Витгефт, явно гордясь недавним успехом его подчиненных. — Нет, не выстоять японцам против Куропаткина, сомнет он их. Скажу вам, Василий Иванович, что несколько дней назад из Инкоу пришла шаланда и привезла почту от Главнокомандующего. Так вот, теперь это уже не является секретом, и потому можно будет сказать — у Куропаткина под началом почти четверть миллиона солдат, а у Ивао осталась едва ли под сотню тысяч. Так что, сами понимаете, каков будет исход битвы. Ждать нам осталось совсем недолго.

Я согласился с таким выводом, но все же от себя добавил:

— Лишь бы он не погнал солдат тупо вперед. Четверть миллиона солдат, конечно, прорвут любую оборону, но зачем глупые жертвы? Хотелось бы что б он действовал мудрее.

— Будем на это надеяться. У Главнокомандующего для этого есть все необходимое. И даже ваши чайки у него регулярно летают, разведывают обстановку.

— Будем надеяться, — только и осталось мне согласиться. А после я поменял тему, — Ваше Превосходительство, позвольте полюбопытствовать, когда я могу получить свои деньги?

Стессель широко улыбнулся и попытался шутливо отбрехаться:

— Деньги? Какие деньги? А разве вам недостаточно того, что вы взяли в Чифу? Господи, Василий Иванович, двадцать тысяч вы получили почти просто так, без особых усилий. Может не стоит быть таким меркантильным? Как можно думать о прибыли в такое сложное для страны время?

— Увы, я купец, — делано развел я руками, ловя смешки в глазах генерала, — а купцы, сами знаете, за свою копейку удавятся.

— О, боже, неужели вы готовы взять грех на душу?

— Ну что вы, этот грех Господь разделит на нас троих.

— Гм, не знаю, как вы, Василий Иванович, а мы вот с Вильгельмом Карловичем такой грех брать не желаем.

— Тогда что же делать? — откровенно улыбаясь спросил я и Стессель, разведя руками, признал:

— Придется выдать вам ваши деньги, ничего не поделаешь, — и после этих слов он подошел к письменному столу, открыл верхний ящик и выложил из него несколько массивных пачек. — Вот, дорогой Василий Иванович, здесь все до последней копеечки. Вы прекрасно себя проявили и с нашей стороны было бы неправильно нарушит договоренности.

Забирайте, это ваше.

Деньги без возражений переключались в мои руки. Пересчитывать я их не стал — не стоит обижать превосходительств такой мелочностью. И после этого можно было бы и уйти, раскланявшись, однако у меня оставалось еще одно дело.

— Анатолий Михайлович, у меня к вам есть одна небольшая просьба.

— Да? И какая же?

— Немного необычная. Дело в том, что у меня собираются обвенчаться моя служанка Юн и мой работник Петро. Юн — китаянка и ей вперед необходимо окреститься. Это, конечно, не проблема, как и не проблема их обвенчать. Затраты на их свадьбу беру на себя я, как и на небольшое празднество.

— Ну что ж, поздравляю ваших людей. Только от нас-то что нужно? Все, что здесь перечислили вы способны организовать самостоятельно.

— Так-то оно так, — согласился я. — Без сомнения я все это сделаю и все оплачу из своего кармана. Но я тут подумал о настроении в крепости. И в первую очередь о настроении простых мещан, которые света белого не видели уже почитай полтора года. А что если эту свадьбу вывести за пределы частного праздника? Выплеснуть его, так сказать, на улицы? Гуляния массовые устроить, угощения? Продовольствие теперь в крепости есть, да и осада скоро будет снята, так что никакого убытка для обороноспособности не случится. Но зато праздник повеселит людей и покажет, что война уже близка к своему завершению. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что идея неплоха, — обдумав чуть-чуть, ответил Стессель. — Но вы представляете какую сумму вы потратите? Вам не жалко ваших денег, из-за которых вы тут хотели удавиться?

— Жалко, очень жалко, — искусственно всплакнул я и шумно вздохнул, — а что делать? Душа праздника просит, а тут такой повод. Так почему бы этим праздником не поделиться?

— Ладно, ладно, мы вас поняли. Идея хороша, празднуйте на здоровье. Только не очень понятно, что вы хотите от нас?

— Как что? Поучаствовать в процессе. Явиться на церемонию, поздравить молодых.... Вас это не обременит, а людям настроение. Ну а потом уж и угощение для всего честного народа. Угостить я их сам угощу, не пожалею денег. Только вот с питьем проблема....

— Ах вот оно что! — чуть ли не хором воскликнули генерал с адмиралом и дружно закатились. — Вот пройдоха, ах хитрец! И не стыдно нас о таком просить?

— А чего стыдиться? Всегда считал вас уважаемыми людьми, способными понять простой народ. Ведь согласитесь — гуляния пойдут на пользу всем в крепости. А уж разговоров-то будет на две недели вперед.

Конечно, говоря такое, я просто-напросто выстилал своему проекту красную дорожку. Вовремя подмаслить это не прогнуться, это именно подмаслить, то есть подмазать нужные механизмы, чтобы те закрутились как надо. И Стессель и Витгефт правильно расшифровали мою фразу, но сердиться не стали. А лишь шутливо погрозили пальчиком и соизволили пойти мне на встречу.

— Ладно, будь по-вашему, — хлопнул по колену Анатолий Михайлович, явно пребывая в прекрасном расположении духа. — Когда свадьба?

— Через пару недель думаю.

— Хорошо. Делайте свои гуляния, а о питье мы позаботимся. И молодых поздравим,

отчего же нет.

— Здорово, — искренне обрадовался я. — Вот увидите, как эта свадьба отразится на настроении народа. Всем она пойдет только на пользу.

— Ладно-ладно, хватит уж, — остановил меня Стессель. — Занимайтесь своим делом, готовьтесь, только нам потом не забудьте сообщить, когда состоится церемония.

— Ну уж, как тут такое забыть...!

Но свадьба через две недели не состоялась. Через пару дней после нашего разговора Юн окрестилась и получила от батюшки новое имя — Ульяна. После этого мы принялись за подготовку, шили подвенечное платье, искали жениху костюм, договаривались с ресторанами об угощении. Продукты им подкинули со склада, чтобы было из чего готовить, с сами батюшкой договорились о дате и заплатили авансом. Но за неделю до церемонии в Артур пришла ужасная новость — Вторая эскадра, шедшая к нам на помощь с Балтики, возглавляемая вице-адмиралом Рожественским встретила с эскадрой Того и была наголову разбита. В самом узком месте Желтого моря, там, где мыс китайского берега разрезал его почти надвое, пятнадцатого мая в три часа ночи два флота встретились и открыли огонь. Ночь была мгlistой, с плохой видимостью, луна светила не в полную свою силу и у Рожественского были шансы на то, чтобы проскочить пролив. Но он не смог. Того не зря дежурил возле Вейхайвея, не зря получал доклады от наблюдателей с берега и императорской разведки. Он знал, когда наша эскадра должна войти в пролив, знал и готовился. И сам вышел в самое узкое место, закупорив его. И едва в свете тусклой луны смог разглядеть флагман Рожественского, он, набирая ход и соблюдая светомаскировку, повел эскадру в бой.

Для вице-адмирала первые залпы оказались неожиданны. Эскадренный броненосец «Ослябя» получил попадания и запарил, окутываясь разогретым паром и теряя и без того невеликий ход. «Князь Суворов» получил снаряд на границе ватерлинии, который разбил шов броневых пластин и стал забирать черную воду, медленно кренясь на левый борт. Команда флагмана спасла броненосец, он не затонул, не опрокинулся, но сбавил скорость до критически малой величины, а затем и вовсе остановился. И Рожественский, впав в отчаянное безумие, повел эскадру в бой. Сигнальщики засверкали прожекторами и эскадра, разворачиваясь, ответила огнем.

Говорят, ночной бой на море это нечто красивое. В кромешной тьме вспыхивают тюльпаны орудий, взрываются снаряды, поднимая в воздух мириады брызг, сверкающих в огнях словно бриллианты, расцветают грязными фейерверками грибы попаданий и искры не сгоревшего до конца угля, вылетают в трубы факелами. Те, кто видел подобное со стороны, говорили, что это красиво и завораживающе и от подобного зрелища невозможно оторвать взгляда. Но на самом деле это не так. Те, кто пережил этот ад, рассказывали, что орудие, изрыгающее яркий тюльпан, бьет по ушам и содрогает все тело. Брызги, сверкающие словно драгоценные камни, падая, накрывают с головой и прибивают к палубе словно молотом. Факела из труб обжигают волею судеб под ними находящиеся, а раскаленная зола, захваченная мощной тягой, сыпется за шиворот, перехватывает дыхание и сушит глотку, если не посчастливилось ее вдохнуть. И каждый снаряд, попавший по броне, заставлял корабль стонать, трещать и дрожать, а матросов, находящихся на своих местах, падать от удара на колени и кричать что есть сил, посылая то ли мольбы всевышнему, то ли проклятия противнику.

Все-таки нашей эскадре в какой-то мере повезло. Первый удар, накрывший флагмана, и первый ответ, окутал море дымом, который растекся по поверхности и скрыл силуэты. Военные корабли пошли в сторону, разворачиваясь для боя и выскользая из дыма, тихоходы же, наоборот, предпочли носа своего не казать и это в какой-то мере их спасло. Японские снаряды перестали находить цель и по большей своей части упали в воду.

Первое столкновение потрясло эскадру. Выведенный из строя флагман, потеряв ход, остался под шапкой медленно растекающегося дыма и корабли, маневрируя, отдалились и потеряли всякую связь с вице-адмиралом и повели бой самостоятельно. Плавающая же мастерская, угольные транспорты, госпитальные суда и буксирные пароходы, самые что ни на есть медленные корыта, державшие эскадру в походе словно якоря, повинувшись сигналам с «Князя Суворова», развернулись и тихо поползли в обратную сторону, желая скрыться от японца во мраке ночи. Рисковать судами, пытаясь пролезть в щель между Того и китайским берегом, Рожественский не решил. Ночь хоть и была темна, да и луна светила тускло, а по воде расплзался дым, но никто не мог дать ни единого шанса на подобное безумство. Никто не мог знать, стоят ли еще корабли противника в засаде или же все уже были задействованы в первой атаке. Для тихоходов даже один единственный миноносец означал верную гибель.

Первый бой длился не более часа. Эскадры шли по глади моря, обстреливая друг друга и налетая миноносцами, выпуская хищные стаи тупоголовых торпед. После корабли разошлись — японцы перегруппировываться и определяться с полученными повреждениями, наши же, подобрать с моря команду погибшего крейсера «Дмитрий Донской» и вернуться к флагману. «Князь Суворов» остался на плаву. Под разбитые броневые листы матросы подвели пластырь, а насосы частично откачали воду и выровняли корабль. Броненосец приобрел способность хода и Рожественский, перейдя на другой броненосный крейсер, обеспокоенно поглядывая на часы и ожидая скорого рассвета, повел эскадру на прорыв. «Ослябю» бросили, открыв кингстоны — скорый ремонт разбитых паропроводов оказался невозможен. Отдавать боевой корабль в руки противника никто не жалел. Всех тихоходов адмирал отправил назад, приказав в случае безвыходной ситуации причаливать к ближайшему порту и готовиться к интернированию. Это все же лучше, чем оказаться на дне. С тихоходами же пошел и повреждённый «Князь Суворов». С заплаткой на борту он не мог идти даже в четверть своего обычного хода и потому становился для Рожественского тяжелым балластом.

Второй бой случился спустя два часа после рассвета. Того обнаружил идущие строго на север корабли и пошел на перехват. С легкостью догнал уставшую после длительного перехода эскадру и принялся за обстрел. У японцев на руках были все карты — численное превосходство, знание течений и глубин, выученная и способная команда, в превосходном состоянии силовые установки. У Рожественского же — обросшее ракушками днища кораблей, требующие постоянного ремонта паровые машины и экипаж без опыта практических стрельб. Японцы с жестокостью вкусившего кровь льва набросились на наши корабли.

Бой продолжался четыре часа. По небу со свистом и гулом летали снаряды, по морю, пеня волну, носились торпеды. Миноносцы на полном ходу подходили на близкое расстояние и, отстрелявшись, давали деру, уходя от ответного огня. Рожественский огрызался. Лупил изо всех сил, не жалея ни команду, ни корабли, и выжимал из силовых установок всю их мощь. Эскадра упорно шла в Артур. Маневрировала, меняя все время курс, вела огонь, но шла несмотря ни на что. Получала попадания, теряла корабли и людей, но упорно тащилась к крепости, стремясь как можно скорее оказаться под защитой береговых

батарей.

Первым в этой битве пал миноносец «Буйный». Прямое попадание мины Уайтхеда разломило борт и пустило его ко дну в считанные секунды. Ни один матрос с миноносца не спасся. Следующим пал безбронный крейсер «Алмаз». Развороченная капитанская рубка поставила крест на его судьбе. И он, лишившись управления, но все еще сохраняя полный ход, выпал из строя и ушел в сторону, где его вскоре и сожрали юркие миноносцы.

Конечно, и японцам тоже досталось. Бронепалубный крейсер «Ниитака» получил повреждения ходовой части и вышел из боя, довольно скоро отстав от своих. Какой-то миноносец получил попадание торпеды и, зияя дырой, нахлебался воды и опрокинулся, но тем не менее оставшись на поверхности. Матросы оказались в воде, которых, впрочем, быстро подобрали.

Корабли гибли. По истечению жаркого часа погиб старый крейсер «Владимир Мономах», а знаменитая «Аврора» получила несколько снарядов по палубе, по орудиям, по экипажу. Неприкрытые сталью пушки показали свой главный недостаток — многих людей посеколо осколками, многих убило ударом взрывных волн. Крейсер практически выбыл из боя, снизив интенсивность огня до минимума, но ход все же не замедлил и продолжил резать волну. Умер миноносец «Бравый», погиб «Безупречный». Матросов старались подобрать, но не всегда это получалось. Эскадра не стояла на месте и шла к крепости как к своему единственному шансу на спасение. И быстрые корабли, возглавляемые смелыми командирами, рисковали своей жизнью и жизнью своих людей, но неслись на помощь своим товарищам и под жестким огнем подбирали людей с моря. Так погиб и «Громкий», нарвавший на пятерку миноносцев.

К концу третьего часа наша эскадра существенно поредела. Из двадцати одного крупного корабля осталось тринадцать вымпелов, а из девяти миноносцев, на ходу оказалось всего два. Японские потери, по сравнению с нашими казались смешными — три миноносца из сорока четырех выбыли из боя по причине повреждений и лишь один из них затонул. И только два крейсера — «Ниитака» и «Касуга» получили повреждения из-за которых они не могли продолжать бой. Все остальные же почти тридцать крейсеров и двадцать эсминцев отстреливались по эскадре Рождественского словно в тире — неспешно и хладнокровно. Они так же получали попадания и несли потери, но по сравнению с нашими потерями это был такой мизер, что на них почти не обращали внимания. А сорок миноносцев голодными хищниками кружили вокруг наших кораблей, торпедами выгрызая из «стада» самых больных и слабых.

К концу четвертого часа все было кончено. Сам Рождественский погиб, как погиб и его корабль, и остатки эскадры рассеялись по морю, спасаясь самостоятельно. Почти никто уже не мог вести бой — робкие и редкие орудийные выстрелы не били в сторону грозных крейсеров и броненосцев. Нет, они пытались отогнать от себя шакальи стаи торжествующих миноносцев. Да и противник уже почти не стрелял, позволяя мелким кораблям всласть упиться кровью и насладиться триумфом. Балтийская эскадра погибла.

До берега Ляодунского полуострова дошло всего два корабля — бронепалубный крейсер «Светлана» и та самая «Аврора». «Светлана», кренясь на левый борт подошла к берегу и замерла, испуская из чрева густой, черный дым — на корабле шел пожар, жарко горела угольная яма. «Аврора» же, припадая на корму, не сбавляя хода, выбросилась на берег и замерла, словно истерзанный кит. Оставалось только гадать как крейсер смог проскочить

мимо минных банок и не подорваться. Не иначе судьба берегла его для выполнения своей главной исторической роли.

В Артуре случившееся вызвало переполох. Не смотря на ожидания, на то, что все знали о готовности Того, именно такого развития события никто в крепости не ждал. Да, думали, что Рождественский даст бой и потерпит в нем поражение, но, чтобы такой ценой? Чтобы из тридцати восьми кораблей до крепости дошли всего два? Нет, это был уже слишком.

Витгефт, надо отдать ему должное, проявил инициативу и с первым появлением дымов на горизонте, отдал приказ выйти в море всем кораблям, что были на ходу. И именно этот факт спас «Светлану» от пары миноносцев и одного эсминца, что, заставив его остановиться, требовали сдачи в плен. Капитан первого ранга Шеин, Сергей Павлович, видя безвыходность положения, хотел было уже спустить флаг, но весьма вовремя получил доклад от вахтенного о идущих на выручку нескольких наших кораблей. И он, принял отчаянное решение — дал полный ход кораблю и совершил жесткий навал на так удачно стоящий по курсу эсминец. О чем думал командир вражеского корабля так располагаясь, оставалось только гадать. Отстреливаться от противника «Светлане» было уже нечем — весь боезапас оказался израсходован. В ответ же по крейсеру открыли огонь, который без сомнения уничтожил бы его, если б не подоспела подмога. Да только бегство это не прошло благополучно — стрельба в упор сильно повредила и без того раненый корабль и запылила угольную яму, которую не смогли потушить собственными силами.

Придя в Артур, «Светлана» еще долго дымила, испускала из недр удушливые, жаркие облака. Пожар не могли затушить, команда корабля отчаянно боролась за его жизнь, заливая водой. В крепости к ним пришла помощь и уже совместными силами началась борьба за жизнь крейсера. Уже на приставшем корабле эта борьба продолжалась более часа — матросы, накинув толстые бушлаты, укутавшись тряпками и облившись водой, ныряли в самое пекло и проливали из шлангов яму, не давали распространяться пожару. Но это мало помогало — корабль, с пробоиной в борту все сильнее и сильнее черпал воду, да и та вода, что тушила пожар осаживала борт все ниже и ниже. И в какой-то момент всем вдруг стало ясно, что лучший способ сохранить жизнь крейсеру это затопить его. Что и было сделано. И спустя десять минут пожар унялся, корабль испустил последний вздох и лег на дно, оставит торчать над поверхностью лишь небольшую часть палубных надстроек и высокие трубы, из которых под давлением вырывались черная сажа и перегретый пар.

«Аврора» же, выбросившись на берег, замерла. Поистине, этому кораблю уготовано большое будущее — все повреждения, выведшие корабль из битвы, оказались не так серьезны. Пробоина в задней части также не казалась фатальной — при наличии специалистов и материалов крейсер мог встать в строй уже через пару-тройку месяцев. Лишь команда понесла ощутимые потери — десятки убитых и множество раненых. Капитан первого ранга Егорьев оказался серьезно ранен, осколок одного из снарядов ударил ему в грудь и застрял в разбитых ребрах. Его, пускающего ртом кровавые пузыри, отправили в морской госпиталь одним из первых.

В Артуре первые дни царил переполох — только и разговоров было, что о нашем поражении в море. Понятно, что в таких условиях ни о каком торжестве и речи быть не могло, потому-то назначенная свадьба отменилась и перенеслась на две недели вперед. Впрочем, сам Петро и теперь уже Ульяна этим фактом если и опечалились, то вида своего не подали. Они тоже понимали невозможность проведения пышной церемонии. Только

лишь одна Лизка, видимо науськанная подругой, намекнула мне о возможности тихой церемонии. Но получила от меня строгую отповедь. Я вложил в эту свадьбу уже столько денег, что отменять ее было бы простым расточительством. И она от меня отстала.

Новость о поражении Рождественского облетела мир со скоростью молнии. Журналисты во всех красках и подробностях описали всю битву от начала и до конца. Выложили в статьях подробную аналитику и единогласно пришли ко мнению, что у нашей эскадры, измотанной почти годичным переходом, не было никаких шансов. По результатам боя выяснилось, что Того безвозвратно потерял всего два корабля, наши же утратили двадцать пять. Десять из них оказались потоплены, пятнадцать с серьезными повреждениями сдались в плен. Остальные же корабли, за исключением «Светланы» и «Авроры» пристали к берегам нейтральных стран, где и были разоружены и интернированы. Тихоходы же вместе с «Князем Суворовым» дошли до Циндао, где и бросили якорь, ожидая своей участи. Для них поход на этом закончился.

Через два дня, видимо в желании взять реванш за унижение Императорского флота, Куропаткин повел войска в бой. И восемнадцатое мая одна тысяча девятьсот пятого года вошло в историю этого мира под названием «Ляодунское побоище». На узком перешейке встретились триста пятьдесят тысяч солдат и сотни стволов артиллерии. Мир еще не знал подобного ужаса, ни Бородино, ни Ватерлоо не могли сравниться с этим. Целую неделю войска Куропаткина взламывали оборону князя Ивао, целую неделю они шли по собственным трупам и карабкались на вершины сопок. Пользуясь тем, что корабли адмирала Того не могли оперативно прийти на помощь, наши войска штурмовали высоты с отчаянным упорством. Семь дней шла борьба, семь дней кровь текла рекой. И по истечению этих семи дней Куропаткину удалось овладеть несколькими ключевыми высотами и тем самым обеспечить проход до Артура по западной оконечности полуострова. Для японцев подобный исход оказывался фатальным. Не имея более сил для сдерживания превосходящих сил, Ивао грозился оказаться в губительном окружении. И потому он стал отводить войска. Где мог безопасно оттянуться, оттягивался и занимал оборону в глубине полуострова, где не мог, уходил с боями и большими потерями. Этот прорыв дался нам дорогой ценой. Семьдесят с лишним тысяч убитых и раненых заплатили богу войны за нашу свободу. Вечером двадцать пятого армия Куропаткина остановилась под Волчьими горами и омочила сапоги в водах бухты Луизы. Между Артуром и Куропаткинским оставалась каких-то восемь-десять верст.

Казалось еще сутки и крепость будет освобождена. Но все пошло не так как нам казалось. Ночь двадцать пятого к северо-западному берегу Ляодунского полуострова подошла эскадра Того и, едва забрезжил рассвет, открыла по нашим растянувшимся войскам смертоносный огонь. Била со стороны бухты Десяти кораблей и таким образом простреливала все равнинное пространство, сокрушая людей, разрывая испуганных лошадей. Мы слышали эту бойню — крупнокалиберные снаряды падали словно гигантские молоты и поднимали в небо облака пыли, которые были видны даже с наших позиций. И грохот глухим набатом накатывался на наши головы. Даже из моего дома была слышна эта стрельба.

Того подоспел «вовремя». Князь Ивао получил временную передышку и смог в более или менее спокойной обстановке откатиться и организовать хоть какую-то оборону высот, при этом в срочном порядке подготавливаясь к тому, чтобы уйти с полуострова. Становилось понятно, что даже с помощью кораблей Того осада Артура не продлится долго.

и каждый день у Ивао был на счету. Японские войска стали покидать Ляодун. Через порт Дальнего, через еще не захваченный Куропаткиным Талиенвань, да и просто посуху, по восточной оконечности полуострова, японцы уходили в Корею. Бросали свои пушки, оставляли боеприпасы и уходили. Или, вернее сказать, бежали.

Тридцать первого мая крепость, наконец-то была освобождена. Это был славный день — солнечный, яркий. Куропаткин въехал в город как победитель. На бравом, высоком коне, гордо расправляя плечи. Позади него небольшим клином следовал его штаб — надутые генералы, поглядывающие на встречающих с неким высокомерием. Освободители....

Встреча произошла на вокзале. Среди разбитых и сгоревших вагонов, среди разломанных зданий. Стессель со своим штабом, Витгефт и его офицеры выстроились перед зданием и даже спешно организовали какой-то оркестр. Также построили несколько рот солдат. Сюда же, уже заранее зная о приезде Верховного, прибыли и простые обыватели, горожане, изможденные мужчины и женщины.

Едва показался Куропаткин, как громко грянули духовые и в небо полетели шапки радостных мещан.

Я в тот момент находился дома, на берегу моря. Ехать и встречать героя Русско-Японской войны у меня не было никакого желания. Да и он мою физиономию, думается, не очень-то был бы рад видеть. Потому и остался я один меланхолично кидать камушки в море и размышлять о своем будущем. Остальные же мои люди ушли на вокзал приобщаться к всеобщему ликованию. Как-никак почти полугодовая осада благополучно закончилась. Кончились лишения, кончились смерти, кончился голод.

Я, сидя на валуне, слышал, как далеко-далеко гремел оркестр и голосили люди. Здесь, я, наверное, остался один-одинешенек. Даже те дачные дома, в которых жили, и накопанные землянки, остались пусты. Очень уж многим захотелось воочию увидеть этот знаменательный момент.

Говорят, что Куропаткин в тот момент был похож на какого-то святого богатыря. В сверкающем мундире, с золотыми погонами, с величественной осанкой. Он производил впечатление. Едва он сошел с коня, как к нему подошел Стессель и бодро отчеканил приветствие. И после принятия короткого доклада, Куропаткин по-православному обнял Анатолия Михайловича и трижды поцеловал. Это было трогательно настолько, что измученные люди пустили горячую слезу.

Японец еще долго уходил с полуострова. В день, когда Главнокомандующий принимал доклады в штабе Артура, они оттягивали силы. Поочередно снимались с сопок и уходили в Дальний и в Талиенвань. Оттуда их пароходами увозили в Корею. Держать Ляодун им уже не было никакого смысла. Куропаткин, кстати, по какой-то своей причине распорядился эвакуации не мешать — то ли пожалел своих людей, то ли решил, что война на этом закончилась. И хотя его уговаривали и убеждали в том, что не сдавшегося врага надо добить, он ни с кем не соглашался.

Спустя какое-то время разведка донесла — японец встал в оборону на реке Амнок, возле корейского города Ыйджу. Местность там во многом повторяла прибрежный Инкоу — та же равнина вдоль моря и те же горы, в паре верст от берега. Плюс к обороне широкая река, через которую под огнем невозможно было переправиться. Вот и выходило, что князь Ивао закрепился на Корейском полуострове прочно — Куропаткин даже при многократном

превосходстве в силе не сможет опрокинуть противника. А если учесть, что и корабли адмирала Того встали рядом с берегом, то и выходило, что и наземная часть войны между двумя державами закончилась. Война по своей сути прекратилась.

Куропаткин вошел в Артур как победитель. По этому поводу на следующий день Стессель даже закатил небольшую пирушку, на которую меня не пригласили — лишь одни высшие офицеры с семьями там присутствовали.

В городе ситуация с продовольствием стала налаживаться где-то через неделю. Появились первые купеческие обозы, на рынке запахло свежим мясом, молоком и первой нехитрой зеленью. Истосковавшиеся по мирной жизни люди потянулись на ряды, но не с целью закупиться — нет, на это у них не было денег, потянулись для того, чтобы поскорее ощутить атмосферу давно забытого мирного существования. Вот и ходили люди по рынку, щупая свежие продукты и узнавая цены, но ничего почти не покупали. Торговля пока что шла слабая.

Мои же женщины, в отличии от простых обывателей, стали затариваться на рынке с самого первого дня и приносить домой по полной корзине продуктов. И в связи с этим я приказал постепенно забить всех несущек — они мне до ужаса надоели. Ходят по двору, кудахчут, пыль лапами поднимают. И вроде бы ничего страшного, терпеть это было можно, но вот что терпеть я не мог, так это запах от их дерьма — едкий, удушливый, аммиачный. Я, как городской житель, с удивлением открыл для себя этот смрад и мирился с ним лишь по необходимости. Сейчас же, когда необходимость в свежем яйце пропала, моя терпимость закончилась и Данил принялся каждый день забивать по одной курице.

Жизнь в городе постепенно налаживалась. Стали возвращаться те китайцы, что ранее ушли из города и каким-то образом сумели выжить под японской оккупацией. Их, истощенных и обессиленных, с удовольствием привлекли к восстановлению города. За плоску риса в день и за двадцать пять копеек они взялись за черновую работу с таким усердием, что город стал преображаться прямо на глазах. Развалины растаскивались, кирпичи сортировались и складировались для дальнейшего использования. Полусгнившие тела из-под завалов вытаскивались и отвозились на кладбище, где их по всем православным традициям захоранивали.

Снова в городе заработали рестораны и кафешантанки. В них опять пошло веселье — офицеры спускали все свое жалование, кутили напропалую. Проститутки работали безостановочно, принимая клиентов едва ли не по живой очереди. И вино с водкой опять полилось рекой. Артур оживал.

Спустя несколько после освобождения Петро с Ульяной напомнили мне о свадьбе. Ждать они более не хотели, а желали по всем законам как можно скорее образовать полноценную ячейку общества и зажить в свое удовольствие отдельно ото всех. Что ж, пришлось пойти им на встречу. И хоть мой первоначальный план всеобщего празднества пошел коту под хвост, все кое-какое веселье устроить можно. Хоть и не будет уже должного эффекта.

— Ну, а жить-то вы где будете? — спросил я их, когда я дал свое согласие. — Отдельно поселитесь или как?

Они переглянулись. Юн, ныне Ульяна понимала и говорила по-русски уже намного лучше, но не стала первой отвечать, предоставив слово будущему супругу. И Петро, хмыкнув,

стал рассуждать:

— Мы тут это, подумали, что скоро вас, значит, обратно в Петербург позовут. Во-от.... Я вроде как должен с вами отправиться, значит, но что-то не лежит у меня душа к столице. Здесь остаться хочу. И Ульянка, значит, тоже здесь. Стало быть, дом нам нужен, такой, чтобы хозяйство вести можно было.

— И где вы здесь такой дом найдете?

— Пока не знаю, еще не решил. Мы может и уедем из Артура в Дальний или еще куда. Посмотрим где землю можно будет купить, а может сразу и хату.

Я пожал плечами. Петро взрослый мужик, ему советовать мне не с руки. Он и сам знает, чего хочет.

— Значит, ты от меня уйти хочешь....

— Ну, как бы получается, что так, — согласился он несколько неуверенно. — Ежели вам здесь помощники не нужны будут, то, значит, хочу уйти.

Вот, а это на самом деле был еще тот вопрос. То, что я скоро отправлюсь в Питер, никаких сомнений не вызывало. Весь вопрос был лишь в сроках, когда я получу это разрешение — завтра или через несколько месяцев. Но то, что я отсюда уйду это железно. А значит настала пора решать, что делать со всем нашим имуществом, с двумя земельными участками под жильем и складом. Избавляться от всего этого или нет?

Довольно скоро в городе восстановили телеграф и в Питер полетели мои первые послания. Супруге черкнул, сообщив, что со мною все в порядке и пора прекращать бояться. И Мишке «стрельнул» молнией, спрашивая его о планах на недвижимость. Мне-то она здесь не нужна, но вдруг у него на нее какие-то планы? Он ответил спустя три дня, разрешая действовать по моему усмотрению. Что ж, значит от недвижимости надо избавляться. Она нам здесь совершенно ни к чему. И вот, едва я об этом сообщил, как Ульяна, прильнув к любимому, стала ему что-то жарко нашептывать. И вскоре Петро наедине мне сообщил:

— Василь Иваныч, ну уж коли вы здесь все продаете, так может нам с Ульянкой этот дом продадите?

Я удивился:

— А как же хозяйство? Где ты здесь животину держать будешь?

— Да мы тут подумали, — уклончиво ответил он, — зачем нам эти коровы? Что мы, опять в дерьме должны ковыряться? Я помню, как до армии спины своей не разгибал, горбатился с утра до ночи. Ульянка тоже не очень-то хочет коров доить.

— А что же вы хотите? На что здесь жить будете?

— На море я пойду!

— Чего?

— Ну да, а чего? Вы ж мальчишке этому лодку купили, и он теперь рыбу в город таскает. Вот и я куплю. Чем я-то хуже? Да ничем, а даже еще лучше. Вот так!

— А ты в море-то хоть раз на лодке ходил?

— Нет, а что такого? Научусь.

Я развел руками:

— Ну раз так.... Только неужели ты думаешь, что ловить рыбу легче, чем на земле работать или за скотиной ухаживать?

— Может и не легче, да только не хочу я в дерьме ковыряться.

— Ну, как знаешь, хозяин-барин. Продам тебе этот дом вместе с землей. Только устроит ли тебя цена? За тысячу купишь?

Он деловито прищурился. По вспыхнувшим искорками в его глазах, я понял, что цена для него приемлемая, даже очень. Я сознательно занижал стоимость, желая избавиться от груза, тем более что искать другого покупателя в это время было довольно проблематично. Тем более что дом с землей не находился в пределах города, а стоял на отшибе, и дорога до него была очень уж неудобной. Так что тысяча рублей за землю со срубом посредственного качества вполне себе нормальная цена.

Но Петро не стал сразу соглашаться, качнул недовольно головой и по-купечески, возразил:

— Что-то больно дорого. За семьсот бы я купил не думая, а за тыщу надо бы еще подумать. Вон, кажись, те домики можно купить даже еще дешевле, — он кивнул в сторону соседних строений. Плохоньких по сравнению с моим, и совсем не пригодных для зимнего проживания.

Я улыбнулся, понимая хитрость моего превосходного работника:

— Ну, хорошо. Раз надо подумать, то думай, — разрешил я и закончил разговор, оставив Петра в легком недоумении. Торг не получился.

Спустя пару дней он, конечно же, дал свое согласие и принес мне свою тысячу, желая как можно скорее вступить в право собственности. Да только я его осек, сказав, что дача продается только тогда, когда я куплю билет на поезд до Санкт-Петербурга и никак не раньше. А то где я буду жить? Он, конечно же меня понял.

А вскоре после этого случая и Мурзин подошел ко мне с подобным вопросом. Поймал меня, когда я сидел один на берегу моря и слушал плеск волн, и без особых прелюдий и кружений вокруг да около, сказал:

— А вы, Василий Иванович, тот дом, что в городе тоже ведь будете продавать?

Я кивнул.

— А за сколько?

— Ну, не знаю. Тыщи три он, думаю, стоит.

— Так он же снарядом разбит. Откуда три тысячи?

— Там земля дорогая, рядом живут генералы, да адмиралы, а рядом Пресное озеро. Так что три тысячи это по дешевке. Думаю, этот участок и за пять уйдет легко. Вот сейчас кончились активные военные действия и скоро в городе появятся дельцы, которые захотят пристроить свои денежки. Мне надо лишь подождать чуть-чуть.

Он хмыкнул и... присел рядом со мною. Помолчал какое-то время, покатал в широких ладонях гладкие камушки.

— А склады, что вы с ними делать будете? А те товары что в них остались?

— Неужели ты его купить хочешь?

— Купить-некупить, а интерес кое-какой имею.

— Сколько денег ты на строительство склада потратил, ты помнишь?

— Да, помню. Очень много, мне такую сумму не поднять. Нет у меня таких денег.

— Так что же ты хочешь? В аренду взять?

— Не в аренду, Василий Иванович. И купить я его не хочу. Куплю только дом за вашу цену.

— Тогда не пойму тебя. Поясни.

Он прочистил горло. Вздохнул, собираясь с мыслями и начал:

— Вот, Василий Иванович, уедете вы отсюда, да? Бросите все здесь, чего достигли. Имя свое здесь оставите, память людям. Сами в Питер уедете и будете там воду мутить, — я

улыбнулся на его слова, но не возразил. «Воду мутить» — пожалуй самое правильное выражение к моим будущим действиям. — Здесь вы уже намутили, конечно, грех жаловаться. Люди, конечно, думают, что заслуга в том, что они выстояли в их труде, в их долготерпении, но мы-то с вами знаем почему крепость не сдалась. Все только благодаря вашим делам.

— Неужто? — не удержался я, подначив. — По-моему, люди и без меня прекрасно справились бы. Стессель вполне неплохо организовал оборону.

— Стессель, конечно, хорош. Но что бы он делал без вашей чайки? Лапоть бы сейчас сосал в японском плену, не иначе. Или что там у японцев вместо лаптей? А минометы, а гранаты? А ваши пластины на грудь? Сколько они солдат спасли? Господи, да ваше укрепление на Высокой чего стоит! Сколько вы в него денег вложили и крепости ее просто так отдали, ничего не получив взамен? Нет, Василий Иванович, смейтесь сколько угодно, но мы-то с мужиками знаем почему мы здесь выжили. Тем более вы вполне правдиво говорили еще до войны, что должно было случиться. Оно и случилось бы так, как вы описали, я в этом не сомневаюсь. Макаров-то выжил только благодаря вам. Все это знают и благодарят вас за это.

— Ну, с адмиралом вышло все не так хорошо, как думалось. Если бы не его упрямство....

— Да, его упрямство..., - он покачал головой, сокрушаясь неприятным событием более чем годичной давности. — А теперь вы, после всего этого собираетесь уезжать отсюда, бросать на произвол ваше доброе имя, память о вас. Люди-то через пару лет уже и не вспомнят о вас, забудут о ваших делах. А будут думать, что только лишь один Стессель и Куропаткин герои.

Я повернул к нему голову и внимательно всмотрелся в суровое лицо помощника. Странно, но теперь, спустя столько времени после первого знакомства, впервые меня не раздражали его аккуратно прилизанные гитлеровские усики. Теперь мне вдруг показалось, что они вписались в образ Мурзина вполне себе гармонично.

— Что-то я тебя, Егорыч, не понимаю. К чему ты клонишь?

— Я не клоню, я прямо говорю. Не правильно это просто так уезжать. Нельзя бросать здесь все. Склад ваш должен работать и дальше.

— Ну, не знаю. Может ты в чем-то и прав. Но ты-то должен понимать, что иметь свои склады на другом конце страны не слишком разумно. Торговля здесь не очень большая, а наценка на перевозку очень уж велика. Возможная прибыль не стоит таких усилий.

— Нет, Василий Иванович, тут я с вами не соглашусь. Прибыль здесь будет ну просто огромная. Порт в Дальнем построили чтобы вести торговлю с Америкой и Азией, и деньги здесь скоро опять будут крутиться громадные. Нельзя бросать здесь торговлю ни в коем случае. Нужно продолжать, обязательно продолжать. Все усилия будут оплачены с огромной прибылью, а ваше имя здесь, в Желторосии торговле будет только помогать.

Я снова внимательно на него посмотрел. Нет, он не пытался меня нагреть, присосавшись к денежному потоку. Он и вправду был в этом убежден. И он всей душой был за то, чтобы остаться здесь работать.

— Ладно, допустим.... Тогда скажи, чего хочешь конкретно ты? Управляющим здесь встать?

— Да, хочу, — твердо ответил он и замолчал, ожидая моего ответа.

— То есть ты за то, чтобы я оставил здесь склад и поставил тебя на реализацию наших товаров? Так я тебя понимаю?

— Да, именно. Но не только это я хотел сказать. А что если нам здесь наладить какое-нибудь производство? Оружия вашего, например?

— Это какого же?

— А минометов!

Я нахмурил брови. Идея, честно, казалась мне не очень хорошей. Зачем здесь иметь подобное производство, кто потом его здесь будет покупать? Наши вояки? Нет, им удобнее чтобы завод стоял где-нибудь в западной части Империи, где транспортное плечо было коротким. К тому же помимо просто производства минометов, необходимо было подумать еще и производстве тротила. А его-то мы в этой части страны точно делать не собираемся, а озабочиваться его доставкой не было ни желания, ни экономической целесообразности. И потому я ответил:

— Нет, Егорыч, ничего подобного мы здесь делать не будем. Смысла это особо не имеет. У нас в Новгороде заводик литейный имеется, так что все там и будем делать. Тем более для минометов трубы нужно изготавливать качественные, а здесь их сделать не так-то просто. Оборудование покупать надо, специалистов тащить. Зачем этим заниматься, когда у нас и так уже все готово под столицей? Смысл?

— Ну, ладно. Не желаете минометы, так может гранаты? А что, дело это не сложное. Да оно и сейчас налажено, поставляй только тротил. Я бы с легкостью взялся за это дело.

И опять же — тротил. Не проблема его сюда доставить, проблема в объемах доставки. Да и опять же — зачем? Все это можно производить у нас под боком, до минимума сократив транспортные расходы. И все готовые изделия вояки могли бы получать у нас в одном месте, что было бы весьма удобно для всех. Что я и объяснил Мурзину. И он, хоть и расстроился моим доводам, но принял их, посчитав разумными.

— Вот что, Егорыч, — обнадежил я. — Вижу, что ты честно желаешь на меня работать. Поэтому есть у меня встречное предложение.

— Слушаю, — подобрался он.

— Ты, помнится, «Монополией» увлекся. Хотел по ней турниры проводить и еще что-то думал.

— Было такое, — кивнул он. — Нравится мне эта игра. Да что там, до войны здесь в нее частенько резались, вояки порою жалования проигрывали. А что, вы хотите снова возродить это дело?

— Не совсем. Вернее и это тоже. Вот смотри, — и я начал расписывать ему по пунктам то, что пришло мне в голову только-что: — Пацаненок этот купил на мои деньги лодку. Это раз. Сейчас он худо-бедно таскает рыбу в город, зарабатывает себе немного и мне приносит пару-тройку рублей в неделю. Я у него в совладельцах и как совладелец я поставил ему задачу развиваться. Это два. Петро у меня в рыбаки собрался податься и что-то тоже хочет прикупить. Но Петро не пацан и я думаю, что он способен на что-то более серьезное. Что ему одна лодка? Куплю ему корабль, пускай ищет на него капитана и промышляет. Значит и у него я буду в доле. Это три. Кстати, можно бы их объединить и доли их расписать. Так вот, если говорить честно, то мне эти их доли слишком уж мелки. Развитие будет долгое и

совсем уж ничтожное. И вот что я по этому поводу думаю. Поставлю я тебя над ними управляющим от моего имени. От тебя же потребую следить за ними, чтобы не расслаблялись, работали с полной отдачей и не ссорились. Денег тебе дам на развитие рыболовной флотилии, идеи кое-какие подскажу по поводу обустройства кораблей. Так же хочу видеть здесь мануфактуру по переработке и консервированию рыбы. Это, значит, четыре. Как видишь, задач много и они для тебя новые. Теперь же что касается «Монополии». Почему бы не организовать ее печать здесь? Допустим на типографии местной газеты? И отсюда ее распространять на всю Желтороссию и Азию? Все дешевле будет чем из-под Питера тащить.

— И на Америку? — вспыхнул он.

— Нет, кроме Америки. Уж там-то организовать и печать, и распространение намного проще, да и дешевле. Так что пускай Америка остается Америке. Это, выходит сколько — уже пять?! Что ты на это скажешь? Согласен на такую работу?

— Согласен, — с готовностью ответил он. — Уж я-то справлюсь с этим, вы даже не сомневайтесь.

— Я и не сомневаюсь. Знаю на что ты способен, — улыбнулся я, вспоминая ту ушлость своего управляющего, из-за которой меня в свое время чуть не хватила кондаршка. Неожиданно выросшая в размерах территория склада и не построенные вовремя стены, я буду помнить очень долго. Хотя я и тогда понимал ход мыслей Мурзина — зачем отказываться от дешевых строительных материалов если они сами плывут в руки? И плевать ему было на то, что и бетон, и кирпич оказывались сворованными. В тот момент он действовал как рачительный управляющий. Ну а в том, что ручеек украденного неожиданно прекратился не было его вины. Да, подозреваю, что он положил себе в карман не одну сотню, а может и тысячу рублей, но и что с того, если он позволил мне в итоге приобрести большее здание за, по сути, те же деньги? Так что я делаю правильный выбор, оставляя его в Артуре управлять от нашего имени.

— Война уже почти закончилась, — продолжил я, — Куропаткин, думаю, людей более на убой не поведет. Так что теперь слово за политиками, как они договорятся. Ляодун и Манчжурия останутся за нами, я в этом не сомневаюсь. Значит, совсем уже скоро здесь наладиться мирная жизнь и Дальний и Артур снова будут получать свои деньги. Ты прав в том, что здесь снова открываются возможности для того, чтобы заработать, но я не хотел здесь оставаться. Из-за расстояния. Но раз ты берешься следить за моими делами здесь, то почему бы и нет? Кстати, вспомнил я еще одну вещь. Думал я как-то наладить выпуск йода. В Россию он почти весь идет из-за границы, а получение его, насколько я понимаю, весьма простое. Добывается из морских водорослей, которых здесь, на Дальнем Востоке, просто море, хоть косою их коси. Так что вот тебе еще одно направление для хозяйственного творчества. Справишься еще и с этим?

— Гм, дело, честно говоря, для меня новое и непонятное. Но раз вы говорите, что это просто, то справлюсь.

— Простое, — подтвердил я и добавил. — Не бойся, тебя не брошу. Химика сюда какого-нибудь пришлю, что б тебе помогал. Или сам найди здесь.

Он кивнул и задумался. А спустя какое-то время, вдруг вынес встречное предложение:

— А давайте, Василь Иванович, «Новый край» купим?

Я удивленно поднял бровь:

— Чего?

— Ну а что? «Монополию» же печатать где-то надо, так почему бы не на собственной типографии? Зачем делиться прибылью? Тем более и газету вы свою в Артуре заведете, статьи будете свои печатать, людей агитировать. Не так уж плохо, я думаю.

А ведь мысль была действительно неплоха. «Новый край» хоть и была газеткой местной, по сути «желтой прессой», часто печатающей различные слухи и домыслы, но все же.... Обладание собственной газетой давало множество преимуществ. И главное из них — возможность влиять на умы обывателей. У меня уже есть киностудия, которая снимает и художественные фильмы, и хронику царевой жизни, но этого для моих целей мало. Нужно больше.... И газета, входящая в жизнь каждого без исключения живущего здесь человека, прекрасно вписывалась в мои планы по пропаганде. Так что здесь я должен был согласиться с Мурзиным — «Новый Край» должен перейти в мою собственность.

Но сделать это оказалось не так-то просто. Пудовкин был всего лишь журналистом, стряпающим «горячие» новости. Журналистом, но никак не владельцем. А вот его-то пришлось поискать. Оказалось, что с окончанием осады, хозяин типографии выехал из города и понесся по соседним изданиям искать необходимые запчасти для разбитого оборудования. Через неделю он прислал телеграмму из Харбина, где его Пудовкин и озадачил моим желанием. И после недолгих раздумий, владелец «Нового Края» высказал свое согласие и через десять дней уже был в Артуре. Переговоры с ним оказались не сложными и спустя какое-то время я стал полноправным владельцем самого издания. А мой кошелек при этом похудел на восемь с половиной тысяч рублей. Не слишком-то дорого мне обошлось это приобретение.

Пудовкина я поставил главным и задал ему генеральную линию — не давать забывать городу мои достижения и всячески рекламировать мою продукцию и мои идеи. Ну и влияние свое распространить на всю Желтороссию, выпускать газеты не только в Артуре, но и в Дальнем и в Талиенване и даже в Харбине. Понятно, что такое без моей помощи и без свежих новостей ему не справиться, потому-то я и пообещал телеграфировать срочные сообщения прямым из столицы в Артур. Так что, с таким подходом «Новый Край» обещал доставлять свежайшие новости с минимальными задержками. Но и это еще не все. В саму типографию мне пришлось вложить еще немалую сумму денег. На ремонт оборудования, на ремонт здания, на закупку краски, химикатов и прочих расходников, и на найм нового персонала. Все-таки с моими вливаниями и с моими требованиями, типография выходила на принципиально новый уровень. Из обычной «желтой» газетенки она грозила превратиться в солидное региональное издание. Впрочем, это дело не одного года и не одного десятка тысяч рублей вливаний.

Жизнь в городе постепенно налаживалась. Спустя почти месяц после освобождения заработала железная дорога и вокзал принял первые поезда. Вернулись банки, вернулись купцы. В Артуре появились деньги, и привычная довоенная торговля облагородила город. На рынок снова пришли свежие продукты и даже мороженое, давно забытое лакомство вдруг объявилось среди многолюдной толчеи. Как-то раз окунувшись с людской поток, с целью присмотреть себе какую-нибудь интересную безделушку, я удивился, услышав протяжное:

— А во-от морожено-ое! Сла-адко-ое, холо-одно-ое! Моро-оженое! Холо-одно мороженое! Покупа-ай моро-оженое....

Невысокий мужичек, едва достававший мне до плеча, с огромным ящиком с широкой лямкой через плечо, ходил по людным улицам Нового Города, по набережной и продавал

лакомство. Я подманил его пальцем:

— Почем?

Он хитро прищурился, узнав меня:

— Десять копеек!

— Дерешь?! — улыбнулся я ушлости торговца.

— Нет, ваше благородие. Никак нет. Десять копеек, себе в убыток, — клятвенно заверил он, впрочем, не переставая хитро улыбаться.

— Ладно, пройдоха, держи, — я дал ему два пяточка. И он, ловко сунув их в карман, открыл крышку ящика и наскреб в подгоревший вафельный рожок, крохотный розоватый шарик:

— Вот, ваше благородие.

И только принимая из его руки лакомство, я заметил отсутствие на ней двух пальцев. Мизинец и безымянный покинули своего хозяина, оставив кривые культишки.

— Ого, — удивился я от неожиданности. — Где ж ты пальцы потерял?

Мужик как-то приосанился, расправил плечи и гордо ответил:

— На втором форту. Когда японец в рукопашную полез. Офицерик какой-то меня зарубить захотел, а я винтовкой закрылся. Да только не слишком удачно получилось — оттяпал узкоглазый мне два пальца. Не повезло.

— А я думаю, что повезло. Мог ведь и колокол пополам развалить, звенел бы потом языком....

Он с улыбкой качнул головой и с легкостью согласился:

— Или так. Я свое уже отвоевал.

— Ты вообще откуда родом?

— Из-под Читы я. Почти местный. Но домой ехать не хочу, делать мне там нечего. Мать с отцом давно представились, а с братьями ругаться охоты никакой нету. Решил здесь остаться. Китайночку вот себе смазливую нашел. Обрюхачу ее и заживу как полагается с наследником, — он захлопнул ящик, запирая холод. И напомнил: — Вы кушайте, ваше благородие, мороженое, пока не растаяло. Оно вкусное, с малинкой, моя китайночка сама варенье перетирала. А у нее пальчики тоненькие, нежные. Ни одну косточку не пропустила. Кушайте, ваше благородие, на здоровье.

И он ушел. Развернулся в другую сторону и затянул нараспев свою шарманку:

— А во-от морожено-ое! Сла-адко-ое, холо-одно-ое! Моро-оженое! Холо-одно мороженое! Покупа-ай моро-оженое.... С мали-инкой, со сморо-одинкой. Покупа-ай моро-оженое....

В Артуре после снятия осады осталось много увечных. Бывшие солдаты, кто без руки, кто без ноги, кто без глаза или просто с изуродованным лицом попадались и тут, и там. Кто-то, кому «позволяла» гордость или заставляла нужда, просили милостыню, тянули руки за медью и серебром. Сидели на паперти и «Христом богом» вытягивали с прихожан копейки. Люди кидали им мелочь, не понаслышке зная тяготы нужды, поддерживали их существование. Кидал и я. Не особо жалея денег, швырял в картузы серебряные монеты и проходил мимо, выслушивая благословения страдальцев.

Спустя неделю после покупки газеты, Петро и Ульяна все-таки сыграли свадьбу. Не такую как я планировал, не на весь Артур и без широких гуляний и веселых возлияний, а намного скромнее. Ограниченное число приглашенных, скромное угощение в ресторане и

такое же скромное гуляние по улицам. И среди приглашенных не было ни Стесселя, ни Витгефта, ни Белого, ни Кондратенко, который, кстати не выполнил свой исторический скрипт и не погиб. И никого другого из высоких военных чинов не было. Все они посчитали свадьбу моего человека событием незначительным и потому не требующего их личного присутствия. И хоть Стессель мне лично обещал, что прибудет в церковь на венчание, но все же с тех пор много чего изменилось. Городу более не требовался повод для поднятия настроения, в нем и так все было хорошо. Но надо отдать должное, Анатолий Михайлович прислал мне коротенькую записку с глубочайшими извинениями.

В общем, свадьбу мы сыграли. Хоть и не так как я планировал, не с размахом на весь город, но все же.... Около полусотни приглашенных это тоже немало. Многих из приглашенных я не знал и в этом не было ничего удивительного. Петро здесь завел множество знакомств, да и Ульяна пригласила кого-то из своих. Как потом пояснила — в Артур сумели прибыть четверо дальних-предальних родственников. Настолько дальних, что в мое время люди уже и не отслеживали подобных связей. Но у китайцев все немного по-другому — семейственность у них развита очень сильно. И даже какой-нибудь там дядька со стороны пра-пра-прабабки очень даже считался частью семьи, с которым надо поддерживать всяческие отношения. Понятно, что соблюсти это не всегда возможно, но все же китайцы старались. Вот и Ульяна постаралась, пока было время разослала приглашения тем, кому смогла и организовала им проживание в городе, сняв на время пустующую фанзу. Так вот, китайцы эти, родственники чертовы, сидели на свадьбе недовольными сычами и всячески высказывали свое неодобрение. Улыбались через силу, воротили морды, а после, в ресторане, когда чуть поддали, стали выговаривать девчонке все, что о ней думают. Громогласно выкрикивая оскорбления, которые, впрочем, почти никто не понимал, заставляли Ульяну краснеть и прятать влажные глаза. Петро все понял. Чуть позже, когда гуляющие наелись, напились и пошли отплясывать, он прижал эту четверку в углу ресторана и сунул каждому под нос пудовый кулак:

— Что б мне тут жену мою не забижали, поняли, черти чумазые?! — прошипел он им.

И хоть их было четверо и жилистыми словно ломовые лошади, но ничего они поделать не могли. Петро возвышался над ними на целую голову. Самый наглый китаец попробовал что-то возразить ему, толкнул в плечо, но получил в ответ удар по ребрам, что выбил из смельчака вместе с воздухом из легких и его спесь. Остальные аргументировать не рискнули и потому просто заткнулись. Более они не проронили ни одного оскорбительного слова в адрес Ульяны, незаметно для всех надираясь. В общем, получилось так, что родня оборвала все связи с девушкой, отторгнув в чужую культуру. Лишь мать и отец ее прислали позже письмо, сухо поздравив со свадьбой.

И снова жизнь пошла своим чередом. Петро с Ульяной временно сняли домик в Старом городе, Мурзин тоже съехал на свою прежнюю квартиру в Новом, одновременно восстанавливая выкупленный у меня дом возле Пресного озера, Данил и Лизка продолжили жить вместе со мною, на даче возле моря. Так прошел июнь месяц, наступил июль. Здесь, на востоке страны война практически закончилась, войска расположились по обе стороны корейско-китайской реки Амнок. По стране же катилась революция. И только сейчас, когда рухнули преграды, в Артур стали приходить дурные вести. Люди покупали газеты и ужасались происходящему — то там забастовка, то там стачка, то там столкновение и кровь. В стране шла своя, необъявленная война между народом и царем. Очень сильно по стране

прокатились крестьянские погромы. Даже через фильтр цензуры в газетах читался ужас и какая-то нереальность происходящего. Крестьяне, громя помещичьи, забирая у них съестное, на этом не останавливались и часто лишали жизни проклятых и ненавистных мироедов, выплескивали на них всю свою злость и отчаянье, показывая всему честному народу свое бедственное положение. С крестьянами боролись. Из газет можно было понять, что власти пытались силовыми методами решить проблему, но ничего не могли поделать. Все войска, все силы Империи находились сейчас здесь, на Дальнем Востоке и потому никто не мог задавить революцию.

В Иваново-Вознесенске, в ткацком городке, откуда прибыл к нам наш нынешний управляющий, загорелся новый пожар. Рабочие там, подстегиваемые несправедливостью и произволом фабрикантов, объединились и образовали первый в истории Совет рабочих депутатов. И вот, читая об этом, я увидел знакомое имя — «большевик товарищ Арсений». А хитрая память подсказала, что за этим именем скрывался никто иной как Михаил Фрунзе. Он, как один из лидеров рабочего движения, вспыхнул яркой звездой на горизонте революции и обещал взлететь высоко под небосвод, туда где в будущем грозились быть и Ленин, и Сталин, и Троцкий. Непростой он был человек и имел явные признаки лидера. Журналисты все как один высказывались о двадцатилетнем молодом человеке как о новом Гершуни, известном всем террористе, таким же напористым и решительным. Что ж, возможно они и правы. Надеюсь, Мишка у себя там, в Питере, так же вспомнил эту фамилию и взял ее на карандаш. Посмотрим куда вывезет эта ситуация. Насколько я помню, этот Совет в Иваново правительство весьма жестко разгонит. Пулей и штыком рассеет возмутителей спокойствия, прольет немало крови и многих участников арестует. Ну а чуть позже мне попала в руки более свежая газета из которой я узнал, что полиция жестоко подавила митинг недовольных рабочих, разогнав их на реке Талке нагайками и ружейным огнем. Но самое забавное в этом лично для меня было в том, что требовали униженные рабочие от властей и от фабрикантов в частности. А требовали они не много ни мало сделать все так, как это было на «Русских Заводах». То есть ввести восьмичасовой рабочий день, увеличить при этом заработную плату, кардинально улучшить условия труда, а также ввести обязательное страхование за счет работодателя и разрешить действие рабочих профсоюзов. Вот и озадачился я после прочитанного — наши ли с Мишкой действия спровоцировали эти волнения в Иваново или же протестующие взяли для себя лишь удобный ориентир, куда надо двигаться.

По стране кровавым, огненным колесом, забирая в жертву униженные души, катилась давно мною предсказанная Первая Революция. Она мельничным жерновом перетирала губернии, города и деревни. Ломала людские души, меняла вековые устои. И те, кто долго терпел, стали понимать, что настало их время и они поднимались и крушили давно изжившее себя. Жгли усадьбы, гнали фабрикантов, давали сильный отпор властям.

Все эти события прошли как-то мимо нас. Стессель, насколько я понимаю, в свое время весьма жестко ограничил доступ свежих газет и сделал он это, на мой взгляд, очень правильно. Люди, не знавшие о всех тех страшных событиях, держали оборону изо всех сил, крепились. Никто не допускал и мысли чтобы опустить оружие. Сейчас же, с падением занавеса, литература хлынула в Артур и взбудоражила умы людей. И простые горожане, и солдаты, вдруг с удивлением узнали о кипевших страстях и совсем скоро и в их умах поселилась крамола. В казармах пошли разговоры о летящей к хаосу стране и стала вспоминаться всяческая творимая офицерами несправедливость, в квартирах люди начали

делиться мнениями. Как всегда, люди поделились на несколько лагерей — на тех, кто видел в волнениях шанс для изменений в политическом устройстве, на тех, кто не желал никаких изменений, на тех, кто пока не определился и на тех, кто не понимал, что же черт возьми, происходит. Как и следовало ожидать, это не обошло стороной и мое окружение. Данил с Петром категорически приветствовали революцию, Ульяна ничего не понимала, Лизка пока отмалчивалась, а Мурзин же с небольшими оговорками стоял на стороне монархии. И закипели у нас жаркие споры.

В конце жаркого и душного июля наконец-то произошло то, чего я так долго ждал. По мою душу пришло новое распоряжение. Поздним вечером ко мне домой залетел заполошенный адъютант Стесселя и чуть-ли не в приказном порядке потребовал от меня явиться завтрашним утром в Его Превосходительству в штаб. По его виду я сразу все понял, но, тем не менее попытался выпытать у офицера причину такой срочности. Он мне, конечно же, ничего не ответил, но сделал многозначительный жест пальцем вверх, поясняющий его возбужденное состояние:

— Не могу говорить, Василий Иванович, не имею права. Но Анатолий Михайлович весьма недвусмысленно дал мне понять, что явиться вам завтра следует в незамедлительном порядке. Очень уж он был возбужден от полученной от фельдъегерской службы корреспонденции.

— Понимаю, — склонил я голову. — Конечно же я приду. Спасибо.

— Прошу вас не опаздывать. Вас просят прибыть к одиннадцати часам, — добавил адъютант и вышел вон, громко хлопнув дверью.

Следующим днем, как того и требовало, я находился в штабе, сидел в приемной у Стесселя. Обычно здесь, находилось много народу, офицеры и простой народ, за какой-либо необходимостью, ожидающих встречи с генералом. Сейчас же в приемной я оказался один. Вчерашний адъютант, едва увидев меня, сорвался на доклад, а спустя с десяток секунд он вышел и сказал:

— Проходите, Василий Иванович, Его Превосходительство вас ожидают.

И это было, по крайней мере, странно. Такой чести, такой обособленности к своей персоне от Стесселя я никак не ожидал.

Анатолий Михайлович встретил меня в прекрасном расположении духа. Сидя в кресле, он дымил толстой сигарой и пускал дым в потолок, который медленной рекой утекал в раскрытую настежь форточку.

— О-о, господин Рыбалко, дорогой наш Василий Иванович! — делано воскликнул он, изображая приветливость. — Проходите, проходите. Прошу вас, присаживаться, — и он указал мне на задвинутый под столешницу тяжелый стул.

— Доброе утро, Анатолий Михайлович, — ответил я, умащивая свой зад на мягкой коже. — Давненько мы с вами не встречались.

— Ну да, давненько. Больше месяца, пожалуй, прошло. Да и то, чтобы вот так официально, я уж и не помню, когда мы с вами последний раз встречались.

Я вскинул бровь. Генерал зачем-то особо выдели сей факт, разграничивая наши официальные и неофициальные встречи.

— Да, много времени прошло с тех пор, когда я был здесь в последний раз. И я, признаться, тоже не помню, когда это было в последний раз.

— Да-да, да-да..., - пробубнил он, туго затягиваясь сигарой. — Вот и я не помню. Но

зато я отлично помню наши..., - он сделал многозначительную паузу, — другие встречи, который принесли очень много пользы нашей крепости, да и не только. Взаимовыгодное было у нас с вами сотрудничество. Чего уж греха таить, и я и адмирал Витгефт, мы весьма довольны вашими делами. М-да. А как знатно вы проучили того купца, даже и говорить не приходится. Я, когда у меня дурное настроение, поднимаю эту китайскую газетку и люблюсь на эту побитую морду. И знаете, так благостно сразу на душе становится, что и не передать. Так замечательно. Словно и не вы его по морде били, а я собственноручно вот этими собственными рукам, — и он довольно показал мне кулак.

— Ну, не я лично его колошматил, — поправил я генерала, но, тем не менее, согласился. — Мерзавец заслуживал наказания.

— Да-да, мерзавец заслуживал наказания. И он его получил. Консул из Чифу, сообщил мне, что где-то через две недели он опять попал в местную газету.

— Вот как? И что же с ним на этот раз случилось?

— Да прирезали его. Убили, мерзавца. Ввязался в какую-то драку с китайцами, они его и прирезали. Как собаку паршивую. Жаль, конечно, что я эту газетку своими глазами не видел, была бы у меня еще одна радость.

— Экий вы кровожадный, — со смешком поддел я.

— Нет, что вы, — так же со смехом, ответил он. — Я совсем не кровожадный, я просто справедливость люблю. Обманул нас негодяй, подвел людей, оставил их умирать от голода, так получи же за то по справедливости. Я же правильно говорю? Разве вы со мною не согласны?

Я лишь развел руками — ни добавить, ни убавить. Ну а то, что и я, и сам генерал, и адмирал, так же были причастны к неким махинациям, не способствующим сытости осажденных, озвучено не было. Никто из нас виноватым себя в этом не считал. Я, получая прибыль, все равно привозил ее назад в город продуктами, а вот куда девались деньги Стесселя и Витгефта, мне было все равно. Это на их совести.

— Ну ладно, Василий Иванович, повспоминали приятное и будет. Тут у нас по вашу душу пришло письмо от Императора Николая.

А вот это было для меня неожиданно. Я-то ожидал чего-то подобного только от Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны.

— Что же там написано. Вы уже ознакомились?

— Ознакомился, — размеренно закивал он головой, не забывая потягивать сигару. — Его Императорское Величество разрешает вам вернуться в Санкт-Петербург в любое удобное для вас время. Но я вам настоятельно рекомендую здесь не задерживаться, а при первой же возможности отправиться обратно. Письмо я получил буквально вчера, вчера же за вами и послал. Сами понимаете, просьбы Императора игнорировать нельзя. Я уже дал необходимые распоряжения и все документы, а также билеты на поезд вам подготовят.

Я кивнул.

— Не дадите мне почитать это письмо?

— Вы, однако, шутите? Корреспонденция адресована не вам.

— Ах, тогда простите. Значит я просто вас не понял.

— Хорошо. Значит, через несколько дней князь Микеладзе выдаст вам все необходимые бумаги, и вы будете вольны словно ветер. Вы довольны?

— Конечно, доволен. Но, признаться, я ожидал чего-то подобного намного раньше. Что-то припозднился Император.

— Ну-ну, вы бы поаккуратнее, Василий Иванович. Николай Александрович не перед кем не обязан держать ответ. Только перед Богом. На то он и Император.

— И все-таки, я ожидал разрешения вернуться еще полгода назад.

На это Стессель лишь развел руками:

— Ну, не всему же быть по-вашему. Есть люди и выше вас в чинах и званиях, не простые купцы. Хотя, — он был вынужден согласиться, — и вы тут у нас не простой купец. М-да... А знаете, Василий Иванович, наверное, я не открою никакого секрета, если скажу вам, что регулярно посылал Марии Федоровне письма о вашей тут деятельности. О том, что вы тут натворили. О чайке вашей, оружии. О том, что вы тут на Высокой построили. Так что, поедете в Питер, будет стоять перед Императором и его матерью, можете ничего не скрывать, рассказывать, как на духу. Она, между прочим, меня отчитала, за то, что не слишком внимательно к вам относился. Вот так. Кстати, не сказал вам. Вы, когда прибудете в столицу, должны будете держать перед Вдовствующей Императрицей отчет. И не дай бог, что вы там перед ней приврете, она живо выведет вас на чистую воду. Так что, говорите перед ней откровенно, но не преувеличивайте о своих тут делах.

— И про наши с вами продовольственные махинации ей тоже известно?

Стессель поперхнулся дымом, закашлялся. После посмотрел на меня как на умалишенного:

— Что вы такое говорите? Никаких махинаций у нас с вами не было. По бумагам все чисто, комар носа не подточит. Любой банковский червь умрет в этих бумагах, но ничего компрометирующего нас обоих не найдет.

— А спросят лейтенанта Колчака?

— Смеетесь? Думаете он знает?

— Догадывается.

— Догадки не отгадки, — как-то по-детски парировал он и отмахнулся рукой от темы, словно от назойливой мухи. — Хватит об этом. Я еще вам кое-что не сказал. Мария Федоровна знает о том, что вы передали в собственность крепости вашу постройку на горе Высокой. И она высказала недоумение по поводу того, что мы у вас эту постройку не выкупили, не заплатили вам ни гроша. Она настаивает на том, чтобы мы вам возместили все затраты на ее постройку, выплатили вам все до копейки. Сами понимаете, послушаться я ее не мог, но и просто так вам отдать вам тоже не был в состоянии. Финансы в крепости находились в большой нужде. Я уведомил ее, что расплачусь с вами только лишь после снятия осады и она со мною согласилась.

— Вот это новость так новость! — неволью вырвалось у меня. — Признаться, это совершенно неожиданно. Я же вам это укрепление подарил, я с ним уже давно расстался.

— Да, помню. Но, стоит уточнить, что вы нам его не подарили, а мы его у вас реквизировали. И даже бумаги вам нужные дали. А это для Марии Федоровны что-то значит, и потому она со мною не согласилась. Что уж она там думала, кто ей что посоветовал, я знать не могу. И послушаться тоже не могу. Так что, Василий Иванович, я буду вынужден с вами расплатиться. Надеюсь у вас сохранились бумаги, подтверждающие ваши расходы и бумаги по реквизиции?

— Кое-какие — да.

— Хорошо. Как быстро вы их нам можете предоставить?

— Завтра-послезавтра. Какие-то сегодня. Но, вы же понимаете, что я не ожидал подобного и что-то просто не смогу найти. Наверняка некоторые бумаги утрачены.

И тут Стессель улыбнулся знакомой мне улыбкой. Той улыбкой, которая означала лично для него возможную прибыль.

— Вы сами во сколько оцениваете вашу постройку на Высокой. Без бумаг, вот так, навскидку? — спросил он.

— Гм, — на секунду призадумался я. — Где-то тысяч в шестьдесят она мне обошлась. А что?

Стессель хитро прищурился. В очередной раз пыхнул сигарой, а затем вдруг встал и закрыл форточку. Потом на всякий случай выглянул за дверь и только тогда позволил себе выдать новую махинацию:

— В общем так, Василий Иванович. Я знаю, что вы человек прямой, витиеватых подходов не любите. Поэтому скажу сразу как есть. Что вы скажете на то, если я заплачу вам за вашу крепость сто тысяч, а вы потом..., - он замолчал, позволяя мне додумать его предложение.

Спустя пару секунд я продолжил его мысль:

— А мы с вами потом поделим разницу сверх моих затрат на постройку пополам?

Он кивнул и поправил:

— Разницу сверх ваших доказанных затрат. Что вы на это скажете?

Господи, да он еще спрашивает. Я, конечно, не вор, но кто в здравом уме откажется от такого предложения? Вернуть себе свое же, да пусть еще и с прибылью? Да полностью безопасно, да так, что по всем бумагам будет тишь да гладь? Нет, от подобного ни один человек дружащий с головой не откажется. Вот и я не отказался.

Необходимые бумаги я предоставил через три дня. Как я и опасался, кое-какие документы за ненадобностью не сохранились. Сохраненные же доказывали мои расходы на укрепления на тридцать три тысячи с какой-то мелочью. Кои я и получил лично из рук Стесселя. Ну а остальные шестьдесят семь мы поделили ровно пополам, так что я, получается, вернул себе все свои затраты. Ну а Анатолий Михайлович ловко заработал на этой войне, уведя из кассы крепости себе в карман в общей сложности более пятидесяти-шестидесяти тысяч.

Князь Микеладзе спустя неделю подготовил все необходимые для меня документы. Вручил их мне через своего человека, сунул в руки запрошенные билеты на поезд. И вот в первой неделе августа пришла мне пора покидать Порт-Артур. Вместе со мною поехали Лизка с Данилом. Чемоданы собраны, дела приведены в порядок.

На вокзал пришли провожать меня все, кто близко знал. И Мурзин, и Петро с Ульяной, и Пудовкин, уже главный редактор уже моей газеты «Новый Край», и Зверев из полицейского управления, и Валентин Махальчук, тот самый паренек, что теперь таскает рыбу в город. Он пришел вместе со своими отцом, матерью и маленькой сестрой Вероничкой, которую я когда-то спас куриным бульоном.

Прощания были недолгие. Санитарный эшелон с прицепленными к нему несколькими пассажирскими вагонами отходил по расписанию и поезд, стоя под парами, уже давал требовательные гудки. Последние раненные и покалеченные загружались в вагоны, отдавались последние команды. Проводник стал поторапливать:

— Загружайтесь, пожалуйста, не задерживайтесь. Поезд отойдет через три минуты.

Что ж, настала, значит, время прощаний. Первого я обнял Петра:

— Ну, что, Петро, удачи тебе в семейной жизни. Любви и счастья.

— Спасибо, Василий Иванович, — ответил он, заблестев увлажненными глазами. — И вам счастливого пути. Вы уж нас не забывайте, навещайте иногда.

— Если получится, — честно ответил я и, отпустив парня, аккуратно сграбастал хрупкую Ульяну. Ее живот уже был заметен. Девушка пискнула и испуганно, как бы я ее не поломал, замерла. — Сына должна родить, — подмигнул я ей и отпустил. Она озарилась улыбкой, приняв за чистую монету мое «пророчество», и ответила:

— Сын это холошо. Надо сына.

Петро вставил:

— Васькой назовем!

Следом я сдвинул ладонь Пудовкина:

— Ну, Алексей Захарыч, оставляю на тебя целую газету. Мечтал ли ты об этом, когда мы с тобой на мотоцикле по Артуру куролесили?

— Мечтал, Василий Иванович.

— А помнишь, как я в воду с моста сиганул и чуть не утоп?

— Конечно помню. Хорошо мы тогда погуляли, весело.

— Вот и не забывай. Будешь потом рассказывать, как пьяный Рыбалко здесь кур давил. Только смотри, не печатай этого в газете, я для читателей всегда должен быть белым и пушистым.

Он хмыкнул:

— Ладно, не буду.

Звереву я также пожал руку. Он затряс ее, приговаривая:

— Это просто трагедия для крепости, что вы уезжаете. Правда, люди жалеют и хотят, чтобы вы здесь остались. Много добра вы сделали.

— Да, ладно, будет тебе, — отмахнулся я. — Ты-то как по службе за это время, не продвинулся?

— Да нет, куда нам. Как был помощником исправника, так им и остался. А что, я не жалуясь. Жалование неплохое, да и должность для меня подходящая.

— А на место полицмейстера сесть не хочешь?

— Боже, неужели это в ваших силах? — со смехом удивился он. — Да вы никак самого Бога за бороду таскаете?

— Бога не Бога, но скоро к Императору на доклад попаду. Замолвлю за вас словечко и будете здесь сидеть кум-королю.

Конечно же это было сказано в шутку и Зверев это понял. Но, как известно, в каждой шутке есть всего лишь доля той самой шутки, остальное правда. Действительно, почему бы не похвалить работу человека перед Николаем, глядишь и появится у нас в городе свой, прикормленный полицмейстер.

Валентин Михальчук гордо ожидал своей очереди. И он ее дождался. Я протянул ладонь и по-взрослому, крепко сдвинул мальчишеские пальцы. Парень и виду не подал, что ему стало больно. Следом и отец его получил рукопожатие, и мать его удостоилась пристального взгляда. Вероничка же, полуторогодовалая малышка получила от меня вкусную конфету, которую она, впрочем, взяла, но не поняла, что с ней надо делать. Не знала она что это такое. Валентина я напутствовал:

— Работать честно, слушаться вон того усатого дядьку, — кивнул я на Мурзина. — Он здесь главный. Что он будет говорить, то вам с отцом и Петром и следует делать.

— Хорошо, дядя Василий, — серьезно ответил он и что-то хотел добавить еще, но не

смог. Громкий, протяжный гудок оповестил перрон, что эшелон вот-вот отойдет.

Засуетился проводник:

— Поскорее, господа, не задерживайтесь. Меньше минуты осталось. Проходите в вагон.

И Лизка с Данилом забрались по ступенькам и, махнув на прощание, скрылись в глубине. Значит, пора и мне поторопиться. Шагнув к Мурзину, сдавил его широкую ладонь и неожиданно признался:

— Всегда твои усы бесили. Сбрил бы ты их, а?

— Еще чего не хватало, — с улыбкой ответил он. — Мои усы, что хочу то и делаю. Ну а если бесят, то есть повод еще больше их отпустить.

Я хлопнул его плечу и пригрозил:

— Смотри у меня.

Проводник из вагона прикрикнул:

— Скорее, скорее, господа, поезд сейчас тронется.

И вправду, прозвучал еще один гудок и эшелон, громыхнув сцепками, дернулся. Я на ходу заскочил на ступеньку и поднялся на верх. И уже оттуда, из вагона махнул своим людям рукой:

— Счастливо оставаться! Всего вам тут хорошего.

И уехал, оставив своих людей, оставив город, оставив крепость жить своей, уже неизвестной мне жизнью.

Больше книг на сайте - Knigoed.net